

**Дружба
народов**

3/2022

В номере:

В сторону счастья

В романе Болота ШИРИБАЗАРОВА «Драгоценный» все мечтают о счастье, но у каждого свое представление о нем. Алексей, полукровка, не русский и не бурят, везде чужой, его жизнь не задалась с самого детства. Обделенный любовью близких, он ищет себя и свою дорогу среди людей и приходит за помощью в дацан, где ему открываются не только буддийские практики, но и трудовая жизнь послушников, их сложные отношения с наставниками. Станный мальчик Саян рассказал Алексею про страну счастья: «Вокруг этой страны бесконечный океан... Точнее, все так думают, что он бесконечный. За этим океаном есть Чистые земли... В самом сердце Чистых земель есть озеро, вода из которого дарует бессмертие. Об этом озере якобы рассказал единственный, кто вернулся из этих земель. Это был человек, но не простой, а тот, кого высшие боги называли Драгоценным».

«Здесь, на земле, в кругу семьи»

Семейные саги, семейные отношения — волнующая и востребованная тема и прозы, и поэзии. Семейный круг, дом, деревня, город, родина — и везде «Женщина выйдет, проста и строга, / взгляд материнский, весёлый, / вынесет хлеба мне и молока...» — уверена Катя КАПОВИЧ. Питерскому поэту Алексею КОМАРЕВЦЕВУ известен сюжет семейных будней — «тебя мечтают лишь дожидаться / поскорей — и больше ничего». А у Григория КНЯЗЕВА другой запрос: «Где же вы, кто же вы, предки мои? / В мифах, легендах, преданьях старинных... / Летопись рода, поэма семьи / Пишется вскользь на имперских руинах». Для Наталии ЕЛИЗАРОВОЙ семья и дом — вся Россия: «Вмести Россию между строчками, / во все глаза в неё смотри».

Что случилось с Америкой

Страна как будто сошла с ума и на потеху авторитарным режимам мира сего занимается самобичеванием: сражается с памятниками, оплевывает свою историю, объявляет, что поражена структурным и институциональным расизмом. Свой взгляд на подобное наблюдение развивает живущий в стране журналист и политический комментатор Дэн ДЕЛЬТМАН.

«Ветер взлётный»

«Вначале мы удивлялись, что сборники современных поэтов кто-то покупает. Потом — что магазины (хотя никто не покупает) всё же берут их на реализацию. Теперь осталось только одно удивление — что поэтические сборники (хотя и магазины уже почти не принимают) еще издают. И немало». Для своего традиционного ежегодного обзора Евгений АБДУЛЛАЕВ отобрал девять вышедших в 2021 году сборников стихов, убедительно доказывающих скептикам, что поэзия жива. И, значит, жива надежда, что книги найдут своего читателя и птица Поэзия взлетит.

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93;
www.oaomrk.pf тел.: (495)745-84-28;
(49638)20-685

***Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.***

***Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.***

***При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.***

Сдано в набор 20.01.2022.
Подписано в печать 28.02.2022.
Формат бумаги 70 x 108¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ 1076/22. Цена свободная.

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Ольга
БРЕЙНИНГЕР
Ирина
ДОРОНИНА
Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА
Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЁВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Дмитрий
БИРМАН
Денис
ГУЦКО
Ольга
ЛЕБЕДУШКИНА
Фарид
НАГИМ
Илья
ОДЕГОВ
Валерия
ПУСТОВАЯ
Кнут
СКУЕНИЕКС
Сергей
ФИЛАТОВ
Ренат
ХАРИС
Александр
ЧАНЦЕВ
Вячеслав
ШАПОВАЛОВ
ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Катя КАПОВИЧ. Пишет русский язык. <i>Стихи</i>	3
Болот ШИРИБАЗАРОВ. Драгоценный. <i>Роман</i>	6
Григорий КНЯЗЕВ. Здесь, на земле, в кругу семьи. <i>Стихи</i>	130
Александр МЕЛИХОВ. Гриф и мамонт. <i>Повесть</i>	133
Наталья ЕЛИЗАРОВА. Все дороги ведут к Оке. <i>Стихи</i>	173
Валерий АЙРАПЕТЯН. Атезолизумаб. <i>Рассказ</i>	175
Алексей КОМАРЕВЦЕВ. Очень петербургский, городской. <i>Стихи</i>	185
Елена СКУЛЬСКАЯ. Рассказы	188
Анастасия АТАЯН. Кто приносит дожди. <i>Рассказ</i>	196
Евгений ОРЛОВ. И трава и любовь песок. <i>Стихи</i>	200

ПРОЗА. ДОС

Наталья РАПОПОРТ. Вакка. <i>Фрагменты будущей книги</i>	204
---	------------

ПУБЛИЦИСТИКА

Дэн ДЕЛЬТМАН. «И вновь продолжается бой»... но уже в Америке	227
--	------------

КРИТИКА

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Полторакрылая птица. <i>Девять поэтических сборников 2021 года</i>	237
---	------------

NON-FICTION PRO

Александр ЧАНЦЕВ. Энтузиаст, эмансипе и низвергатель	251
--	------------

БИБЛИОНАВТИКА

Ольга БАЛЛА. Человек прояснённый (Г.Шульпяков. «Белый человек: избранные стихотворения»)	263
--	------------

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. И вечная «оттепель»	267
---	------------

Summary	272
----------------------	------------

Катя Капович

Пишет русский язык

* * *

Время придёт, попрошусь на постой,
как стрекоза — в муравейник,
в город над цинковой серой водой,
где меня примут без денег.

Женщина выйдет, проста и строга,
взгляд материнский, весёлый,
вынесет хлеба мне и молока,
совести стихнут уколы.

Стихнет с отчизной бессмысленный спор,
солнце над крышами вспыхнет,
стихнет с собою пустой разговор,
только надежда не стихнет.

И на грядущие все времена
с жизнью играть будет в силе,
как в этом мире играет волна
с белым корабликом в сини.

* * *

Как бы славно жила наша бравая рать,
как за пазухою у Творца,
коль могла бы заставить язык щебетать,
щёлкать вроде дрозда и скворца.

Быстроклювую звукопись каждый пострел
как бы славно над смыслом вознёс.
Это то, чего Хлебников сильно хотел
и подслушивал стрёкот стрекоз.

Катя Капович — двуязычный поэт и прозаик, автор двенадцати книг на русском и английском языках, в т.ч. книги избранных стихов «Город неба» (М., «Эксмо», 2021). Лауреат многочисленных премий: Библиотеки Американского Конгресса (2001), Русской премии (2012 и 2014) и др. Живёт в Бостоне.

Это будет давно, и плеснёт по губам
станет пеной, оставит без сил.
И не это ли пробовал вновь Манделъштам,
и пустое стекло укусил.

Молодой звукоплёт, ты бы с радостью звук
извлекал до сухой немоты,
все приёмы бы знал, по стволу стук-постук,
что, по сути, и делаешь ты.

Но поэзия есть контрабандный товар,
на нешёлковом строгом пути!
Что ж, давай, баргузин, наворачивать вар
умной речи, свистящей в груди.

С расстановкой и с чувством развеивать мрак
ради райских садов золотых,
Элизийских полей, замедляющих шаг,
даже если ни тех, ни других.

* * *

Облака надо мной, облака на
небесах. Выхожу из тумана.
Шестьдесят мне, а было сперва
десять лет, и каникулы в школе,
чёрный велик, черешня в подоле,
и ещё не болит голова.

На весёлую дату «семнадцать»
будет поезд суставами клацать,
пахнуть чаем плацкартный вагон,
на окне занавески из ситца,
и бельё принесёт проводница,
утром встанет Урал за окном.

Жить бы жить на Урале годами,
облака там проходят гуртами,
дешевы там еда и питьё,
от Свердловска к Тагилу поедешь,
расстоянье на скорость поделишь,
и получится время твоё.

Славно было по юности это:
Три семёрки, друзья, сигареты
Стюардесса, Родопи, БТ,
Надо много и долго учиться,
а потом долететь до столицы,
повзрослеть, протрезветь и т.д.

Напечатать стихи в самиздате,
на допросы ходить. Если, кстати,
тебя спросит товарищ впритык:
«Что за сволочь стихи эти пишет?
Почему в них недоброе дышит?» —
отвечай: «Пишет русский язык».

* * *

Всё верно. Чуть застенчивый смешок,
над верхнюю губой густой пушок,
и медленные танцы-обжиманцы,
когда, убравши прядь волос с лица
(пусть музыка там продолжается),
ты начал неумело целоваться.

Там комната была малым-мала,
чтоб так соединить наши тела,
вальсируя ладошкой к ладошке.
Ты бормотал пустое «извини»;
там были мы смешны со стороны,
и ты мне наступал на босоножки.

И как потом всю ночь стояла ночь,
и одеяло убегало прочь,
и что-то батарея в нос бубнила,
что, может быть, любовь она и есть —
нелепый танец в комнате без мест,
где нам хозяйка за полночь стелила.

Найти б тот дом, где узкая кровать,
где зимних тополей чернеет рать,
и в сумерках смотреть кино такое:
густой пушок над верхнюю губой
и характерный твой смешок сухой
услышать, наклоняясь над тобою.

* * *

Прозрачный мотылёк в двойном стекле,
где действует решительный мороз,
давай мы доживём при зимней мгле
до тёплых дней, до миллиона роз.

До лучших дней, до стука топора
в соседнем недостроенном доме,

до тоненького пеня комара,
и молодую кровь сдадим ему.

Я и сама живу таким питьём,
кровинкой бытия с твоей руки
в таком зазоре под сплошным стеклом,
как только в зимнем доме мотыльки.

* * *

Запомни снежные заносы
в малоприветном городке,
сосулек ледяные косы,
дыхание накоротке.
Когда луна гребёт карнизом
над улицей, где ни души,
каким тогда большим сюрпризом
явление такси в глуши.
С початою бутылкой виски
в него садимся на углу.
Как две смешные фигуристки,
елозят щётки по стеклу.
И сразу, сразу к высшей цели
летим к себе большой зимой,
и там согрей меня в постели
в такую ночь, любимый мой.

Болот Ширибазаров

Драгоценный

Роман

Пролог

Ширап Санаев начинал свой путь как случайный и долгое время нелюбимый ученик Содой ламы, самого титулованного целителя и авторитетного педагога курса тибетской медицины в Цугольском дацане. Содой лама всегда отказывал таким, как Ширап. Но именно Ширапу он отказать не смог, хоть и невзлюбил его с первого взгляда.

С каждым поступавшим на его курс и его родителями Содой лама общался лично. Ширап Санаев пришёл без родителей.

— Что это? — спросил Содой лама, кивнув на стопку шкурок тарбагана, лежавших у его ног.

— Это моё подношение! — ответил мальчик. — У меня больше ничего нет.

Окинув безучастным взглядом бедно одетого подростка, Содой лама прикинул в уме, во сколько ему обойдётся его содержание: как много, а главное, как скоро тот сможет возместить ему все расходы. Он уже открыл было рот, чтобы прочитать пареньку занудное нравоучение о законе кармы, как вдруг тот опустился на колени.

— Я буду служить вам! — решительно сказал Ширап.

— Все мои ученики мне служат, — холодно ответил Содой лама.

— Я буду служить вам так, что вы будете гордиться мной! — настаивал подросток.

— Гордиться?

Обычно такие оборванцы старались вызвать в душе Содой ламы чувство жалости. Но подобные попытки вызывали лишь досаду и усталость. На его курсе не было бедняков, потому что бедняки не могли позволить себе недешёвое содержание в дацане и продолжить учиться в Монголии или Тибете.

Однако этот настырный юнец всем своим видом вызывал в душе Содой ламы скорее тревогу, чем неприязнь. Он напомнил ему того юношу, что каким-то чудом однажды повстречал в степи самого Ойдопа багшу и по его рекомендации отучился пять лет при Цугольском дацане, а затем отправился на учёбу в Тибет, к Гьялцену Римпоче. Он вдруг напомнил ему... самого себя.

Ширибазаров Болот Баярович — прозаик, драматург. Родился в 1977 году в Иркутске. Выпускник Екатеринбургского Государственного театрального института, мастерская Николая Коляды. Публиковался в журналах «Уральская новь», «Урал». Лауреат и финалист Международных конкурсов драматургов — «Евразия», «Новая драма», «Свободный театр». Живёт в Улан-Удэ. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Хорошо, — неожиданно уступил Содой лама. — Я вижу, тебя некому содержать. А это значит, что ты не переживёшь будущей зимы. Я набираю учеников, а не дармоедов. Ты будешь мне служить, ты будешь делать всё, что я тебе скажу! Но это ещё не всё! Ты будешь учиться! Ты будешь делать всё, что я тебе скажу, и будешь учиться! Будешь плохо делать — буду сечь! Будешь плохо учиться — выгоню с позором!

Так Ширап Санаев стал учеником самого Содоя ламы. Он жил в большом доме своего учителя, срубленном из вековой лиственницы богатым купцом, которого Содой лама вылечил от мужского бессилия. Ширап спал, подобно собаке, у печи на войлочном коврикe. Он ложился поздно вечером, когда засыпал Содой лама, и вставал за час до того, как просыпался Содой лама, топил печь, кипятил воду, заваривал кирпичный чай и готовил завтрак: кампу — кашу из обжаренной ячменной муки, — сваренную на молоке с топлёным маслом, менял лампадки и подношения на алтаре.

Питался Ширап тем, что оставалось после трапезы Содоя ламы: остатками зелёного чая без молока и горсткой обжаренной ячменной муки. Выполнив утренние обязанности, Ширап сидел на лекциях, вникая в каждое слово педагогов, старательно выводя слоги тибетской грамоты. Так Ширап ещё и спасался от мучительного чувства голода и ещё более мучительного желания поспать. Из подушки, на которой он сидел во время занятий, торчал ржавый гвоздь, на который он натыкался, стоило ему задремать. Все колени Ширапа превратились в сплошную рану, но любая, даже самая монотонная лекция, шла ему впрок.

В обеденное время Ширап бежал на кухню и снимал с печи кастрюлю с бульоном. Стоило Ширапу недоварить или переварить бульон, и Содой лама оставался без обеда, а Ширапа наказывали: секли толстым ивовым прутом.

Ел Ширап два раза в день, поскольку два раза в день ел Содой лама. Учитель уже много лет держал обет: ел только до полудня, и Ширап волей-неволей разделял обет со своим учителем. Однажды Ширап не выдержал и положил в рот старую конфету с алтаря. Позади него уже стоял Содой лама с толстым ивовым прутом в руке.

Содой лама считался лучшим эмчи ламой Цугольского дацана. Среди его паствы ходила легенда о том, как однажды он вылечил одного пастуха от острого аппендицита: сделав надрез внизу живота, просунул в надрез рог яка и сцедил содержимое аппендикса, а затем прописал пастуху пилюли, благодаря которым тот окончательно исцелился. По другой легенде, Содой лама излечил кого-то из членов царской семьи, пересадив тому лёгкие молодого волка. Правда, ничего такого при нём учитель не делал.

Всё, что видел изо дня в день Ширап, прислуживая Содою ламе, это как его учитель лечит местную знать от головных болей и всевозможных расстройств, от женского бесплодия и мужского бессилия. В борьбе с этими недугами Содою ламе действительно не было равных. Ширап всем сердцем желал увидеть хоть одно чудо-исцеление, а видел лишь сытые, постные, безразличные ко всему лица богачей. Но любые сомнения Ширап тут же гнал, ибо понимал, что получить нужные знания он мог только на курсе у Содоя ламы.

Усердие Ширапа начало приносить свои плоды с наступлением первых холодов. Однажды утром он еле проснулся оттого, что, свернувшись клубочком, не чувствовал привычного холода. Оторвав голову от коврика, он ощутил на себе что-то тёплое, меховое... Это был почти новый дэгэл из хорошо выделанной овчины. Рядом лежали меховая шапка, стёганные штаны и гутулы из грубой кожи.

Однокурсники Ширапа относились к нему так, будто он был прислугой для всего курса. Иногда Ширап выполнял поручения некоторых сокурсников, чтобы получить на обед кусок лепёшки или холодной — в комочках застывшего жира — баранины.

Содой лама стал поручать Ширапу отбор компонентов для лекарств: травы, коренья, минералы, порошки из драгоценных металлов и даже кости древних животных. Однажды Содой лама позволил Ширапу войти в свою мастерскую, куда могли входить лишь избранные его ученики.

Взяв с полки человеческий череп, Содой лама положил его в специально оборудованный очаг, развёл огонь и показал Ширапу, как поддерживать пламя, раздувая меха. Череп вскоре раскалился докрасна, а затем побелел. Прихватив щипцами, Содой лама положил его на керамическое блюдо посреди большого стола. Остывший череп развалился на кусочки, которые Содой лама уложил в чашу из серебра. На следующее утро он велел Ширапу истолочь их в мельчайший порошок. Ширап истолок в пыль. Но Содой лама остался недоволен его работой и велел толочь снова и снова, пока порошок не стал совсем воздушным. Содой лама аккуратно сыпал его в серебряный сосуд и затем добавлял его в лекарство от головных болей.

С наступлением лета ученики Содоя ламы разъехались на каникулы, но Ширапу ехать было некуда, и всё лето он прислуживал своему учителю, помогая в сборе трав и изготовлении лекарств. Содой лама собирал особые травы в особых местах, пробуя их на вкус, выбирая несколько лепестков с одного куста. К каждому такому кусту Содой лама приходил лишь раз в год.

Собрав травы, Содой лама сушил их по-особенному, учитывая даже лучи солнца, падавшие на связки трав, силу и направление сквозняков. Проезжие купцы поставляли Содою ламе кости древних животных и минералы. Каждый компонент монах долго нюхал, пробовал на вкус, разглядывал против солнца...

На шестом году обучения Ширап стал лучшим учеником Содоя ламы. Он успешно лечил людей, изготавливал лекарства по рецептуре, что задавал ему учитель, и очень умело подбирал компоненты для этих лекарств. Содой лама уже без опасений доверял ему закупки, мог позволить себе не проверять качество приобретённого им сырья. Это было очень своевременно, поскольку здоровье Содоя ламы неуклонно ухудшалось. Он быстро, даже стремительно старел, и ни один из его учеников не мог помочь ему остановить старость.

Ширапу уже не было нужды прислуживать своим сокурсникам, чтобы получить кусок на обед: те сами несли ему щедрые подношения в надежде разузнать какой-нибудь секрет, в который Содой лама не пожелал их посвящать. Ширап отказывался от этих подношений, лишь окидывал их холодным взглядом и говорил, что не в силах объяснить им то, что может раскрыть только сама жизнь.

Ширап не заметил, как стал заносчивым, гордым и властолюбивым. Послушники относились к нему с глубочайшим уважением, почтительно называли багшой и панически его боялись. Как-то раз Ширап высек одного из хуваракков за то, что тот плохо истолок компоненты для лекарства. Содою ламе в тот же вечер доложили об этом.

— Скажи мне, что это? — спросил Содой лама Ширапа, когда тот вошёл к нему в комнату и степенно уселся на подушки. В руке у Содоя ламы был золотой червонец.

— Деньги, — с достоинством ответил Ширап.

— Сядь поближе.

Ширап придвинулся к Содою ламе и заметил, что у ног учителя лежит ивовый прут, такой же, как тот, которым он когда-то его нещадно сёк.

— Повторяю: что это?

— Я не понимаю вашего вопроса, — честно ответил Ширап.

В душе он был даже рад получить от учителя благословение хоть и в виде порки, которой уже не было давно.

Содой лама взял прут, слегка откинулся назад и с силой хлестнул Ширапа по лицу. Коснувшись ладонью лица, Ширап ощутил проступившую липкую кровь.

— Что это? — снова просил Содой лама.

— Что с вами, учитель? — престонал Ширап.

Следующий удар перебил на его руке сразу два пальца. В глазах Содоя ламы Ширап не видел ни жалости, ни сострадания, ни гнева — лишь бездонную пустоту. Он понял, что учитель будет бить его до тех пор, пока он не даст правильного ответа.

Либо ответ, либо конец всей его многострадальной жизни. Учитель шёл на жертву, очевидно, ради него. Но чего именно хотел от него учитель?

— Что это? — вслед за вопросом без ответа последовал удар, и левый глаз Ширапа мгновенно оплыл.

Ум Ширапа принялся лихорадочно работать. Он вспомнил истории о суровых нравах в монастырях провинции Ладакх, где били палками умудрённых монахов за малейшее проявление гордыни, били до тех пор, пока к ним не приходило осознание...

«Здесь и сейчас, здесь и сейчас... — прокрутил в уме Ширап заветную мысль, что так часто спасала его на первых курсах обучения. — Что такое деньги? Для чего они нужны? Чтобы жить! А что есть жизнь? Или что её определяет? Три доши — ватта, питта и капха, или — ветер, желчь и слизь. Ветер, желчь и слизь — три ключевые жизненные энергии человека. Всё остальное в обыденной жизни — лишь производное этих энергий...»

— Это энергия! — ответил Ширап.

— Для чего она нужна? — спросил Содой лама.

— Чтобы приносить пользу!

— Что мешает нам быть полезными?

— Гордыня, гнев и зависть!

— Что порождает гордыню, гнев и зависть?

— Алчность!

— Что есть алчность?

— Заблуждение, мешающая эмоция!

— Почему это заблуждение?

— Потому что деньги — лишь порождение нашего ума!

Взгляд Содой ламы постепенно ожил. Отшвырнув прут, он молча поднялся со своего трона и ушёл к себе в спальню.

В тот же вечер Ширап отыскал побитого послушника. Им оказался сын бедняка, принятый Содой ламой на курс, как когда-то и сам Ширап. Юный послушник прислуживал одному из лам и спал у него в прихожей, у печки, на войлочном коврик.

Разбудив послушника, Ширап увёл его в дом и уложил на свою постель. Сам же лёг у печи, на войлочном коврик. Ночью поднимался со своего ложа и поправлял одеяло, заботливо укрывая им юного хуварака. Мальчик бормотал, вздрагивал, всхлипывал, переживая что-то даже во сне.

— Скажи мне, сынок, чего ты хочешь от этой жизни? — спросил Ширапа Содой лама после того, как тот прошёл полный курс обучения. Его рано выцветшие бледно-голубые глаза смотрели на Ширапа с отеческой нежностью. Ширап впервые за всю свою жизнь ощутил на себе такой взгляд, полный искренней любви и сострадания.

— Я хочу совершенства, — не задумываясь ответил Ширап. — Моя жизнь началась с больших страданий, мои родители умерли от оспы, когда мне было три года. С пяти лет я был вынужден прислуживать, чтобы не умереть с голоду. И в пять лет я стал задумываться, почему в этой жизни так много страданий. Я присматривался к тем, кому прислуживал, и не видел, чтобы они были счастливы. Все, кого я видел, страдали и чего-то боялись. Так я решил найти то, что позволит мне больше не бояться страданий, и услышал легенду о великом йогине. Это был Ойдоп багша. Я долго искал Ойдопа багшу и вскоре узнал, что он ушёл в паломничество в Тибет и вернётся оттуда только через семь лет. Я не мог ждать так долго и потому пришёл к вам, учитель.

— Я не смогу дать тебе того, что ты хочешь, — признался Содой лама, — потому что не я был твоим учителем. Зато ты очень многому научил меня! Когда ты плакал ночами на своём коврик, я плакал вместе с тобой. До этого я мучился бессонницей, но, когда моя подушка намокала от слёз, я засыпал как младенец. Моё сердце разрывалось, когда я видел, как ты, забившись в угол, поедал подачки от своих сокурсников. Я страдал вместе с тобой, когда видел, как ты вздрагиваешь от боли,

ткнувшись коленом в гвоздь. Твоя боль отзывалась болью в моём сердце. Благодаря тебе я вернулся к своим обетам и вновь почувствовал сострадание ко всем живым существам — к тому, о чём я почти забыл на склоне лет...

Ширап замотал головой, показывая всем своим видом, что ему нелегко слушать это признание, но Содой лама жестом прервал его.

— Не перебивай меня, Ширап! Ты заставил меня пережить всё то, что я уже переживал когда-то. Как я мог это забыть? — из глаз Содой ламы потекли слёзы. — Ойдоп багша не случайно ушёл в Тибет. Он должен был найти перерождение своего любимого ученика, Гьялцена Римпоче. Возможно, Ойдоп багша не вернётся на родину. Времени у него немного, и вряд ли он найдёт силы на обратную дорогу. Но ты ещё можешь успеть получить знания от этого учителя... — Содой лама потянулся вниз, под столик, укрытый богатой парчой, и извлёк мешочек с деньгами. — Здесь хватит и на дорогу, и на подношения.

— Учитель... — Ширап упал на колени перед Содой ламой и обхватил его стопы в дорогих гутулах. — Я не могу принять эти деньги и не могу покинуть вас, ведь вы столько мне дали.

— Величайшая драгоценность нашего учения — это искреннее ощущение сострадания, — улыбнулся Содой лама. — Эта искренность позволяет нам быть здесь и сейчас и достичь всего, ради чего мы здесь: освободиться от страданий, помочь обрести свободу всем живым существам. Разве не об этом ты мне напомнил? Береги это чувство и непременно найди Ойдопа багшу. Когда-то давно мой учитель Гьялцен Римпоче, ученик Ойдопа багши, решил отпустить меня на родину, чтобы я почтил прах своих родителей. Он высказал пожелание, чтобы я вернулся в Тибет и продолжил учёбу. Он сказал, что я должен освоить и принести совершенное знание, которого ещё не было на моей родной земле. Но, вернувшись на родину, я понял, что и так уже владею знаниями, которых ни у кого здесь больше нет. И я решил, что выполнил пожелание учителя... — Содой лама тяжело задышал и схватился за грудь, но тут же выставил перед собой руки, как только Ширап бросился к нему, чтобы хоть чем-то помочь. — Отправляйся в Тибет немедленно, найди Ойдопа багшу...

Содой лама умер на руках у Ширапа. Хлопоты о погребении взял на себя дацан, а Ширапу предложили занять место своего учителя. Но вскоре после обряда погребения Ширап уединился в степи, чтобы исполнить практику Бум-Ши — сто тысяч простираний за сорок дней. А затем он исчез.

По улусам поползли самые невероятные слухи и домыслы. Одни говорили, будто Ширап Санаев внезапно достиг просветления и растворился в воздухе. Другие утверждали, что видели, как во время практики на него напала стая волков. А один из местных караванщиков рассказал, как Ширап Санаев брёл куда-то на север бадарчином — странствующим монахом.

Он появился спустя много лет, измождённый дальней дорогой, но в глазах его светился огонь нового знания. И это знание он стал передавать из жизни в жизнь, непрерывно его совершенствуя. Однажды в одной из жизней наступили непростые времена. Красные комиссары подняли простой народ против власти богачей, шаманов и лам. В один из дней того времени пришли красные комиссары и за Ширапом Санаевым.

Он знал, что за ним придут, собрал в своём дугане учеников, что не пожелали бежать в Тибет, и произнёс завещание. Он завещал похоронить его живым, в позе медитации, и поднять из могилы спустя семьдесят пять лет. Если тело его спустя эти годы останется нетленным, значит, очень скоро великие учителя начнут возвращаться в эти земли и возвращать людям совершенное знание.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Отчим умер тихо. Обычно в выходные он либо храпел, либо сидел у телевизора. Валяться среди бела дня в тишине отчим не умел. А тут час прошёл, второй после обеда, а в спальне тихо. Алексей потянул одеяло и увидел застывший взгляд — поводил над лицом ладонью, потряс за руку, поднёс к лицу туалетное зеркальце, а затем позвонил маме.

— Как не вовремя, — вздохнула мама. — Денег ни копейки...

Скромные поминки решили провести дома. Хотели управиться побыстрее, но соседи, чтобы не толпиться, шли по очереди: несли закатки, салаты, спиртное... И поминки затянулись допоздна. Танюха тогда в первый раз ушла ночевать к подруге.

Алексей вспомнил: когда мама привела отчима домой, показалось, что тот похож на случайного прохожего. Неслучайным он стал потому, что работал водителем «скорой» там, где мама работала медсестрой. Он остался с ними жить и стал отцом Танюхи. Он мог бы стать отцом ещё и сводного брата Алексея, но мама решила, что с неё хватит.

Однажды, когда мать задержалась в больнице, Алексею приснился кошмар: он носился по улицам Читы с изувеченным младенцем на руках, мальчиком, и кричал, звал на помощь в надежде, что его хоть кто-нибудь услышит. Но, как часто бывает в таких снах, на улице не было ни души. А малыш смотрел на него большими тёмными глазами, полными муки.

А потом во сне проявилась его бурятская бабушка. Она взяла на руки больного малыша и стала его баюкать, напевая протяжную бурятскую песню. Затем она расстегнула кофту и достала грудь. Малыш присосался и умолк, успокоился.

«Дай сюда чашку», — сказала бабушка.

Алексей протянул ей деревянную чашку, и бабушка стала сцеживать в неё молоко. Грудь у неё в том сне была как у мамы, когда та кормила Танюху: розовой, молодой, пышной...

Ту деревянную чашку из сна и на самом деле привезла бабушка. Она приехала внезапно. Мама тогда уже жила с отчимом, ждала Танюху, и ей было неловко, потому что бабушка была матерью её первого мужа, отца Алексея, бурята. Отчим поначалу косился на бабушку, а потом вдруг проникся, даже «скорую» свою пригнал, чтобы отвезти её на вокзал.

Бабушка ходила еле-еле, вразвалку, и Алексей удивлялся, как она вообще смогла приехать к ним в Читу. И дом их нашла, и квартиру, и привезла полную сумку гостинцев. Ему тогда было десять лет. Бабушка перед отъездом поцеловала живот мамы и долго затем не могла оторваться от макушки Алексея: всё нюхала и нюхала. Когда она, наконец, вышла из квартиры, Алексей пошёл в ванную, потому что макушка его была мокрой от слёз.

Гостинцы Алексей не оценил: в сумке оказалось сушёное мясо, масло, творог. А вот чашка понравилась! Он долго вертел её, разглядывал, царапал, нюхал. Потом стал пить из неё чай...

После похорон отчима Танюха взяла моду ночевать у подруги каждые выходные, а по будням задерживаться допоздна. Мама волновалась, но Алексея подростковые закидоны сестрёнки даже радовали: он единолично завладел компьютером!

В тот вечер Алексей, уткнувшись в монитор, осваивал новую «стрелялку». Мама смотрела новости, делая вид, что всё нормально, что их общая жизнь так и течёт себе ровно и тихо, словно струйка из крана, который Алексей вечно забывал починить. Вдруг мама вскрикнула! По телевизору молодая журналистка Читинского телевидения вела репортаж из Улан-Удэ. Очень подвижный и, как показалось Алексею, слишком уж эмоциональный журналист из Бурятии рассказывал о старой могиле в степи, из

которой извлекли саркофаг с телом буддийского монаха, захороненного в годы революции. Саркофаг вскрыли, и оказалось, что тело монаха целых семьдесят пять лет оставалось под землёй нетленным.

— Это же... вот я балда... имя-то запомнила, — мама прищурилась, силясь вспомнить. — Отца твоего племянник...

— Путаешь, может? — усмехнулся Алексей.

— Может, и путаю...

Так, прищурившись, мама смотрела, когда ей было особенно интересно. Алексей же запомнил из репортажа имя монаха — Ширап, поскольку сам носил фамилию от этого имени: Ширапов. Ещё запомнил рассказ о каком-то пророчестве: мол, если тело монаха спустя семьдесят пять лет окажется нетленным, то и другие великие монахи того времени начнут возвращаться. «Как это они начнут возвращаться, интересно? — подумал тогда Алексей. — С неба, что ли, падать начнут?»

В тот вечер Танюха привела домой своего хахала. Это был рослый и крепкий, наглый и шумный парень, который, будучи местным рэпером, называл себя Шумером. Ещё он оказался старшим братом Танюхиной подруги, у которой она так часто ночевала. И мама разрешила ему остаться на ночь.

Утром Шумер починил кран, отремонтировал сливной бачок и почистил компьютер от вирусов. На следующий день Шумер выкинул старую напольную вешалку, о которую все вечно спотыкались. Алексей тоже всё порывался её выкинуть вопреки маминому сопротивлению. Когда же эту вешалку начал разбирать Шумер, мама и бровью не повела. Вернулся Шумер с новой настенной вешалкой и дрелью.

Как-то мама вышла в магазин за сывороткой, чтобы постряпать на обед блинчики, и Алексей с Шумером подрались. Вернувшись, мама выслушала только Танюху, которая всецело была на стороне Шумера, и начала подыскивать Алексею съёмную квартиру.

* * *

Первую квартиру он нашёл сам: полуторку в пятиэтажке богом забытого офицерского городка. Окна её выходили на заброшенный автопарк армейских грузовиков. Много лет назад всю эту технику выстроили в полной боевой готовности, видимо, для войны с Китаем, да так и забыли. Грузовики по самое брюхо ушли в землю.

В первую ночь на новой квартире его продукты атаковали тараканы. Ему тогда показалось, что они даже пакеты полиэтиленовые прогрызли. Следующую ночь он не спал из-за грохочущей за стеной музыки, хоровых, а чаще невпопад, воплей под неё и ударов в стену. Рано утром припёрся ослоловевший сосед: парень лет восемнадцати в мятых шортах, стоптанных тапочках и ветхой мастерке на голое тело. Слева на его груди красовалась небрежно набитая свастика.

— Есть сотка до завтра? — спросил парень.

— Нет! — ответил Алексей, захлопнул дверь и начал собирать вещи.

Затем были клоповник в общежитии бывшего ПТУ, комната по соседству с глухой бабушкой, чьей кончины с нетерпением ждали родственники, и, наконец, сожительство с Есенией, очень красивой и очень странной вдовой офицера, погибшего в Чечне...

— Тебе уже тридцать два года... — прошептала мама, будто опасаясь, что её услышит Шумер. — Нельзя так дальше жить. У нормальных людей в твоём возрасте уже по двое-трое детей. А ты всё в своём компьютере.

За его компьютером Шумер рубился в его любимую «стрелялку»...

Мама вынула из кармана халата несколько мятых купюр и положила на стол. Алексей оделся и не попрощавшись ушёл. В душе он, конечно, понимал, что матери больно видеть, как её сын и зять постоянно собачатся. Но она сделала выбор в пользу

зятя, а не сына. Так Алексей впервые обиделся на маму, обиделся своей «фирменной обидой».

«Фирменными» друг детства Жора называл обиды из-за разреза глаз. Алексей считал себя русским, но никогда таковым себя не ощущал, потому что русской была только его мама. Отец был бурятом, и окружающий мир с раннего детства то и дело ему об этом напоминал. И когда кто-то в чём-то отказывал Алексею или делал выбор не в его пользу, он невольно списывал это на «разрез глаз».

Он ехал в троллейбусе, обманутый очередным работодателем, и устало смотрел в окно на мелькающие улицы Читы, когда услышал, как один из бурят, сидевших впереди, рассказал другому о знакомом в Бурятии, подержавшем за руку нетленного монаха и вскоре разбогатевшем.

Недолго думая, Алексей вышел на первой же остановке, пересел на автобус и махнул на вокзал. Поздно ночью он уже был в Бурятии.

* * *

— Не подскажите, как добраться до нетленного монаха? — спросил Алексей первого попавшегося таксиста.

— Это в Иволге, за городом, — ответил таксист, бурят с цепким взглядом.

— Понятно, — замылся Алексей.

— Ты из Иркутска? — спросил таксист.

— Из Читы.

— Штука устроит?

— Поехали, — согласился Алексей.

— Деньги вперёд!

Алексей протянул таксисту купюру.

— Ты же метис, да? — прицепился таксист, едва они тронулись с места.

Алексей нехотя согласился.

— Агинский?

— Читинский, — буркнул Алексей.

— Да агинский ты! — настаивал таксист.

— С чего вы взяли?

— У тебя метка, — он показал пальцем на подбородок Алексея.

— Это родинка! — возразил Алексей.

Он невольно потёр родинку, похожую на отпечаток пальца. Она вечно бросалась в глаза прохожим, случайным собеседникам. Алексей не очень-то любил такое праздное внимание, поэтому родинку всегда старался прикрыть ладонью.

— Метка это! — продолжал таксист. — Так агинские делают, ставят метки умершим.

— Ну, я ещё не умер, — сухо возразил Алексей, давая понять, что разговор ему не нравится.

— Ты же за благословением к Санаеву едешь? — продолжал между тем таксист.

— А кто это, Санаев? — не понял Алексей.

— Ну, Ширап Санаев, нетленный монах... — таксист забавно округлил глаза.

— Да не знаю, зачем, взял и поехал! — признался Алексей.

— Хочешь, подскажу, как правильно к нему обратиться, чтобы всё получилось?

— У меня лишних денег нет, — предупредил на всякий случай Алексей.

— Да пятьсот рублей всего, — не отступал таксист. — Но я тебе точно говорю, о чём ни попросишь, всё сбудется! Если сомневаешься, спроси на вокзале у любого, типа кто такой Чудо Баир? Тебе каждый скажет: «Это честный, справедливый мужик, чемпион мира по вольной борьбе».

— Звучит убедительно, — с ехидцей сказал Алексей.

Машина скользила по трассе всё дальше и дальше, в бездну едва освещённой редкими фонарями неизвестности.

— Знаешь, сколько мне лет?

Алексей заметил, что таксист почти не смотрит на дорогу.

— Тридцать? — выдал он первое, что пришло на ум.

— Вот! — выдохнул довольный Чудо Баир. — Все так думают, что мне тридцать. А мне — сорок два! А знаешь, как я стал чемпионом мира? Сейчас расскажу. Короче, я занимался борьбой в деревне, но чемпионом не был ни разу. А всегда мечтал стать чемпионом мира. Исполнилось мне сорок лет, и слышу однажды по новостям, что чемпионат мира среди ветеранов будет в Москве. Я к Санаеву. Говорю, хочу стать чемпионом мира. И выиграл. Ну, так что, рассказать тебе?

Алексей вынул пятисотрублёвую купюру.

— Если за богатством, — это бесполезно, точно тебе говорю, — начал с воодушевлением Чудо Баир. — Проси его, чтобы у предков твоих бурятских за тебя прощенье попросил.

— Да я вроде не виноват ни в чем, — Алексей невольно поморщился.

— Ты послушай меня, я знаю, что говорю, — продолжал таксист. — В каждой родне был хоть один великий предок! Санаев может его найти. Попроси Санаева, пусть он его найдёт и попросит, чтобы этот твой великий предок тебе помог.

— А где он его найдёт? — спросил Алексей, испытывая одновременно сожаление, что связался с таксистом, и страх перед неизвестным, маячившим где-то впереди этой бесконечной трассы в степи.

— Так там и найдёт, — таксист неопределённо махнул рукой. — У меня брат так сделал. Женился два раза, а с жёнами не везло. Сколько раз к Санаеву ходил, толку не было. А потом я ему подсказал, как надо сделать. Он пришёл к Санаеву, поклонился и попросил предкам за него поклониться. И всё пошло: невесту хорошую сразу нашёл, женился. С детьми, правда, взял. Но зато дома теперь всегда порядок, варит вкусно, и с квартирой. Двоих общих уже родили. Хорошо же?

— Вообще классно! — кивнул Алексей.

— Знаешь, о чём ещё попроси? Чтобы с хорошей буряткой тебя свёл. Тебе жениться надо на бурятке.

— Скоро приедем? — прервал Алексей таксиста.

— Приехали, — успокоил таксист.

— Спасибо! — искренне поблагодарил Алексей.

— Короче, запомнил, да? Пусть найдёт твоего великого предка.

— Хорошо!

Алексей посмотрел вслед уходящей машине и огляделся. В свете единственного уличного фонаря он разглядел силуэт двухэтажного здания с вывеской «Буузы», несколько деревянных торговых ларьков и очертания храмового комплекса, едва угадывавшиеся над высоким забором.

Осмотрев пустые ларьки, Алексей прикинул, что поспать можно было бы и на прилавке. Но прилавок — тот же стол, а спать на столе плохая примета: только покойников на стол кладут. К тому же стояла осень, и утренняя сентябрьская прохлада уже пробиралась под куртку.

Когда не знал, куда себя деть, Алексей обычно дремал, если было хотя бы на что-то облокотиться, или бегал. Ощупав холодные занозистые доски, он предпочёл пробежаться.

Бег был отдушиной в жизни Алексея или временным порталом, как в компьютерных играх, где можно было спрятаться от повседневности. Но, если компьютер приходилось делить с сестрёнкой, то бег был его личным делом: в любое время, где бы он ни находился.

Вокруг храмового комплекса, как по заказу шла ровная, укатанная дорога.

Алексей пробежался и прикинул, что круг составляет около километра, если не больше. Где-то вдаль, за сопками уже брезжил лёгкий свет, утренний воздух был пропитан ароматами увядающих степных трав, и бежать в это утро Алексею было непривычно легко. Он бежал и бежал, круг за кругом, не считая, и слышал, как забором постепенно просыпается жизнь.

Когда он, наконец, остановился у ворот, было девять утра. Футболка на нём промокла от пота. Увидев молодого сонного послушника, он спросил, где здесь можно помыться.

— Туда идите, — послушник махнул куда-то в сторону. — Там увидите ручей.

— Холодно же в ручье! — возмутился Алексей.

— Риха началась, — ответил монах и пошёл дальше по своим делам.

Одевался Алексей на «китайке». Дешёвый и ноский спортивный костюм с большими карманами на замках, хоть и не дышал, зато быстро сох. Вода в ручье была холодной и чистой. Это был даже не ручей, а небольшая протока с ровным песчаным дном. Скинув одежду, Алексей зашёл в воду, ополоснул лицо, а затем погрузился с головой в упругий ледяной поток. Под водой он открыл глаза и увидел множество монеток на дне, что поигрывали бликами, отражая первые лучи утреннего солнца.

Выбравшись на берег, Алексей тщательно выжал бельё, прополоскал штаны и футболку. Подвернув трико, натянув досуха выжатую футболку и накинув поверх мастерку, он вернулся к храму.

— Не подскажете, как можно попасть к Санаеву? — спросил Алексей пожилую продавщицу, распутывавшую у прилавка вязанку чёток.

— Нельзя сегодня к Санаеву, — чопорно ответила женщина. — Он отдыхает!

— В смысле — «отдыхает»? — не понял Алексей.

— Отдыхает от таких, как вы! — она поджала губы.

— А если я иногородний? — не отступал Алексей.

— Это неважно, — продолжила продавщица тем же тоном. — Если открыта дорога к учителю, он вас примет! А если закрыта, вы даже в приёмные дни к нему не попадёте.

— В администрацию пройди спроси, — вмешалась в разговор женщина средних лет в белой панаме у соседнего прилавка.

— А где эта администрация?

— Вон она, — женщина указала в сторону самого большого храма, выкрашенного в белый цвет. — Там увидишь сбоку деревянную юрту.

В юрте Алексей застал двух монахов. Один, пожилой в очках, дремал с книгой в кресле. Другой, молодой, примерно одних с Алексеем лет, сидел за компьютером и рубился в «стрелялку», ничуть не заботясь, что его застанут за этим «небогоугодным» занятием.

Алексей поздоровался.

— Чего тебе? — пожилой монах приоткрыл глаза.

— Я хочу попасть на приём к Ширапу Санаеву, — сказал Алексей.

— Зачем тебе к нему на приём? — спросил монах.

— Я по личному вопросу, — смущённо выдавил Алексей.

— Завтра приходи, сегодня день неприёмный, — пробормотал монах и, сладко зевнув, снова прикрыл глаза.

Молодой между тем и не думал выходить из игры. Алексей заметил картинку своей любимой «стрелялки» и сразу понял, что монах застрял. Сжавшись в комок, он пытался пройти уровень, на котором застревали тысячи, если не миллионы любителей этой игры.

— Там снайпер сидит в закутке, — осторожно подсказал Алексей.

— Где? — оживился монах.

— Вон закуток. Есть у вас фаустпатроны?

— Есть! — монах открыл арсенал. — Пять штук.

— Тогда бейте три штуки в ту точку. Трёх хватит!

Монах пальнул.

— Всё! — Алексей улыбнулся. — Можно идти дальше.

— И всё, что ли?! — лицо монаха засияло от радости и облегчения.

В юрту ворвался послушник лет десяти и разбудил пожилого монаха, заговорил по-бурятски.

— Иди за мной, — шепнул молодой монах Алексею.

На улице уже ждала группа, по виду иностранцев, рядом с ними стояла молодая переводчица. Быстро переговорив с ней, монах повёл группу к небольшому строению, выкрашенному в зелёный цвет. Алексей молча побрёл следом.

Санаев сидел на деревянном троне, облачённый в монашеские одежды, и был похож на маленького мальчика, невзначай задремавшего, утомлённого скучным уроком. Гости кланялись нетленному монаху, подносили ему синие шарфы-хадаки, купюры и, молитвенно сложив ладони, пяtilись к выходу. Алексей был последним. Он удивился, что ничего в этот момент не чувствует: ни восторга, ни благоговения или чего-то ещё, возникающего в душе от долгого ожидания и исполнения долгожданного.

— Можешь за руку его подержать, — шепнул Алексею монах.

Алексей дотронулся до ладони Санаева: она была маленькой, как у младенца, и показалась ему тёплой и живой.

— Почувствовал что-нибудь? — спросил Алексея монах, когда они вышли из храма.

— Ничего не почувствовал, — Алексей посмотрел на него растерянно.

— А каким ты его увидел?

— Не знаю, он маленький, как ребёнок...

— Ребёнок у тебя скоро будет, наверное, — усмехнулся монах и хлопнул Алексея по плечу. — Ну, давай, удачи!

Уже на улице Алексей понял, что забыл о чём-нибудь попросить нетленного монаха. В маршрутном такси он уселся на последнем сиденье у окна и всю дорогу до Улан-Удэ молча смотрел на степь, мелькавшую за окном. Рядом оказалась женщина в белой панаме, та, что подсказала, как найти администрацию.

— Ну как, попал к Санаеву? — спросила она.

— Попал, — без воодушевления ответил Алексей.

— Значит, дорога была открыта! — женщина одобрительно кивнула.

— Как вас зовут? — спросил Алексей, когда автобус уже въехал на окраину города.

— Ханда Гынсоновна меня зовут, — охотно представилась женщина.

— Нет у вас знакомых, которые сдают комнату в Улан-Удэ, Ханда Гынсоновна?

— У меня есть комната, — встрепенулась женщина, — очень хорошая комната, в самом центре. И совсем недорого. Давай сейчас выйдем на площади и посмотрим, тут недалеко.

* * *

Алексею было пять лет, когда отец пришёл домой пьяным и ударил маму. С тех пор Алексей ни разу не гостил у своей бурятской бабушки. Зато она часто снилась ему в детстве. Вроде бы не скучал по ней, а вот как появится во сне, так проснётся на подушке, мокрой то ли от пота, то ли от слёз. В этих снах её самой как бы и не было. Но она была где-то рядом, Алексей это очень чувствовал.

Иногда снилось, будто она вышла во двор, оставив его в доме одного. На кухне, как всегда, было прибрано и пахло парным молоком. Недавно вымытая посуда была прикрыта от мух чистой марлей. Сонная оса с тихим жужжанием билась в стекло. Из соломенной хлебницы торчали куски тёмного кисловатого хлеба. Тут же, у хлебницы, стояла трёхлитровая банка с молоком утренней дойки.

В таких снах он снова был пятилетним мальчиком, и ему одному становилось

страшно. Он выходил на веранду, затем на крыльцо и шёл по дорожке, выложенной кирпичом. Шлёпал босыми ногами к песочнице, у которой крутился Соболев, чёрный косматый барбос с густыми бровями и бородкой.

— Соболев, ко мне! — командовал Алексей.

Пёс кидался ему в ноги, словно после долгой разлуки. Выгибая сильную шею, упирался боком в колени и, всхрапывая от восторга, вдруг мчался с радостным лаем к калитке.

...За окном громко лаяла собака. Алексей тяжело вздохнул и нехотя приподнялся со своей лежанки — старого комковатого матраца под выцветшей простыней. Ватная подушка с пожелтевшей наволочкой была мокрой то ли от пота, то ли от слёз. Соболева уже давно нет... Это была собака его бабушки, что жила в далёком бурятском посёлке Могойтуй. Бабушка тоже умерла, очень давно.

За тонкой стеной не то ругалась, не то громко говорила по телефону по-бурятски соседка Алексея, всё ещё молодая и симпатичная, но уже изрядно потрёпанная жизнью мать-одиночка.

Уже почти месяц Алексей жил в общежитии бывшего судостроительного техникума в самом центре Улан-Удэ. Поселила его здесь Ханда Гынсоновна, когда-то заведовавшая этим общежитием. От неё он узнал, что техникум в девяностых закрыли, а общежитие заселили беженцами из бурятских деревень.

В блоках умывальные комнаты, душевые, туалеты были общими. По первости он в порыве вдохновения после встречи с нетленным монахом чинил, чистил, драил эти умывальни, душевые и туалеты. Но, чем больше он старался, тем упорнее обитатели общежития возвращали всё в исходное состояние. Алексей вывешивал на дверях объявления, увещевал и ругался, но соседи проходили мимо, словно тени из другого мира, и продолжали жить так, как привыкли жить.

В первые дни Алексей бесцельно бродил по улицам Улан-Удэ и всё ждал звонка от своего родственника, того самого журналиста, который рассказывал по телевизору о нетленном монахе. Номер своего телефона Алексей передал ему через знакомых Ханды Гынсоновны, которые якобы знали его лично. Алексей не очень-то и понимал, зачем ему нужен этот звонок. Лишь подспудно догадывался, что родственник может о чём-то рассказать, о чём-то очень важном. Но родственник не звонил.

Алексей стал подрабатывать в кафе, которым владели буряты из Китая. Владельцы платили ему в конце каждого рабочего дня, а в обеденной зоне кафе стоял телевизор, по которому можно было посмотреть новости. Но и в новостях он ни разу не увидел и не услышал своего родственника.

Работать приходилось допоздна, и в общежитие Алексей возвращался уже затемно. Всякий раз его встречал сын соседки, двухлетний мальчик. Он гулял без присмотра по крылу общежития и нередко заходил к Алексею. Не по-детски деловито он окидывал взглядом убогую обстановку комнаты и, тяжело вздохнув, складывал руки за спину и уходил.

Вот и сейчас дверь в комнату соседки была приоткрыта. В проёме, слегка оперевшись в косяк, стоял мальчик и смотрел на Алексея большими тёмными глазами.

— Здорово! — Алексей подмигнул ему.

— Папа! — вдруг выдал в ответ мальчик.

Малыша тут же одёрнули, и дверь в комнату громко захлопнулась.

Разувшись и рухнув на матрац, Алексей вспомнил, что уже два дня не заглядывал в свой старенький сотовый телефон. Помутневший экран показал два десятка пропущенных звонков. Все были от Танюхи. Он нажал на кнопку вызова, прослушал привычную запись о том, что на телефоне недостаточно средств, включил автоответчик и вдруг услышал дрожащий Танюхин голос. Казалось, она вот-вот сорвётся на крик: «Алло, ты где?.. Мама в больнице! У неё инсульт! Не будь козлом, позвони мне!..»

А потом позвонила Ханда Гынсоновна.

— Алёша, — начала она, — я завтра в Корею уезжаю, надоело всё, хочу мир посмотреть. За комнату не переживай, хорошо? Живи сколько хочешь. Съезжать будешь, просто ключи оставь в замке...

— Ханда Гынсоновна, — взмолился Алексей, — киньте мне, пожалуйста, денег на телефон! У меня мама в больнице...

— Ойю, — испугалась Ханда Гынсоновна, — сейчас-сейчас, кину.

* * *

— Я тебе два дня уже звоню, придурок! — с ходу завелась Танюха. — Где ты?!

— Да я в Бурятии...

— Бегом домой, в Бурятии он, тварь такая, мне помощь твоя нужна!

— Да погоди ты орать... Успокойся. Где сейчас мама?

— В Первомайске она.

— В Первомайске? А что она там делает?..

— Лежит в больнице, надо полагать.

Первомайск в памяти Алексея был небольшим городком, до которого на маршрутке из Читы можно было добраться за три-четыре часа.

— Почему в Первомайске?.. — Алексей рассеянно потёр родинку на подбородке.

— Дома надо появляться чаще! — огрызнулась Танюха. — Она в Забайкальск поехала, калымить. Если не помнишь, вместо тебя.

Алексей вспомнил, что мама нашла ему работу: носить баулы из Китая в Россию для бурятских челноков. Работа грязная, тяжёлая, но деньги, по словам мамы, платили неплохие и стабильно. К тому же для бурят на вид Алексей был своим. Именно это «свой» и смутило. Алексей не считал бурят своими. По крайней мере, тогда...

* * *

В поезде Алексею досталась нижняя боковушка у туалета, и все попытки вздремнуть так и не увенчались успехом. Соседями его были пьяные вахтовики, упорно допекавшие свою соседку, бурятку лет восемнадцати. Девушка то и дело покрикивала на пьяных мужиков и косилась на Алексея, по всей видимости, ожидая защиты от соплеменника.

— Мужики, отстаньте от девушки! — обратился, в конце концов, Алексей к вахтовикам. И те вдруг отстали, даже утомонились.

В юности вокзал Читы вызывал в его душе смешанные чувства: он и любил это место за радостное предчувствие грядущих перемен, и не любил за постоянную суету и вонь.

Когда-то возле вокзала был большой стадион. Вокруг него в девяностых наставили торговых ларьков. Алексей ходил разглядывать их крошечные витрины, слушая попсу из павильона с музыкальными кассетами. На витринах красовались пачки импортных сигарет, шоколадные батончики, жвачки, соусы и прочая дребедень из рекламных роликов. Иногда Алексей покупал кассеты: на витрине они смотрелись притягательно, загадочно и красиво, дома же почему-то неизбежно дешевели и теряли свой лоск.

Пропустив пару переполненных троллейбусов, Алексей в итоге предпочёл маршрутку, уселся, уткнувшись головой в спинку переднего сиденья, и уснул. Разбудил его недовольный голос водителя. Тот тряс его за плечо, требуя освободить салон.

— А где мы? — Алексей оглянулся.

— На конечной! — ответил водитель.

— Это Северный, что ли?

— Нет, стадион ЗабВО.

— Но маршрутка шла на Северный!

— Номер сбоку был, — водитель виновато улыбнулся, — лобовой забыл поменять.

Водитель-бурят говорил с сильным акцентом, что сильно раздражало.

— Мне на вокзал надо! — упёрся Алексей.

— Деньги не плати, этого хватит. Выходи! — настаивал водитель.

Алексей вышел из маршрутки, огляделся и побрёл в сторону ЦРММ, буркнув напоследок: «Буритос тупорылый!»

Рядом нестройной шеренгой стояли российские и корейские маршрутки. Водители, услышав Алексея, громко захохотали.

Алексей прибавил шагу и перешёл на привычный бег. До дома было не менее пяти кварталов, если бежать по улице. Правда, можно было срезать через городское кладбище. Немного поколебавшись, Алексей повернул в сторону лесного массива.

* * *

На кладбище откочевало немало бывших друзей Алексея. Но лишь последняя трагедия действительно потрясла. Одно время вся его компания курила урульгу. Курили каждый день, сначала толпой, сбившись в этакый клуб любителей, а затем и по одному, уже «вдогонку». То ли урульга стала хуже, то ли молодые организмы приспособились, но эффект этой гадости вдруг ослаб. И однажды Женька, самый близкий друг Алексея, принёс кое-что покрепче.

Они замутили в подвале всё по инструкции. Первым попробовал Женька.

— Я дыма не чувствую, — Женька задумчиво смотрел на фильтр.

Вдруг лицо его сковала пепельная дремота. Кто-то, сообразив, шлёпнул его ладонью по лицу. Но Женька не отреагировал.

...Весь остаток вечера компания думала, как поступить с телом. Дождавшись темноты, они отнесли Женьку к его дому и бросили у калитки. Женькина мать, собравшись утром на работу, нашла сына уже окончательно застывшим. Что было дальше, Алексей не помнил. Точнее, не хотел об этом вспоминать.

Миновав объездное шоссе, Алексей торопливо зашагал мимо свежих могил. Оградки стояли почти вплотную: места на кладбище подорожали, и даже здесь ощущалось неравенство нового времени — среди холмиков с крестами то здесь, то там попадались могилы с богатыми монументами, занимавшими участки, на которых можно было похоронить по десять человек на каждом. «Года два-три — и от холмиков ничего не останется...»

Алексей попытался вспомнить, где могила Женьки. Кладбище разрослось... Он вдруг осознал, что с момента гибели Женьки прошло уже десять лет! А казалось, лишь вчера... И за всё это время он всего раз был на могиле друга — во время других похорон, — когда хоронили Жору.

— ...Вот буряты раньше вообще не парились, как хоронить, — Сазон, копая в свою очерёдность могилу для Женьки, то и дело халтурил, не желая особо напрягаться даже для друга. — Бросят труп в степи, и пусть его птички клюют...

— Ну, это же буряты... — Жора всегда умел сказать обидное как бы случайно.

Неделю спустя Жора в пьяном угаре сцепился с Сазоном. Сазон убежал, но вскоре вернулся с парнями с соседнего квартала. Они забили Жору до смерти.

Похоронили его рядом с Женькой.

* * *

Деньги на поездку в Первомайск дала Танюха. В отсутствие мамы Шумер окончательно обнаглел и в первый же вечер бросился на Алексея с кулаками. Драться Алексей умел, но для настоящей драки ему не хватало злости. Шумер же был на восемь

лет младше, почти на голову выше и тяжелее килограммов на двадцать, а главное — куда злее.

Корейский микроавтобус был наполовину пуст, и Алексей удобно раскинулся на задних сиденьях. За окном стояла Танюха и смотрела куда-то в сторону. Ей уже двадцать, но Алексею всё ещё казалось, что она — ребёнок, маленькая девочка.

Рождение Танюхи потрясло Алексея. Когда он увидел маленький беззащитный комочек с зелёными глазами, завёрнутый в одеяло, у него защемило в груди. Первые два месяца он не отходил от её кровати и даже вставал ночью, чтобы взять сестрёнку на руки. Это была чистая братская любовь, первое взрослое чувство.

Именно из-за Танюхи Алексей впервые в жизни избил человека: Жору, дурно подшутившего над ней. Тот объяснил Танюхе, что она русская, а её брат — бурят.

Отчим в тот день пил, а мама, как назло, была на дежурстве. Танюха за столом вдруг выдала: «Бурят, в попе яйца горят!» Сама себе рассмеялась, сложила ладонки одна на другую, так, чтобы большие пальцы торчали в разные стороны, словно усики, и зашевелила ими: «Нали-и-им!..»

Обескураженный, Алексей замахнулся и отвесил Танюхе пощёчину. В следующую секунду тяжёлый кулак отчима снёс его с табурета. Оглушённый, Алексей поднялся с пола, схватил с плиты чайник с кипятком и швырнул в отчима. Сам не понял, как оказался на улице. Из форточки доносился истеричный рёв перепуганной Танюхи, а отчим, выбежав на балкон, что-то орал на всю улицу...

Танюха ушла не попрощавшись. Алексей и не ждал от неё ничего. Их теперь связывала только мать. И чем дальше она была, тем шире становилась пропасть между её детьми. Маршрутка тронулась и поползла по улицам Читы, мимо площади и так далее, на восток Забайкальского края.

На окраине в маршрутку сел высокий плечистый бурят с ушами, похожими на две грубо слепленные пельмешки. Усевшись на боковое сиденье рядом с Алексеем, он небрежно бросил под ноги спортивную сумку и открыл окошко. Холодный осенний воздух разлетелся по салону, и пассажиры заёжились, тревожно оглядываясь назад. Парень, не обращая внимания, заткнул уши наушниками, откинулся на спинку кресла и вскоре засопел, погружившись в глубокий здоровый сон.

Такие парни напоминали Алексею о девятидесятых, когда Читу делили между собой банды «блатных» и «беспредельщиков» из числа бывших спортсменов. Передел Читы, в отличие от многих других городов новой России, поначалу проходил тихо и мирно. Конкурирующие банды, как правило, забивали стрелки на окраинах города, и выигрывал тот, кто лучше умел спорить. В те годы даже профессия такая появилась: «разводящий», специалист по разбору полётов между бандами и прочими конкурентами.

Период, по сравнению с соседними городами, нешумной рассудительной жизни читинских бандитов был заслугой Профессора, криминального авторитета, избранного на всеобщем сборе братьев «смотрящим», или «положенцем» города. Профессор недаром носил такое прозвище. Бригады он научил договариваться между собой, город поделил на зоны влияния, а во дворах Читы благодаря его «политике» утвердились «понятия» — этакий свод неписаных законов, нарушить которые не решались даже отъявленные «беспредельщики» из числа спортсменов. Всё изменилось после того, как в городе появились «чечены», а попросту — «чехи».

Пацаны во дворах рассказывали, что Читу «чехи» решили взять силой, и потому принялись бить всех направо и налево, по поводу и без. Ни Профессор со своими принципами «криминальной демократии», ни банды спортсменов и блатных их не пугали. Любого, кто пытался встать на их пути, ожидало необъяснимое и неминуемое поражение.

Но Профессор недаром был компромиссным, законно избранным «положенцем». В его колоде был один козырь, о котором разведка «чехов» не могла знать: «гураны» — первомайская банда Боцмана, криминального хозяина Забайкальских степей. Боцман

собрал настоящую орду из потомков забайкальских казаков, сибирских татар, хамниганов и бурят. Степная банда славилась хитростью, жёсткостью, непредсказуемостью. Ходили слухи, что Профессор сам выехал в Первомайск «на поклон» к свирепому степняку. Спустя неделю после этой встречи «гураны» прибыли в Читу.

«Гураны» и «чехи» схлестнулись за городом, у какой-то мелкой гостиницы. О той схватке позже ходили легенды, дескать, обе банды бились яростно и упрямо. Однако «гуранов» поддерживала вся Чита и всё Забайкалье. «Чехи» же были здесь чужаками. В тот день «чехи» выдержали осаду, но Читу предпочли покинуть...

Алексей пытливо разглядывал парня напротив, пытаясь угадать, кто он и чем живёт. Небольшие плотные ладони и ломаные уши выдавали в нём борца, но упрямая складка губ и манера, с которой степняк расположился на своём месте, тщательно выбритые щёки и модная причёска говорили о том, что зарабатывает парень отнюдь не навыками вольной борьбы.

От скачка на выбоине парень проснулся и посмотрел на Алексея взглядом большой степной собаки — спокойно и безучастно. С такой безучастностью парни, подобные этому, лет десять назад выводили приятелей Алексея, начинающих карманников, на пустырь за рынком и ломали им руки...

— ...Покажи-ка руки! — Спиля, высокий, худощавый, с тонкими и длинными ладонями, с виду обычный, но с претензией как бы на интеллигентность, был самым знаменитым карманником района ЦРММ. Щурясь от сигаретного дыма, он внимательно осмотрел пальцы Алексея. — Пальцы у тебя хорошие, рабочие, прямо как у меня. Вот только палёвый ты.

— В смысле — палёвый? — не понял Алексей.

— Родинка у тебя на подбородке палёвая, — будто пальцем ткнули, — Спиля хищно усмехнулся, как мелкий хорёк. — Может, бороду отрастишь?

Алексею было семнадцать, когда во дворе среди сверстников началась мода на чеченские бородки. Но у него она получалась какой-то козлиной, а не чеченской, узкой и вытянутой.

— Мне не идёт борода, — ответил Алексей.

На первом же «кармане» в троллейбусе Алексей вынул кошелёк у бабульки. В тот же день Спиля закатил в подвале в его честь щедрый фуршет с водкой «Распутин» и планом¹.

На следующем «кармане» Алексей уже страховал Спилю. А затем был рынок — самый опасный участок. И самый хлебный. Одного карманника «смотрящие» рынка наказали за самостоятельность на всю оставшуюся жизнь: сломали ему позвоночник.

Сначала Спиля обчистил хорошо одетого бурята, затем разрезал сумочку интеллигентного вида женщины. Всё добытое принимал Алексей. На приёмке и попался. Спиля растворился в толпе как в воздухе, будто его и не было. А двое крепких бурят повели Алексея на пустырь.

Даже не страх — животная паника обуюла Алексея в тот момент, когда усатый милиционер у рыночных ворот лишь усмехнулся, увидев его в лапах этих бандюков. Алексей попытался вырваться, но буряты держали крепко. Он было закричал, но удар в живот выбил весь воздух из лёгких.

Вытащив Алексея на пустырь, буряты поставили его на колени и, завернув ему руки за спину, потянули вверх. От дикой боли Алексей потерял сознание. Очнувшись, увидел широколицего бурята, того самого, что обчистил Спиля. Бурят разглядывал его спокойно и безучастно:

— Напарник твой где?

Алексей попробовал пошевелить одной рукой, затем другой. Руки были целы.

---

¹ План — жаргонное название гашиша.

— Не знаю. Он в толпе затерялся, — честно признался Алексей.

— А живёт где?

— На ЦРММ, но, где точно, не знаю, честно.

— Ладно, найдём!

Алексей кивнул и робко поднялся с земли.

— Кто бурят: мама, папа? — поинтересовался широколицый.

— Папа.

— Откуда? — в глазах его будто мелькнула догадка.

— Из Могойтуя.

— А зовут как?

— Володя, Ширапов.

— Чтобы больше тебя здесь не видел, понял?

— Понял! — кивнул Алексей.

Алексей тогда бежал до самого ЦРММ не оглядываясь, и всю дорогу будто светился от счастья.

Спилю нашли на следующий день...

...Парень снова безмятежно откинулся на спинку кресла и засопел. Алексею захотелось быть похожим на этого рослого крепкого степняка. Он даже представил, как можно превратить свои уши в такие же пельмешки: например, защебив их дверью в ванную комнату. А может, борьбой заняться? А почему нет? Тридцать два — ещё не пенсионный возраст, ещё есть время всё изменить...

Очередная выбоина на дороге вернула с небес на землю. Смутная тревога вернулась. Захотелось пива, одиночества и понимания. За окном мелькала забайкальская степь. Эти безбрежные просторы навевали на него тоску.

* * *

В Первомайск он приехал во второй половине дня. Сосудистый центр, куда положили мать, Алексей нашёл быстро. Но там её не оказалось. Дежурная медсестра только сменилась и ничего не могла ему рассказать.

Выйдя на улицу, Алексей окинул взглядом местный пейзаж: огромные отвалы на сопках, роща желтеющих берёз, увядающий степной городок, некогда считавшийся одной из жемчужин Забайкалья.

Алексей прошёлся по улице, купил бутылку крепкого пива и сигареты. Присев на скамью у дороги, откупорил бутылку и вспомнил, что не взял стаканчик. Идти обратно в магазин не хотелось. Покопавшись в вещах, достал деревянную чашку, наполнил её до краёв и осушил большими глотками. Тугая волна пробежала по телу, стало хорошо, страх улетучился. Алексей осушил ещё одну чашку и достал сигарету. Предвкушая удовольствие, чуть подался вперёд, щёлкнул зажигалкой... От острой боли в брюшине потемнело в глазах, мышцы одеревенели. Алексей попытался подняться на ноги и рухнул на тротуар.

Снился ему тот самый бурят из маршрутки, с которым он ехал в Первомайск. Этот парень с ломаными ушами объяснял прохожим, что состояние у Алексея стабильное, что всё ненужное ему отрезали, хотя он за лето так и не нагулял жир. Так что его следует откормить, а потом пригласить на шашлык самого Боймана.

Алексей пытался уйти от этого бурята по закоулкам кладбища и наткнулся на Женьку. Весь потный, в земле, Женька рыл себе новую могилу, сетуя, что прежняя хата слишком тесная, да и Жора достал уже со своими тупыми шуточками...

Очнувшись, Алексей увидел «того самого» бурята. Тот, склонившись над ним, смотрел прямо в глаза.

— Скажи что-нибудь, — скомандовал бурят.

— Чего ты ко мне прицепился? — с трудом выдавил Алексей.

— Хорошо! — резюмировал парень и направился к следующей койке. Только теперь Алексей увидел на нём белый халат.

Снова очнулся Алексей уже утром, в больничной палате, и обнаружил себя привязанным к койке. Вокруг на соседних кроватях сидели мужички в больничных пижамах, все как на подбор с худыми морщинистыми лицами. Пальцы одного из них украшали «перстни» матёрого уголовника. Алексей хоть и вырос во дворе, где царили «понятия», но в тонкости уголовной этики так и не вник, и при виде зеков чувствовал себя неловко.

— Ну что, бродяга, очухался? — улыбнулся беззубым ртом «кольценосец». — Поморосил ты после наркоза. Даже Бодмана, говорил, знаешь. Чо, в натуре знаешь?

— Да завязывай ты, убили же Бодмана! Шас кто его только не знает, — возразил его сосед.

Попытки осмотреться закончились для Алексея приступом тупой боли где-то внизу живота. Откинувшись на подушку, он закрыл глаза, и в следующий раз очнулся уже ночью. По-прежнему привязанный, он тщетно пытался придумать, как спрятаться от этой гнетущей белой пустоты. В палате были люди, все они мирно сопели на своих койках. Неожиданно в палату вошли Женька и Жора. Оба были явно навеселе, чумазые и счастливые.

— Ты чего лежишь тут? — Женька освободил Алексею руки и ноги.

Тем временем Жора достал из-за пазухи бутылку водки, с соседней тумбочки взял гранёный стакан.

— Вы как тут оказались? — Алексей сел на койке и заметил, что живот его уже не беспокоит.

— Мы так, мимо проходили, — Жора загадочно усмехнулся и протянул Алексею стакан наполовину наполненный.

— Мне нельзя, траванулся я, похоже, — попытался выкрутиться Алексей, но Жора так и замер с протянутым стаканом. Алексей нехотя взял. Водка словно кислотой растеклась по стенкам желудка.

— Что это за хрень? — прохрипел Алексей.

— «Первомайская, особая», — задумчиво протянул Жора и закурил прямо в палате.

— Братан, мы за тобой! — Женька присел рядом с Алексеем.

— Валите нахрен отсюда! — Алексей попытался разогнуться, но боль переползла в низ живота и скрутила.

— А что ты тут забыл? И кому ты нужен? — Жора норовил заглянуть в глаза Алексею, но тот, зажмурившись, уткнулся в подушку, каким-то шестым чувством понимая, что смотреть в глаза Жоре ни в коем случае нельзя.

Жора ледяными ладонями попытался оторвать лицо Алексея от подушки, но Алексей вцепился в неё зубами и что есть мочи заорал.

...Над ним снова стоял «тот самый» бурят в белом халате. На стенах палаты резвились блики утреннего солнца, и, пожалуй, впервые за многие годы Алексей искренне радовался новому дню.

— Что со мной? — спросил Алексей.

— Аппендицит. Точнее, был аппендицит, — врач улыбнулся.

Алексей неуверенно протянул руки к животу и приподнял больничную пижаму: низ живота был плотно залеплен пластырем.

— Не волнуйся, будет красиво — маленький шовчик от лапороскопии. И да — ты везунчик: в последний момент, без разрывов, — врач засмеялся.

— Я за мамой приехал...

— В порядке твоя мама. Отдыхай.

— У неё инсульт был...

— Я знаю. Меня, кстати, Бато зовут. Потом поговорим.

Бато мягко сжал ладонь Алексея и направился к другой койке. Своими плотными, крепкими пальцами он ощупывал животы пациентов, что-то говорил им, шутил и подбадривал.

* * *

Бато оказался завотделением, в котором лежал Алексей.

Следующие несколько дней Алексей питался невкусными и полезными супчиками с протёртым мясом и манной крупой. Эти супчики действовали на него как снотворное, и Алексей спал сутками напролёт. Ему принесли пакет с вещами. Алексей покопался в карманах куртки: паспорт был на месте, но ни телефона, ни денег не было. Только деревянная чашка лежала поверх одежды.

Когда он встал с постели, то первым делом дошёл до кабинета заведующего и попросил у Бато телефон, чтобы позвонить матери.

— Меня обчистили, похоже, — пробормотал Алексей.

— Это Первомайск! — Бато развёл руками. — Радуйся, что жив остался.

Взяв телефон Бато в руки, он начал набор и вдруг понял, что просто не помнит мамино номера. Он постоял в рассеянности и вернул телефон Бато. Тот ни о чём не спросил его и протянул конверт.

— Что это? — удивился Алексей.

— Письмо, — ответил Бато.

Развернув тетрадный листок, Алексей увидел знакомый, как всегда, ровный почерк мамы.

«Здравствуй, сыночка! Прости, что не смогла приехать к тебе. Передай огромное спасибо Бато за то, что привёз тебе это письмо. В общем, так: у меня случился микроинсульт, но у меня всё неплохо. Даже хорошо! Не волнуйся за меня. Когда оклемаешься, приезжай к нам в Могойтуй. Мне трудно сейчас объяснить, почему ты должен быть в Могойтуйе, но тебя здесь ждут. Здесь, кстати, Виталик, помнишь его, надеюсь? Это сын Зины, моей сестры, которая живёт в Новой Кижинге. Сделай это для меня, очень тебя прошу! Целую. До встречи. Мама».

— Виталик? — Алексей знал одного Виталика — своего двоюродного брата из Бурятии. Но каким образом тот оказался в Могойтуйе? — Как это понимать? — Алексей кивнул на письмо и недовольно посмотрел на Бато.

— Мама твоя просила передать. Прости, не стал ей говорить, что тебе операцию сделали. Сказал, что тебя положили в «нарколожку» после запоя. Просто это было первое, что на ум пришло.

— А мама-то моя где?

— Гостит в Могойтуйе. Тебе, кстати, от Виталика большой привет.

— Вы знаете Виталика?

— Ещё бы, — Бато усадил Алексея на кушетку, взял за подбородок и посмотрел в глаза. — Я боролся с Виталиком на Сурхарбане. Язык покажи.

— Боролись с Виталиком?

В памяти Алексея Виталик был тощим, нескладным и вечно голодным. В гостях он не отказывался даже от приторных соевых конфет.

— Похоже, ты редко общаешься с роднёй.

— Я с ними вообще не общаюсь.

— Вот и зря! Можно на «ты». Мне так проще.

— Как скажешь. Слушай, я вот чего понять не могу. У мамы инсульт был...

— Вот сам приедешь и спросишь. Через пару дней собирайся!

— За мной приедет кто-то? — спросил Алексей.

— Я сам тебя отвезу.

* * *

Из Первомайска в Могойтуй они выехали уже ближе к вечеру, на новенькой пятидверной «Ниве» с эмблемой Первомайской больницы на боку. Поздняя осень смела последние листья с берёз, отчего окраины городка стали казаться чуть аккуратнее. «Нива» бойко миновала частный сектор и выкатила на узкую дорогу со старым, но всё ещё целым асфальтом. Некоторое время Бато молчал, наблюдая за дорогой.

— Может, расскажешь, что происходит? — спросил, наконец, Алексей.

— Меня попросили привезти тебя в Могойтуй. Зачем, не знаю, — ответил Бато.

— А мама?

— Не знаю я! — резко оборвал Бато.

— Ладно, — пожал плечами Алексей.

Бато сбавил скорость, пропуская косяк лошадей, переходивших дорогу. Вёл косяк рыжий приземистый жеребец с густой почти пепельного цвета гривой.

— Я когда-то на лошади в Первомайск ездил с Хара-Шибири, — вспомнил вдруг с улыбкой Бато.

— Это далеко? — ради приличия спросил Алексей.

— Напрямую не так уж. Приедешь, объешься мороженым — и назад, — Бато снова улыбнулся.

— Я, когда тебя в маршрутке увидел, подумал, что ты бандит! — признался Алексей.

— В маршрутке? — не понял Бато.

— Ну, с Читы, ты ведь со мной ехал в тот день, когда я в больницу попал?

— Не был я в Чите в тот день! — уверенно ответил Бато. — На работе я был.

— Парень ехал со мной, очень похожий на тебя!

— А, понял, это из соседней деревни парень, следователем работает в Первомайске.

Он борявчик тоже. Мы, борявчики, все друг на друга похожи!

— Борявчик, в смысле...

— Ну, борцы! Я же мастер, зону Сибири и Дальнего Востока выигрывал.

— Круто! — одобрил Алексей.

— Меня родители сначала не хотели отпускать в Первомайск. Брат у меня старший там был в банде Боцмана...

— Боцмана? — оживился Алексей. — Слышал я про него.

— А кто про него не слышал? — Бато хитро покосился на Алексея.

— А врачом как угораздило?

— Брат выжил, вот и угораздило, — усмехнулся Бато. — Наши все обычно на спортфак поступали в Чите. А кому мы там нужны? В Забайкальском университете, например, «классиков» больше уважают. Русские вообще «классику» больше любят. Хотя не понимаю, что за борьба такая: как медведи топчутся, в ноги проходить нельзя. Я считаю, борьба без прохода в ноги — это не борьба! А в Улан-Удэ своих борявых хватает со всей Бурятии. Там, если ты Россию ещё по пацанам не брал, ты никто. Вот я и сфинтил, поступил в мед. Думал, бороться буду, зачёты автоматом будут ставить. А там борцы, оказалось, не очень-то и нужны. Точнее, нужны, но зачёты за борьбу автоматом не ставят. Сначала бросить хотел, а потом дай, думаю, доучусь, вдруг получится? Доучился, ординатуру окончил, в Первомайск пригласили, отделение потом дали. А что, квартира есть, платят нормально, родители рядом. Мне нравится!

— А брат твой жив?

— Конечно, жив. В дацане он сейчас!

— В смысле, монах, что ли?

— А почему нет?

— Да просто... сначала бандитом был, теперь монах?

— Из бандитов самые крутые монахи получаются! — улыбка на лице Бато стала немного зловещей. — Думаю, брата моего ты тоже скоро увидишь.

— Да как-то не хочется! — вырвалось у Алексея.

— Не бойся, скажешь, что меня знаешь! Шучу, — Бато тяжело вздохнул. — Жизнь его крепко побила. Пять покушений пережил, крайним хотели сделать. Не смогли! Он в Улан-Удэ пробовал окопаться, потом отару брал, по контракту служил, в Чечне был два раза. После войны вообще какой-то дурной стал, пить начал. Совсем бы так спился. Но бурхан помог, встретил Багшу.

— А кто это, Багша?

— Приедешь и увидишь!

— Ладно.

За окном промелькнула бурятская деревня. Россыпь домов у подножия большой сопки вызвала в душе Алексея неясную тревогу. Живут же здесь люди, посреди степи, живут своими заботами, переживаниями.

Бато снова сбавил скорость. На этот раз дорогу переходил огромный загулявшийся бык. Похоже, в сумерках этот зверь видел не очень хорошо и потому брёл вдоль на свет фар. Бык явно был породистым, с мощной шеей, кучерявым узким лбом и торчащими вверх, подобно двум стальным ломикам, рогами.

— Это калмыцкий, — с ноткой восхищения сказал Бато. — Калмыцкие коровы, когда волки на них нападают, не разбегаются, а становятся в круг и отбиваются. Видел, рога у него какие? Как кинжалы. Медведя завалить может!

— А бурятские коровы бывают?

— Коровы — не знаю, — пожал плечами Бато, — бараны есть. Они зимой траву из-под снега выкапывают. Мало их, правда, но есть. Брат мой разводит.

— Так он же монах?

— Ну и что? Монахи не могут разводить овец?

Аккуратно объехав быка, Бато прибавил газу.

«Какие проблемы могут волновать тех, кто живёт здесь? Как сена накопить, чем скотину кормить зимой, чтобы не издохла и даже давала молоко? А чтобы сено косить, горючка нужна. А горючка денег стоит. А на что заработать денег степняку? Наверное, продажей натурального мяса, молока, сметаны, шерсти? А кому это нужно — натуральное мясо, молоко, сметана, шерсть?» Алексей вспомнил, что даже позы и пельмени мама наловчилась стряпать с фаршем из куриных окорочков. Натуральное молоко на рынке стоит дорого, а то, что бабульки продают на развалах, — гарантированная отравка. Да и лень ехать на рынок, и ни к чему особо, всё есть в ближайшем магазине, недорого, упаковано, хранится долго...

— Виталика давно видел? — Бато посмотрел на Алексея, словно пытаюсь угадать в нём общие с братом черты.

— Лет двадцать назад, — усмехнулся Алексей.

И эта усмешка как-то быстро переросла в весёлый, безудержный смех. Бато лишь слабо улыбнулся в ответ и, глядя на дорогу, терпеливо ожидал.

— Его тогда к нам в гости отправили, в Читу. А мама взяла и в лагерь нас, в «Спутник», определила. Она тогда Танюхой была беременна. Одного меня, наверное, побоялась бы отправить, а двоих уже не так страшно. Виталька дрищ был: худенький такой, руки и ноги тоненькие, как прутики. А жрал — как конь, что ни дай, всё съест! У меня с аппетитом тогда проблемы были, в лагере и вовсе ничего в рот не лезло. Ну и взял он моду за мной подъедать. Пацаны просекли, смеяться над нами начали. Виталька одному подзатыльник, другому, а они старших позвали, те нам навалили. Так, что ты думаешь? Будит меня Виталька в пять утра, когда весь лагерь дрыхнет без задних ног. Пошли, говорит, мстить будем. Ладно, пошёл за ним. Заходим в корпус, где старшие спали, Виталька писюн свой достаёт и давай им всем по губам водить...

От приступа смеха у Алексея заболел живот, а Бато пришлось остановиться на обочине.

— Как будто о другом человеке говоришь, — выдавил, отсмеявшись, Бато.

Машина тронулась, и Алексея снова накрыла тревога. Промелькнула ещё одна деревня. Ему захотелось выйти здесь, пройти по деревенским улочкам, постучаться в первый попавшийся дом.

— Классно, наверное, жить в деревне? — Алексей потёр родинку на подбородке. — Мясо своё, куры, утки, бараны. Может, и жить здесь остаться? Женюсь на какой-нибудь бурятке, баранов буду разводить?

— Это Зугалай! — Бато улыбнулся и вновь уставился на дорогу. — Не думаю, что тебе здесь понравится. Да и буряток молоденьких почти не осталось. В город все бегут!

— Зугалай? — Алексей помнил, что его отец был родом из Зугалая. Где он сейчас, отец? Вроде бы жив, но с тех пор, как мама рассталась с ним, Алексей его больше не видел. Да и не хотел особо видеть. Так казалось ему тогда, очень давно...

* * *

В Могойтуде они были уже ближе к полуночи. Проехав по широкой, явно центральной улице, Бато остановился у магазина с красивой изогнутой крышей в восточном стиле.

— Тебе взять чего-нибудь? — спросил Бато.

— Мне бы сигареты, любые синие.

Бато зашёл в магазин и вскоре вернулся с прозрачным пакетом, в котором угадывался торт в картонной коробке, бутылка водки и пара пакетов молока. Усевшись за руль, протянул Алексею две пачки сигарет.

— Спасибо! — поблагодарил Алексей.

— За это не благодари! — отрезал Бато. — Я тоже раньше курил, даже когда спортом занимался. Не курил бы, — может, и Россию бы взял.

— Ладно. Можно, покурю?

— Кури! Только на улице, — Бато вышел из машины и потянулся, разминая мощные, широкие плечи.

Алексей сунул руку в карман и обнаружил там зажигалку — всё, что осталось от прежней жизни. Прикурив, он ощутил, как от глубокой затыжки и большого перерыва закружилась голова.

Рядом с машиной Бато остановилась небольшая красная иномарка. Из неё вышла стройная бурятка в спортивном костюме и бейсболке козырьком назад. Девушка подошла к Бато, обняла его и поцеловала по-дружески, в щёку. Они негромко заговорили по-бурятски. Но Алексей услышал, что Бато упомянул Виталика, после чего девушка заинтересованно посмотрела на Алексея.

— Здравствуйте, — робко поздоровался Алексей.

Девушка подошла к нему, внимательно посмотрела в глаза и протянула руку:

— Баярма!

— Алексей.

— Очень приятно! Значит, ты брат Виталика? — Баярма смеряла Алексея взглядом.

— Двоюродный, — уточнил Алексей.

— А он не говорил, что у него есть брат-бурят.

— Да какой я бурят... — Алексей ощутил с детства ненавистное ему чувство как бы подвешенности. Девушка была довольно высокой: как показалось Алексею, примерно, одного с ним роста. Резкий, изящный разлёт придавал её глазам почти хищное выражение, но сам взгляд был спокойным, уверенным и прямым.

— Валентина Алексеевна рассказывала о тебе, — Баярма как-то странно улыбнулась. — Добро пожаловать на родину!

Баярма сжала ладонь Алексея и, отпустив, резко повернулась и направилась в магазин. Алексей нырнул в машину и облегчённо вздохнул, когда Бато дал задний ход.

— Смутила тебя Баярма? — Бато улыбнулся и почему-то покачал головой.

Алексей попытался ответить, но слов не нашёл. «Нива» запетляла по улицам Могойтуя, снова вышла на центральную и поползла куда-то вверх.

— Клуб наш! — Бато кивнул влево.

Присмотревшись, Алексей увидел местный Дом культуры, за окнами которого сверкали огни светомузыки. Вдоль дороги у клуба сновала молодёжь, явно нетрезвая, ищущая приключений.

«Нива» ползла всё выше, пока не поднялась на самую высокую точку на окраине посёлка. Здесь, на самой макушке, возвышался буддийский храм в окружении низких домиков. В окнах горел свет. Вокруг храма не было даже намёка на ограду. И храм, и домики были открыты всем ветрам.

У входа в храм Алексей увидел с десяток дощатых щитов. В свете единственной лампочки щиты блестели. У одного из них колдовал огромный плечистый монах. Он кланялся, вытягивался вдоль щита, резко вскакивал, касался сложенными ладонями макушки, подбородка, груди и снова всё повторял.

— Что это он делает? — спросил Алексей.

— Простирается, — ответил Бато. — Он уже третий раз Бум-Ши делает.

— А что такое Бум-Ши?

— Скоро всё узнаешь, — уклончиво ответил Бато. — Это Чимит. С расспросами к нему не лезь, не советую. В глаза ему тоже лучше не смотреть. Пстой пока здесь, мне ответить надо...

Бато достал из кармана сотовый телефон.

— Всё, привёз! — ответил Бато. — В дацан. А куда надо было?

В трубке послышался женский голос.

— Баярма сказала, лучше в дацан, здесь же...

Лицо Бато изменилось, звонок его явно озадачил. Алексей между тем, вопреки совету Бато, подошёл к могучему монаху поближе. Лицо исполина выражало безмятежность, а одежда на нём была мокрой от пота. Не обращая внимания на Алексея, монах делал всё новые и новые подходы, при этом что-то нашёптывая себе под нос. Алексей заворожённо смотрел на степного гиганта. Лицо монаха казалось выточенным из камня, рельефные мышцы отливали стальным блеском, прерывистое дыхание больше походило на храп дикого зверя. Казалось, ещё немного, и из его ноздрей, рта и ушей повалит пар или того хуже — огонь!

На мгновение монах замер и посмотрел на Алексея.

— Чего тебе? — спросил он.

— Да я так, к брату приехал, — пролепетал Алексей.

— Прибери здесь, не стой просто так! — скомандовал монах и продолжил свою практику.

Вокруг щитов валялись обрывки истёртого плотного сукна. Алексей добросовестно подобрал мусор, заметив, что некоторые клочки испачканы кровью.

Из темноты возник силуэт рослого, стройного парня в одежде буддийского священника. Ростом пониже простирившегося, он не казался менее мощным и плечистым.

— Ну, здравствуй, дорогой! — сказал монах по-русски.

— Привет, — отозвался Алексей и от неожиданности выронил обрывки ткани. В этом красавце он с трудом узнал своего двоюродного брата.

* * *

Виталик хоть и был двоюродным братом, а в душе Алексея особых братских чувств никогда не вызывал. Скорее, наоборот. В детстве Виталик был дерзким,

шумным и пакостным. После ночной вылазки в корпус к старшеклассникам весь оставшийся срок в «Спутнике» Алексей прожил в ожидании возмездия, в то время как Виталик был спокоен и даже сумел подружиться со своими бывшими обидчиками. С заговорщицким видом, поглядывая на Алексея, он весело рассказывал пацанам, как прошлым летом в пионерском лагере под Улан-Удэ «наводил пыской по губам» старшаков, пока те спали. Впрочем, теперь от того Виталика не осталось ровным счётом ничего.

— Вас тут что, к войне готовят? — Алексей так и не смог обхватить брата.

— Как доехал? — оборвал Виталик.

— Не без приключений. Гол как сокол! — Алексей развёл в стороны руками.

— Слышал, — сказал Виталик. — Пойдём, покажу, где будешь жить.

Виталик привёл Алексея в небольшой домик: внутри не было почти ничего — лишь две старые железные кровати с грязными матрацами и стол. Кровати, судя по всему, служили тут и стульями.

— Постельное сейчас принесут. Голодный? — Виталик посмотрел на Алексея без особого участия.

— Да не особо, до утра потерплю. Ты мне лучше скажи, где мама?

— В Чите, — спокойно ответил Виталик.

— В Чите? А я тогда что здесь делаю?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Я тебя точно не звал, — Виталик пожал плечами. — Тётя Валя попросила приютить тебя на пару месяцев.

— На пару месяцев?

— Мало? — Виталик усмехнулся.

— Завязывай так шутить!

— Это просьба твоей мамы. Мне всё равно, хоть сейчас уезжай.

Диалог с Виталиком не клеился во многом потому, что Алексея не покидало ощущение подвоха. Словно всё, что с ним происходит, — какой-то дурацкий розыгрыш.

— Короче, Виталик, я не знаю, что она тебе тут наговорила, но мне, если честно, жить здесь не хочется.

— Как знаешь, — Виталик направился к выходу.

— И ещё, зачем ты забрал её из сосудистого центра? Ей же лечиться надо.

— Забрал, потому что выписали.

Не дожидаясь ответа, Виталик вышел. Мысль о том, что до самой зимы ему придётся жить в этом неудобном месте, просто сковала Алексея по рукам и ногам. Именно такое же чувство он испытал, когда председатель военно-врачебной комиссии в районном военкомате попытался поставить в его личном деле «годен». «Вы не поняли, я не хочу служить!» — заявил тогда Алексей. И все, кто стоял рядом, замерли и уставились на него.

...Служить он не пошёл, спасибо матери: в больнице свои связи, и белый билет он получил, отлежав в жёлтом домике¹ и выйдя с приемлемым диагнозом. Оно того стоило: он слышал истории о том, как чей-то друг или знакомый знакомого в приступе отчаянья разрядил автомат в сослуживца, а то и вовсе расстрелял караул. Женька, Жора и Сазон, в отличие от Алексея, уклоняться от службы не стали. Женька отслужил в пехоте, Жора и Сазон в железнодорожных войсках. Все трое, вернувшись из армии, ещё долго не могли отойти: смеялись — нервно, пили — зло. Город после службы казался им другим, а значит, и жить им предстояло по-другому. Но, как именно дальше жить, никто из них так и не определился.

¹ Жёлтый домик — то же, что и «сумасшедший дом».

«Так, завтра на трассу, на попутках до Читы от силы день. Можно попроситься до Дарасуна, так ещё проще, а там на электричку, — рассуждал Алексей. — Главное — добраться до Читы. А потом? А что потом? А потом нужно объясняться с родными, оправдываться перед Танюхой, куда делись деньги, обещать их вернуть. А как вернуть такую сумму? Не факт, что сразу получится устроиться на работу. Да и работать нет ни сил, ни желания. Пара дежурств — и хоть на стену лезь от тоски. А ведь ещё жильё снимать, хотя бы комнату, есть что-то надо... Мама месяца три дуться будет, не меньше. Да и лучше не попадаться ей на глаза... Позвоню ей завтра с Виталикова телефона — уж у него-то номер её есть».

Алексей ощутил, как тупая боль медленно и неотвратимо подступает к сердцу. Прежде в довесок к этой боли он ощущал резь в животе. Живот болеть перестал, но надолго ли?

В дверь кто-то постучался.

— Войдите! — крикнул Алексей.

В проёме появился подросток лет двенадцати. Ушастый, стриженный наголо, в мешковатой монашеской рясе, он смотрелся забавно. Нелепости добавляло ему и выражение глаз: мальчик смотрел с нескрываемым любопытством, приоткрыв рот.

— Здравсьте! — выпалил мальчик.

— Здорово, — нехотя ответил Алексей.

— Это вам!

— Спасибо. Клади на койку, — махнул Алексей.

Мальчик положил постельное бельё и присел рядом, всё так же беззастенчиво разглядывая Алексея.

— Чего уставился?..

— Я пытаюсь понять, кто вы по национальности, — признался подросток. — Меня Санжа зовут. А вас?

— Алексей!

— Вы якут?

В начальной школе Алексея дразнили попеременно то «бурятом», то «якутом». Якутом однажды назвал Алексея новый физрук. Он так и спросил: «Ты якут?» «Русский я!» — огрызнулся тогда Алексей и затем долго не знал, куда себя деть, пока весь класс заходился от хохота.

— Русский я, русский, — устало ответил Алексей. — Всё, шуруй. Мне отдохнуть надо.

— А похожи на якута, — сказал Санжа. — А вы из Могойтуйа?

— Нет, из Читы.

— Из Читы?! — Санжа вскочил. — А кто у вас в городе положенец?

— О боже...

— А что я такого спросил? — надулся Санжа. Взгляд его остановился на чашке, которую Алексей поставил на стол. Помявшись, он взял её в руки, долго вертел, разглядывал, даже царапнул ногтем.

— Это ваше? — спросил Санжа.

— Моё, положи на место.

— У Багши точно такая же, — не унимался Санжа. — Можно, я покажу вашу чашку Багше?

— Чего её показывать-то? — не понял Алексей. — Обычная чашка. Хотя забирай. Только оставь меня, пожалуйста.

— Хорошо! — Санжа схватил чашку и выбежал из дома.

* * *

Спал Алексей плохо. Всю ночь ему мерещились шорохи, шаги, что-то гремело и грохотало на крыше. Дважды Алексей выходил на улицу по малой нужде и всякий раз подмечал, что ветра нет. Тогда откуда шум на крыше? Уточнить среди ночи Алексей не рискнул.

Рано утром его разбудил Санжа.

— Вставайте, завтрак скоро! — выпалил Санжа и выбежал на улицу, не прикрыв за собой двери. Усевшись на койке, Алексей достал сигарету и закурил. Терпкий дым натошак придал мрачности этому утру. Больше всего в эту минуту хотелось наговорить гадких слов, неважно кому, лишь бы в лоб и от всей души. В проёме двери вновь возникла ушастая голова Санжи.

— Багша не любит, когда курят! А Виталий багша за курение в доме наказывает уборкой территории!

— Слышь, клоп? Тебе больше всех надо?! — прикрикнул Алексей.

— В этом дацане хувакаров не обижают! — парировал невозмутимо Санжа. — Один наорал на меня, Виталий багша заставил его посуду мыть целую неделю! Вам сказали подмести дорожку, иначе завтракать не будете.

— Чего подмести?

— Пойдемте, я вам покажу, — Санжа уставился на Алексея взглядом, не терпящим возражения.

Алексей нехотя натянул кроссовки, накинул мастерку и пошёл за Санжой. На улице он наконец-то смог разглядеть храм из красного дорогого кирпича, всё ещё недостроенный. Вокруг и внутри храма суетились бритоголовые монахи.

Неподалёку Алексей увидел большое белёное строение, похожее на пирамиду, у которого двое монахов разжигали огонь в каменном очаге под навесом. Дорожка была выложена камнем и петляла вокруг храма, вдоль молитвенных барабанов и статуэток божеств. Даже на первый взгляд было понятно, что подметать её придётся не меньше часа.

— Вот, возьмите! — Санжа протянул Алексею веник и ведро, в котором лежал небольшой совок. — Весь мусор нужно собирать в ведро и уносить туда, — Санжа показал место, где за территорией дацана виднелись несколько мусорных контейнеров.

— А где здесь мусор? — на дорожке не было ни единой бумажки, даже травинки.

— А это? — Санжа провёл веником по дорожке и замёл в совок горсть песка.

— Это же песок.

— Виталий багша не любит, когда задают вопросы. Подметайте!

— Мальчик, шёл бы ты, а? — Алексей почувствовал, что ещё немного, и он отвесит надоедливому подростку подзатыльник.

— Мне сказали за вами следить! Я сегодня ваш наставник! Вы должны делать всё, что я вам прикажу!

— Дурдом, однако... — Алексей нехотя взял в руки веник и принялся подметать.

— Вот тут плохо подмели, ещё раз метите! — придрался Санжа и, выхватив веник из рук Алексея, демонстративно промёл сам. — Вот так надо!

— А разница в чём? — огрызнулся Алексей.

— Разница в том, что сегодня я ваш наставник, — сухо резюмировал Санжа.

— Что здесь происходит? — Виталик появился неожиданно, словно с неба упал.

— Я подметать его учу! — ответил Санжа с вызовом.

— А что, этот взрослый дядя не умеет подметать?

— Умеет, конечно. Но я же сегодня его наставник.

— Кто?

— Наставник! — выкрикнул Санжа.

— Это с какого перепугу?

— Ну, вы же сказали за ним присматривать.

— Присматривать, но не наставлять же?!

— Но он ещё не хуварак даже! А я хуварак! Значит, я старше! Значит, я должен его наставлять!

Лицо Виталика побагровело не то от гнева, не то от еле сдерживаемого смеха. С минуту Алексей стоял, открыв рот от удивления: Виталик и Санжа о чём-то спорили по-бурятски.

— Ещё раз выкинешь такое, я тебя отчислю! Пойдёшь учиться в простую школу. Понял меня? — заключил Виталик.

— Да понял я, — успокоился Санжа. Но, вдруг что-то вспомнив, добавил: — А знаете, почему я решил стать ему наставником? Он курил прямо в доме. А ночью он пыскал прямо с крыльца!

— А ты у нас с крыльца не пыскаешь? — возразил Виталик.

— Я не курю! — сказал Санжа, хлопнул в ладоши и, развернувшись, пошёл размашистым шагом прочь.

Плечи Виталика затряслись от смеха.

— Не обижайся, маленький он ещё, — Виталик хлопнул Алексея по плечу. — Пошли на завтрак.

— Виталь, дай телефон — матери позвоню, я быстро.

Алексей задержался перед входом в столовую. Разговор с мамой не заладился, перекинулись общими фразами вроде: как ты? — а ты? — хорошо, — нормально, — позванивай... Мама что-то не договаривала, а Алексей не хотел спрашивать — мешала подспудная досада, что ли, на все эти непонятки и недомолвки. Но само то, что он услышал мамин голос, Алексея успокоило: «Ладно, — подумал он, — как говорится, будем живы — не помрём».

* * *

Столовая для монахов располагалась в большой армейской палатке. Рядом стоял недостроенный корпус, где варили еду, но обеденный зал там был ещё без окон и отделки. В палатке на длинных столах красовались алюминиевые чайники с чаем, большие миски с хлебом, печеньем и конфетами, пластиковые и алюминиевые блюда со сливочным маслом. На столике в центре палатки возвышалась большая кастрюля, из которой дородная бурятка раскладывала по тарелкам белоснежную рисовую кашу. Молодые монахи, мокрые от пота, спешно рассаживались за столами и с жадностью принимались за еду. Монахи постарше вели себя степенно, несмотря на то, что с утра им тоже пришлось попотеть. Алексей с удивлением отметил, что некоторые из монахов были русскими.

Взяв пару тарелок с кашей, Виталик уселся за ближайший столик напротив Алексея.

— Хорошо вас тут кормят, — Алексей проглотил ложку каши и ощутил вкус топлёного масла.

Неожиданно все встали. В столовую вошёл среднего роста и крепкого сложения монах, на вид лет сорока. На нём была монашеская ряса с жёлтой оторочкой, на боку он придерживал холщовую сумку, очевидно, с книгами. Алексей как-то сразу понял, что это и есть Багша. Следом за Багшой с важным видом вышагивал Санжа. Монах что-то произнёс по-бурятски, все сели и принялись за еду. Взяв тарелку с кашей, Багша уселся рядом с Виталиком и улыбнулся Алексею. Рядом с Алексеем пристроился Санжа.

— Здравствуй, Алексей, — Багша протянул Алексею руку. Ладонь у Багши была узкой и мягкой. — Как спал?

— Неважно, если честно, — признался Алексей. — Тут у вас хорьки не водятся? Всю ночь на крыше кто-то шуршал.

— Это не хорёк. Там у вас Загда живёт! — выдал Санжа. — Но вы не бойтесь, он вредный дух, но не злой. Попугает и успокоится.

— Чего болтаешь-то? — Виталик замахнулся на Санжу ложкой.

— Простите, а кто такой Загда? — Алексей ощутил, что каша во рту вдруг стала безвкусной.

Багша и Виталик переглянулись.

— Это хуварак был. Он повесился в доме, где вы сейчас живёте! — Санжа смешно дёрнул носом, поглядывая на Виталика.

Алексей понял, что аппетит у него окончательно пропал. Под сердце закрался холодок, от которого зябкая волна побежала по телу. На этот раз Виталик уже всерьёз занёс ложку над головой Санжи, но, увидев неодобрительный взгляд Багши, снова принялся за еду, строго, с прищуром, поглядывая на подростка.

— Вы хотите сказать, что в этом домике привидение живёт? — спросил, мрачней, Алексей.

— А вы боитесь привидений? — глаза Санжи насмешливо блеснули.

— Да не особо, но... — Алексей запнулся, услышав, как по столовой прокатился смешок.

— Так, кому там смешно стало? — Багша оглянулся по сторонам.

Монахи тут же умолкли и уткнулись в тарелки.

— Мало работаете, раз силы есть подслушивать! — Багша подмигнул Алексею. — Обычно, у них уже с утра сил нет. Видимо, жалею много.

Багша принялся за кашу, медленно тщательно пережёвывая. Точно так же ели Санжа и Виталик. Не чувствуя аппетита, Алексей заставил себя осилить тарелку. Виталик налил чаю Багше, наполнил кружки соседей по столу. Чай был горячим, терпким, необычным на вкус.

— Скажите, Багша, а что я буду здесь делать? — спросил Алексей, собравшись с духом.

— А что ты умеешь? — спросил Багша.

— Трудно сказать, — признался Алексей. — Так-то я автослесарь. Но никогда им не работал.

— Слесарей у нас и без тебя хватает. В компьютерах разбираешься?

— Нет.

— А увлекаешься чем?

— Как бы сказать... — окончательно стушевался Алексей. — Я читать люблю: рассказы о животных. А, да, посуду ещё люблю мыть!

— Замечательно! — обрадовался Багша. — Вот и поможешь сегодня Жамбаловне. А дальше посмотрим.

— Как скажете! — обрадовался Алексей.

Столовая уже начала пустеть, когда Багша достал из сумки чашку.

— Скажи, Алексей, откуда у тебя эта чашка? — Багша смотрел на него с какой-то едва уловимой надеждой.

— Это бабушка моя привезла, давным-давно, не знаю, зачем, — ответил Алексей. — Знаю только, что она очень старая, древняя.

— Видишь этот узор? — Багша показал Виталику. — Это печать Лопсона ламхая, отца Нимы ламбагая. Только он делал такие чашки!

— Вы думаете... — щёки Виталика налились румянцем. Эта особенность была у него с рождения, — когда начинал волноваться, к лицу прилиwała кровь.

— Она вообще особенная, — добавил Алексей. — Это я ещё в детстве понял. Танюха, бывало, ревёт, успокоиться не может, воды ей дашь из этой чашки или просто дашь ею поиграть, глядишь, успокоилась.

— Такая чашка, Алексей, есть у каждого монаха, — произнёс Багша и на мгновение задумался.

— Время, — Виталик ткнул пальцем в основание кисти, — вы Римпоче хотели позвонить.

— Да! — Багша словно очнулся, посмотрел на Алексея. — Можно, я пока оставлю эту чашку у себя?

— Пожалуйста, — ответил Алексей.

— Жамбаловна, спасибо, каша очень вкусная! — окликнул Багша повариху. — Вот, помощника тебе нашли. Посуду мыть любит!

Жамбаловна в ответ молитвенно сложила ладони на груди и низко поклонилась.

* * *

— А кто тебя за язык тянул? — от былой вежливости Жамбаловны не осталось и следа. Усевшись за стол, она положила себе каши с горкой и неспешно принялась за еду.

Посудой был завален целый стол. Мыть её предстояло в большом чане, для чего сначала нужно было натаскать и нагреть воды. Помои же предстояло выносить в ведрах куда-то далеко вниз, на помойку. Даже навскидку Алексей понял, что работы здесь минимум до обеда. Первым делом он принялся за самые грязные тарелки.

— Начни с кружек, — Алексей оглянулся. Позади него стояла Баярма.

— Сначала кружки помой: они нежирные. Потом в этой же воде — тарелки и ложки. А посуду для начала лучше разложить, быстрее помоешь, — Баярма быстро и умело разложила посуду в стопки, отчего объём работы уже не казался таким большим.

Присев рядом с Жамбаловной, Баярма налила себе чаю. Они заговорили по-бурятски. Алексей догадывался, что говорят о нём.

С посудой Алексей сам бы не управился и до обеда. Спасибо Баярме: ловко орудуя мочалкой, она сначала ополоснула кружки, затем, добавив в чан моющего средства, так же быстро перемыла тарелки. Алексей лишь успевал выносить помои и бегать за водой.

Воду монахи брали из большой бочки на колёсах, что стояла рядом с палаткой. Но бочка оказалась пустой, и за водой Алексею пришлось ходить на водокачку, далеко вниз. Уже после первого захода Алексей ощутил, как мышцы предательски заныли.

Зато теперь у него была возможность осмотреться и понять, где он находится. Храм располагался на широкой поляне, на самой макушке горы. Места на поляне хватало и на храм, и на хозяйственные постройки, и даже на небольшое футбольное поле. По дороге к храму сновали местные жители. Некоторые, завидев Алексея, что-то спрашивали по-бурятски. Но Алексей, опустив голову, старался поскорее пройти мимо. В эти минуты ему, как ни странно, было стыдно, что он не знает бурятского.

— Неплохо для первого раза, — резюмировала Баярма и протянула Алексею руку. При дневном свете черты её лица казались не такими резкими. Она, как тогда, смотрела прямо, без тени смущения. Алексей же почему-то не мог смотреть ей в глаза.

— Я ваш должник, — ответил Алексей, скорее ради приличия. — Если что, обращайтесь.

— Правда? — Баярма прищурилась.

— В любое время, — выдавил из себя Алексей как можно увереннее.

— Мне, если честно, нужна помощь сейчас, — Баярма грустно улыбнулась. — Брата твоего хотела попросить, но ему, похоже, не до меня сегодня, — во взгляде Баярмы на секунду что-то изменилось.

— Опять воду таскать?

— Да нет, картошку копать надо. Работы много. Откажешься — пойму.

— Помогу, без проблем.

— Жамбаловна, скажешь, что я новенького забрала?

Улыбнувшись, Жамбаловна лишь кивнула в ответ.

— Поехали! — скомандовала Баярма и направилась вниз к автомобильной стоянке.

Могойтуй в памяти Алексея был всегда солнечным, светлым посёлком с железной дорогой, чистыми асфальтированными улицами и приветливыми людьми. Но посёлок, мелькавший сейчас за окнами автомобиля, он не узнавал, хотя Могойтуй был по-прежнему и солнечным, и чистым. Нынешний Могойтуй казался ему чужим.

— Отца давно видел в последний раз? — спросила Баярма.

— Лет двадцать назад, — признался Алексей. — Вы знаете, кто мой отец?

— Это его дом, — кивнула Баярма на старый и будто знакомый дом за дощатой оградой.

— Мне на днях почему-то снился этот дом! Но отца видеть пока не хочу...

— Бабушка твоя, слышала, очень тебя любила. Она вспоминала тебя перед смертью, — Баярма взглянула искоса на Алексея.

— Я не хочу об этом говорить, — сказал Алексей.

Одна из улиц, проносящихся за окном, показалась Алексею до боли знакомой. Небольшой сквер, обнесённый красивой оградой, по которой так удобно было лазить. Этот сквер запомнился ему потому, что когда-то здесь было поселковое кладбище. Старые могилы администрация сносить не стала: их обнесли забором и засадили тополями. Получилось что-то вроде парка памяти.

В этом сквере Алексей, будучи ещё совсем маленьким, играл с одной девочкой. Он даже помнил её имя — Билигма. Ради неё Алексей съедал всё, что ставила перед ним бабушка, даже кислый невкусный коричневый хлеб с маслом. Он очень боялся, что бабушка рассердится и не отпустит его гулять.

Однажды они с Билигмой забрели в этот сквер. Гуляя вдоль могил, они разглядывали старые фотографии на памятниках, пытались прочесть имена и гадали, как и почему умерли эти люди. Время от времени над посёлком пролетали военные самолёты. Алексей и Билигма бежали, глядя в небо, и громко кричали: «Самолёт, самолёт, унеси меня в полёт!..»

— Что ты сказал? — Баярма смотрела на него с улыбкой.

— Да так, вырвалось: самолёт, самолёт, унеси меня в полёт... — Алексей посмотрел на Баярму. — Девочка тут жила, моих лет, примерно, Билигма...

— Догадываюсь, о ком ты говоришь! — Баярма улыбнулась, на этот раз как-то совсем по-матерински. — Она в Москве живёт. Работает врачом. Замужем. Две дочки у неё.

— Замуж за русского вышла?

— Нет, за бурята.

— Это хорошо! — вырвалось у Алексея.

* * *

Баярма жила на втором этаже двухэтажного дома. Двухэтажек в этом районе было много, но только этот дом был когда-то отделан и выкрашен в белый цвет. Краска пожухла от времени и стала почти жёлтой. Остановившись у подъезда, Баярма достала телефон и набрала номер. Минут пять она с кем-то разговаривала, нервно, по-бурятски.

— Засранка! — выдохнула, наконец, Баярма и отключила телефон. — Сутками в Интернете.

— Сестрёнка? — безучастно спросил Алексей.

— Дочка, — ответила Баярма.

Из подъезда вышли трое бурят. Один из них был рослым, плечистым, с правильными чертами лица. Второй, круглолицый, казался немного ниже первого, но плотнее, шире в плечах. Третий, в отличие от своих друзей, не удался ни ростом, ни

сложением. Но глаза его светились бесшабашной наглостью. Очевидно, в этой компании именно он был заводилой.

Все трое были навеселе. Щуплый, заметив Алексея, улыбнулся. Следом за парнями вышла высокая стройная девушка лет шестнадцати. В одной руке она держала дорожную сумку, в другой — кофр с ноутбуком. За плечами виднелся большой рюкзак. Невозможно было не понять, что это и есть дочь Баярмы — они были похожи как две капли воды почти во всём: густые длинные волосы, необычный разлёт глаз, полные чувственные губы и взгляд, от которого становится не по себе. Но больше всего Алексея поразило, что у Баярмы такая взрослая дочь!

Баярма вышла из машины и открыла багажник. Дочь с недовольным видом закинула туда сумку и повернулась спиной к матери. Баярма резко сорвала с её плеч рюкзак и так же демонстративно закинула в багажник. Трое парней у подъезда нахально улыбались, откровенно разглядывая и мать, и дочь.

Усевшись на заднее сиденье, девушка сухо бросила: «Здрасьте».

— Привет! — ответил Алексей.

Баярма села за руль, пристегнула ремень безопасности, завела машину и резко рванула вперёд. Парни нагло захохотали.

— Местный криминал? — кивнул Алексей в их сторону.

— Это уроды! Но мы должны их жалеть, — ехидноотреагировала дочь Баярмы.

Машина незаметно оказалась на окраине посёлка и понеслась в степь по щебёночной дороге. От Баярмы исходил лёгкий аромат духов. Она пользовалась дорогими духами, и этот аромат Алексей знал очень хорошо. Такие же духи были у Ленки Смирновой, первой красавицы класса. Ленкин отец был директором Хлебокомбината № 1, где пекли самый вкусный в городе хлеб. Пекарни в Чите одно время появлялись десятками и предлагали самый разный, порою откровенно диковинный хлеб. Но рано или поздно они закрывались. А Хлебокомбинат № 1 стоял, выпуская привычные для всех сорта: «Высший», «Станичный», «Подовый», «Купеческий» и «Бородинский». Народ брал только этот хлеб, и потому Ленка Смирнова никогда не надевала одно платье два раза подряд. Неизменными же оставались её духи...

— За городом картошку садите? — заметил Алексей. Машина уходила всё дальше и дальше от посёлка.

— «Сажаете!» — поправила дочь Баярмы.

— Забыла предупредить: картошка в деревне. Тебя это смущает? — вмешалась Баярма.

— Да нет, — неискренне ответил Алексей, — так даже интереснее.

— Чего интересного-то? — проворчала сзади дочь Баярмы.

— Ты не умничай там! — резко осадил её мать.

Алексей оглянулся. Девочка окинула его недовольным взглядом и уставилась в окно. Похоже, на картошку она совсем не собиралась.

Алексей, украдкой разглядывал её в зеркало заднего вида и невольно прикинул, во сколько же лет Баярма стала мамой: даже по самым скромным подсчётам — лет в шестнадцать...

— Я тоже иногда думаю, *что* в ней от отца? — Баярма сказала это, не отрывая глаз от дороги.

— Да нет, я...

— Не парься, на нас все так смотрят!

— Можно подумать, этих «всех» тут очень много, — съязвила дочь.

— По губам сейчас получишь!

Ответа не последовало.

Минут тридцать они ехали по степи, пока за окном не промелькнул въездной знак «Саган Ола». Иномарка заскользила по улицам аккуратной деревушки. Навстречу промчался огромный верблюд. Следом на крепких лошадях проскакала ватага парней.

Загорелые, жилистые, они напомнили Алексею индейцев из вестернов, что одно время крутили в Чите по четвёртому каналу.

— Весело тут, — улыбнулся Алексей.

Автомобиль миновал деревушку и заскользил вдоль поля, засаженного кукурузой. По другую сторону дороги желтели рапсовые поля. Глядя на них, Баярма грустно улыбалась.

— Ну, вот и приехали! — сказала Баярма.

Автомобиль бодро влетел по гладкой просёлочной дороге на высокую сопку, с которой открывался вид на долину. Вдали Алексей увидел узкую полоску степной реки, петляющей по широкой пади и словно обрывающейся за крутой, почти отвесной скалой. У подножия сопки лежала деревня.

— Красиво тут! — вздохнул Алексей.

— Я здесь выросла, — ответила Баярма.

* * *

Автомобиль остановился возле одного из панельных коттеджей.

— Красивый дом? — спросила Баярма.

— Не дурно!

— Когда-то весь верхний Усть-Нарин был из таких.

Баярма открыла калитку, следом — массивные ворота и загнала автомобиль в ограду. Дом был под замком.

— Дача твоя? — Алексей не без удивления заметил, что ограда поставлена основательно.

— Это брата дом. Они на стоянке сейчас. Занеси, пожалуйста, — Баярма протянула Алексею рюкзак. Дочь Баярмы тем временем уже открыла замок и вошла в дом.

В доме пахло чистотой. Прихожая, кухонный гарнитур и прочая мебель, что успел заметить Алексей, были грубоватой ручной работы, удобными и прочными. Баярма вошла следом за Алексеем, разговаривая по телефону.

— А что тебя смущает? — тон Баярмы выдавал напряжение. — Я никого силком не тянула. Не переживай, не съем. Всё, пока, мне некогда!

Баярма швырнула телефон на диванчик в прихожей.

— Виталик? — спросила в лоб дочь.

— Тебе заняться нечем? В прихожей подмети! — Баярма скинула кроссовки, прошла на кухню и развязала шнур рюкзака.

— Тут чисто вообще-то! — огрызнулась дочь и вышла на улицу, попутно прихватив с диванчика телефон.

Алексей присел за стол напротив Баярмы. Все её жесты сейчас выдавали сильное, едва сдерживаемое напряжение. Баярма выложила продукты.

— Я прошу прощения, а что там с Виталиком? — выдавил из себя Алексей.

— У него-то как раз всё хорошо!

— Не обо мне говорили?

— И о тебе тоже. Но ты не волнуйся, верну тебя в целости и сохранности.

— Да я не переживаю особо. Просто не хочу быть причиной ругачек.

Баярма посмотрела на Алексея с едкой улыбкой.

— А вы похожи! Хлеба нарежь, пожалуйста.

Алексей взял булку и разрезал тонкими треугольниками. Баярма то ли всхлипнула, то ли сдержала смехок. Алексей, подняв брови, уставился на неё. Следующие минут пять Баярма без особого успеха пыталась справиться с приступом истеричного смеха.

— Я выйду покурю...

На крыльце сидела дочь Баярмы и копалась в сотовом телефоне. Алексей присел рядом и достал сигарету.

— «Синие» курите?

— Других нет, — застеснялся Алексей.

— Муля! — она протянула Алексею ладонь.

— Лёша! — Алексей пожал ладонь в ответ. — Так и зовут?

— Вообще-то Янжима. Но мама с рождения зовёт меня Мулей. Мне так привычнее, — Муля воровато покосилась на окно. — Можете мне помочь?

— Да, пожалуйста! А что надо делать?

— Идите за мной! — Муля вскочила и выбежала за ограду. Алексей побежал следом. Миновав заброшенное кирпичное здание на соседней улице, Муля встала за стеной, словно собираясь неожиданно кого-то напугать.

— Прячьтесь, — прошипела Муля, и Алексей невольно встал рядом с ней. — Дайте мне сигарету!

— Зачем?

— Надо!

Алексей достал сигарету и протянул Муле.

— А теперь спички!

Алексей протянул зажигалку. Прикурив, Муля затаилась и выпустила струйку дыма.

— Наверное, твоей маме это не понравится.

— Наверное. Мне всё равно!

— Но виноватым-то буду я?

— Вам нравится моя мама?

— Да нет, просто...

— По секрету вам скажу: кто женится на моей маме, тот дурак!

— По мне видно, что я хочу жениться на твоей маме?

— По вам видно, что она вам нравится! Но моя мама — глупая женщина! Знаете, почему?

— Почему?

— Потому что она любит Виталика! А Багша ей сказал, что по-настоящему она полюбит того, кто будет после него.

— После кого?

— После Виталика. Но это точно не вы! — затаившись несколько раз, Муля ловко отшвырнула окурок. — Бросать надо, а стимула не вижу.

С важным видом Муля пошла обратно. Алексей, чувствуя, как от нелепости ситуации у него краснеют уши, побрёл следом.

Мимо по дороге прошли двое бурят в старых рваных камуфляжах. Поздоровавшись с Мулей, они недобро оглядели Алексея. У ворот дома стояла Баярма. Муля спокойно прошла мимо матери.

— Руки мойте, обедать будем! — Баярма резко развернулась и ушла в дом.

Муля, посмотрев на Алексея заговорщицки, пошла следом.

— М-да... — выдохнул Алексей, оглянулся по сторонам и за краем деревни увидел лишь крутые склоны степных сопок.

* * *

Всю картошку, оказалось, ещё накануне выкопал брат Баярмы, аккуратно свалил в кучу и прикрыл кусками толя на случай дождя. Так необходимость в помощи Алексея отпала сама собой. В тот же вечер Баярма растопила баню. Причём топила она её так долго, что Алексею стало не по себе: он не любил баню, потому что с детства боялся обжигающего пара.

— Воды в бак натаскай, пожалуйста, — Баярма протянула Алексею вёдра. — Колодец в огороде. Только парилку не вздумай открывать.

Минут десять Алексей пытался приспособиться к колодезному ведру —

оно никак не хотело тонуть. Залив первую пару вёдер в бак, Алексей пулей вылетел из предбанника. На крыльце Муля что-то увлечённо печатала в сотовом телефоне.

— Это не баня, а микроволновка какая-то, — Алексей смахнул со лба пот.

— Это Виталик научил маму так топить! — Муля говорила, не отрываясь от дисплея.

От этих слов Алексей ощутил холодок под ложечкой.

— А можно без подробностей? — Баярма вышла из дома с пакетом в одной руке и пластиковым тазом в другой.

— Пожалуйста! — Муля на секунду оторвалась от телефона и мельком взглянула сначала на мать, потом на Алексея. — Можно, я утром помоюсь?

— Нет, сейчас! — отрезала мать.

Тяжело вздохнув, Муля повиновалась.

Алексей сидел на крыльце и курил, краем глаза поглядывая на окошко бани, которое почему-то не удосужились прикрыть. В бане оживлённо переговаривались и громко смеялись. Шипение воды на камнях, казалось, было слышно даже на соседней улице.

Дверь бани распахнулась: распаренные Баярма и Муля в мокрых простынях вывалились на свежий воздух. Сквозь простыни откровенно просвечивали тела, но они ничуть не смутились, увидев сидящего на крыльце Алексея.

...После девятого класса Алексей принял решение остаться в школе, о чём пожалел уже в сентябре. Почти все парни его класса ушли учиться в техникум, и одноклассницы, осмелев, быстро утвердились во мнении, что Алексей — это просто антураж их девичьего класса, который не живет фикусов, стоящих на подоконнике. Его без зазрения посылали в буфет за пирожками либо в ларёк через дорогу за сигаретами, всякий раз забывая подкрепить свои просьбы наличными. При нём бесцеремонно обсуждали косметику, бижутерию, делились своими первыми женскими секретами.

Алексей всё это терпел лишь из-за Ленки Смирновой, она, может, и не была самой красивой в классе, но точно была самой уверенной в себе. Однажды Алексею всё это надоело, и он сделал замечание именно Ленке. В тот же день одноклассницы и ещё несколько девчонок из параллельных подкараулили Алексея в сквере за школой, повалили на землю и принялись бить ногами.

Алексей не сопротивлялся, молча терпел слабые уколы острых носков девичьих туфель и уже представлял, как спокойно поднимется, когда всё это ему надоест, с достоинством отряхнётся и пойдёт домой. Но чей-то острый каблук вонзился ему в висок и рассёк кожу. И Алексея потерял сознание...

В областной больнице Алексей, с трудом ворочая языком, пытался отвязаться от назойливого следователя. Затем пришёл Ленкин отец с большим пакетом разных деликатесов. Полчаса он рассказывал о том, как в юности дружил с бурятами, какие замечательные парни эти буряты, и прочее в том же духе. Оказалось, что инцидент случился накануне выборов. Отец Ленки баллотировался в областную думу, и выходка дочери грозила развалить всю его предвыборную кампанию. Заявление, несмотря на уговоры матери, Алексей писать не стал, деликатесы раздал соседям по палате, бросил школу и подал документы в техникум...

— Ничего, что я здесь сижу?! — Алексей ощутил, как от гнева у него начинают неметь язык и плечи.

— Ой, прости, — Баярма юркнула в предбанник, Муля последовала за ней. Алексей вскочил, вышел за ограду и неровным шагом побрёл наугад в темноту. Он шёл по улице, не разбирая дороги, когда осознал, что заблудился в неосвещённой деревне.

Впереди послышался топот копыт. Алексей посторонился, прижался к дощатому забору. Мимо промчалась, как ему показалось, монгольская орда в меховых островерхах

шапках, различимых на фоне неба. Вдали слышались выстрелы, пронзительное гиканье и отборный мат. Алексей метнулся вперёд и, попетляв среди заборов, оказался на окраине деревни: на пяточке, слабо освещённом уличным фонарём.

Под фонарём у столба стоял огромный калмыцкий бык. Бык повернул голову и уставился на Алексея. В слабом свете Алексею показалось, что его глаза налиты кровью и бык смотрит на него с жестоким равнодушием, словно размышляя: убить или не убить этого ничтожного человечешку.

От всего пережитого за эти дни Алексея охватила усталость, она поднялась волной и, опутывая его тело, опустилась к ногам. Вдруг стало всё безразлично: убьёт?.. а и пусть... так даже лучше... прервать всё разом и кануть в пустоту, исчезнуть, смешаться с навозными кучами, стать удобрением для чьего-нибудь огорода... — хоть какая-то польза. Алексей подошёл к быку и встал перед ним, вытянувшись в полный рост и раскинув руки.

— Бей, зверюга! Даже от тебя больше пользы, чем от меня! Бей! Ну?..

Бык смотрел на Алексея с тем же равнодушием. Он вытянув шею и потёрся о столб. Опустившись на землю, Алексей тихо заплакал. Бык наклонился к нему, обнюхал голову и провёл шершавым языком по лицу. Дыхание быка пахло степными травами. Обхватив голову быка, Алексей зарыдал. Бык ещё постоял рядом, затем смахнул руки Алексея, улёгся у столба. Алексей сидел на земле и плакал, громко, навзрыд. Слезы заливали его щёки, подбородок, шею, грудь...

— Что с вами? — рядом с Алексеем стояла Муля. — Вы так быстро ушли. Мы вас потеряли.

Выплакавшись, Алексей ощутил небывалую прежде лёгкость. Он не помнил себя таким. И то, что ему пришлось выплакаться на глазах у этой девочки, ничуть не смущало.

— Я в баню хочу, — сказал Алексей. — Не остыла ещё?

— Нет, конечно! — ответила Муля. — Она до утра будет горячей.

* * *

В предбаннике горел тусклый светильник. На стол Баярма поставила алюминиевый чайник, полный горячего чая с молоком, и железную кружку.

— Если хочешь, могу тебя попарить, — Баярма смотрела на Алексея без тени смущения.

Алексей же ощутил, что ему, в принципе, всё равно, будет она его парить или нет.

— Не возражаю, — спокойно ответил он.

— Тогда заходи пока в парилку, грейся. Я за веником схожу, — Баярма вышла из бани.

Алексей скинул с себя одежду, зашёл в парилку и тут же присел, закрыв лицо ладонями. Горячий пар покрывалом острых иголок окутал тело, до боли скрутил уши, ударил в нос.

Немного привыкнув, Алексей залез на вторую полку и уткнулся лицом в ладони. Пар был невыносимо горячим, но в эту минуту Алексей ощущал не менее острую, физическую потребность в этой боли. Посидев ещё с полминуты, Алексей выскочил в предбанник, обмотал бёдра простынёй и вывалился на улицу. Холодный осенний воздух нёс запахи степи, свежескошенного сена, навоза и лёгкого дыма.

— Все, что ли? — Баярма возникла внезапно.

Окинув голый торс Алексея, она скептически улыбнулась.

Алексей всегда понимал, что до Аполлона ему далеко. К пятнадцати годам парни со двора не вылезали из качалок, что сооружали в подвалах. Мышцы их росли как на дрожжах, у всех, кроме Алексея. Сколько бы он ни тягал гантели, оборачивалось это лишь невыносимой мышечной болью. Правда, никто из сверстников в подвальных

качалках не мог сравниться с Алексеем в жиме лёжа. Но жим лёжа не был особенно популярным. Все стремились «нарастить массу».

— Мне, наверное, хватит...

Пышный, просто огромный берёзовый веник в руке Баярмы сулил почти адские страдания.

— Долго не застаивайся, ещё раз погрейся, и начнём! — Баярма зашла в предбанник, и Алексей нехотя пошёл следом.

От первого удара, как ему показалось, едва не лопнула кожа на лопатках.

— Прости, — Баярма тряхнула веником над головой Алексея и принялась околачивать его ноги.

Он ясно представил себе, как на этом самом месте лежит Виталик. Белая ночная рубашка на теле Баярмы почти не скрывала наготы. Её живот был таким же, как у девушек с обложки: плоским и ровным, а грудь — высокой. «Очевидно, ей хорошо за тридцать, — думал Алексей. — Но как ей удалось сохранить своё тело в такой идеальной форме?»

— Не пялся, пожалуйста, — Баярма от души шлёпнула Алексея веником по ягодицам. — Живот и всё остальное парь сам. Отвернись.

Баярма бросила веник на скамью, скинула ночнушку, вылила на себя таз холодной воды и вышла из парилки. Усевшись на скамье, Алексей взял веник и с удовольствием прошёлся им по плечам и груди. Пар ощущался уже не так остро и даже радовал, доставлял удовольствие.

Опрокинув на себя по примеру Баярмы таз холодной воды, Алексей вышел в предбанник и промокнул тело простынёй. На скамье лежала чистая мужская одежда: армейское нижнее бельё и спортивный костюм. Одежду Алексея Баярма забрала, по всей видимости, в стирку. Костюм, хотя и оказался широковат, в целом пришёлся впору и был очень удобным. Пачка сигарет и зажигалка лежали на скамье, подальше от пара и мокрой простыни.

Одевшись, Алексей вышел на улицу, присел на крыльце и закурил. Ночное небо показалось ему бесконечным, готовым вот-вот обрушиться на голову. «А вдруг небо однажды рухнет?» Его отвлёк стук в окно. В проёме он увидел лицо Баярмы.

По дому растёкся сытный запах поз. Посреди стола возвышалась позница, прикрытая крышкой. Рядом стояла бутылка водки. Мули на кухне не было, наверное, она уже спала.

— Садись! — велела Баярма и, убрав крышку, положила в тарелку сразу пять больших, величиной с хороший кулак, поз.

— Я не съем столько, — невольно вырвалось у Алексея.

— Не съешь всего пять бууз? — Баярма посмотрела на Алексея с удивлением.

— Раньше я не ел столько.

— Это же было раньше, — Баярма разлила водку в гранёные стопочки граммов по сто, обе до краёв. — Давай, за знакомство!

Алексей взял стопку и осушил одним махом. Баярма же, напротив, пила мелкими глотками. На закуску позы пошли на удивление хорошо. Алексей не заметил, как съел четыре, одну за другой. Вопреки ожиданиям, вторую стопку Баярма ему не налила, а убрала бутылку в холодильник. Дождавшись, пока Алексей доест последнюю позу, Баярма положила ему ещё две.

— Кушаешь ты хорошо, — задумчиво отметила Баярма.

— Сам себе поражаюсь, — ответил Алексей, берясь за очередную позу.

Баярма внимательно разглядывала Алексея, уже не опасаясь, что её взгляд его смутит.

— А можно ещё стопочку? — Алексей показал большой палец.

Баярма достала бутылку и наполнила стопки до половины. Выпив залпом, Алексей закинул в рот большой кусок сочного мяса в тесте. Его скулы уже устали

жевать, но организм требовал всё больше и больше. Осилив седьмую позу, Алексей вздохнул и прислонился плечом к подоконнику.

— Комплекция у тебя все-таки бурятская, — Баярма, подперев ладонью подбородок, смотрела на Алексея изучающе.

— А в чём разница? — спросил Алексей.

— Ты не кажешься крупным, а костюм Виталика тебе в самый раз.

— Он твой парень? — Алексей виновато улыбнулся. — Прости, что спросил. Бывает, спрошу невпопад..

— Он гецул вообще-то, — Баярма поджала губы и смешно шевельнула бровями.

— А что такое «гецул»?

— Это монах с обетом безбрачия.

— А просто с женщинами гецулу можно? — Алексей потёр родинку на подбородке.

— Нельзя! — Баярма осушила свою стопку и поморщилась.

— А зачем ему это надо, быть гецулом? — все события, приключения и злоключения последнего месяца вдруг показались Алексею чем-то обыденным на фоне того, что сейчас ему рассказала Баярма.

— Поживёшь в дацане, поймёшь!

— Ладно, — сдался Алексей, — меня это не касается!

— Видимо, да.

— Мне сейчас кажется, что последний месяц своей жизни я просто сплю. Так неожиданно всё и нереально так — как в сказке. Вот сейчас закрою глаза, открою, а тебя уже нет. Только комната в вонючей общаге... Можно ещё водки?

— Хватит! — отрезала Баярма. — Может, спать пойдёшь?

— Да не усну я сейчас, — Алексей потёр подбородок. — Мыслей в голове полно...

— Вовремя тебя тётя Валя выдернула из города...

— Выдернула? Давай-ка с этого места подробнее.

— Иди спать! — отрезала Баярма. — Давай, налью ещё одну, и спать!

Баярма налила Алексею полстопки.

— Просто всё как снег на голову, — выпив, Алексей окончательно осмелел. — Может, я умер, там, в Первомайске? Ну не может же всё так быть на самом деле? Письмо какое-то странное от мамы, Виталик — буддийский монах... Ты сейчас рядом сидишь... У меня такое ощущение, что я тебя уже знал раньше... Очень знакомое лицо!

— Давай спать, утром поговорим!

Алексей почувствовал, что ещё немного — и он уснёт прямо за столом.

— Ложись на диване, я тебе постелила. Сигареты у тебя остались ещё?

Алексей выложил на стол пачку с зажигалкой и пошёл спать.

Баярма вынула из пачки сигарету, вышла на крыльцо. Закурив, она едва не подавилась горьким дымом. Рядом с ней присела Муля.

— А ты чего не спишь? — голос Баярмы осип, и было не совсем понятно, то ли она хочет расплакаться, то ли сигаретный дым оказался слишком крепким.

— Так-то милый дядька, но робкий очень, — Муля, выгнула брови. — Вот когда я вырасту, от меня мужики не будут бегать!

— Дай бог! — Баярма затянулась и швырнула окурок в ведро.

— Мама, это не твой вариант, однозначно, — лицо Мули стало грустным.

— Тебя не спросила!

— Багша, мне кажется, иногда ошибается. Он же разрешил вам с Виталиком? Зачем? Он же знал, что Виталик будет гецулом?

— Во-первых, мы не спрашивали разрешения у Багши...

— Но он же промолчал! Мог и предупредить, что у него на Виталика такие планы.

И ты бы сейчас не мучилась.

— Не знаю! Запуталась я...

— Просто не надо париться из-за мужиков, вот и всё! Не в мужиках счастье!

— А в чём? — Баярма с улыбкой посмотрела на дочь.
— Ну, не знаю, в деньгах, наверное... На деньги мы можем съездить к Гьялцену Римпоче.
— Ну, съездим, и что?
— Получим посвящение.
— Посвящение нам и Багша даст. Зачем нам ехать к Гьялцену Римпоче, если мы Багшу понять не можем?
— Откуда я знаю...
— Вот и я не знаю, — Баярма вздохнула.
— Мам, — Муля прижалась к Баярме, — я хочу завтра на скалу!
— Нам Лёшу надо в дацан вернуть.
— Съездим на скалу и вернём.
— Ладно, съездим, — Баярма чмокнула дочь в щёку.
— И ещё, мама, — Муля кивнула в сторону двери. — Не торопись с этим, ладно?
— По губам давно не получала?
— Просто мне надоело видеть, как ты мучаешься, — Муля всхлипнула. — Виталик тебя мучит. Теперь этот появился...
— Всё-то ты видишь...
— Вижу! Они так с Виталиком похожи. Он хлеб так же режет, носом так же дёргает, смотрит на тебя так же. А потом тоже, раз — и в гецулы. Разве так делается?
— А может, только так и делается? — Баярма грустно улыбнулась.
— Ладно, я спать, — тяжело вздохнула Муля.
Муля поднялась с крыльца, поцеловала мать в щёку и ушла в дом. Баярма судорожно передёрнула плечами, резко выдохнула, вошла в дом и закрыла дверь на крючок.

* * *

Всю ночь ему снились Баярма и Виталик. Они парились в бане, а Алексей никак не мог найти что-нибудь тяжёлое, чтобы зайти и прибить обоих. Проснулся Алексей рано утром. Едва открыв глаза, он ощутил запах влаги.

Баярма в ночной рубашке мыла полы. Настенные часы показывали шесть утра. Муля тем временем намывала кухню и прихожую. Закончив с уборкой, мать и дочь разложили в гостиной узкие войлочные коврики и подушечки из толстого сукна и начали простираться.

Алексею невыносимо хотелось в туалет...

Они простирались долго и методично. Мышцы на их руках налились, а лица покраснелись. Как показалось Алексею, простирались они без видимого напряжения, легко и красиво. Управились где-то за полчаса. Ночные рубашки на обеих промокли от пота. Баярма с Мулей вышли на кухню и за клеёнчатой занавеской стали ополаскиваться над раковиной, поливая друг дружку из ковша.

Алексей быстро влез в костюм Виталика и выбежал на улицу. Рассвет едва-едва загорался. В соседнем дворе доили корову: было слышно, как струйки молока ударяются в стенку оцинкованного ведра. Жизнь уже кипела вовсю. До Алексея донеслось шипение растапливаемого на сковороде масла: Баярма стряпала лёгкий завтрак. Спустя пятнадцать минут всё было готово, и Алексей, сполоснувшись под умывальником, уселся за стол.

— Водички выпей пока кипячёной, — Баярма указала пальцем на кувшин. Наполнив стакан, Алексей нехотя выпил невкусной стоялой воды.

...Этой привычки — пить кипячёную воду по утрам — придерживался Шумер. Поднявшись с утра пораньше, Шумер в одних трусах шлёпал на кухню, выпивал два стакана тёплой кипячёнки, после чего шёл в туалет и закуривал сигарету. Но вот от

привычки курить в туалете ни Алексей, ни Танюха, ни мать, как ни старались, так и не смогли его отучить...

Алексей осторожно поднёс ко рту ложку горячей каши. Что-то похожее иногда варила мама. Но это варево было из муки ржавого цвета.

— Это сечка? — спросил Алексей.

— Это цампа, — ответила Баярма, — каша из ячменной муки с топлёным маслом.

— В Тибете есть монахи, которые ничего, кроме цампы, не едят, — добавила Муля и одними глазами улыбнулась матери.

Каша показалась Алексею довольно вкусной. Но удивился он тому, что хочет есть с утра: аппетит у него просыпался обычно к вечеру, и так было с самого детства. Мама даже лечить его пыталась. Сначала водила по врачам, затем по знахарям. Одна суровая старуха в чёрном платке долго внушала маме, что все проблемы в жизни людей возникают лишь потому, что с утра они не ходят в туалет. «Как я устала!..» — вдруг выдохнула мама, когда они вышли из жилища знахарки на свежий воздух, и расплакалась...

— Мы сейчас на скалу, а потом в Могойтуй. Не возражаешь? — Баярма намазала маслом кусок коричневого хлеба и протянула Алексею.

— С вами хоть в Африку, — улыбнулся он.

Брови Баярмы поднялись домиком, но Муля нарочито несколько раз кашлянула, и щёки Баярмы подёрнулись румянцем.

— ...Скала — это наше святое место, — рассказывала Баярма, ловко огибая выбоины на старой дороге. — Там ещё до революции медитировал Ойдоп багша.

— А кто такой Ойдоп багша? — Алексей с любопытством вглядывался в степь за окном.

— Йогин здесь жил такой, лет сто назад. Великий был человек, бодхисаттва, живой бог, — лицо Баярмы стало задумчиво-серьёзным.

— А что он сделал такого великого?

Вопрос застал Баярму врасплох.

— Трудно объяснить, за что йогингов считают великими. Сейчас приедем, может, поймёшь...

Съехав на степной просёлке, машина Баярмы заскользила дальше в степь.

— Скажи, пожалуйста, а зачем вы утром полы мыли? Чисто же было вроде, — смущаясь, Алексей потёр родинку на подбородке.

— А почему ты всё время трёшь подбородок? — глаза Баярмы хитро блеснули.

— Не знаю, с детства так. Трудно объяснить.

— Вот и я пока не смогу тебе объяснить, почему каждое утро надо мыть полы, — на губах Баярмы застыла лёгкая улыбка.

— Это практика такая, — отозвалась с заднего сиденья Муля. — Моешь полы — моешь свою судьбу, типа того. А на самом деле это разминка. Если не разминаться перед простираниями, сердце будет болеть. И подушечки по грязному полу хуже скользят.

Ничего из того, о чём сейчас рассказала Муля, Алексей не понял. Чем больше он задавал вопросов, тем непонятнее отвечали ему. Что значит «мыть свою судьбу»? Зачем так напрягаться утром? Йогин неизвестный, но великий?

Машина скользила всё дальше и дальше в открытую степь, и от этой безбрежности увядающего разнотравья ему стало грустно. Показалось, что это другой мир, другая эпоха, другое измерение. Куда он погружается? Вернётся ли назад? Есть ли обратная дорога из этого чуждого ему мира? Это были прежде неведомые и потому непонятные мысли и ощущения. Что-то происходило в его жизни, что-то неизбежно и безвозвратно менялось, а что именно и почему, он не понимал.

Машина Баярмы остановилась у большой сопки, издревле размытой надвое степными дождями. Обе половины степной горы изнутри были связаны каменными

монолитами, одной стороной указывая на восток, другой — на запад. На самой макушке восточной половины стоял памятник из белого камня.

— Приехали! — Баярма, сложив молитвенно ладони, несколько раз низко поклонилась в сторону белого памятника.

— Ничего себе ущелье! — невольно вырвалось у Алексея.

— Здесь когда-то родник бил, — Баярма потянула носом воздух, — чувствуешь? До сих пор влагой пахнет. Люди пили воду из этого родника и могли вылечить любую болезнь!

— Самовнушение — сильная штука, — заметил Алексей.

— Возможно, — согласилась Баярма. — Но мою прабабку здесь вылечили от припадков. Говорят, коммунисты хотели добывать тут щебень для строительства кошар. Бригада поработала день, а потом рабочие начали болеть. Тогда сюда загнали другую бригаду, армян. Но они тоже заболели. В общем, ущелье рушить не стали. Но родник с тех пор высох, а это место стало тёмным, нехорошим. Кто сюда забредал, начинал болеть. Потом приехал Багша, медитировал много дней, и родник снова ожил.

— Что-то не вижу я родника, — Алексей осмотрелся по сторонам.

— Когда Багша сюда приезжает, родник оживает, — Баярма вздохнула. — Может, потом увидишь. Эти места после Багши снова стали целебными.

Погода неожиданно начала портиться, над ущельем нависли дождевые тучи. Открыв пакет, Баярма налила в стакан молока и побрызгала в разные стороны. Муля тем временем побежала к ущелью. Алексей отправился за ней. В ущелье было сумрачно и прохладно. В глубине Алексей увидел два щита для простираний. На щитах лежали по два деревянных бруска, опираясь на которые можно было простираться без опаски поранить руки.

— Смотрите! — Муля кивнула наверх.

Посмотрев, куда указывала Муля, Алексей увидел на скальное изображение буддийского божества, нарисованное то ли извёсткой, то ли мелом. Точно такое же божество было изображено на иконке, висевшей на зеркале заднего вида в машине Баярмы.

— Будда? — спросил Алексей без особого интереса.

— Это бог сострадания! — Муля сложила молитвенно ладони и низко поклонилась изображению на скале. Затем она пристроилась к щиту и начала простираться.

— Можете встать там, — кивнула Муля на второй щит.

Алексей встал у второго щита и увидел перед собой изображение гневного существа с оскаленным ртом и огромным кинжалом в руках.

— Когда здесь молишься, желания сбываются, — добавила Муля. — Загадайте что-нибудь и простирайтесь. Сбудется. Вот увидите!

Муля простиралась долго и упорно. Алексей пытался не отставать от неё, но уже на втором десятке стал ощущать предательскую одышку и ломоту в мышцах ног. Но пока Муля простиралась, Алексей не решился отойти от своего щита, и в итоге насчитал около сотни простираний.

— Жёсткая нагрузка, — Алексей присел на щит и утёр пот со лба.

— Виталик по тысяче раз в день простирался! — щёки Мули подёрнулись бодрым румянцем.

— И зачем ему это было надо? — Алексей пытался говорить равнодушным тоном.

— Чтобы ощутить силу сострадания!

— А что такое «сила сострадания»?

— Это... — Муля задумалась. — Короче, сострадание даёт силу вашим молитвам. Вот заболит, например, ваша мама, вы за неё помолитесь, и это ей поможет, потому что это ваша мама. А чтобы ко всем людям относиться, как к маме, нужна сила сострадания.

Спросить, зачем ко всем людям относиться, как к маме, Алексей постеснялся.

— Здесь Ойдоп багша медитировал, — прошептала Муля. — Если прислушаться, можно услышать его голос...

— Ерунда какая-то! — невольно вырвалось у Алексея.

— Нельзя так говорить! — строго осекла его Муля. — Багша говорит: хочешь сказать что-нибудь обидное, отложи на завтра. А завтра — на послезавтра, пока не поймёшь, что обидные слова не приносят счастья.

— Прости, вырвалось, — стушевался Алексей.

— Ничего, бывает, — Муля направилась обратно к машине. — Загадали желание?

— Ага. Хочу достигнуть силы сострадания! — выдал Алексей первое, что пришло в голову.

— Серьёзно! — одобрительно кивнула Муля. — Пойдёмте, нас мама зовёт.

Шагнув не глядя, она вдруг удивлённо ойкнула, наступив в лужу:

— Смотрите, родник ожил!..

Из-под земли тонкой струйкой пробивалась вода.

— Мама!! — Муля закричала так, будто только что увидела живого Будду.

Уже в следующую минуту Баярма стояла рядом с дочерью. Родник бил всё сильнее, выбивая из-под земли жёлтый песок. Минут пять Алексей, Баярма и Муля смотрели на это чудо, не веря своим глазам и пытаясь осознать, что же здесь сейчас происходит.

...Алексей никогда не верил в чудеса, даже в детстве. Лет пять назад мама убедила их с Танюхой отправиться с ней к известному шаману, о способностях которого, по словам мамы, ходили легенды. Так, по рассказам, он брал в руки раскалённые камни, лизал языком, после чего предсказывал по ним судьбу.

Они выстояли к шаману огромную очередь. Тот время от времени выходил, окидывал толпу ожидающих строгим, но довольным взглядом, иных — очевидно, по рекомендации — заводил без очереди. Когда очередь, наконец, дошла до них, шаман задал несколько общих вопросов, после чего долго шептал, перебирая чётки.

— Всё привезла? — строго спросил шаман маму.

— Да, всё, — мама выставила на стол трёхлитровую банку с чёрным чаем, бутылку водки и пакет со сладостями.

— Идите за мной! — велел шаман.

Они оказались в настоящей кузне с большой печью, наковальней и множеством кузнечных инструментов. В кузне было душно и дымно. Дверца печи была приоткрыта, среди углей виднелись раскалённые камни. У печки стояло ведро с водой и травяным веником. Подхватив железными щипцами раскалённый камень, шаман, смачно причмокивая, чуть коснулся его кончиком языка и бросил в ведро. Так он достал с десяток камней, после чего взял веник из трав, окунул его в ведро, отряхнул и по несколько раз обмахнул им сначала маму, затем Алексея и Танюху. После шаман что-то ковал на наковальне и шептал, прислушивался и диктовал маме Алексея волю их предков. Алексею предки передали, что ему всё же стоит сходить в армию и порекомендовали жить среди бурят.

Всю обратную дорогу мама и Танюха делились впечатлениями. Однако по разговору он понял, что обряд ничуть не придал им уверенности в завтрашнем дне...

— Что вы только что делали? — Баярма пристально посмотрела сначала на Алексея, затем на дочь.

— Простились!

— Странно... Очень странно... — Баярма задумчиво посмотрела на Алексея. — Нам нужно заехать в одно место!

* * *

— Бум-Ши — это что-то вроде боевого крещения, — Баярма вела машину в сторону деревни. — Все, кто приезжают учиться к Багше, обязаны сделать это Бум-Ши.

— А если я, допустим, не смог сделать это Бум-Ши? — спросил Алексей.

— Не было таких, насколько я знаю. За три месяца все успевают сделать.

— Круто, сто тысяч простираний за три месяца? — Алексей потёр родинку на подбородке.

— Были такие, кто делал за сорок дней.

— Да ладно? — ехидно улыбнулся Алексей, вспомнив, с каким трудом ему удалось сделать около сотни простираний каких-то полчаса назад. — Так и умереть можно!

— Мама же не умерла, — заметила с заднего сиденья Муля.

— Шаолинь прямо какой-то, — Алексей оглянулся на Мулю. — А Санжа? Санжа тоже сделал сто тысяч простираний?

— Санжа не ученик, просто послушник при дацане. Его Багша откуда-то привёз, не знаю, зачем.

— А Чимит кто такой? Такой высокий, мощный?

— Тоже не знаю, — Баярма пожала плечами. — Он гецул, как и Виталик.

— Такие здоровые мужики, и гецулы? Не знаю, не понимаю я, — Алексей поёжился.

— А у вас есть жена и дети? — неожиданно спросила Муля.

— Нет.

— А сколько вам лет? — снова спросила Муля.

— Тридцать два, — честно ответил Алексей.

— И почему вы до сих пор не женаты?

— Помолчи, а? — осекла дочь Баярма.

— Вы ещё Батора-ахая не видели, — не унималась Муля.

— А кто это? — спросил Алексей Баярму.

— Это самый крутой мужчина на свете! — ответила за мать Муля. — Мне бы такого папу.

— Ты не много сегодня болтаешь? — Баярма посмотрела на дочь в зеркало заднего вида.

— Нормально! — Муля сложила руки на груди и уставилась в окно.

— Батор-ахай — это старший брат Бато, доктора, который тебя привёз из Первомайска, — объяснила Баярма.

— Это который бывший бандит?

— Зато не дрищ, — съязвила Муля.

Баярма резко затормозила.

— Ещё раз ляпнешь что-нибудь... — она смотрела на дочь тяжёлым взглядом в зеркало заднего вида.

— Простите, это я виноват, — попытался разрядить обстановку Алексей.

— Дрищи всегда говорят не подумав! — не унималась Муля.

Ладони Баярмы побелели на руле.

— Ладно, молчу, — сдалась Муля.

— Всё, дамы, прошу прощения! Пожалуйста, не надо ссориться! Едем дальше, — неосознанно Алексей положил свою ладонь на кисть Баярмы и ощутил, что она холодна, как лёд.

Машина резко тронулась. С заднего сиденья послышался тонкий всхлип. Уткнув лицо в ладони, Муля заплакала.

...Алексей не переносил, когда при нём плакали дети. Ему было двенадцать, а Танюхе годик, когда мама вышла на работу. Мама работала с обеда и убегала, едва дождавшись сына из школы. С одной стороны, у Алексея всегда был повод уйти с уроков пораньше. Но то, что начиналось после обеда, становилось для него сущим

кошмаром. Едва мать уходила, Танюха начинала плакать. Она могла реветь часами. И лишь устав, засыпала. Где-то на час. А проснувшись, заходилась плачем с новой силой. Так продолжалось около года, пока её не отдали в детский сад...

— Ещё раз скажите, куда мы едем, — попросил Алексей, едва Муля успокоилась.

— Мы едем к дедушке, его зовут Нима ламбагай, — припухшее личико Мули вдруг возникло между Алексеем и Баярмой.

— Слышал я про этого дедушку, вчера буквально, — сказал Алексей. — Его отец, если не ошибаюсь, делал чашки. Багша ваш вчера рассказывал.

— Это слепой лама. Здесь, в деревне живёт, — утерев остатки слёз и шмыгнув носом, Муля улыбнулась Алексею и откинулась обратно на сиденье.

— Ну, он не совсем лама, — уточнила Баярма. — Он был послушником, учеником Ойдопа багши. Он сумел сохранить книги на тибетском языке и втайне продолжал практиковать. Во время войны Нима ламбагай служил в разведке, ходил за линию фронта, всегда возвращался целым и невредимым. Его даже стали подозревать... Хотели судить, но все, кто пытался, погибали... Интересный дедушка, очень старенький: ему, наверно, уже за сто лет перевалило. Но он ещё в здравом уме. Сейчас увидишь.

Впереди показалась чабанская стоянка с большой кошарой, рядом стоял неогороженный белёный дом. У самого крыльца, развёрнутый на восход, лежал отшлифованный до блеска щит для простираний. Чуть дальше Алексей увидел колодец, у которого топтались овцы и коровы красной масти.

Из дома вышел плотный, среднего роста степняк. Увидев Баярму, он сдержанно улыбнулся и кивком пригласил войти в дом. В доме пахло старостью. Всё пропиталось этим запахом. Кухонная мебель, табуретки, пол, печь, занавески на окнах, всё было сделано добротнo, на века, но очень-очень давно. Алексею даже показалось, что в доме перемешались запахи всех эпох и хозяев.

В просторной кухне за столом сидела старуха-бурятка. Несмотря на жар печи, она куталась в махеровую шаль мышинного цвета, а ноги её были обуты в зимние суконные сапоги. На голове у старухи красовался ярко-красный платок, завязанный косынкой. Уставившись в одну точку серыми выцветшими глазами, она раскачивалась из стороны в сторону и перебирала чётки из чёрных бусин.

От одной лишь мысли, что в этом доме ему предложат выпить чаю, Алексея едва не стошнило.

— Сайн байна, — поздоровалась Баярма.

На секунду старуха замерла, а затем протяжно дребезжащее заголосила. Она узнала голос Баярмы и обрадовалась ей, словно родной внучке. Из гостиной послышался мужской скрипучий голос. Баярма погладила старуху по голове и поцеловала в щёку. Та о чём-то спросила по-бурятски, Баярма ответила.

— Проходите! — сказала старуха по-русски.

Баярма прошла в гостиную. Следом за ней Муля, последним в комнату вошёл Алексей. В глаза ему бросились изображения божеств, тех самых, что он видел на скале в ущелье. И только потом он увидел самого Ниму ламбагай. Это был сухощавый старик в ветхом бурятском дэгэле. Он сидел на диване, так же, как и старуха, одной рукой перебирая буддийские чётки из красного коралла. В другой — Нима ламбагай держал пульт от телевизора. Глаза старика были скрыты за круглыми линзами тёмных очков.

Напротив дивана стояли табуретки. Алексей сел рядом с Мулей. Баярма же села рядом со стариком и заговорила с ним по-бурятски. Встретивший их степняк принёс кружки и разлил чай с молоком из большого чугунного чайника, поставил на столик у ног старца чашу с печеньем, конфетами и заветревшим зефиром.

Старик, кивая, внимательно слушал Баярму, затем перебил по-бурятски. На секунду Баярма растерялась и посмотрела на Алексея.

— О чём ты мечтаешь? — перевела Баярма вопрос старика.

— Он меня спрашивает? — Алексей виновато улыбнулся, понимая, что его вопрос прозвучал совершенно нелепо.

— Говори, что в голову придёт, — подбодрила Баярма.

— Сразу? — Алексей тронул родинку на подбородке и навскидку вспомнил, что с раннего детства мечтал быть только русским.

В юности он мечтал проснуться однажды утром, зайти в ванную, чтобы почистить зубы, и увидеть в зеркале русское лицо, неважно какое: рябое, кривое, в крапинку — лишь бы русское. В те годы можно было пойти к кому-нибудь из друзей и рассказать, какой забавный сон ему приснился этой ночью, посмеяться и забыть, стереть из памяти начисто. Но как это объяснить старику-буряту в присутствии трёх буряток?

— Я мечтаю жить где-нибудь в лесу, — начал Алексей. — Очень далеко в лесу, в домике за очень высокой оградой из стальных прутьев. За этой оградой мой домик и кусочек леса, где водятся белки, мышки и другая мелочь, даже косули. Под домом очень большой и просторный погреб и потайной люк из железа, за которым длинный туннель, он ведёт глубоко в гору, внутрь горы, где построен огромный бункер. Доступ в этот бункер есть только у меня! Если вдруг кто-то прорвётся за ограду, я просто открываю этот люк и ухожу в свой бункер, где меня никто не достанет!

— Круто... — сказала Муля в наступившей тишине.

— Почему ты боишься людей? — тут же перевела Баярма следующий вопрос.

— Я их не боюсь, — ответил Алексей. — Я их не люблю!

Алексей ждал усмешки, но старик и бровью не повёл, лишь с минуту сидел и думал. Затем что-то едва слышно сказал Баярме.

— Почему ты позволяешь себе быть слабым? — перевела Баярма.

— Не знаю, я не понимаю вашего вопроса, — Алексею вдруг показалось, что старик насквозь видит всё, что происходит у него в душе.

— Ты боишься быть сильным?

— С чего вы взяли?

— Тебе некого защищать?

— А вы думаете, кому-то надо, чтобы я его защищал?

— Пошёл вон отсюда... — проговорил старик отчётливо по-русски.

Руки его задрожали, дряблое морщинистое лицо покраснелось. Старик, казалось, даже помолодел. Муля отсела от Алексея сначала на одну табуретку, затем на другую... Баярма смотрела на Алексея растерянно и, как показалось, умоляюще.

— Пошёл вон отсюда, дурак! — повторил старик.

— Не понял?.. — Алексей приподнялся с табурета.

В комнату вошёл степняк и обхватил широкой ладонью руку Алексея повыше локтя.

— Руку отпусти! — дёрнулся было Алексей, но ощутил, что из этой хватки ему не вырваться.

— Давай, парень, на улицу, остынь, — степняк потащил Алексея за собой.

— А кто остывать-то должен? Я хоть слово ему сказал? Что за дела-то вообще? — Алексей клокотал, пытаясь вырвать руку из тисков степняка. Но тот лишь на улице отпустил его и убрался назад в дом так быстро, словно пытался скрыть приступ внезапного смеха. Алексей подметил, что скомканные, словно пельмени, уши степняка стали бордово-красными.

— Да вы охренели тут все! — Алексей огляделся по сторонам, ища глазами что-нибудь тяжёлое, чтобы кинуть в окна своим обидчикам.

Из дома вышли Баярма и Муля.

— Это что сейчас было? — Алексей сверлил Баярму помутневшими от ярости глазами. — Он где дурака увидел?

— Всё, поехали! — губы Баярмы дрогнули в чуть заметной улыбке.

— Что за дела-то, я не понял? — из глаз Алексея вдруг брызнули слёзы. Брызнули так внезапно, что скрывать их уже не было смысла. Увидев слёзы, Баярма обхватила его шею, и Алексей ощутил её запах, заметил на виске пару седых волосков в плотной, ещё тёмной и непокорной пряди.

— Всё хорошо, — Баярма притянула его к себе. От неё исходило тепло, то самое тепло, каким когда-то, очень давно, согревала его мама...

Алексей успокоился. Но отпускать Баярму не спешил. Он ощутил себя будто в той самой пещере, глубоко под горой, куда не сможет пробраться ни одно зло. Баярма гладила Алексея по голове, что-то нащёптывая ему на ухо. И он не отпускал её, словно испуганный ребёнок.

Всю обратную дорогу Баярма и Муля молчали. Лишь в доме брата Баярмы, собирая вещи, мать и дочь обменялись парой дежурных фраз. Алексей же сидел на крыльце, прибитый чувством неожиданно нахлынувшей усталости. Усевшись в машину, он почти сразу заснул и проспал до самого Могойтуя. Проснулся уже глубокой ночью. Через лобовое стекло в темноте он разглядел два силуэта. В одном узнал Баярму, в другом — Виталика. Они о чём-то спорили. На заднем сиденье мирно посапывала Муля. Открыв дверь, Алексей вышел на улицу, достал из кармана пачку сигарет и закурил.

— Как отдохнул? — Алексей понял, что забыл снять его спортивный костюм. Но Виталику, похоже, было всё равно — холодное, пустое спокойствие.

— Нормально, — попытался ответить Алексей так же холодно.

— Спать там же будешь, — Виталик развернулся и растворился в темноте.

Баярма подошла к Алексею почти вплотную и протянула руку.

— Это тебе, — Алексей ощутил в пальцах бусины чётко. — Это для счёта в практике. Не потеряй.

— Спасибо! Не потеряю, — сдержанно, почти виновато ответил Алексей.

Баярма села за руль, завела машину и с пробуксовкой сорвалась с места.

Темнота вокруг показалась Алексею живой, дышащей, напорающей, готовой к нападению. Ему до боли захотелось обратно в Усть-Нарин, в дом брата Баярмы, и быть там с ней и Мулей. И чтобы эти дни шли однообразно, без приключений и тревог.

— Вы скоро?

Алексей вздрогнул. Рядом стоял Санжа:

— Давайте быстрее, холодно. Мне вставать рано.

* * *

Алексей проснулся в два ночи, неожиданно, словно кто-то шлёпнул его холодной ладонью по щеке, проснулся так, будто и не спал. Санжа мирно посапывал на соседней кровати, время от времени бормоча во сне. Но, подняв голову, Алексей не смог его разглядеть. В крошечной темноте он не мог разглядеть даже собственных рук.

Никогда прежде Алексей не просыпался ночью вот так, вдруг. Повернувшись на другой бок, он закрыл глаза в надежде задремать, но сон не шёл. Что-то нездешнее, тревожное присутствие, пронизывающее холодом, вынуждало его бодрствовать. Будто, кроме него и Санжи, в доме был кто-то ещё. И убедить себя в обратном не удавалось. Поднявшись с постели и нащупав кроссовки, Алексей собрался и вышел на улицу.

Зябкий осенний ветер гулял по территории храма. Прикурив сигарету, Алексей прямо с крыльца справил нужду, покурил и хотел вернуться в дом. Решение пришло как-то вдруг.

Почти все доски у входа в храм были узкими и отшлифованными до блеска. Лишь один щит был широким, с двумя деревянными брусками для рук. Замерев у щита, Алексей представил изображения божеств, что увидел вчера на скале ущелья, и начал простираться.

Примерно до пятидесяти простираний ему ещё удавалось держать счёт.

Но дальше он просто передвигал в пальцах бусины чётков: одну на одно простирание. Липкий пот выступил на спине и под мышками, отчего любое дуновение ветра ощущалось почти болезненно. Но Алексей решил не останавливаться, поскольку в этом уже не было смысла. Идея пойти спать, не приняв душ, казалась омерзительной. А сидеть просто так и ждать утра в жутком доме хотелось ещё меньше.

От непривычной нагрузки дыхание Алексея сбилось почти сразу же, руки стали неметь после сотого, наверное, подхода. Тогда же занули и ноги: икры стало сводить судорогой, а на коленях противной болью дали о себе знать просочившиеся волдыри. Но Алексей, не веря самому себе, продолжал простираться. Постепенно боль прошла, а утренный воздух свежил его оживающее и крепнущее тело.

Вскоре появились первые послушники. Двое из них, не обращая внимания на Алексея, принесли мётлы и вёдра и принялись подметать дорожки. Другие направлялись к кухне. Физическая боль вскоре окончательно растворилась в потоке практики. Алексей простирался увлечённо, с упоением, не замечая никого вокруг!

...Открыв глаза, он провёл ладонью по лицу, ощутив капли влаги, и понял, что это падает первый снег. Над ним склонились послушники. Будущие монахи смотрели на него с тревогой и ожиданием.

— Что сейчас было? — спросил Алексей.

Один из них что-то ответил по-бурятски. Второй, русский, помог ему подняться с земли.

— А я смотрю, вроде простирался только что, и вдруг — лежишь, — русский послушник приветливо улыбнулся. — Бывает такое на свежем воздухе, нас предупреждали. Поэтому сначала лучше поработать немного: дорожки там подмести, лучины настрогать для печки или матрасы выбить. Я Антон, кстати.

— Лёха, — ответил Алексей.

— Чего встали? Работы мало? — услышав голос Виталика, послушники спешно разбрелись по своим местам.

Взгляд Виталика излучал неподдельное спокойствие. Он был чудно одет: в монгольский полшубок поверх монашеской одежды, красную вязаную шапку и тёплые монгольские гутулы. Непривычная глазу европейца восточная одежда была ему к лицу.

— В следующий раз предупреждай, — коротко бросил Виталик и направился к кухне.

Дойдя до своего домика, Алексей с трудом снял кроссовки, скинул костюм и обнаружил, что колени превратились в сплошное месиво. Руки и ноги едва слушались, в голове звенело и долбило виски. Санжи в доме уже не было.

Алексей прилёг на кровать и погрузился в пустоту. Это был долгий, томительный и оглушительный провал. В себя он пришёл от острого запаха нашатыря. Открыв глаза, Алексей увидел скуластое лицо Бато.

— Живой? — усмехнулся Бато. — Вот ты кадр.

— Бато, — всхлипнул в ответ Алексей, — как же я рад тебя видеть!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Была в жизни Алексея одна фобия: он очень боялся холода. Поначалу он просто мёрз и потому одевался всегда тепло, даже летом, и рубаху застёгивал на все пуговицы. Когда пришлось съехать на съёмную квартиру, нелюбовь к холоду постепенно переросла в жгучее ощущение плотной, липкой волны, тревожно обволакивающей сердце.

Алексей не помнил, когда именно впервые начал мёрзнуть. Он не любил воспоминаний, ведь любое из них вызывало чувство тревоги. Но картины из прошлого

возникали спонтанно, и с годами Алексей возненавидел свою память. Эту же ненависть он часто видел в глазах приятелей, она заставляла их сбиваться в стаи: так было проще выживать и защищаться от холода. Но от общения с приятелями не становилось легче, — легче становилось только от пива, а напившись, приятели норовили выплеснуть свою ненависть. Многие оказались в тюрьме... Мысли о тюрьме пугали Алексея ещё больше, чем холод.

...В тот вечер холод отступил, а точнее, уступил место пустоте. Алексей это понял после того, как упал в обморок у входа в храм и Бато увёз его в больницу. Ничего серьёзного там не обнаружили, обработали и перебинтовали колени — и отпустили. Вернувшись в храм, Алексей решил отлежаться, хотя бы с неделю, пока не заживут раны. Он лёг на кровать и тут понял, что не ощущает ровным счётом ничего, даже боли в коленях.

Проснувшись рано утром, Алексей пошёл на кухню. Не стесняясь никого и не обращая ни на кого внимания, он наложил себе полную тарелку каши, без аппетита поел и снова закрылся в доме. Потолка над ним не было, и на одной из балок, прямо над кроватью, он увидел конец верёвки, обрезанной острым ножом. Этот конец притягивал его внимание, словно мощный магнит. Ему вдруг показалось, что нет ничего, кроме этой унылой комнаты в грубо сколоченном доме.

Поднявшись с кровати, он прикурил сигарету и не ощутил вкуса дыма. Точнее, весь этот дым противной, склизкой волной прошёл без ощущения вкуса прямоком в лёгкие. Затапав сигарету, он подошёл к окну и упёрся лбом в холодное стекло. Где-то там вдалеке, вверх и вниз, по улице катили автомобили: по улице, где когда-то жила его бурятская бабушка и теперь с новой семьёй живёт его отец. Ощущение пустоты постепенно перерастало в чувство мучительной душевной боли. Взгляд Алексея остановился на свисающей с потолка верёвке. Тот, кто привязал её к балке, словно предвидел, что этот конец ещё кому-нибудь пригодится. Распутать узлы и привязать верёвку заново, и этого будет вполне достаточно...

Алексей засунул руку в карман в поисках зажигалки и нашупал твёрдые горошины бус. Чётки, подарок Баярмы, аккуратным кольцом умещались на ладони. Алексей бездумно пересчитал бусины, затем поднёс их к лицу. Чётки ещё хранили запах её духов. Тяжёлый комок, подступивший к горлу, перекрыл дыхание, и в то же время вытеснил мысли, изводившие ещё минуту назад. Ему снова захотелось увидеть Баярму и Мулю, просто побыть с ними рядом, на краешке их жизни, чтобы не мешать.

Вздохнув, Алексей убрал в карман чётки, взобрался на спинку кровати и отвязал верёвку от балки. Этого куса было вполне достаточно, чтобы оборвать всё разом. Но Алексей решительно смотал его в узел и швырнул в печь. Затем, после минутных раздумий, оторвал край покрывала с кровати Санжи, обмотал им правое колено и осторожно присел на пол. Боль ощущалась меньше, толстая ткань защищала. Оторвав второй лоскут, он обмотал левое колено.

Холодный осенний воздух ударил в нос, взбудрил запахом дыма и степных трав. Алексей направился к блестящим щитам у входа в храм. Заняв один из них, он сделал первое простираие и сморщился от боли.

— На колени не опирайся, на руках съезжай, — Виталик стоял неподалёку и наблюдал за потугами Алексея. — Подниматься будешь, поясницу тяни вверх. И следи за ощущениями. Будет больно, — бери паузы. Постепенно надо начинать.

Алексей сделал всё в точности так, как посоветовал Виталик. Простираться таким образом было куда тяжелее, и Алексей снова устался на Виталика, думая, стоит ли возразить. Но Виталик уже был у другого щита. Скинув с себя монгольский полушубок, он снял с поясницы кусок войлока, извлёк из карманов, пришитых к этому войлоку, две подушечки из толстого, плотного сукна, бросил их на щит и растянулся в полный рост, не касаясь щита коленями. Затем так же, не касаясь коленями щита, он вернулся в исходное положение. Алексей последовал его примеру.

Виталик простирался быстро, красиво, в одном ритме. Проходившая мимо повариха Жамбаловна что-то восторженно залепетала по-бурятски. Но Виталик, ничего не замечая, делал всё новые и новые подходы.

* * *

— Ну что, брат, домой не тянет? — Виталик сидел за столом напротив Алексея, с улыбкой наблюдая, как тот с аппетитом уплетает вторую тарелку супа.

— Надоел уже? — улыбнулся Алексей и, отставив тарелку, налил себе и Виталику чая с молоком.

— Надоешь — скажу, — Виталик заботливо придвинул поближе к Алексею тарелку с пряниками.

— Что-то я ем и ем, — Алексей, дожёвывая очередной пряник, виновато улыбнулся.

— Есть к тебе дело, — Виталик подул на чай и сделал маленький глоток. — Я предлагаю тебе пройти ученический ретрит!

Подавившись крошкой, Алексей раскашлялся и от тяжёлого хлопка ладонью по спине едва не свалился под стол. Алексей знал, что такое «ученический ретрит». Так в этом храме называли добровольные работы на чабанской стоянке под руководством Батора-ахая, брата Бато. Любой, прибывший в храм с целью стать послушником, был обязан пройти эту полугодичную повинность. Каждую осень на стоянку уезжало от пяти до десяти новобранцев. В храм возвращались от силы двое-трое. Остальные отправлялись по домам.

Зелёные глаза Виталика смотрели на Алексея серьёзно, без тени усмешки. Румяные щёки русоволосого буддийского монаха слегка побледнели, Виталик сейчас был очень сосредоточен.

— А ты думаешь, я готов? — Алексею эта идея не очень-то нравилась. Но внутренним чутьём, что в последние дни проявлялось всё острее, он понимал, что этой повинности ему не избежать.

— Сегодня вечером отправка. Делай свои дела и собирай вещи! — Виталик допил чай и направился к выходу.

Под «своими делами» подразумевалось мытьё посуды и колка дров. Вот уже месяц как Алексей жил в храме: помогал на кухне, топил печь и носил воду. Когда послушники уходили на занятия, Алексей простирался. Уже через две недели без особых проблем делал до пятисот простираний по обычной методике или по сто восемьдесят по методике, которую ему объяснил Виталик. Каждый послушник в храме имел свой личный коврик из плотного войлока, на котором сидел во время занятий, который подкладывал под колени во время практики простираний. Кроме того, у каждого послушника имелась пара войлочных подушечек, чтобы руки лучше скользили по доске. С таким нехитрым набором послушники могли простираться целыми днями без ущерба для здоровья.

Уже через месяц практики Алексей обратил внимание, что мышцы на руках и ногах заметно окрепли. Всё, что давали в столовой, он съедал и не наедался. Лицо его заметно округлилось, взгляд стал увереннее, а походка раскованнее. Мыть посуду ему обычно помогал Антон, парень из Тулы, в прошлом студент престижного института при известном во всём мире инновационном центре. Учился Антон на микробиолога. На третьем курсе, неожиданно для семьи и однокашников, забрал документы и уехал в Забайкалье, чтобы стать учеником Буда ламы. Именно так, как уже знал Алексей, звали Багшу.

Антон оказался очень общительным и в то же время закрытым человеком. Он мог поддержать любую тему, лишь бы было интересно собеседнику, однако почти ничего не рассказывал о себе. Ещё меньше Алексей знал о личности Буда ламы. Из обрывочных рассказов лишь понял, что тот был монахом с огромным количеством

обетов и приехал в Могойтуй из Индии, где обучался в одном из тантрических монастырей.

Ходили легенды, что уже на следующий день по приезде в Могойтуй Буда лама представил учение в местном Доме культуры. И то, что прежде всем казалось скучным и малопонятным, вдруг стало доходить до простых селян, словно удивительная целебная музыка. Люди понимали его и загорались желанием изменить свою жизнь к лучшему.

Но селяне упустили один, казалось бы незначительный, факт: личное счастье возможно лишь тогда, когда счастливы все! Следовательно, счастлив тот, кто делает всё для счастья других. Одним из немногих, кто это понял, был Батор-ахай, — бывший бандит и наёмник.

Желая поддержать учителя, Батор-ахай продал автомобиль, всю свою «лишнюю» недвижимость — и построил для Буда ламы небольшой молельный дом, дуган. Это была робкая попытка удержать учителя в Могойтуйе, и Буда лама её оценил. Вскоре в маленьком дугане монаха появились первые послушники, и Батор-ахай начал строить для них жилые домики.

Храм постепенно разрастался, денег требовалось всё больше. Батор-ахай организовал фирму по продаже подержанных японских автомобилей и месяцами напролёт челночил из Забайкалья на Дальний Восток, туда и обратно, не жалея ни сил, ни здоровья.

Однажды в Могойтуй приехал учитель Буда ламы — Гьялцен Римпоче, ненадолго, всего на три дня. Всё это время Римпоче провёл в домике Буда ламы, обсуждая с ним и Батором-ахаем что-то очень важное. Вскоре после отъезда Гьялцена Римпоче бизнес Батора-ахая обрёл новые масштабы. Он основал в Чите, с филиалами в Улан-Удэ и Иркутске, крупную фирму по отделке фасадов высотных зданий. Так у Батора-ахая появились деньги на строительство храма.

Со временем он обзавёлся помощниками, одним из них стал бывший однополчанин Виталик. Батор-ахай заметил его в Чечне, тогда ещё худенького солдата-срочника. Виталик подкупил его знанием бурятского языка. Грозный бурят-контрактник и тогда ещё совсем юный русский солдат-срочник подружились и, вернувшись с войны, старались не терять друг друга из виду. Так Виталик оказался в буддийском храме и стал послушником Буда ламы.

Все эти истории Алексею рассказал Антон. Перебивая посуду, он рассказывал другу о чём угодно, но только не о себе. Время от времени начинающим послушникам помогал Чимит: выше метра девяносто, с косою саженью в плечах, с мощной, выступающей челюстью — он порою пугал одним своим видом. Однако за всей этой внушительной мощью скрывалась очень добрая, ранимая и привязчивая натура.

Чимит был действующим ламой и наставником в дацане Буда ламы, и одним из первых его послушников. Заветной мечтой была учёба в Индии, в том самом дацане, где воспитывался Буда лама, у самого Гьялцена Римпоче, и Чимит яростно доказывал свою готовность, выезжая на ученические ретриты и регулярно простираясь не менее тысячи раз в день. Его тело стало подобно живому панцирю. Ему не было равных в турнирах по национальной борьбе. Ходили слухи, что однажды на чабанской стоянке Чимит голыми руками усмирив взбесившегося быка...

Антон мыл посуду. Алексей успел изучить этого парня и подметил в лице Антона предчувствие перемен.

— Как настроение? — Алексей присел рядом, взял в руки губку и кусок хозяйственного мыла, намылил тарелку и окунул её в корыто с горячей водой.

— Не знаю. Волнуюсь немного, — Антон поставил чистую тарелку на стол. — Я, когда сюда ехал, ни в чём не сомневался! А вот сейчас страшно. У тебя остались сигареты?

Алексей достал пачку. Оба закурили прямо на кухне, несмотря на то, что в храме действовал строжайший запрет на курение.

— Мы сегодня на стоянку уезжаем, — продолжил Антон.

— В курсе. Я тоже еду! — Алексей выпустил колечко дыма.

— Я рад! Мне даже легче немного стало, — улыбнулся Антон.

— Тебе-то чего бояться? — Алексей ощутил, что от табачного дыма его начинает тошнить. — Ты из Тулы сюда рискнул приехать, институт крутой бросил ради этого. Что может быть страшнее?

— Стрaшнее сдаться! — Антон бросил окурок в ведро. — Страшно, когда столько жертв ради выдумки, приходи.

— Братан, ты меня пугаешь! — Алексей хлопнул по плечу Антона.

— Я сам себя боюсь... Понимаешь, я искренне верил, что всё делаю правильно. Но сейчас что-то меня подтачивает. Сам не пойму, что. Ты слышал историю о Загда?

— Это тот, который повесился? — Алексей ощутил, как по его спине пробежал холодок.

— Он на ретрите сделал Бум-Ши за сорок дней! Батор-ахай ценил его выше всех остальных. Но когда Загда вернулся в храм, он первым делом пошёл в магазин, купил бутылку водки, напился и изнасиловал какую-то малолетку. Он не помнил, как и почему так поступил. Утром малолетка поставила его перед фактом: либо деньги, либо тюрьма...

— Так какое же это изнасилование? — выдохнул возмущённо Алексей.

— Как бы там ни было, Загда пришёл и обо всём рассказал Батору-ахаю. Тот спросил, сколько она просит? Загда назвал сумму. Вечером Батор-ахай принёс ему конверт с деньгами. Загда передал деньги малолетке, а утром его нашли повешенным.

— И в чём мораль? — Алексей прикурил вторую сигарету.

— Там, на стоянке, что-то происходит с людьми, — Антон вздохнул. — Там мало быть терпеливым. Там нужно что-то ещё.

— Карма, что ли? — спросил Алексей.

— Скорее что-то противоположное ей, — Антон тяжело выдохнул. — Боюсь я, братан. Боюсь, что не выдержу.

— Выдержишь! — Алексей снова хлопнул Антона по плечу.

На пороге неожиданно появился Чимит. Антон и Алексей поднялись со своих мест.

— Ещё раз увижу, — бычки жрать заставлю! — коротко бросил Алексею Чимит. Алексей затушил окурок, на автомате вытер ладонь о штанину. Усевшись между парнями, монах взял в руки губку.

— Да мы сами всё помоем... — начал Антон.

— Давайте без этого, — недовольно пробубнил Чимит и принялся мыть посуду.

* * *

Этой ночью ему снова приснился Соболь. Неторопливо, с важным видом пёс бродил за оградой отцовского дома, обнюхивал почти сгнивший покосившийся забор, детскую песочницу, заросшую травой, и старые качели. Из песочницы умный пёс выкинул давно забытые игрушки, а затем с громким, радостным лаем бросился к калитке...

Открыв глаза, Алексей подумал, что нужно сходить к отцовскому дому и хотя бы посмотреть на него незаметно, со стороны. Вымыв посуду, он предупредил Виталика, что будет через полчаса, и вышел за территорию храма. Дом отца стоял у подножия горы, на которой строился храм, в десяти минутах ходьбы.

...Старая калитка когда-то была покрашена в зелёный цвет. Краска почти вся облупилась, но жестяная цифра «13» была та же. Новыми были ворота дома. У ворот, что-то бормоча себе под нос, играл мальчик лет пяти, катал по замёрзшему песку

пластмассовый грузовик. Рядом с мальчиком сидела небольшая лохматая собака с бородкой и пышными усами. Увидев Алексея, собака сердито зарычала.

У бабушки всегда были лохматые собаки, с бородкой и усами. Она верила, что такие собаки отличаются большим умом и преданностью. Алексей это запомнил случайно, когда бабушка отругала его за то, что он пытался постричь собаку. Та собака отзывалась на кличку Соболь.

— Соболь, Соболь? — Алексей осторожно протянул руку.

— Он кусается, — предупредил мальчик. — Откуда вы знаете, как его зовут?

— Знаю, — просто ответил Алексей.

Мальчик уставился на него чёрными, как смоль, глазами и смешно дёрнул носом.

— Вы из дацана? — мальчик кивнул в сторону храма.

— Да, — подтвердил Алексей.

— А как вас зовут?

— Антон, — неожиданно для себя соврал Алексей.

— А-а, — протянул мальчик. — А я Ойдоп Владимирович, — он протянул руку. Алексей пожал ладонь мальчика. Несмотря на холод, она была тёплой. Собака всё это время внимательно следила за Алексеем, готовая в любой момент вступить за своего хозяина.

— А вы знаете там Лёшу? — мальчик пытливо посмотрел в глаза Алексея.

— Лёшу? — этот вопрос застал Алексея врасплох. — Нет, не знаю.

— Мама говорит, это мой брат. Он русский, в Чите живёт.

— Да ладно? — Алексей понял, что пора уходить.

— Мой папа, когда был молодой, женился на тёте Вале, она была у нас в гостях. Потом папа ушёл к моей маме, чтобы родить меня. Но там, у тёти Вали, остался Лёша, мой брат. Мама хочет пригласить его к нам в гости, но стесняется.

— Я спрошу, — пообещал машинально Алексей и попытался отвернуться, но пытливый взгляд мальчика словно сковал его по рукам и ногам.

— Скажите, что я скучаю по нему! — лицо мальчика выражало неподдельную грусть. — Я мечтаю, чтобы у меня был старший брат.

— Конечно, скажу! Ну ладно, мне пора, Ойдоп Владимирович.

— До свидания! — ответил мальчик.

Алексей развернулся и торопливо пошёл прочь. А точнее, не пошёл, а побежал. Склон храмовой горы плавно поднимался вверх, и чтобы преодолеть его, требовались немалые усилия. Но Алексей даже не заметил, как добежал до храма.

У ворот стоял микроавтобус. Послушники, усевшись в салоне, смотрели на Алексея из окон. От храма торопливым шагом направлялись Виталик и Чимит, рядом с ними шёл невысокий кряжистый бурят.

— Ты где шляешься? — недовольным тоном пробубнил Чимит. — Тебя одного ждём. Вещи собрал?

— Всё при мне, — пожал плечами Алексей.

— Это Лёха, — представил Виталик Алексея невысокому буряту. Тот невозмутимо кивнул и протянул руку. Лицо его показалось Алексею знакомым.

— Батор.

— Очень приятно, — ответил Алексей.

Это был хоть и невысокий, но явно крепкий, основательно сбитый степняк. Они были похожи с Бато и внешне, и в повадках. Но в глазах Батора-ахая угадывался куда больший жизненный опыт.

— Давайте в машину! — скомандовал Батор-ахай.

— Удачи! — коротко бросил Алексею Виталик.

Микроавтобус плавно тронулся с места. Батор-ахай уселся на переднем сиденье, достал сотовый телефон, набрал номер и заговорил по-бурятски. Почти всю дорогу он

что-то уточнял, корректировал, кого-то то ругал, то хвалил. Время от времени с его губ срывался отборный мат.

На минуту он отключил телефон и, казалось, сосредоточился на дороге, но сотовый зазвонил опять. Секунд десять он внимательно слушал, а затем снова заговорил. Сидевший рядом с Алексеем Антон сосредоточенно смотрел в одну точку. Взгляд его выражал полную отрешённость, но складки губ выдавали большое внутреннее напряжение.

- Всё будет нормально, братан, — Алексей хлопнул Антона по колену.
- Хотелось бы, — глухо и отстранённо ответил Антон.

* * *

Где-то час микроавтобус колесил по степи. И всё это время навстречу ему шла тяжёлая гряда свинцовых туч. Степь за окнами автомобиля менялась буквально на глазах. Жёлтые тона осени уступали место серебристым краскам зимы.

- Не успеем, похоже?! — с тревогой в голосе заметил один из послушников.
- Толкать, значит, будем, — сухо ответил Чимит.

Мокрый снег обрушился неожиданно, без подготовки. Как-то разом стёкла залепило плотными хлопьями. Большой пассажирский «японец» упрямо двигался вперёд, но временами его заносило то влево, то вправо. Батор-ахай всё громче и громче говорил по телефону. Чимит, не скрывая тревоги, внимательно вслушивался.

- Случилось что? — спросил Алексей Антона.
- Сын потерялся вроде, — ответил Антон.
- Чей? — не понял Алексей.
- Его, — кивнул Антон в сторону Батора-ахая.

Степь стремительно погружалась в объятия большой метели. Снег наступал плотными волнами, одна за другой. Но «японец», раскачиваясь из стороны в сторону, упорно рвался вперёд. Послушники невольно обмирали от страха. Всё, что они видели за окнами, — это плотная стена мокрого снега. Батор-ахай, отключив телефон, теперь что-то быстро и чётко объяснял водителю, указывая пальцем туда, где едва угадывалась дорога.

Так продолжалось ещё минут двадцать, но этот отрезок времени показался Алексею куда более долгим. Внезапно из пелены снега возникла большая каменная кошара, а затем и добротный дом со спутниковой антенной у самого входа. Рванув дверь автобуса, Батор-ахай спрыгнул на землю и двинулся в сторону кошары.

- Выходим! — скомандовал Чимит.

Послушники спешно покинули салон и выстроились у входа в дом. Мимо них верхом на приземистой коренастой лошади галопом промчался Батор-ахай. Послушники в ужасе наблюдали, как силуэт их наставника растворился за стеной мокрого снега.

— За мной! — скомандовал Чимит и повёл послушников в сторону кошары, на железных воротах которой красовался символ «инь-янь». Открыв обитую войлоком дверь сбоку от ворот, Чимит завёл послушников в жилое помещение из двух комнат и кухни.

Помещение почему-то называлось «подсобкой». Здесь было тщательно прибрано. На вешалке у входа висели комплекты уже ношеной, но чистой рабочей одежды. Внизу под вешалкой Алексей увидел несколько пар кирзовых сапог, обмотанных портянками. К каждому комплекту прилагалась бумажная бирка с именем. На одной из бирок он увидел своё имя. В центре кухни стоял большой грубо сколоченный стол, две широкие лавки и стул, у стены — старый буфет.

— Пока ждём! Туалет за кошарой, — переодевшись в рабочую одежду, Чимит выбежал на улицу, громко хлопнув дверью.

Только теперь Алексей мог, наконец, присмотреться к послушникам. Двое

из них, включая Антона, были русскими. Ещё один, высокий, под два метра ростом, необычайно худой, внешностью напоминал скорее кавказца. Другие двое были азиатами. Время от времени Алексей видел их всех на территории храма. Все пятеро стояли на месте как вкопанные и растерянно оглядывали помещение.

— Лёха, — Алексей протянул руку послушнику, похожему на кавказца.

— Нариман, — ответил тот.

Второй русский представился Артуром. Двое молодых парней оказались бурятами, их длинные бурятские имена с первого раза Алексей не запомнил. В комнате послушники увидели двухъярусные армейские койки, их было ровно три. Ещё одна койка в углу, судя по всему, предназначалась Чимиту.

За окнами не унималась метель. Порывы ветра били в стёкла, крышу, стены.

— Приехали, — Нариман присел на отдельную койку и посмотрел на Алексея, а затем и на всех остальных. Всем своим видом он пытался показать, что в душе у него полный порядок. Но глаза выдавали растерянность и тревогу. Алексей ощутил, что эти чувства просыпаются и в его душе, и в душах всех остальных.

— Кто-нибудь в курсе, что здесь будет? — Нариман явно пытался разрядить обстановку. — Я понял, медитировать будем? Тексты учить и всё такое? Нет разве?

— Кто тебе такое сказал? — отреагировал один из бурят. — Навоз будем убирать за баранами и коровами, сено раздавать, солому стелить.

Это был невысокий, широколицый, кряжистый паренёк с узкими и, как показалось Алексею, наглыми глазами.

— Да ладно, — не поверил Нариман. — Я вообще-то на монаха буддийского приехал учиться!

— Мы тоже, — отреагировал второй бурят. В отличие от соплеменника, он был художавым и стройным.

— Ну и всё, — напрягся Нариман, — кому навоз, а кому учение!

— Всё, завязывайте, — резко оборвал Артур. — Что скажут, то и будем делать.

— А мне это надо? — не унимался Нариман.

— Ты же знал, куда ехал? — вмешался Антон.

— Мне про навоз никто ничего не говорил, — отрезал Нариман.

— Теперь ты знаешь всё! — усмехнулся Артур.

— Я смотрю, ты много знаешь? — кавказец поднялся с кровати и вытянулся в полный рост. Нариман был выше Артура на две головы. Но Артур ничуть не смутился.

— Сейчас Чимит придёт, ему и выговаривай! — Артур улыбнулся. Во рту блеснули золотые коронки.

За дверью послышался шум. Послушники замерли, затем невысокий бурят бросился к выходу и открыл дверь. В подсобку ввалился мужичок в спецовке. В руках он держал большую кастрюлю, за плечами его послушники заметили набитый рюкзак.

— Здравствуйте, — улыбнулся мужичок, — обед заказывали?

— Да не мешало бы, — ответил Артур.

Поставив кастрюлю на стол, мужичок ловко развязал рюкзак и достал пару буханок хлеба.

— Ну что, товарищи будущие монахи, как настроение? — мужичок смеющимся взглядом окинул послушников.

— Как-то непонятно пока, — ответил за всех Нариман.

— Что тебе непонятно? — улыбнулся мужичок.

— Мы что, реально навоз сюда убирать приехали?

— А что ты ещё собрался делать на чабанской-то стоянке? — усмехнулся незнакомец.

— Я вообще-то на монаха учиться приехал, буддийского, — съязвил Нариман.

— А чем, по-твоему, монахи занимаются?

Слов для ответа у Наримана не нашлось.

— Давайте, парни, трескайте, пока горячий, — сменил тему мужичок, — посуда и ложки в буфете.

— А вас как зовут? — спросил Антон.

— Да Андрюха я! — мужичок улыбнулся и поздоровался за руку с каждым из послушников. — Можете не выкать!

— А отчество? — уточнил Алексей.

— Говорю же, можно просто — Андрюха! — усмехнулся мужичок. — Это ты — братан Виталика?

— Я, — подтвердил Алексей.

— Слышал о тебе, — Андрюха крепко сжал ладонь Алексея. — Я тоже метис. Так что братаны мы с тобой.

— Ну, и я тоже не чистый бурят, — отозвался Нариман.

— Видно по тебе, — согласился Андрюха. — Ладно, вы ешьте, пейте, отдыхайте с дороги. Завтра работы много будет.

Резко развернувшись, Андрюха вышел из подсобки. Послушники тут же обступили стол, занимая места.

— Что там у нас? — Артур приподнял крышку кастрюли. — Ого, пельмешки с лапшой? От души!

Запах горячего супа с лапшой и пельменями тут же разнёсся по кухне. Артур ловко разложил по столу пластиковые тарелки, Антон принялся нарезать хлеб. Вскоре послушники, забыв о недавних тревогах, с аппетитом ели суп. Алексею вкус этой еды показался до боли знакомым. Такие супы варила бабушка, давным-давно, в детстве...

Алексей всегда был худощавым, сколько себя помнил. Главной причиной его худобы, как думала мама, был плохой аппетит. Лишь один раз он действительно располнел, в раннем детстве, когда гостил у своей бурятской бабушки. Она не убеждала его съесть лишний кусочек пресной лепёшки или бутерброд с кислым чёрным хлебом. Всё, что она ставила на стол, Алексей тут же сметал, и в награду бабушка отпускала его погулять с Билигмой — девочкой, жившей по соседству.

Алексей плохо помнил Билигму. В памяти сохранились её аккуратный, слегка вздёрнутый нос, полоски бровей, сходящихся на переносице, и большие чёрные как смоль глаза. Поначалу девочка не могла и слова сказать по-русски, Алексей ни слова не понимал из того, что говорила она. Но уже через неделю они прекрасно общались и могли о многом друг другу рассказать.

Для начала Алексей научил её кричать по-русски: «Самолёт, самолёт, унеси меня в полёт...» Билигма же сумела увлечь его смешной бурятской песенкой про самолёт. Еда у бабушки была простой и невкусной. Особенно долго Алексей привыкал к простокваше, хранившейся в длинном деревянном чане с ручкой внутри. Каждое утро бабушка взбивала эту простоквашу, пока не появлялась густая пена, и наливала Алексею полную алюминиевую кружку. Алексей пил, зажав пальцами нос.

Он всегда с улыбкой вспоминал о том, как хитро бабушка приучила его пить простоквашу. После того, как Алексей демонстративно швырнул на пол третью кружку, бабушка позвала Билигму и налила простокваши ей. Билигма с удовольствием выпила густую, невозможно кислую жижу и попросила добавки. Уговаривать больше Алёшу не пришлось.

А мама стряпала на этой простокваше блины, фаршировала их мясом и сладким творогом с толчёной черемухой. Лёгкая, худенькая, чрезвычайно подвижная Билигма без уговоров съедала блинчик с мясом, а затем ещё и блинчик с творогом. Прилагая невероятные усилия, Алексей всякий раз повторял её гастрономические подвиги и к концу лета превратился в смуглого истинно бурятского крепыша. Тем летом Алексею исполнилось пять.

Однажды вечером отец Алексея пришёл домой пьяным, повздорил с мамой и ударил её по лицу. Бабушка была во дворе и потому ничего не успела предпринять.

Мама спешно собрала сына и увела на вокзал. На вокзале она присела на самую отдалённую скамью и плакала так долго, что Алексей успел привыкнуть к её плачу. Он уговаривал её вернуться к бабушке, ведь утром они сговорились с Билигмой сбежать на сельское кладбище и понаблюдать там за мертвецами. Но мама, не слушая его, продолжала плакать до тех пор, пока он не присел рядом и, уткнувшись носом в её плечо, не уснул. Проснулся он рано утром, уже на вокзале Читы.

...Суп был приправлен тонко нарезанной травой — степным чесноком. Ощувив просто зверский аппетит, Алексей с удовольствием съел две тарелки.

— А тут всё по-человечески, — заметил Нариман. Рядом с буфетом он обнаружил небольшую раковину с краном: с холодной и горячей водой.

— Значит, и душ есть, — приободрился Артур.

— Душ — это круто, — резюмировал Нариман, развалившись на койке, предназначенной для Чимита.

Насытившись, послушники начали занимать свободные койки, на каждой уже лежали свёрнутые матрасы, аккуратно сложенные стопками одеяла, постельное бельё и полотенца. Антон принялся мыть посуду.

Дверь открылась, в подсобке появился Чимит. Одежда на нём промокла от снега, глаза выражали крайнее недовольство. Послушники невольно замерли на своих местах, Чимит, не обращая на них внимания, скинул с себя бушлат и шапку, сел за стол, налил супа и принялся за еду. Следом в комнату ввалился Андрюха. Его глаза, напротив, светились радостью. Усевшись рядом с Чимитом, сняв шапку, Андрюха озорным взглядом окинул послушников.

— Ну, что приуныли, пацаны?

Послушники переглянулись, но ответить никто не решился. Теперь Алексей мог разглядеть Андрюху. Внешне этот мужичок был скорее русский, чем бурят. Большие зелёные глаза, высокий лоб, светлая кожа. Бурятскую кровь выдавали чёрные волосы, уже подёрнутые ранней сединой, высокие скулы и сбитая кряжистая фигура. На вид ему было лет тридцать пять.

— Поводов для радости нет, — ответил за всех Чимит.

— Это пошто? — усмехнулся Андрюха.

— Ты, вон, порадовался сегодня, — глаза Чимита злобно блеснули.

— А чо мне, плакать, что ли? — спокойно парировал Андрюха. — Ишь какая сила пришла. Всяко легче теперь будет.

— Тебе что про Саяна говорили? — ноздри Чимита дрогнули.

— А, вон ты о чём. Так ему, думаешь, будет чо?

— А если заплутал бы?

— Тебе больше всех надо, что ли?

— Балбес ты!

— Сам балбес! — Андрюха замешкался, лихорадочно соображая, а затем вдруг вскочил и навис угрожающе над Чимитом. — За базаром следи, бивень! — выпалил он. — Я тогда твою пачку бурятскую не набил, так теперь набыю!

— Сам ты бивень! — прохрипел Чимит с натянутым спокойствием.

— Олень тупорылый, — распаялся меж тем Андрюха, — забыл, кто тебя от Мишки спас? Свистел всем потом, что быка заломал...

— Ничего я не свистел! — Чимит вздохнул и скрипнул зубами.

По габаритам он едва ли не в два раза превосходил Андрюху, и потому послушники с нескрываемым волнением ждали развязки нелепого конфликта. Но Андрюха даже и не думал отступать. Ещё мгновение подумав, он одним ударом снёс со стола Чимитову тарелку с остатками супа.

— Ты чо, козлиная? — Чимит вскочил и в свою очередь навис над Андрюхой, рывкнул, обдавая того крошками изо рта: — А-а?!

— Да ничо! Я, думаешь, не слышу тут ничего, просто так сижу? Ты всем свистел, что Мишку заломал, звездобол!

Он ткнул пальцем в упрямый подбородок Чимита. Тот замахнулся, но Андрюха отскочил и, двинув стол, принял боевую стойку.

— Ну, давай! Ша махом тебе твою пачку-то размажу! Я в армии таких стопками ломал!

— Водку ты там жрал стопками, алкаш несчастный! — выпятив подбородок, тяжело засопел Чимит.

В кармане Андрюха вдруг что-то зашипело, затем послышался голос Батора-ахая. Сунув руку в карман, он вынул рацию.

— Андрюха, давай сюда, — послышался голос Батора-ахая.

— Бегу, — коротко ответил тот и снова угрожающе уставился на Чимита. — Говорил тебе, не начинай сам?

— И чо? — с недоумением ответил Чимит.

— Да ничо! В следующий раз точно огребёшь, бивень!

Толкнув Чимита плечом, Андрюха вышел на улицу.

— Сам ты бивень... — бросил Чимит ему вслед и перевёл взгляд на послушников. — Короче, слушаем внимательно, повторять не буду. Сегодня отдыхаем, без надобности на улицу не выходить, по стоянке не шляться. Душ и туалет, кому надо, за стенкой. В туалет только «по-маленькому». «По-большому» — в туалет на улице, за кошарой. Курить тоже нельзя! Увижу, бычки жрать заставлю! Всё понятно?

— Понятно... — отозвался за всех Нариман.

Чимит улёгся на своей койке, вытянул руки и ноги, тяжело вздохнул, положил на лицо подушку и вскоре погрузился в спокойный глубокий сон.

* * *

Алексей точно помнил, когда именно уснул, и помнил отчётливо всё, что было до того. В тот вечер послушники знакомились. Артур приехал из Санкт-Петербурга, Нариман — из Улан-Удэ, а двое бурят оказались местными. Одного, крепкого и кряжистого, звали Доржо, второго, высокого и худощавого — Димой.

Артура в Могойтуй делегировало санкт-петербургское буддийское общество. Нариман решил стать буддийским монахом по собственному желанию. Обоим было явно за тридцать. Доржо и Дима оказались одного возраста с Антоном, всем троим недавно исполнилось по двадцать два.

Отец Наримана был азербайджанцем, мать — буряткой. Нариман свободно владел и азербайджанским, и бурятским, что весьма причудливо сказалось на его акценте. В интонациях Наримана угадывались как кавказские, так и бурятские нотки. Нариману было десять, когда отец забрал его и уехал на родину. После службы в армии он вернулся в Бурятию. Алексею почему-то было приятно думать, что народ матери показался Нариману более близким и понятным.

Артур был родом из Нижневартовска, до двадцати пяти лет вёл свободный образ жизни, пока однажды волею случая не нанялся подсобным рабочим на стройку в санкт-петербургский дацан. Там он стал посещать лекции буддийских учителей и однажды познакомился с Буда ламой. Всё остальное, по его словам, сложилось само собой.

Дима предпочёл о себе не рассказывать. Его историю Алексею незадолго до приезда на стоянку рассказал Антон. Дима долгое время болел, и врачи так и не смогли поставить ему точный диагноз. Отчаявшись, родители Димы обратились к известному шаману с хорошей репутацией. А тот посоветовал обратиться в местный архив, чтобы выяснить родословную до десятого колена. Выяснили лишь до седьмого, но этого хватило. Оказалось, что Дима — потомок и наследник могущественного шамана, жившего ещё в начале двадцатого века. Однако линия духовной преемственности

прервалась, и кто теперь смог бы посвятить парня в тонкости родовой религии, было непонятно. Это вроде бы всё объясняло.

Пока родители Димы рылись в архивах, сам Дима решил поступить в буддийский университет. Но и там родовые недуги не оставляли его, пока он случайно не познакомился с Буда ламой.

Самым странным из всей этой причудливой компании Алексею показался Доржо. Этот невысокий парень с очень узкими, хитрыми глазами рассказал, что пригласил его на учёбу сам Буда лама. Доржо якобы отводилась особая миссия: быть помощником римпоче, живого бога, драгоценного, которого ещё не нашли, но очень скоро найдут...

Ещё Алексей отчётливо помнил, как едва за окном стемнело, Андрюха принёс ужин в большой армейской фляге. На ужин послушники получили гороховое пюре, приправленное слегка обжаренным диким чесноком, и бутерброды с сыром. Алексей никогда не любил горох, но эта каша показалась ему настоящим лакомством.

Пока компания ужинала, Чимит лежал на кровати с подушкой на лице. Насытившись на сон грядущий, послушники окончательно осмелели. Первым выступил Доржо. Покопавшись в своей сумке, он извлёк бутылку водки.

— Убери, — сухо возразил Антон.

— Плохая идея, брат, — поддержал Антона Артур.

— А если помаленьку? — засомневался Нариман.

Алексей и Дмитрий промолчали. Но было видно, что они не прочь выпить.

— Да нормально всё будет, — отрезал Доржо, откупорил бутылку и, поднявшись с койки, прошёл на кухню взять со стола стакан.

Налив водки, Доржо протянул стакан Нариману. Окунув палец в стакан, Нариман побрызгал в разные стороны и, косясь на Чимита, выпил залпом. Следующим был Алексей. Затем Дмитрий. Себе Доржо налил полстакана и выпил маленькими глотками.

Бутылка вскоре опустела. Щёки парней налились ярким румянцем. У Алексея нашлось полпачки сигарет. Уже не стесняясь Чимита, послушники вышли на улицу перекурить. Когда все четверо вернулись в подсобку, Артур и Антон укладывались спать. Доржо извлёк из сумки вторую бутылку.

Выпив ещё, Алексей ощутил, что ему всё равно, где он находится. Окончательно опьяневший и осмелевший Доржо потерял равновесие, уселся на спину задремавшего Антона, но тут же резво вскочил на ноги.

— Ой, — глаза Доржо превратились в две щёлочки.

— Ложитесь уже, — недовольно пробубнил Антон и перевернулся на другой бок, лицом к Доржо.

— Ты нам что, папа? — Доржо явно нарывался на скандал.

Остальные послушники замерли на своих местах, с интересом ожидая продолжения.

— Чего смотришь? — сжав кулаки, Доржо смотрел на Антона с вызовом.

— Ложись, тебе говорят! — отозвался Артур.

— О, мама проснулась? — Доржо резко переключился на Артура.

— Да боже упаси, — усмехнулся Артур.

— Может, выйдем? — Доржо наигранно заиграл желваками.

— Завязывай, брат, — Нариман попытался успокоить приятеля, но Доржо лишь отмахнулся.

— Пошли, поговорим, — вмешался Антон, поднимаясь с койки.

— Базара нет, — Доржо медленно повернулся в сторону Антона и вдруг резко бросился вперёд.

Никто не заметил встречный выпад. Доржо ткнулся лбом в колени своего противника и затих.

— Ничего себе! — глаза Наримана засветились от восхищения. — Ты как это сделал?

— Ложитесь спать, пацаны! — глаза Антона словно помутнели, и остальные нарушители, увидев этот взгляд, невольно стушевались.

— Хороший удар! — все вздрогнули. Чимит сидел за столом, невозмутимо потягивая чай из кружки.

— Багша, это случайно вышло, — выдавил из себя Антон.

От мощного хлопка по столу все вздрогнули и замерли. Доржо, очнувшись, уселся прямо на полу и потрогал рукой нижнюю челюсть. Чимит о чём-то спросил его по-бурятски. Доржо невнятно ответил, поднялся с пола и направился к выходу. Оклик Чимита заставил его замереть. Постояв так секунды три, Доржо послушно вернулся в комнату, улёгся на кровать и накрыл голову подушкой.

— Всем спать! — приказ Чимита вывел из оцепенения. Уже в следующую секунду послушники лежали в своих койках.

Положив себе каши, Чимит невозмутимо принялся за трапезу. Ел он медленно, старательно пережёвывая. Алексей ощутил потребность выйти «по-маленькому». Но нарушить приказ наставника у него не хватило смелости.

Чимит и не думал ложиться спать. Поужинав, он достал из кармана сотовый телефон, набрал номер и отправил сообщение. Телефон Чимита вскоре зазвонил. Этот исполин почти ничего не говорил, только слушал. Лишь в конце он коротко бросил: «Я всё понял!»

* * *

Сон оборвался внезапно. Алексей оторвал голову от подушки и увидел Чимита. Тот стоял посреди кухни, сжимая ладонь правой руки. Чуть дальше в углу лежал Доржо. Точнее, Алексей разглядел лишь его пятки, торчавшие из-под опрокинутого стола. Между пальцами Чимита сочилась кровь. У ног монаха лежал кухонный нож.

— Сотовый подай! — окликнул Чимит Алексея.

Алексей поднялся, подошёл к койке Чимита, взял лежавший на табурете сотовый и подал Чимиту. Остальные послушники, все ещё лёжа на койках, с недоумением и ужасом смотрели на своего наставника.

— Набери Батора-ахая, — сказал Чимит.

Алексей без труда нашёл в телефонной книге нужный номер, включил вызов и поднёс телефон к уху Чимита.

Батор-ахай ответил сразу и уже через пять минут был в подсобке. Подняв стол, Батор-ахай наклонился к Доржо, прислушался, шлёпнул того по щеке. Доржо пришёл в себя, посмотрел на Батора-ахая мутным взглядом и что-то промямлил. Часы показывали три часа ночи.

По всей видимости, Доржо дождался, пока Чимит уснёт, и затем решил свести счёты с Антоном. Чимит увидел Доржо на кухне, когда тот уже отыскал в буфете нож и направлялся к койке Антона. Поняв, что наставник не спит и внимательно за ним наблюдает, Доржо бросился на Чимита. Нож Доржо держал лезвием вниз и бил с замахом, наверняка. Всё, что оставалось Чимиту, это поймать нож за лезвие. Нержавеющая сталь рассекла ладонь Чимита до кости.

— В больницу надо, — покачал головой Батор-ахай.

— Может, сами зашьёте? Или Бато пусть приедет? — Чимит явно не хотел уезжать со стоянки.

— Заражение может пойти, — заметил сухо Батор-ахай, — тогда всё...

Из тумбочки Чимита Батор-ахай извлёк аптечку и быстро перемотал ладонь монаха. Доржо тем временем, сидя в углу подобрав колени, смотрел на всех исподлобья. Хмель в его голове ещё не прошёл, но в глазах уже зашевелились оттенки первых

осознанных эмоций. Доржо начинал понимать, что натворил что-то ужасное, но испытывал не раскаянье, а скорее страх за то, что его сурово накажут.

— Дайте мне телефон, — пробубнил Доржо, — мне брату позвонить надо. Он у меня в ментовке работает.

— Вещи его соберите, — скомандовал послушникам Батор-ахай и вышел за дверь. Чимит, накинув полушубок, вышел следом.

Послушники начали собирать вещи. Укладывая их в сумку, Алексей обнаружил в ней ещё одну бутылку. С минуту Доржо мутным взглядом наблюдал за послушниками, затем начал клевать носом и вскоре захрапел.

— Готов! — улыбнулся Алексей и посмотрел на Антона. Но тот, ничего не ответив, улёгся на койку и повернулся лицом к стене.

— Брат, прости, пожалуйста, — неожиданно для самого себя выдал Алексей. Но Антон не ответил.

— Братан, ложись уже, — ответил за Антона Артур.

— Я по-быстрому и всё, ложусь, — Алексей спешно накинул на плечи бушлат и в тапочках выбежал на улицу. Уличный туалет был довольно далеко от кошары, в степи. Но Алексей решил не возвращаться за сапогами. Добежав до туалета, он справил нужду и закурил. У входа в туалет лежала пустая бутылка. Он поднял её и сбил горлышко: «На всякий случай», — подумал. И положил розочку в карман.

Покурив, Алексей поспешил в сторону стоянки, но у самой кошары замер. У столба с уличным фонарём стоял огромный бык калмыцкой породы и тёрся шеей о бетонное основание. В свете фонаря он казался просто огромным и, что особенно удручало, мимо быка невозможно было пройти, не задев его хвоста. А обойти со стороны столба Алексею показалось небезопасным вдвойне.

— Ну-ка, пшёл! — прикрикнул Алексей, но бык даже не взглянул в его сторону.

На морозе стопы начали быстро неметь, и Алексей наудачу попытался обойти быка со стороны столба. Но тут бык встрепенулся и уставился на Алексея большими тёмными глазами.

— Господи помилуй, — невольно выдал из себя Алексей.

Бык двинулся на него, подошёл вплотную и коснулся его щеки влажным носом. Алексей в ответ почесал ему шею. Быку, очевидно, понравилось: он вытянул шею и прищурил глаза. Превозмогая ломоту в ногах, Алексей ещё немного почесал быку шею и побежал в подсобку.

Скинув бушлат, он покатал в пальцах розочку, решив всё же выбросить, чтобы не пораниться самому, сунув поутру руку в карман. Но вдруг замер на месте. Он услышал сдавленный стон и, заглянув в комнату, увидел страшное, посиневшее лицо Антона. Верхом на Антоне сидел Доржо. Степняк с силой тянул на себя концы влажной кухонной тряпки, обмотанной вокруг шеи Антона.

Алексей кинулся на Доржо. Но тот отбросил его ударом головы. Дико оскалившись, Алексей снова рванул было в атаку. Он попытался закричать, но из горла вырвался лишь сиплый хрип. Руки и ноги вдруг сковала предательская тяжесть. Алексей упал на пол и пополз. Доржо тут же скинул удавку с шеи Антона и так же мастерски накинул её на шею Алексею.

Алексей пытался кричать, но из горла вырывался всё тот же едва слышный хрип. Удавка стянула горло, перекрыв воздух. В глазах начало мутнеть. Из последних сил, преодолевая жуткую боль, Алексей завалился на бок, чтобы достать Доржо розочкой. Но тряпка сжимала горло всё крепче и крепче...

* * *

— Слышь, вставай! — Алексей открыл глаза и увидел заспанное, недовольное лицо Доржо. Левая рука Алексея непроизвольно взметнулась, и Доржо отшатнулся, схватившись за разорванную щёку. Отняв ладонь, Доржо побледнел, увидев на пальцах кровь. Четыре глубокие борозды разворотили его пухлую щёку от уха до подбородка.

Алексей же, не дожидаясь ответного удара, бросился вперёд и почему-то двинул Доржо головой в подбородок. Он никогда прежде не бил так людей, но умел отбивать мяч головой, когда играл с друзьями в футбол во дворе. Удар получился точным и сильным. Доржо попятился и уселся на койку Антона. Накинувшись на Доржо сверху, Алексей замахнулся, не понимая, как в его руке могло оказаться сбитое бутылочное горлышко...

Чья-то крепкая, широкая ладонь обхватила подбородок Алексея. В следующую секунду он ощутил, что летит спиной вперёд. Однако рефлексy мгновенно развернули его, и он, бросив стекляшку, успел упереться руками в тумбочку, что стояла у койки, и в которую он должен был врезаться головой. Алексей резко развернулся, снова попытался броситься на Доржо и уткнулся в Чимита.

— Утомонись! — взгляд Чимита пугал странным безразличием к происходящему.

Алексей тут же обмяк. Доржо сидел на койке, запрокинув голову и пытаясь унять кровь скомканным полотенцем. Вокруг него суетились Антон с Артуром. Нариман и Дмитрий наблюдали за происходящим из кухни, раскрыв от удивления рты.

— Он Антоху пытался задушить... — прохрипел Алексей, показав пальцем на Доржо.

— Чо врѣшь-то? — отозвался Доржо.

— Дураком-то не прикидывайся! Ты и меня, сука, тряпкой пытался задушить. Чо, думал, не очнусь? — Алексей злорадно ухмыльнулся.

— Чего? — опухшее лицо Доржо выражало полное недоумение.

— Ты ночью меня душил! — заорал Алексей. — И Антоху тоже!

— Меня никто не душил, — отозвался Антон.

— Вы чо, сговорились? — не унимался Алексей. — Он же тряпкой тебя вчера, не помнишь, что ли? Да если бы не я, ты сдох бы ещё ночью. Я же видел, у тебя лицо всё посинело!..

— Не смешно, — глухо отозвался Антон.

Чимит всё это время очень внимательно смотрел то на Алексея, то на Доржо. Неожиданно Алексея осенило. Чимит прижимал его к стене правой рукой. Ладонь Чимита, сжимавшая ворот его мастерки, была абсолютно целой.

— Багша, а он разве не бил вас ножом вчера вечером? — Алексей кивнул в сторону Доржо и ощутил, как горячая волна ударила ему в лицо и уши.

— Ты бил меня ножом вчера вечером? — спросил ехидно Чимит, повернувшись к Доржо.

— Я вообще-то спал вечером, — отрезал Доржо и поднялся с койки. — Я сразу подумал про него, что он — псих!

— Мне это что, приснилось, что ли? — выдавил Алексей, пытаясь унять жалкую виноватую улыбку и ощущая, как на смену нестерпимому жару приходит волна нестерпимого холода.

Руки предательски задрожали. Большого всего ему сейчас захотелось забиться под кровать и не вылезать оттуда до глубокой ночи, пока все не уснут и не появится возможность сбежать.

— Койку заправь, — спокойно сказал Чимит. — Потом мою заправишь.

— Понял, — ответил Алексей и принялся заправлять койки.

Чимит подошёл к Доржо и внимательно осмотрел порезы на его щеке.

— В больницу надо, — заключил Чимит.

— Может, само пройдёт, или Бато вызовете? — с надеждой в голосе произнёс Доржо.

— Заражение пойдѣт, тогда всё... — Чимит молча оделся и вышел на улицу.

— Ну ты и овца! — с ненавистью выдал Доржо, глядя на Алексея.

— Прости, братан, я сам не понимаю, что произошло. Сон приснился...

— Какой ещё сон? У тебя что, с башкой не в порядке? Или ты думаешь, раз брат Виталика, так можно всё?

Доржо буквально трясло от нахлынувшей ярости.

— Ты сам-то хорош, водкой нахрена всех поил? — попытался возразить Алексей.

— Чего? — прохрипел Доржо, — Да я тебе...

Доржо бросился было на Алексея, но сзади его успел перехватить Антон.

— Всё, завязывайте, пацаны! — Антон держал Доржо, показывая Алексею взглядом в сторону выхода.

Алексей проскользнул в прихожую, обулся, накинул бушлат и вышел на улицу. Во дворе всё было в точности так же, как и ночью, когда он выходил по нужде. Посреди двора стоял столб с уличным фонарём. Бетонное основание столба засалилось от постоянного прикосновения коровьих шей. Всего этого он не заметил по приезде из-за густой пелены снега и усталости.

За спиной Алексей услышал шаги. Оглянувшись, увидел Диму.

— Пошли, поговорим, — кивнул тот и побежал в сторону туалета. Алексей побежал следом, ему показалось, что он увидел свои следы на снегу, уже слегка припорошённые, но всё ещё отчётливые.

Добежав до туалета, Алексей пристроился рядом с Димой.

— Я, кажется, понял, что с тобой произошло, — с натугой в голосе произнёс Дима.

— Объясни, пожалуйста, если понял, — взмолился Алексей.

— Тебя пробило!

— В смысле?

— Ну, как бы тебе объяснить-то? — замялся Дима. — Помнишь, в школе: не получается что-то, не получается, и вдруг — бах, и всё понятно стало?

— Мне пока ничего не понятно, — Алексей ощутил, что ему становится очень обидно.

— Это немного другое, — Дима явно пытался подобрать нужные слова. — Оно не сразу становится понятным. Короче, подожди немного и следи за своими ощущениями. Мне кажется, тебя пробило. Это Виталик так говорит...

— Я чётко помню, что вчера вечером мы пили водку, потом Доржо наехал на Антона, Антон его вырубил с одного удара, — начал Алексей. — Ночью Доржо выпил ещё и попытался зарезать Антона. Чимит его перехватил, и Доржо коцнул его ножом по руке. Чимит вырубил Доржо. Чимита Батор-ахай увёз в больницу, и когда все легли спать, Доржо попытался задушить Антона тряпкой. Но тут зашёл я, выходил по нужде ночью. Я попытался остановить Доржо, и он начал душить меня. Как вживую всё было, чётко всё помню...

— Антон, этот законченный ботан, вырубил Доржика, человека с высшим образованием, бывшего учителя бурятского языка и литературы? — Дима посмотрел на Алексея с ироничной улыбкой. — Доржо уже в третий раз сюда приезжает. До этого из-за развода с женой уходил. Ещё раньше с простираниями переборщил — колени опухли. И водку тут точно никто пить бы не стал, уж поверь мне.

— А ещё я вчера, когда по нужде выбегал, быка тут видел. Он ночью тёрся шеей о столб. Сегодня выхожу — реально столб стоит! Просто вчера, когда приехали, я не заметил его. Это я тоже точно помню!

— Может, и выбегал. Мама говорит, я ночью и не такое вытворял: на крышу однажды забрался и там уже проснулся.

— Это называется «лунатизм», — сморщился Алексей. — У меня такого нет.

— Ладно, пошли, — сдался Дима. — Мой тебе совет: просто работай, делай, что тебе говорят, и ничему не удивляйся!

— Постараюсь, если не выгонят, — Алексей потёр родинку на подбородке.

Уже у кошары Алексей понял, что столб гораздо дальше, чем показалось ему ночью, и бык у столба просто не смог бы перегородить дорогу. Однако у столба стоял

тот самый бык. Он тёрся шеей о бетонное основание и тряс головой в точности так же, как и ночью.

Ведомый неясным внутренним порывом, Алексей подошёл к быку и, не обращая внимания на оклики Димы, погладил того по массивной шее. Бык посмотрел на Алексея спокойным, безучастным взглядом и вытянул шею. Алексей почесал быка там, где нижняя челюсть была прикрыта массивным слоем отвисшей шкуры. Бык прикрыл глаза, тяжело вздыхая от удовольствия.

— Охреть! — Алексей вздрогнул и оглянулся. У входа в подсобку стоял Андрюха с двумя термосами в руках и рюкзаком за плечами.

* * *

День начинался на удивление интересно. Алексей ощущал каждое мгновение, каждую секунду этого утра, ощущал отчётливо и без тяжести. Он ел кашу и чувствовал её вкус, пил чай и понимал, что это хороший чай, а не заварка из отходов чайного производства, смотрел на Наримана, сидевшего напротив, и видел каждую черту его лица. Ощущая на себе пристальный взгляд Алексея, Нариман упорно делал вид, что не придаёт этому значения. Однако чем старательнее он притворялся, тем быстрее таяло его терпение.

— Чего смотришь? — буркнул Нариман, крепко сжав ложку.

— Я просто... — поспешил ретироваться Алексей.

Но, чтобы успокоиться, Нариману требовалось время.

— Ты зачем его поцарапал?

— Я не знаю... Мне стыдно, честно, — Алексей ковырнул ложкой в миске, машинально размазывая кашу по стенкам.

— Вот и не смотри так, если стыдно! У меня аппетит из-за тебя пропал...

— Ладно, извини, — изображая полное раскаяние, Алексей поспешно встал из-за стола и направился в прихожую.

У входа в подсобку Алексей нос к носу столкнулся с Батором-ахаем. Следом за наставником торопливо шёл Андрюха.

— О, вот ты-то мне и нужен! — Батор-ахай взял под руку Алексея и вывел во двор. Бык всё так же стоял у столба, старательно разминая плечи.

— Подойди к нему! — скомандовал Батор-ахай.

Алексей замер на месте, растерянно уставившись на Батора-ахая.

— Оглох, что ли? — Батор-ахай щёлкнул пальцами перед его лицом.

— Я вспомнил, где видел вас раньше... — признался Алексей.

— Я тоже тебя узнал. Давай потом об этом... Подойди к нему! — Батор-ахай кивнул в сторону быка.

Алексей подошёл к быку и похлопал его по шее, обнял морду, поцеловал в нос. Бык недовольно потряс головой и, отвернувшись, направился к сеннику.

— Что скажешь? — усмехнулся Андрюха.

— Я, конечно, ожидал чего-то такого... Но не до такой степени, — Батор-ахай посмотрел на Алексея так, будто разглядел в нём что-то такое, чего не заметил прежде. — Вот ты какой, сын Володи Ширапова!

Это был тот самый бурят, что отпустил Алексея, когда он попался на центральном рынке Читы. Батор-ахай заметно постарел, но взгляд его был таким же: цепким, изучающим, без эмоций.

— Я вам тогда спасибо не сказал, — начал было Алексей, но Батор-ахай лишь мягко отмахнулся.

— Размер ноги у тебя какой?

— Сорок третий.

— Андрюха, те унты из камуса какого размера? — Батор-ахай повернулся к Андрюхе.

— Сорок третьего! — ответил Андрюха.

— Выдай ему унты и ватник. И шапку, ту, что «гоби», с ушами.

— А «пушку» надо? — с сомнением в голосе спросил Андрюха.

— «Пушку» не надо!

— А если потеряется?

— А ты на что?

— Так я тоже пойду, что ли? — голос Андрюхи выдал явное разочарование. — Там чего ходить-то? Мишка жрать захочет, сам придёт.

— Ты давай не шлангуй! Маршруты ему объяснишь, покажешь: что где, — мало ли. Главное, про займку объясни.

— А «спутник» на что? — не сдавался Андрюха.

— Кстати да, «спутником» пользоваться его научишь, — Батор-ахай повернулся к Алексею. — Ты поел?

— Поел.

— Тогда вперёд! — Батор-ахай пожал Алексею руку и направился к дому.

— Ну что, пошли? — Андрюха вошёл в кошару, Алексей за ним следом.

Миновал жилой блок, Андрюха прошёл дальше, где с другой стороны стояла будка из шпал. Нырнув за железную дверь, Андрюха выкинул оттуда ватные штаны, вязаную шапку с ушами и унты:

— Примеряй!

Алексей оделся.

— Ну как? — спросил Андрюха.

— Нормально!

— Ну всё, на выход!

* * *

Бык неохотно отошёл от сenniка и побрёл в степь, начинавшуюся сразу за кошарой. Андрюха подгонял его тяжёлой длинной жердью с бубенчиками. Вдали на вершине сопки Алексей заметил груды белых камней.

— Запомни, не вздумай его бить. Чимит огрел жердью, так он ему чуть кишки наружу не вышиб, — рассказывал Андрюха, бодро вышагивая за быком.

Алексей старался держаться в одном ритме с Андрюхой, но уже через сотню шагов ему не хватило воздуха.

— А коров разве не на лошадях пасут? — робко спросил Алексей.

— Ты знаешь, сколько лошадь стоит? А Мишка, если что не так, с одного удара её завалит. Пешочком, только так с ним можно! — Андрюха набрал полные лёгкие воздуха, громко свистнул и побежал вслед за быком.

Мишка, почуяв, что за ним бегут, припустил лёгкой рысцей.

Весь тот день Андрюха объяснял Алексею тонкости ухода за Мишкой. Оказалось, весь его гарем на зиму отдали другому быку. Однако Мишка, учуяв подвох, теперь то и дело норовил повернуть в сторону соседнего зимника, где его супруги бессовестно изменяли ему с ненавистным соперником.

На вершине одной из сопки Алексей заметил множество шестов с белыми флагами.

— Что это там? — спросил Алексей.

— Кладбище, — безучастно пояснил Андрюха.

— Далековато, — удивился Алексей. — Странное какое-то кладбище, бурятское, поди?

— Всякие лежат, — в глазах Андрюхи, как показалось Алексею, мелькнуло не то смтение, не то тревога. — Давай-ка бегом! Мишка ща махом так от нас удерёт.

Андрюха свистнул и припустил за Мишкой:

— Мишку мы всегда отдельно пасём — беспокойный он товарищ, дикий, когда

коровы рядом. Не дай бог быка другого учует, хрен мимо пройдёт. А так — вроде клюёт что-то и бегаёт меньше.

Впрочем, на счёт «меньше бегает» у Алексея возникли сомнения с самого начала этой совершенно непонятной ему миссии. Мишка то и дело рвался в сопки, причём взбегал на них лёгкой трусцой. Взобравшись, вставал против ветра и, вытянув шею, раздувая ноздри, с наслаждением вдыхал потоки холодного степного воздуха. Постояв так, Мишка направлялся к следующей сопке, как назло, выбирая ещё выше и круче, чем предыдущая. Андрюха же то и дело направлял быка в нужном направлении, хлопая перед ним шестом по земле. Недовольно мотая головой, бык тем не менее слушался.

— Прикинь, мы прошлой зимой на яков с ним напоролись, — рассказывал на бегу Андрюха. — Держал их тут один сосед, певец знаменитый. Скакунов арабских держал и яков. Видел бы ты, что там было...

Мишка тем временем неожиданно ускорился и рванул с сопки вниз.

— Чего это он? — встревожился Андрюха.

Но в следующую секунду бык отрывисто промычал, а затем заревел, подобно медведю. В ответ издали раздался ответный рёв.

— Японский городской, — ругнулся Андрюха. — Бегом давай, там Комолый опять к нам забрёл...

Андрюха что есть мочи рванул вслед за Мишкой. Алексей припустил следом, но угнаться за быком по глубокому снегу оказалось совершенно невозможно. Мишка бойко перемахнул мыс склона очередной сопки и исчез из виду. Следом за ним исчез Андрюха. Алексей остановился, чтобы перевести дыхание, и увидел красивую степную долину, почти не заметённую снегом.

В долине паслось стадо коров. Откуда-то со стороны доносились яростные вопли Андрюхи и сухой треск. Алексей увидел почти эпическую картину: два огромных быка, согласно своему бычьему кодексу, выгнув шеи, собирались сойтись в поединке. Но между ними, размахивая жердиной, с яростными нечленораздельными криками метался Андрюха. Казалось, ему удаётся сдерживать настроенных на битву быков, но через мгновение Мишка снёс Андрюху плечом и двинулся на противника.

Противник Мишки, бык красной масти с белой головой и белым подгрудком, был чуть ниже ростом, но шире и приземистее. На его кучерявой башке не было рогов, но лоб выпирал так, что пробить им, как показалось Алексею, можно было и кирпичную стену. Левый бок Комолого украшал жуткий, ещё не вполне заживший шрам.

— Ща Комолый опять отхватит! — Андрюха подошёл к Алексею и уселся прямо в снег.

— Чего делать-то теперь? — нерешительно спросил Алексей.

— Смотреть, что ещё! — Андрюха сплюнул сквозь зубы.

— А что это за порода?

— Это казах белоголовый, у нас тоже такие есть, — Андрюха повёл плечами в предвкушении зрелища.

Первую минуту схватки выиграл Комолый. То и дело наседая, он хорошо потеснил Мишку и даже чуть не свалил с ног. Но Мишка и не думал отступать. Извернувшись, он ловко поддел шею Комолого, отчего тот, хрипя надсадно, ухнул, повернулся и, наклонив голову, резко пошёл вперёд, осыпая противника тяжёлыми ударами рогов-ломиков. Причём бил Мишка не остриями, а основаниями рогов, словно соблюдая неписаное правило «безоружных не бить». Загудев от боли, Комолый развернулся и побежал по кругу, выбирая новую позицию. Но Мишка продолжал папирать сзади, и Комолу оставалось лишь позорное бегство. Какое-то время Мишка преследовал противника, затем развернулся и направился к стаду.

— В прошлый раз Комолый дольше продержался, — усмехнулся Андрюха. — Упрямый бычара, получает, но всё равно рывается.

— Я бы с таким шрамом не рискнул бодаться, — заметил Алексей. — Мишка его так?

— Не, это Герман.

— Герман?

— Ага, тоже бык, порода — забыл, как называется. Сейчас на скотнике нашем живёт. Мы Мишку потому и пасём — не дай бог схлестнутся. А они знаешь, сколько стоят оба? Хотя я бы посмотрел, как Мишка его рвать будет, — Андрюха шмыгнул носом. — Герман вообще козёл по натуре, а не бык. Вредный, как баба, сено не ест, силос тоже не всякий будет. Овёс и дроблёнку ему подавай. В спину боднуть может. Эти, видел, как дрались? Мишка его ни разу штыком не ткнул, хотя мог и кишки выпустить. А тот сразу в пузо бьёт. Козёл, в общем. Из-за него ещё двоих помощников пришлось на заимку нанимать. Я тут месяц почти один валандался. Он шас тёлоч повяжет, Батор его потом холостить хочет, на мясо. Я лично ему яйца отрежу!

В глазах Андрюхи в этот момент мелькнуло нечто похожее на ненависть.

— Сейчас-то что делать будем? — сменил тему Алексей.

— Он их сейчас воспитывать будет. Можем пока перекусить!

Развязав рюкзак, Андрюха достал термос и пакет с бутербродами.

— Ешь, пока не замёрз, — сказал Андрюха, и Алексей с удовольствием впился зубами в краюху хлеба с куском варёного мяса.

Коровы Комолого, очевидно, пытались блюсти супружескую верность, поворачивались к чужаку лбами, нервно вздыхали и всем своим видом показывали, что Мишка им не по душе. Но бык упорно носился вокруг гурта до тех пор, пока не сбил его в плотный круг. Тогда коровы послушно пошагали туда, куда их направлял Мишка.

— Эй, завязывай, нам чужого добра не надо! — возмущённо воскликнул Андрюха и бросился вслед за быком.

Но тот резко развернулся к Андрюхе и замотал мордой.

— Вот гадёныш, — выдавил с досадой Андрюха.

— Да ладно, классно же? Домой гнать не надо, — обрадовался Алексей.

— Он сейчас все сenniки переломает, классно тебе! — огрызнулся Андрюха. — Пошли, термос не забудь!

Чужие коровы неохотно шли с чужим быком, и всё, что оставалось Андрюхе и Алексею, это наблюдать за стараниями Мишки и говорить за жизнь.

— Я как-то не задумываюсь над этими заморочками, «пробитый — не пробитый». Мне, если честно, по бороде, — говорил Андрюха.

Они шли по степи за гуртом. Где-то сбоку, на отдалении, мрачно понурился мощную башку, брёл Комолоый.

— Мишка вроде реально к пробитым по-другому относится, чует как будто. Но вот я, например? Я не знаю, что во мне такого особенного. Я, конечно, сделал это Бум-Ши, за сорок дней сделал. Интересная такая штука — Бум-Ши. Просто всё вроде, а вот Бивень попытался с насюка — не смог. Виталик тоже три месяца халтурил. Батор говорит, что сделал, но звездит по ходу, я бы заметил. А я сделал. Но если я и пробитый, то уж точно не из-за Бум-Ши.

— А были ещё пробитые, кроме тебя? — спросил Алексей.

— Один был, — ответил Андрюха, — Загда его звали. Мишка тоже его к себе подпускал.

— Мне рассказывали, он повесился, — осторожно добавил Алексей.

— Ага, было такое, — подтвердил Андрюха без эмоций. — По пьяни учудил. Я деталей не знаю, поэтому о нём меня не спрашивай.

— А почему ты ламой не стал, как Виталик? — спросил Алексей.

— А зачем? — удивился Андрюха. — Это Виталик с Бивнем понтуются друг перед другом. А меня вообще нет, если уж на то пошло!

— В смысле?

— Ну, мёртвый я...

— Чего?

— Ща покажу, — Андрюха направился в сторону кладбища, мимо которого проходил гурт.

Могилы на кладбище располагались беспорядочно, даже хаотично. Но Андрюха сразу же нашел нужную.

— Смотри, читай, — произнёс Андрюха с хитрецей.

Взглянув на табличку на стальном столбе, что был врыт вместо надгробия, Алексей прочитал: «Андрей Шагжин».

— Ну и что?

— Это моя могила! — гордо сказал Андрюха.

— Завязывай, не смешно...

Алексей развернулся и побежал прочь, Андрюха — следом.

— Виталик аж побелел, когда я рассказал ему про это, — улыбнулся Андрюха. — Все мёртвых бояться.

То, что рассказал Андрюха, с трудом укладывалось в голове. Алексей тем не менее поверил каждому его слову.

— Батяка у меня русский, из «химиков», мама — бурятка из местных. Батя работал на известковом заводе, здесь, недалеко. Сколько помню, предки всегда пили. Батяка умер, мамка ещё хуже начала пить. Потом братан старший начал. А я себе сказал: не буду, в армию схожу, женюсь нормально, детишек буду растить. Сходил в армию, в Чечню попал, нормально отслужил, орден даже получил «За мужество». Мы же с братаном твоим вместе служили, и с Батором. Батор прапорщиком был, взводом нашим командовал.

Вернулся я из Чечни. Мамка пьёт, брат пьёт. Я сначала дом пытался исправить, а руки не лежат. На работу устроиться — денег не платят. Бабы — шалавы одни кругом. Подженился на одной, она «бегать» начала. Короче, дурдом. Ну, я и стал тоже закладывать потихоньку. Сначала потихоньку, потом по-чёрному. Как-то проснулся у одной, смотрю в потолок, башка болит, на улице жара, денег нет. Дай, думаю, схожу — искупаюсь.

Пошёл на речку. Смотрю на воду, вода чистая такая, быстрая. Разделся, одежду аккуратно сложил, как в армии учили, нырнул поглубже. Хорошо так стало, помню. Плыву себе, глаза закрыл, даже дышать не хочется. А потом чую, лёгкие ломит. Ладно, думаю, вынырну, глотну воздуха. Вынырнул. Смотрю, далеко уплыл. Кругом ивняк, на берег не выйдешь. Ну, проплыл дальше метров триста. Выхожу на берег, иду обратно. Подхожу, а там кипиш! Я в кусты спрятался, сам не знаю, зачем. Слышу, пацаны горланят: «Андрюха утонул!» Ладно, думаю, утонул, так утонул.

Дальше, гляжу, участковый приехал. Я давеча пошумел чуток в деревне, думаю, выйду — в участок сразу заберёт. Ну и бочком-бочком, и оттуда. Дошёл до стоянки, тут тогда брат мой стоял. Забухали с ним на недельку. Потом мамка приезжает, говорит, тело нашли. Точно, говорит, он. А братану спьяну пофиг вообще, поехал с мамкой и пропал. Я пешком в деревню. А там поминки мои идут. Я втихаря пролез в дом, чтобы народ не пугать, братана выдёргиваю, говорю: «Может, хватит уже?» А он мне, типа: «Тебе какая разница? Проблем меньше будет». А ещё, говорит, мол, труп реально на тебя похож, один в один вылитый ты.

Поехали потом на могилку, помянули и загудели ещё на неделю. Братан плакал даже, меня оплакивал. Так и зажили. Живу себе у братана, мамка иногда приезжает, бухая вечно, а меня как будто нет. Одноклассника как-то встретил, тоже с бодуна. Он мне: «Чо, как дела?» Я говорю: «Да нормально дела! С братаном сейчас работаю, за скотом смотрим». А он: «Погоди-ка, ты же умер вроде?» Я говорю: «Живой, как видишь!» А он опять мне: «Так я же тебя в гробу видел!» Я уже со зла: «Воскрес, значит!»

Потом спрашивает меня, выпить типа есть? Я говорю: «Нету, голяк полный». Он и свалил дальше, даже не вспомнил на следующий день.

Потом мамка умерла. Через месяц братан ушёл. Я их хоронил. Все думали, родственник приехал, подходили, говорили: «На Андрюху-то как похож». Так и остался я один.

Стоянки тогда все забросили, никому до них дела не было. Я и окопался вместо брата, брал скот на откорм, мне жратву за это привозили, так и жил себе. Иногда на могилку свою ходил. Однажды сижу у могилки и вдруг понимаю: а ведь это я там лежу. Тогда какого хрена я здесь? Может, добить себя уже наверняка? А потом думаю: зачем? Кому от этого легче станет? Опять кому-то хоронить меня придётся. А это расходы. Да и похоронят меня без имени. А без имени плохо уходить: собакой родиться можно, мне так одна бабка умная говорила. Ладно, думаю, похожу пока живым мертвецом, глядишь, образуется само собой.

А потом Батор приехал, говорит, продай стоянку. Я ему: «Зачем продавать, так забирай, меня работником к себе возьмёшь. Мне чо, одному много не надо». Так и начал работать с Батором. Я ему как-то рассказал всё это, он долго смеялся. Потом говорит: «Давай паспорт новый сделаем?» А мне он зачем? И так, говорю, нормально. Даже проще, привык как-то...

— Не страшно так жить? — Алексей невольно поёжился.

— Мне живым хуже жилось! Когда тоскливо становится, я на могилу свою иду, один раз там всю ночь просидел. Посидишь, умрёшь заново, и всё, чисто в душе.

— Не страшно одному на кладбище? — спросил Алексей.

— Страшно, — ответил Андрюха. — Там ночью духи лезут, уродливые такие, с большими брюхами и тонкими длинными шеями. Они жрать постоянно хотят, но глотать могут только воздух. Ночью сидишь такой у могилки и чувствуешь прямо, как они тебя нюхают, нюхают, жрут тебя живьём. До смерти так занюхать могут, если долго сидеть...

Мишка тем временем оторвался от гурта и, почуяв близость дома, перешёл на рысцу, забыв об отвоёванных коровах.

— Беги за Мишкой, — сказал Андрюха, — а я пока скотину отгоню подальше.

Алексей побежал вслед за быком. Мишка бежал вперёд, по старым следам. В какой-то момент Алексей оглянулся и не увидел никого, только безбрежную степь.

* * *

Стоянка Батора-ахая оказалась довольно большим и современным сельскохозяйственным комплексом. С высоты сопки Алексей увидел огромную каменную кошару, чуть дальше — два больших дома, огороженную площадь с сеном, вдоль которой стояло несколько тракторов и два комбайна. С другой стороны кошары располагались дощатые коровники и круглый загон из прутьев, утеплённый соломой.

Навстречу с лаем неслась целая свора. Окружив Мишку, собаки принялись радостно заигрывать с быком, в то же время с подозрением поглядывая на Алексея. Вожаком был чёрный пёс с двумя белыми точками над глазами незнакомой Алексею породы. Остальные собаки, с купированными ушами и хвостами, были алабаями, Алексей читал об этой породе в журнале и в юности даже мечтал завести такого пса.

— Карат!

Черныш вздрогнул, затем с радостным повизгиванием бросился мимо Алексея дальше в степь. Свора понеслась за вожаком. Алексей оглянулся и увидел Андрюху, прогулочным шагом шедшего вслед за ним. Собаки радостно заплясали вокруг Андрюхи.

— Блин, думал, разорвут сейчас! — выдохнул Алексей.

— Они редко кусаются, — успокоил Андрюха, — а вот поставить на место могут. У нас тут один чудик четыре часа простоял, с места не давали ему сдвинуться.

Андрюха прошёл мимо Алексея и направился к стоянке. Там, миновав сенник, Мишка встал у ворот коровника. Запустив быка в ограду, Андрюха взял вилы и ведро, зашёл в сенник, разгрёб кучу сена, под которым дымилось нечто буро-зелёное с резким кисло-травяным запахом.

— Это что? — спросил Алексей.

— Силос — самый кайфовый! — из подсолнуха. Мишка его шибко уважает.

Андрюха набрал полное ведро и поставил перед Мишкой. Бык с явным удовольствием принялся за трапезу. Тем временем за оградой собаки, усевшись рядком, с нетерпением наблюдали за Андрюхой.

— Собак тоже ты кормишь? — Алексей кивнул в сторону своры.

— Кормлю, — Андрюха улыбнулся. — Их требухой кормить надо, волкодавы же. А забоя-то ещё не было нынче. Так я им рыбу мороженую приспособил, тут у нас пруд недалеко, рыбы валом. Ничего, жрут как миленькие. Пойдём, покажу.

Андрюха подвёл Алексея к дощатому сараю, в котором хранились запасы мороженой рыбы в мешках. В одних был карась, в других чебак и сорога и даже сазан.

— Это откуда столько? — удивился Алексей.

— Вояки генеральский пруд давным-давно хотели тут сделать. Малька завезли да забыли. Ладно, я вспомнил, а то бы вся рыба сгнила в пруду без ухода-то. Я тут пускаю иногда рыбаков, но только летом и за бабло. Наловил больше мешка — забираю весь улов, чтобы не борзели. А собакам я зимой рыбу тяну сетями, подо льдом. Угощу как-нибудь карасём вяленным с пивком.

— Я как-то больше селёдку люблю, — улыбнулся Алексей.

— Селёдка разве рыба? — Андрюха поморщился. — Собакам ещё куда ни шло, а так — жир один. Ты бы карася моего попробовал или лещика копчёного...

— А какая разница, селёдка или карась? — спросил Алексей.

— Большая и толстая, — усмехнулся Андрюха. — Селёдку любой засолить может. А вот карась — к нему подход нужен. Я его только осенью вялю. Трудная рыба, но, если правильно завялишь, я слов таких не знаю, чтобы описать, что это. Батор моих карасей сначала на переговоры брал. А потом сам повадился. Плохо, что Чимит с вами. Сейчас бы угостил вас всех.

Андрюха хитро подмигнул Алексею, взял крайний мешок, вышел на улицу и кинул собакам по большой рыбине. Первым свою долю получил вожак, вторым — косматый великан, самый крупный из алабаев. Остальные собаки терпеливо ждали своей очереди.

— Что-то рано вы, — Алексей оглянулся и увидел Батора-ахая.

— Миха опять Комолого подрал, — усмехнулся Андрюха. — А потом жрать захотел. Пришлось домой идти.

— Караси там остались у тебя? — по глазам Батора-ахая было видно, что он навеселе.

— Знаешь же, что остались, — сухо ответил Андрюха.

— Дай парочку, — попросил Батор-ахай.

— Самому мало! — Андрюха явно не горел желанием делиться.

— Не дашь, сам возьму, — грубо возразил Батор-ахай.

— У меня целый мешок был, куда всё девалось? Я так-то для себя их вялил, — Андрюха и не думал уступать.

— Ты давай не болтай, — глаза Батора-ахая блеснули холодом.

Бормоча под нос, Андрюха зашёл в сарай и вынес двух больших вяленых карасей, шириной в две ладони. Взяв рыбин, Батор-ахай повернулся к Алексею:

— Зайди, как освободишься, разговор есть!

— Со мной? — опешил Алексей.

— С тобой!

— А мне заходить? — спросил Андрюха.

Не ответив, Батор-ахай направился к дому.

— Коттедж себе отгрохал, — проворчал Андрюха вслед Батору-ахаю, — а мне какую-то халупу выделил. Знал бы, хрен дал свой дом снести.

Настроение Андрюхи враз переменялось. Хлопнув дверь, он почти минуту не мог закрыть замок, не переставая бубнить под нос.

— Достает? — посочувствовал Алексей.

— Да охренел совсем! — Андрюха громко хлопнул дверь и защёлкнул замок. — Ладно, иди! Хотя нет, погоди. Видишь вон ту халупу? — Андрюха кивнул в сторону второго дома, стоявшего чуть поодаль от хором Батора-ахая. — Зайдешь туда завтра вечером, ключик от этого сарая возьмешь. Он в прихожей у меня будет висеть на вешалке, короче, увидишь! Завтра часов в шесть вечера отворишь сарай: увидишь мешок справа — там сорога. Собакам дашь по штуке. Ключи потом на место повесишь. Усёк?

— Усёк! — ответил Алексей.

— И ужин заberi! У меня сегодня выходной.

— Понял!

— Ну всё, иди! — скомандовал Андрюха.

* * *

У крыльца дома стояла красная иномарка Баярмы. Алексей ощутил, что сердце его учащённо забилось. Миновав просторную веранду, Алексей постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошёл.

В доме Батора-ахая не было прихожей, и Алексей сразу же оказался на кухне. За столом, у окна, сидел Батор-ахай и цедил в кружку пиво из десятилитрового бочонка. Напротив него сидел Виталик. Алексей не сразу узнал брата в зелёном армейском камуфляже. Заметив Алексея, Батор-ахай на мгновение замер и посмотрел на Виталика.

— О! Братан! — Виталик встал из-за стола, подошёл к Алексею и крепко его обнял.

— Мне Андрюха ужин сказал забрать, для нас, — обратился Алексей к Батору-ахаю.

— Садись, — велел Батор-ахай и выдвинул из-под стола тяжёлый табурет.

Алексей снял бушлат, повесил на вешалку рядом с дверью и сел за стол.

— Кружку достань там, — кивнул Батор-ахай Виталику на массивный буфет.

Виталик достал пивной бокал и протянул его Батору-ахаю. Тот до краёв нацедил пива и поставил перед Алексеем.

По кухне разносился дразнящий запах жареного мяса со специями. Алексей невольно потянул носом.

— Сейчас супруга придёт, накормит, — улыбнулся Батор-ахай.

— Я, наверное, воздержусь, — Алексей кивнул на бокал.

— Пей, — ответил Батор-ахай, — сегодня можно.

Алексей сделал глоток, ощутив терпкий вкус хорошего пива.

— Ну, как ты тут? — спросил Виталик.

— Обживаюсь потихоньку, — ответил Алексей, — со вчерашнего дня ничего не изменилось.

— А Доржика за что покалечил? — Виталик с хитрой улыбкой покосился на Батора-ахая.

— Сам не понимаю, что произошло... Честно говорю! — Алексей тяжело вздохнул.

— Да ладно, не переживай, не умрёт, — Батор-ахай глотнул пива. — Я ему давно предлагал у меня поработать. А он всё в ламы рвётся. Бывает у нас тут такое.

— Как тебе наш Мишка? — спросил Виталик.

— Жёсткий товарищ, — улыбнулся Алексей, — корриду сегодня нам показывал.

— Он может, — усмехнулся Батор-ахай. — Не косился на тебя?

— Да нет! Я даже гладил его. Сами же видели.

— Гладил, это хорошо, — Батор-ахай явно что-то не договаривал. — Ты, главное, смотри, чтобы он на заимку не свернул. Там Герман. Не дай бог схлестнутся. Я из Астрахани его привёз. Герефорд, есть такая порода. Сам потом увидишь. Лучше расскажи, как чувствуешь себя?

— Да странно как-то...

— Странно? — Батор-ахай снова посмотрел на Виталика. — А ты не помнишь, что с тобой было до того, как сюда приехал?

— Да вы и сами всё знаете, — ответил Алексей.

— Я имею в виду, в храме, — добавил Батор-ахай.

— В храме вроде ничего не было. Пару месяцев назад с Баярмой ездил в деревню. Мы там в ущелье каком-то были. Потом к старику одному поехали...

— И что сказал тебе тот старик? — глаза Батора-ахая в этот момент буквально сверлили Алексея.

— Да ничего, охаял меня, и всё! — Алексей нерешительно поднял бокал и сделал несколько глотков. — Да, забыл. Там, в ущелье, я простирался немного, и ключ вдруг бить начал. Баярма сильно удивилась.

— Это я тоже слышал, — Батор-ахай потёр пальцами подбородок.

— Ты к отцу, случаем, не ходил? — спросил неожиданно Виталик.

— Да не горю особым желанием его видеть, — ответил Алексей. — Хотя да, был, дом хотел посмотреть.

— И? — щёки Виталика налились румянцем.

— Ну, пацана там встретил. Братишка мой, как выяснилось, — Алексей снова вздохнул и допил пиво. — Я бату-то плохо помню, но пацан на него вроде похож.

— Так и ты на него похож, сильно похож, — Батор-ахай посмотрел на Виталика так, будто услышал новость глобального масштаба.

— Маманя и вправду ходила туда?

— Заходила, — подтвердил Виталик.

— И отца видела?

— Видела.

— Ругались?

— Нет.

— Странно... — Алексей протянул бокал Батору-ахаю. — Можно мне ещё немного?

Батор-ахай кивнул.

— Я раньше, как подумаю о бате, у меня сразу настроение портилось, — Алексей сделал большой глоток. — Сейчас всё равно, есть он, нет его!

— Я когда тебя на рынке встретил, сразу увидел что-то знакомое, — сказал Батор-ахай.

— Напугали вы меня тогда, конечно, — улыбнулся Алексей. — Думал, всё, конец мне...

— Ладно, забыли, — Батор-ахай чокнулся бокалами с Алексеем и выпил до дна, затем встал из-за стола и направился к печи, на которой покоился огромный казан. Открыв крышку, Батор-ахай взял деревянный черпак и стал перемешивать варево.

— Дошёл вроде. Жрать хочу, не могу уже! — Батор-ахай достал тарелки и разложил ароматный плов. — Плов у моей супруги — узбеки так не готовят, — мечтательно протянул он и принялся за еду.

Виталик с Алексеем последовали его примеру.

За окном послышался топот лошадиных копыт.

— Явились, — Батор-ахай выглянул в окно.

Дверь открылась, в дом вошли невысокая женщина и молодой парень. Оба одеты

были в удобные армейские комбинезоны. Парень снял шапку и, ни на кого не глядя, принялся стаскивать комбинезон. Женщина, увидев Алексея, улыбнулась, подошла к нему и протянула руку.

— Ну, здравствуй, Алёшка-картошка!

— Здравствуйте! — Алексей привстал и пожал руку обеими ладонями.

— Я Эля! — представилась женщина.

— Очень приятно! — улыбнулся Алексей.

Ему показалось, что он знает эту женщину давно, но никак не мог вспомнить, где и когда её видел.

— Эля — двоюродная сестра твоего отца, — вставил Батор-ахай, заметив недоумение Алексея, — так что родственнички мы с тобой!

— Обалдеть! — снова улыбнулся Алексей.

Он вспомнил, как в детстве, в гостях у бабушки, девушка дразнила его Алёшкой-картошкой. Он не очень-то любил, когда она брала его на руки, целовала и кружила. А вот Билигме эта забава очень нравились: она визжала, смеялась и ничуть не боялась упасть. Алексей же визжал от страха, а в ответ на поцелуи всегда норовил девушку ушипнуть. Поразило же Алексея, что всё это он вспомнил вдруг, именно сейчас!

— Это мой сын. Саян, подай ему руку, — Эля подвела к Алексею парня, очень похожего на Бато.

Тот, не глядя на Алексея, протянул руку и, поздоровавшись, ушёл в соседнюю комнату.

Эля, спешно скинув комбинезон, засуетилась на кухне.

— Андрюха, похоже, сорвётся сегодня, — сообщил супруге Батор-ахай, — ужин Лёха понесёт.

— Я тогда помогу ему, — оживилась Эля и достала из-за печки уже знакомый Алексею армейский термос.

— Может, Виталик поможет? — попробовал возразить Батор-ахай.

— Я помогу, — настойчиво повторила Эля.

— Нет, сегодня не надо! — осадил супругу Батор-ахай.

— Тогда сами собирайте! — Эля бросила термос и ушла в комнату к сыну.

— Может, я пойду уже? — от неловкости Алексея бросило в жар.

— Сейчас, ужин соберём, и пойдёшь, — Батор-ахай посмотрел вслед супруге, рассеянно похлопал себя по карманам и вышел на веранду.

* * *

— Ты не согласишься, я её вспомнил! — Алексей посмотрел на брата и нервно усмехнулся. — Я не вспоминал её никогда! И вдруг вспомнил!

— Тебе тут ещё многое предстоит вспомнить, — Виталик шёл к кошаре, расправив плечи и глубоко вдыхая холодный степной воздух.

— Братан, можно я покурю? Обещаю, брошу. Одна сигарета осталась, — Алексей нащупал в кармане мятую пачку.

— Кури — твоё здоровье, — не стал возражать Виталик.

Алексей достал сигарету, прикурил и глубоко затянулся.

— Короче, либо я реально умер и нахожусь где-то в параллельном мире, либо сплю, — Алексей закашлялся. — Андрюха сегодня историю свою рассказал. Я в шоке до сих пор. Прикинь, вроде бы есть человек, и нет его? А я ведь так же чувствую себя сейчас, уже забывать начал, как жил раньше, как будто здесь только и жил всегда.

Виталик стоял у забора и молчал. Было видно, что у него нет настроения разговаривать.

— А ещё я сейчас вижу Виталика, сына тёти Зины, моего двоюродного брата, и он — буддийский монах! И мы с ним стоим не пойми где, в бурятских степях, и он не хочет со мной поговорить.

— Пойдём! — Виталик хлопнул Алексея по плечу.

— Эта Эля что-то сказать мне хотела, да? — Алексей пытливо посмотрел на брата.

— Наверное, меня не посвящали, — взгляд Виталика был безучастным. — Если тебе тяжело здесь, давай отвезу на вокзал, денег дам на дорогу?

— Нет! — Алексей замахал руками. — Я дождусь, чем всё это закончится. Мне уже интересно.

— Тогда у меня к тебе просьба: не шлангуй, терпи до конца! — Виталик улыбнулся одними губами. — Я слышал, у тебя долгов много? Ретрит отработаешь, Батор тебе даст сколько нужно. Тем более он родственник твой, как выяснилось.

— Скажи, что значит «пробило»? — сменил тему Алексей.

— Пробило? Бывает такое: делаешь, делаешь что-нибудь, не получается ничего, а потом вдруг бах, — пробило! Что-то такое, короче, — в глубине души Виталик злился, щёки его покраснелись. — Тебе лучше с Багшой пообщаться на эту тему. Ретрит отработаешь, организуем, если захочешь.

— Захочу, если Мишка ваш меня в степи не затопчет, — Алексей коротко нервно хохотнул.

— Ничего, привыкнешь. Это лучше, чем в кошарах ковыряться с утра до ночи. Чимит пробовал было пасти, так Мишка чуть на рога не насадил его. Вон он, кстати, ползёт... — Виталик кивнул в сторону сопки за кошарой. Чимит простирался, продвигаясь к макушке горы, на которой возвышалось что-то похожее на памятник из белых камней.

— Он, когда в храм пришёл шесть лет назад, худющий был, один подбородок торчал. Шесть лет практики — и пожалуйста, никто его на играх повалить не может.

— Ты мне примерно хотя бы объясни, что это за «пробило», — упёрся Алексей. — Зря вы мне налили, я, когда выпью, — такой, до утра мысли гонять буду.

— Я только догадываться могу, — Виталик задумался. — Мне кажется, я помню, как Андрюху пробило.

— Расскажи, — Алексей уселся на термос, как на табурет.

— Мы в окружение тогда попали. Связи нет, комбата миной накрыло, потом ротный погиб, и Батор-ахай роту на себя взял. Он Андрюхе и говорит: давай, типа, попытайся до наших добраться, ты же маленький, шустрый, сможешь? Андрюха сначала ни в какую, но Батор-ахай умеет убеждать. Автомат у него забрал и даёт пистолет, с одним патроном. Андрюха сначала-то не врубился. А как врубился, — обмочился сразу. Только мы с Батором это заметили.

Он уполз, когда стемнело. А через пару дней парламентёр чеченский пришёл. Потом уже нам рассказали, что Андрюха на ментов бурятских вышел. Командир этих ментов на переговоры пошёл с «чехами». Нас выпустили с условием, что технику оставим. Пришлось оставить. Зато выпустили. Думали, нас как героев встретят, а нам почти открытым текстом: «предатели». Это типа за то, что технику оставили, сами не прорвались. А как там прорвёшься через три кольца окружения? Андрюха до сих пор объяснить не может, как пролез, — так плотно обложили. Жить, говорит, сильно хотел.

— То есть типа между жизнью и смертью? — Алексей потёр пальцем родинку на подбородке.

— Наверное, — Виталик мрачно усмехнулся. — Ладно, пошли.

— Я всегда думал, что у меня с головой не всё в порядке, — Алексей уставился на белые камни на горе, к которым подбирался Чимит. — Поэтому и не женился, детей не завёл, от людей держался подальше. Я боялся, что люди поймут, кто я такой на самом деле. Даже с мамой и Танюхой не мог поговорить на эту тему. И вот вы с мамкой окончательно меня добились...

— А раньше лучше было? — Виталик улыбнулся, но его улыбка показалась Алексею неискренней.

— Я раньше хотя бы не думал об этом, — Алексей громко икнул. — Как меня развезло-то с пары бокалов.

— Да обо всём ты думал, — Виталик иронично хмыкнул. — И ты ждал чего-то такого. Всегда ждал. Нет разве?

— У меня было ощущение, что всё временно, — признал Алексей, — такое было, да.

— А вот у меня не было. Жил себе и жил до армии: школа, шарага, тёлки дворовые. Из армии пришёл — прежней жизни нет, новая не клеится, на «синьку» подсел. А потом думаю — не выход. А что делать — не знаю. Учиться? Душа не лежит. Работаешь вроде — один день похож на другой, бессмысленно всё так. Детей тоже, думаю, — зачем? Какой из меня папаша, сам с собой разобраться не могу. Да и жалко их, где гарантия, что вот так же, как меня, на войну потом не отправят? Одна мысль нравилась: обратно в армию, по контракту. И тут Батор звонит, давай, говорит, иномарки гонять? С Багшой меня познакомил. Я с Багшой час пообщался и ожил. Десять лет уже здесь!

— Позвонил бы хоть раз, — сказал Алексей с укоризной.

— Постоянно звонил! С тётей Валею много общался. Про дядю Вову всё расспрашивала.

— Он ей по лицу дал при мне, — сухо заметил Алексей.

— По «синьке» и не такое бывает. Хороший он мужик на самом деле, за козла тётя Валя не вышла бы. Вспылчивый просто. А тётя Валя, сам знаешь, скажет — как отрежет. После развода он вообще чуть не спился. А потом его с Надеей познакомили. Она по юности связалась с одним армянином, ну и принесла в подоле. И всё. Красивая девка вроде, а замуж не берёт никто. Дядя Вова взял. Сына родили...

— Это что, у меня ещё и брат-армянин есть, что ли? — Алексей выпучил глаза.

— Сестра!

Оба расхохотались.

— А где она сейчас? — спросил Алексей.

— В Москве учится.

— Круто! Капец просто, всю жизнь одиноким себя считал, а тут, оказывается, родственников тьма, — Алексей тяжело вздохнул. — А братишка славный. Говорит, брата старшего всегда хотел. У меня, не поверишь, аж в горле ком встал. В сердце сразу что-то шевельнулось. Он же не виноват, что моя мамка моего батю бросила, чтобы тот его родил, — Алексей сморгнул и попытался усмехнуться. — Аж до слёз.

Присев на корточки, он с силой надавил ладонями на глаза, пытаясь унять внезапно нахлынувшие чувства.

— Ладно, вставай, хватит ныть, — Алексей ощутил на своей шее тяжёлую руку Виталика. — Мне ещё Доржика забрать надо. Вот где нытья сейчас будет...

— Пошли, — Алексей подхватил термос и быстрым шагом направился к кошаре.

* * *

— Не поеду! — Доржик, словно маленький ребёнок, вцепился в стул. — Брата своего лучше заберите, пока он тут всех не перецарапал.

Щека Доржо заметно припухла. Под слоем зелёнки на глубоких царапинах уже начала проступать желтоватая жидкость.

— Не обсуждается! — сухо отрезал Виталик. — Тебе в больницу надо.

— Я уже в третий раз сюда приезжаю, — Доржик резко вскочил и вытянулся перед Виталиком.

— Просто это не твоё, — Виталик кивнул Нариману и Диме. Те послушно начали собирать доржиковы вещи.

— А чьё, его, что ли? — Доржик кивнул на Алексея. — Своих проталкиваете?

— Тут не проталкивают, если что, — спокойно ответил Виталик.

— Да ещё как проталкивают. У меня отец лама! И я внук Нимы ламбагая! Я должен учиться у Гьялцена-римпоче! Я на это право имею!

Алексею показалось, что Доржо вот-вот бросится на Виталика. Но тот стоял на месте, сжимая кулаки.

— Собирайся, — ответил Виталик тоном, не терпящим возражений. — Я в машине тебя подожду.

Ни на кого не глядя, Виталик вышел на улицу. Доржо тут же обмяк и сел на табурет.

— Ты ответишь за это, понял? — глаза Доржо сверкнули ненавистью.

— Надо будет, отвечу, — спокойно сказал Алексей.

Доржо молча оделся, взял сумку и вышел. Алексей виноватым взглядом окинул оставшихся послушников.

— Ладно, не переживай, — сказал Дима. — У него реально как-то не складывается здесь учиться. Наверное, и вправду, не его это.

— Мне он тоже не нравится, — поддержал Диму Нариман. — Но ты, это, давай аккуратнее. Видел бы себя со стороны...

— Да я сам не понимаю, как так вышло, — опять начал оправдываться Алексей.

— Всё, забыли, — вмешался Артур. — Как день прошёл?

— Нормально, — уклончиво ответил Алексей, — за быком весь день бегал.

— А мы тут кошары чистили весь день, — усмехнулся Артур, — нудное такое занятие, оказывается.

— А Антон где?

— На заимку его отправили, — там тоже какой-то бык.

— Всё, давайте жрать! — не выдержал Нариман, открыл термос с пловом и начал раскладывать по тарелкам.

— Я не могу просто, — протянул Нариман, пробуя плов, — я сейчас весь термос один съем!

— Доржика порцию себе можешь забрать, — усмехнулся Артур.

— А ты чего не ешь? — Дима вопросительно посмотрел на Алексея.

— Да я поел уже, — ответил Алексей. — Прикиньте, пацаны, жена Батора-ахая, оказывается, моя тётка!

— Повезло тебе, — пробубнил Нариман с набитым ртом.

Весь оставшийся вечер послушники рассказывали Алексею о тонкостях работы на стоянке Батора-ахая.

— Там, короче, вместо подстилки, сухое коровье дерьмо, — рассказывал Артур. — Так вот, старую подстилку надо убрать, увезти всё это на тележке к общей куче, потом навозить сухого дерьма, растолочь его и расстелить. Это ладно. Свежий навоз нужно аккуратно собрать в вёдра и разложить вдоль забора, чтобы сох до следующей зимы. Потом подъезжает трактор, ты всю старую подстилку скидываешь в телегу — и в поле.

— А я у баранов чистил, — подхватил Нариман. — Там какашки вот такие, — как смородина. Их надо собрать, ссыпать в кучу и замазать сверху коровьим говном. Батор-ахай говорит, отлежится всё это за лето, дрова будут!

— А ты чем занимался? — спросил Алексей у Димы.

— Я на птичнике работал, — неохотно ответил тот. — Там эти, куры... здоровые такие, и цесарки.

Алексей уже собрался было рассказать ребятам историю Андрюхи, но в этот момент вошёл Чимит. Вся его одежда была белой от снежной пыли. Скинув бушлат, робу и исподнее, Чимит обмотал вокруг бёдер полотенце, налил себе в кружку тёплой воды из чайника и выпил мелкими глотками.

Мышцы его бугрились. Попив, Чимит отправился в душевую.

— Он в конюшне сегодня работал, — первым после вынужденной паузы заговорил Артур. — У Батора-ахая там породистые кони.

— И что, вот так наравне со всеми и пашет? — удивился Алексей.

— Пашет, ещё и нас подгоняет! — кивнул Нариман.

— Я слышал, его в телохранители готовят, — осторожно произнёс Дима.

— В телохранители?..

Все повернулись к нему.

— Я только слышал об этом, — засуетился Дима. — Говорят, они с Виталиком какого-то римпоче будут охранять.

— Да ладно? — удивлённо протянул Алексей. — А кто такой римпоче?

— Драгоценный! Так называют бодхисаттв, лам-перерожденцев. Они перерождаются и помнят всё, что с ними было в прошлых жизнях.

— Бессмертные, что ли? — уточнил Нариман.

— Типа того. Они знания и опыт с собой несут из прошлых жизней.

— Много болтаешь! — вдруг прервал Диму Артур.

— Да пусть рассказывает, интересно же, — возразил Алексей.

— Очень тебя прошу, не спрашивай об этом Виталика, — попросил Дима. — Мне неприятности не нужны. Как я понял, они сами ещё ничего толком не решили.

— А кто тебе сказал? — спросил Нариман.

— Подслушал нечаянно, когда у Багши в доме убирался, он по телефону с кем-то разговаривал. Я же в буддийском университете учился, тибетский знаю.

В кухню вошёл Чимит. Покопавшись в своей сумке, он достал свежее бельё и быстро оделся.

— Кому постираться надо, в душевой горячая вода есть, — Чимит окинул послушников взглядом, полным холодного безразличия. — Вам тут никто стирать не станет. Кто вонять будет, отправлю спать в кошару!

— Багша, а вы где служили? — спросил его Нариман.

— В Назрани, — ответил Чимит, — а что?

— Ух ты, у меня отец родился в Назрани, — ответил Нариман. — Спецназ?

— Нет, — усмехнулся Чимит, — ВВС.

— На вертолётах летали?

— Ракеты крепил к вертолётам.

— Понятно...

— Что тебе понятно? — вскинулся Чимит.

— Я хотел сказать, вопросов больше не имею, — выкрутился Нариман.

* * *

До самой весны Алексей пас Мишку. За это время строптивый бык ещё три раза успел подраться с Комолым и увести у него коров и так же трижды вторгался на соседние стоянки. Пасти быка приходилось пешком, первое время Алексею едва хватало сил поужинать и принять душ. Но затем ноги окрепли, и он легко взбегал на самые высокие сопки. От привычки к тяжёлому шесту с бубенчиками окрепли и руки: во время пастьбы Алексей не расставался с ним ни на минуту.

Послушники каждый вечер сетовали на беспощадность Чимита: работать им приходилось от рассвета до заката, без выходных. Рутинная, монотонная работа изматывала в первую очередь морально, и к концу дня уже никого не тянуло поговорить по душам. Вечерами, после ужина, душа и стирки послушники спешили поскорее лечь спать, чтобы успеть отдохнуть до шести утра.

В шесть Чимит объявлял подъём, заставлял пить противную на вкус подогретую воду и гнал на уборку территории. Под уборкой территории подразумевалось мытьё полов в подсобке и душевой и наведение порядка на участке у кошары. После завтрака Чимит распределял обязанности на день.

Никто из послушников, кроме Алексея, не работал только на одном участке. Задания всякий раз менялись, но даже эта мера не спасала от ощущения бессмысленного однообразия. На стоянке Батора-ахая обитали коровы местной, исключительно молочной и весьма капризной, породы, около сотни овец, столько же кур и цесарок и табун из десятка породистых лошадей.

Лошадей Батор-ахай держал только потому, что их любил его сын Саян. Алексей позже узнал, что у Саяна что-то не то с головой. Тот мог и общаться с людьми, и имел профессию. Но в обществе незнакомых людей мог находиться от силы минут пять, а потом у него начинался припадок... Саян был хорошим программистом: именно он, не покидая стоянки Батора-ахая, вёл расчёты всей его бизнес-империи, отвлекаясь только на еду и пастьбу овец. За час до обеда Саян седлал лошадь и выезжал в степь проверить отару.

Две собаки — черныш и косматый алабайка — были специально обучены, чтобы сопровождать Саяна.

Обязанность пасти Мишку однообразной Алексею не казалась в силу непредсказуемости характера быка. Нередко Алексей замечал, что бык будто намеренно его дразнит. Так, стоило присесть, чтобы развернуть обед, как Мишка норовил податься в бега. К счастью, сбегал неизменно в сторону заимки, где властвовал Герман, и Алексей всякий раз успевал его догнать и завернуть обратно.

Опять же, к счастью Алексея, вскоре у него появились помощники: два молодых пса из своры, охраняющей стоянку. Один, крепко сбитый, с большим шрамом на морде, держался от Алексея в стороне, но именно он первым пошёл за ним в степь. Второй пёс, высокий, красивый белый алабай с жёлтыми подпалинами, напротив, был очень ласковым, даже навязчивым. Стоило Алексею остановиться передохнуть или приняться за обед, он тут же ласкался, требуя внимания и подачек. Несомненным же достоинством обеих собак было их стремление помочь: стоило быку повернуть в сторону заимки, как собаки поднимали лай.

Однажды, уже ближе к весне, в степи разыгралась пурга. Мишка, ощутив мощные потоки ветра с зарядами сухого снега, повернул к ним свой лоб и пошёл вперёд. Попытки повернуть его вспять не приводили ни к чему — бык лишь грозил Алексею своими лопатками. Удары шестом о землю и яростный лай собак не могли остановить стихийный напор быка.

Пурга утихла к вечеру, и Алексей понял, что заблудился. Умаявшись в борьбе с ветром, бык свернул в распадок, заросший деревьями, и улёгся под большой раскидистой елью. Алексей похлопал по карманам в поисках спутникового телефона и не нашёл его... Как ни странно, Алексей не ощущал ни усталости, ни страха.

Разложив под деревом, рядом с Мишкой, войлочный коврик, Алексей прошёлся по распадку, наломал веток, собрал сучьев и сухого навоза и развёл костёр. Собаки, повалившись рядом, не мигая уставились на огонь. Алексей попытался уснуть, но желудок не желал засыпать натошак. Ночь быстро сковала небо, но её темень вскоре потеснили яркие огоньки звёзд и словно ниоткуда возникшее сияние молодого месяца. На войлочном коврике поначалу Алексею было уютно, но колючий холод сначала тронул его лицо, а потом пробрался и под бушлат.

Тяжело вздохнув, Алексей неохотно поднялся со своего ложа, чтобы размяться, и вздрогнул, услышав пронзительный вой. Собаки вскочили и с громким лаем бросились в темноту. Лай удалялся, пока не стал едва различим вдаль.

Но и тогда Алексей не ощутил ничего, кроме внезапно нахлынувшей усталости. Мишка, безмятежно пережёвывая жвачку, шурился на огонь, словно происходящее никак его не касалось. Придвинув коврик вплотную к быку, Алексей подбросил сучьев, лёг спиной к Мишке, натянул на нос шапку и погрузился в глубокий сон. Лишь на мгновение он проснулся ночью, ощутив, как на ноги навалился пёс — тот, что со

шрамом на морде, а молодой алабай прижался к его груди. От близкого живого тепла собак и быка Алексей снова уснул.

Проснулся он оттого, что кто-то пинал его по ногам. Открыв глаза, он увидел перед собой круглое лицо Андриюхи.

— Тебе чо, на стоянке плохо спишься? — лицо Андриюхи расплзлось в широкой улыбке. — Вставай давай, развалился.

Андриюха был явно навеселе. Чуть дальше с безучастным видом стоял Батор-ахай.

Вокруг начинался новый день. Мишка всё ещё лежал под елью, собаки радостно пританцовывали вокруг Андриюхи.

— Ладно, до вечера, — Андриюха поднял шест и погнал быка в сопки.

— Ты знаешь, сколько такая трубка стоит? — в руках Батора-ахая был спутниковый телефон, потерянный Алексеем.

— Да ветер был, пока бегал за этим товарищем, обронил где-то, — начал он оправдываться.

— Не теряй больше, хорошо, здесь маячок стоит, как раз для таких случаев.

— Понял!

— Как чувствуешь себя? — спросил Батор-ахай.

— Да нормально. Выспался вроде.

— Поехали! — Батор-ахай направился вниз по распадку, туда, где стоял огромный внедорожник-пикап, больше похожий на настоящий грузовик.

Спустившись к машине, Алексей увидел на переднем сиденье Элю.

Он поздоровался и уселся на заднем сиденье.

— Привет, — сухо отозвалась Эля.

Батор-ахай завёл машину и погнал по степи.

* * *

На стоянке Алексея ждал приятный сюрприз. Рядом с домом Батора-ахая он увидел пятидверную «Ниву» с эмблемой Первомайской районной больницы. У машины стояли Бато и Баярма. Бато был в зимнем армейском костюме хаки, а Баярма — в спортивном комбинезоне и белой вязаной шапочке. Алексей подумал, что после ночёвки в степи наверняка выглядит не очень. Но Батор-ахай остановил свой джип рядом с «Нивой», и ничего не оставалось, как выйти из машины и открыться для объятий Баярмы.

— А ты возмужал! — Баярма слегка отстранилась от Алексея и заглянула ему в глаза.

Алексей невольно посмотрел куда-то в сторону, отчего Баярма, едва сдерживая смех, снова прильнула к нему, по-матерински потрепав за щёки.

— Не смущай парня, — строго сказал Батор-ахай.

— Здорово, братан! — к Алексею подошёл Бато и, крепко обхватив за пояс, несколько раз тряхнул в воздухе. — Здоровый стал, не узнать просто! Давай в дом, осмотреть тебя надо.

Бато усадил Алексея на табурет, проверил пульс, затем внимательно изучил зрачки, подсвечивая маленьким фонариком.

— Язык покажи, — Алексей послушно высунул язык. — Рот шире открой.

— До обеда подождём, ахай, — обратился Бато к Батору-ахаю, — но я думаю, всё нормально.

— Всё, больше никакой пастьбы, — заявила Эля.

— Да я бы рад, но сама же видишь, Андриюха не просыхает, — ответил ей Батор-ахай.

— Развели детский сад с этим быком. Кастрировать его, и всё, всех соседей запугал, — сказала Эля.

— Он издохнет сразу, — поддержал брата Бато. — Вы не переживайте, абгай, он сам как бык...

— Я, когда попросила его сюда привезти, не имела в виду, чтобы он проходил ваш дурацкий ретрит, — глаза Эли вспыхнули, словно два уголька, а щёки покраснелись.

— Не нам решать, это правило, — вяло возразил Батор-ахай.

— Тогда пусть здесь работает! — настаивала Эля.

— Можно мне сказать? — вмешался в разговор Алексей. — Меня всё устраивает!

— Это ты сейчас так думаешь, — перебила Алексея Эля.

— Я уже всю зиму так думаю, — Алексей сам удивился своей решимости. — Странно так, но Мишка меня как будто учит чему-то. Там некогда скучать! А здесь я реально от скуки подохну. Можно, я и дальше буду его пасти? Мне это нужно, честно.

— Красавчик! — Баярма подошла к Алексею и провела ладонью по его голове.

— А ты чего сюда приехала? — совсем уже завелась Эля.

— А мне уже разрешение нужно спрашивать? — огрызнулась Баярма.

— Замуж надо было выходить нормально, — приехала тут, принцесса! Вали отсюда!

— Вас не спросила! — огрызнулась Баярма.

— Так, всё, женщины, молчать! — Батор-ахай встал между женой и Баярмой.

— Ты зачем её привез? — Эля переключилась на Бато.

— Я ничего ей не говорил! Она сама прибежала, — начал оправдываться Бато.

— Что вы из меня дуру делаете! — Эля погрозила Баярме. — Сейчас я тебе покажу...

Эля схватила массивный ковш, зачерпнула из бочки воды и с силой плеснула в Баярму. Однако вода угодила в Алексея. Недолго думая, Эля швырнула в Баярму ковш, но Батор-ахай успел перехватить его на лету. Тем временем Алексей инстинктивно обнял Баярму, пытаясь прикрыть собой. Крепко обхватив кисть Алексея, Баярма потянула его на улицу.

— Психопатка! — Баярма достала из кармана платок и стала вытирать Алексею лицо. — К Батору ревновала, теперь к тебе будет...

Алексей обнял Баярму... Она замерла на месте, и он осторожно коснулся губами её губ. Мимо, шаркая подошвами, с большим бачком, полным овечьего помёта, прошёл Нариман. Сделав несколько шагов, Нариман споткнулся, уронил бачок и торопливо принялся сгребать навоз, поглядывая на Алексея и Баярму. Баярма снова схватила Алексея за руку и повлекла за собой в степь.

— ...Сам от себя не ожидал, — сказал Алексей, — но извиняться не буду.

— И не надо! — Баярма крепко обвила его шею руками и мягко, с какой-то особой нежностью поцеловала в губы.

— Целоваться ты не умеешь, — улыбнулась Баярма, чуть отстранившись.

— Так и опыта особо нет, — признался Алексей.

— Станный ты, но очень интересный, — Баярма повела его за собой в сторону замёрзшего озера неподалёку.

— Всегда считал себя каким-то лишним... Вроде как ты есть, а дела до тебя никому нет, — Алексей бездумно смотрел на вышку сотовой связи, торчавшей на сопке. — Жалуюсь... вырвалось само собой... Столько внимания ко мне в последнее время, даже неловко как-то, непривычно...

— Ты просто нашёл свой мир, — так Багша говорит, — улыбнулась Баярма. — Это такая жизнь, где ты не будешь посторонним. Не думала, что это так трудно.

— Да уж, — согласился Алексей.

— Там, кажется, случилось что-то...

От стоянки в сторону заимки на большой скорости мчался джип Батора-ахая.

* * *

— Андрюха Мишку проморгал, — Бато гнал «Ниву» по ухабам, не жалея стоек. Баярма сидела впереди, сосредоточенно глядя на дорогу, заметённую сухим снегом. Алексей был сзади. В «Ниву» он вскочил вслед за Баярмой.

Заимка, оказывается, была совсем недалеко. По большому счёту это был скотный двор, на котором обитали коровы калмыцкой породы и монгольские овцы, способные даже зимой выживать на подножном корму. Об этом как-то вечером послушникам рассказал Андрюха.

Бык лежал на земле, поджав под себя ноги, словно прилёг отдохнуть. Под его брюхом растекалась лужа крови. В боку Мишки зияла страшная рваная рана.

Мишка тяжело дышал, шуря глаза и мотая головой. Казалось, он засыпает и никак не может заснуть. Подойдя ближе, Алексей увидел разорванный бок. Рядом лежал мёртвый огромный красно-белый бык с вываленными внутренностями, будто дымящимися на холоде. Даже на первый взгляд было видно, что этот исполин куда крупнее Мишки. Огромные рога красного быка выдавались вперёд, словно две кривые сабли. Они были в крови. Рядом с быком на земле сидел Антоха.

— Он гурт успел покрыть? — спросил Батор-ахай.

— Нет, — ответил Антон. — Они его не хотели.

— А семья хотя бы взяла?

— Нет.

— Почему?

Но Антоха лишь вздохнул и опустил глаза.

— Мы зачем тебя сюда отправили?

Антон шмыгнул носом. Лицо его искривилось в гримасе пьяного плача.

— Твою же ты мать! — в сердцах выругался Батор-ахай.

— Я сам ничего не понял, — заплетающимся языком произнёс Антоха, вытирая слёзы. — Он неожиданно появился...

К большому удивлению Алексея, Антоха был пьян. Алексей с трудом узнавал в нём своего приятеля: грязный, обросший, он походил на жалкого батрака, а не на бывшего студента престижного вуза.

— Здорово, братан, — кисло улыбнулся Антоха, увидев Алексея, а затем повернулся к Батору-ахаю. — Батор-ахай, я больше так не могу. Я домой хочу...

— Поговори с ним, — попросил Батор-ахай и протянул Алексею пачку дорогих сигарет.

— Пойдём, братан, — Алексей помог Антохе подняться и повёл в сторону небольшого домика, в котором жили работники заимки. В доме пахло перегаром и дымом дешёвого курева.

— Я не хочу здесь больше оставаться!.. — зарыдал Антон.

Алексей усадил его на ступеньки крыльца, прикурил сигарету и сунул ему в губы.

— Сломался я, братан!

— Что случилось-то? — спросил Алексей.

— Что случилось? — Антоха уставился на Алексея ослепевшими глазами. — Веру я потерял, — он глубоко затянулся, — в людей... Люди — уроды! Им ничто не поможет! Это тараканы, крысы! Их, сук, травить надо, гнать к чёрту с этой планеты!..

Алексей присел рядом, перебирая в пальцах сигаретную пачку.

— Я же сам сюда попросился, думал, сам с собой разберусь, практиковать буду, работать в тишине, — Антоха сдавленно захохотал. — Слышишь это?

— Что? — спросил Алексей и огляделся по сторонам.

— Тишина! — Антоха показал пальцем в небо. — Тут просто невозможная тишина! Она страшная! И она везде! Я думал, тут коровы будут мычать, бараны блеять, собаки лаять будут. Только волки по ночам воют. И собаки им подвывают...

— Чем я могу тебе помочь? — Алексей лихорадочно думал, что сказать Антону.
— Помоги мне отсюда уехать. Тут невозможно жить. Так нельзя жить! Ну, мы же не звери, в конце-то концов?

Мимо на ватных ногах прошёл один из работников заимки, сухощавый бурят с наглыми глазами.

— Здорово, братан, — поздоровался бурят. — Это ты, что ли, метис?

— А что, по мне не видно? — сухо спросил Алексей.

— Да не, чо, ты не подумай, я против вас ничего не имею, — ответил бурят и зашёл в дом.

Раздался выстрел. И с этим выстрелом возникло решение в голове Алексея.

— Ты посиди тут, не уходи никуда, — бросил Алексей Антону и побежал к машине Батора-ахая.

Баярма стояла у «Нивы», зябко прижав руки к груди. Бато изо всех сил пытался повернуть голову Мишки, чтобы дать возможность Батору-ахаю засунуть дуло карабина в ухо быка. Красный бык, вывалив язык, трясся в агонии. Вокруг его головы растекалась лужа крови.

— Батор-ахай, не надо, — выпалил Алексей.

— Предлагай! — сухо бросил Батор-ахай.

— Мы выходить его попробуем!

— Мы? — удивился Батор-ахай.

— Я остаюсь! Помогу Антохе...

— Хорошо подумал? — Батор-ахай окинул Алексея пытливым взглядом.

— Да, подумал, — ответил Алексей.

— Добро! Дабаха, быка ободрать, мясо в сарай, собакам скормим, — приказал Батор-ахай невысокому средним лет буряту.

— Зай! — ответил Дабаха.

— Мишку в катон загоните! — повернулся Батор-ахай Алексею. — Если не встанет, пусть дохнет. У меня на него рука не поднимается, — Батор-ахай крепко пожал Алексею руку, бросил карабин на плечо и пошёл к машине.

— Удачи, братан, — Бато приобнял Алексея. — Борзеть будут, — ломай, тупо ломай, как можешь! Дашь слабинку — самого сломают!

Быстро обернувшись, Бато побежал к «Ниве». Баярма, растерянно глядя на Алексея, махнула ему рукой.

— Пока-пока! — Алексей махнул в ответ.

Вскоре машины исчезли из виду.

— Короче, завтра их распилим, и всё. Сегодня в лом, — Алексей оглянулся и увидел ещё одного работника — русского парня с рябым лицом, заросшим щетиной.

— Тебя как зовут? — спросил Алексей.

— Колькой, — ответил парень.

— Зови того, тошего, обдирать сейчас будем, — Алексей кивнул в сторону дома. — Но сначала надо Мишку загнать в катон.

— Тебе что, больше всех надо? — вздёрнулся Колька.

— У нас тут свои понятия, — добавил сбоку Дабаха.

— Значит, будем эти понятия менять, — повернулся Алексей к Дабахе.

— Зря ты так, парень, — протянул Дабаха, доставая из-за голенища разделочный нож.

Алексей молча направился к дому, услышав за спиной ехидный смешок. В горле он ощутил тугий ком, медленно, но неуклонно заскользивший вниз по животу в точку чуть ниже пупка. Эту способность Алексей открыл в себе, когда пас Мишку. Стоило комку достичь нужной точки, и Алексей без труда взбегал на самые высокие сопки, а его руки без усталости колотили шестом по мёрзлой земле.

Алексей знал, куда шёл. У входа в дом он заметил сваленные в кучу вилы и лопаты.

Выбрав самую широкую совковую лопату, Алексей молча зашёл в дом, нечаянно задев задремавшего на крыльце Антоху.

Тощий работник спал прямо в обуви на топчане. Он уже начал храпеть, с блаженным видом раскинувшись на грязном матраце. Алексей с силой ткнул тощего черенком в грудь. Тот вздрогнул, раскрыл беззубый рот и попытался вдохнуть. Схватив за шиворот, Алексей вытащил его на улицу и с силой ударил ногой в живот. Работник тут же свернулся калачиком.

Колька и Дабаха сидели на красном быке и смолили дешёвые сигареты. Алексей подошёл к ним незаметно, со спины, и с силой ткнул черенком в затылок Дабахи. Тот, падая, перевернулся на спину и забился в судорогах.

— Снегом морду ему натри!

Колька послушно набрал пригоршню снега, пропитанного кровью, и растёр жичу по лицу Дабахи. Тот пришёл в себя. На этот раз Алексей ударил его лопатой плашмя. Перевернувшись на живот и уткнувшись лицом в ладони, Дабаха надсадно зарычал. От третьего удара черенком Дабаха опять перевернулся на спину и засучил ногами.

— Тощего сюда веди...

Колька послушно побежал и вскоре привёл тощего, который еле шёл, прижимая ладони к груди.

— Мишку в катон, — приказал Алексей, — потом обдерёте эту падаль. Вопросы?

— Никак нет! — выпалил Колька.

— Теперь нам точно конец...

Алексей оглянулся и увидел Антоху. Вид у него был потерянным и жалким.

* * *

— Есть тут один тип, Эрдэм его зовут, — Антоха глотнул из кружки чаю. Алексей подметил, что руки у него дрожат: — Они сначала просто хихикали. А потом, когда я забор попытался сделать у Германа, началось...

— Забор?

— Ну, семья! Тёлки-то противные оказались, не подпускали к себе Германа! Что ещё оставалось? Давайте, говорю, забор делать, искусственно осеменить будем. Они гогочут. А потом этот Эрдэм появился. Говорит, я давно вашего Батора завалить хочу, дескать, он меня в девяностых подставил. Я ему говорю, ты иди, сам скажи ему, а то, может, давай я ему передам? А они мне: «Ты что, стукач? Знаешь, что со стукачами на зоне делают?» Я же по-хорошему хотел, думал, терпение надо выработать... Ну и молчу. А они наглеют и наглеют... Вот и обнаглели совсем.

— Реально страшный тип? — Алексей задумчиво посмотрел в окно. За окном работники, шатаясь от тяжести, тащили стегно пристреленного быка.

— Сам увидишь, сейчас прискачет. Там у него ещё дружок мерзкий. Сам никто, но провокатор ещё тот — шестёрка.

— Давай их нахрапом, вдвоём? Сразу, лопатами.

— Может, Батору-ахаю позвоним? — робко попросил Антоха.

— Да не поймёт он нас, боюсь, раньше надо было звонить.

— Приехали, — уныло произнёс Антон.

Алексей выглянул в окно и увидел двух всадников. Работники что-то наперебой говорили одному из них, дружно кивая в сторону дома.

— Пошли! — Алексей встал из-за стола. Ни страха, ни волнения он не ощущал. Всё это вытеснил тугой комок, что вновь возник в горле и пополз вниз.

— Может, всё-таки позвоним?..

— Трухнёшь — я тебя сам прибью, — отрезал Алексей.

— Понял, — покорился Антоха и вышел на улицу вслед за Алексеем.

— Это ты, что ли, Эрдэм? — Алексей уставился на одного из всадников.

— Нет, он, — кивнул тот на своего товарища.

Эрдэм был довольно крепким бурятом лет сорока. Судя по выражению лица, храбростью он не отличался. Однако на его правом плече висело охотничье ружьё.

— Чо, пацаны, по беспределу? — Эрдэм снял с плеча двустволку и направил на Алексея. — А ты знаешь, что за это на зоне делают?

— А догадайся с трёх раз, что с тобой будет, если пальнёшь, — ответил Алексей.

— Батором своим пугаешь? — усмехнулся Эрдэм.

— Какой догадливый, — усмехнулся в ответ Алексей.

— А что мне сделает ваш Батор?

— Пальни, и узнаешь, — Алексей пытался взвесить ситуацию, но под стволами ружья все аргументы рассыпались в прах.

— Короче, пацаны, два стегна, и я всё забыл! — Эрдэм смачно сплюнул.

— Эрдэм, он мне башку чуть не проломил, — пожаловался Дабаха.

— А мне грудину, — добавил тощий.

— Пасть завалили! — презрительно бросил им Эрдэм и пригрозил Алексею. — Настучишь своему Батору, я сынка его в степи подстрелю, усёк? И ты виноват будешь!

— А ну-ка повтори про сынка!

Эрдэм и его приятель оглянулись. Позади них с шестом в руках стоял Андрюха. Андрюха тяжело дышал, было видно, что он долго бежал. Бушлат на нём будто дымился.

— О, Андрюха, здорово, — неожиданно сменил тон Эрдэм.

Однако вместо ответного приветствия Андрюха шагнул вперёд и в один удар вышиб шестом Эрдэма из седла. Лошадь Эрдэма, испуганно взбрыкнув, рванула в сторону, выбив из седла и второго, шестёрку. Обе лошади ускакали в степь. Поспешно свалили и работники.

Упав на землю, подручный Эрдэма заголосил, но удар шестом заставил его замолчать.

— Ты чо, петух, совсем, что ли, нюх потерял? — Андрюха надавил шестом на горло Эрдэма.

— Да я пошутил... — прохрипел Эрдэм.

— Я тебе в прошлый раз что говорил? — Андрюха надавил сильнее.

— Да мы откуда знали-то? Ты же в запое был... — отозвался шестёрка, потирая ушибленный бок.

— Они тут Антоху чуть не сломали, — вставил Алексей.

— В смысле? — Андрюха уставился на Эрдэма.

— Затюкали, и всё. Видят, парень культурный, вот и извели его потихоньку, — пояснил Алексей.

— Да говорю же, прикальвались! Мы чо, дураки, что ли, с Батором связываться? — от былой наглости Эрдэма не осталось и следа.

— А со мной, значит, связываться не боитесь? — по лицу Андрюхи пошли пятна.

— Да с чего ли? — голос шестёрки дрогнул. — Он сам виноват, несёт пургу всякую! Говорит, шаманы — это индейцы. А у Эрдэма — брат шаман, сам же знаешь.

— Я сказал — язычники, а не индейцы, — поправил Антоха.

— Антоха, твою ж!.. А позвонить не судьба?

— Да я думал, сам разберусь, — Антоха растерянно пожал плечами.

— Так разбирайся! — глаза Андрюхи хищно блеснули.

— Я бить их не буду, — отрезал Антоха.

— Значит, они будут бить тебя!

Андрюха убрал шест с горла Эрдэма, поднял с земли двустволку и разбил приклад о столб.

— На хрена так делать-то? — испуганно воскликнул Эрдэм. — Это же не моя.

— Он виноват! — Андрюха кивнул на Антоху. — Бейте его, разрешаю! Лёха, вмешайся, — я тебя этим дрыном раскатаю!

Алексей послушно отошёл в сторону и тяжело вздохнул, когда Эрдэм повалил Антоху на землю и шестёрка принялся его, сжавшегося в комок, с остервенением пинать. Антоха, наверное, пытался переждать, перетерпеть. Но Эрдэм, изловчившись, пнул его в лицо. Антоха потянул носом и чихнул кровавым облаком...

Уже в следующую секунду он увернулся от Эрдэма и вскочил на ноги. Шестёрка, бросившись было в атаку, тут же нарвался на встречный удар и уже не очень-то спешил продолжать драку. А Эрдэм снова повалил Антоху и принялся молотить его кулаками по голове. Антоха, скинув Эрдэма, поднялся. Но тот не отставал: он замахнулся, пытаясь достать Антоху длинным справа, но... провалился в пустоту.

— Вот сразу так нельзя было сделать!? — удовлетворённо произнёс Андрюха.

— Они сказали, что Батора-ахая подкараулят, — Антоха прерывисто дышал окровавленным ртом. — Если что — и всю его семью вырежут, сказали...

Андрюха залиvisto захохотал.

— И всех наших тоже, сказали, под нож пустят. Они же всю жизнь по тюрьмам...

— Кто — они? — Андрюха резко поменялся в лице. — А ну-ка, встали!

— Да говорю же, прикалывались... — уже умоляюще протянул шестёрка.

— Встали, я сказал, — процедил Андрюха.

Те встали и вытянулись перед Андрюхой, бросая виноватые взгляды.

— Куртки и шапки на землю! — скомандовал Андрюха.

Эрдэм и его шестёрка послушно скинули старые пуховики и вязаные шапки.

— А теперь бегом отсюда!

— Андрюха, мы же замёрзнем...

— Бегом!

Буряты побежал вразвалку.

— На исходную! — снова скомандовал Андрюха.

Оба послушно вернулись.

— Бегом!

Они побежали, в сумерках их почти сразу не стало видно.

— А они ведь и вправду замёрзнут, — сказал Антоха.

— А если они над мамой твоей так шутить начнут, ты их тоже жалеть станешь? — Андрюха сверлил Антоху тяжёлым взглядом.

— Мама-то моя тут при чём?..

— Это псы бродячие, они кого хочешь загрызут, если слабину дать! Усёк?

— Понял!

— А теперь, Антоха, давай исправлять косяки. А иначе: ты домой поедешь, а я вообще без дома останусь.

Андрюха бросил на землю шест и вошёл в дом. Помявшись, Алексей и Антоха вошли следом.

* * *

Мишка надсадно дышал, почти не открывая глаз; к счастью, бык и не думал сопротивляться. Он подрагивал, когда Антон ощупывал и зашивал рану толстыми капроновыми нитками, замоченными в бурой жидкости. Закончив, Антон тщательно присыпал швы каким-то порошком и ввёл Мишке антибиотик.

— Ну всё, теперь только ждать, — резюмировал он.

— Ты где этому научился?! — восхитился Алексей.

— У нас в институте специализация была по ветеринарии, — как-то грустно улыбнулся Антон, — два года учился...

У самой морды быка Андрюха насыпал горку силоса, но Мишка словно и не заметил угощения.

— Как думаешь, очухается? — спросил Андрюха.

— Посмотрим... — уклончиво ответил Антон. — Внутренности не задело, но мышцы порваны. Даже если и оклемается, прежним уже не будет.

— Будет, куда денется! — сказал Андрюха. — Лишь бы выжил.

В то утро, накануне битвы быков, Андрюха и не помышлял о работе. Всю ночь он пил крепкое пиво и успел поспать лишь около часа до того, как его разбудил Батор-ахай.

После ночёвки в степи Мишка был голоден и в кои-то веки спокойно щипал прошлогоднюю траву, выкапывая её из-под снега. Расценив это как возможность отдохнуть, Андрюха улёгся на коврик и уснул.

Открыв глаза, он обнаружил рядом лишь собак. Мишка бесследно исчез. Андрюха побежал в сторону заимки в надежде перехватить Мишку, но по пути подвернул ногу.

Теперь же весь свой гнев Андрюха вымещал на работниках. С раннего утра и до позднего вечера он следил за каждым их шагом, в то время как Антон с Алексеем выхаживали Мишку.

Бык заметно исхудал, но упорно цеплялся за жизнь. Уже на следующий день он начал пить тёплую воду, а через три дня — жевать силос.

Антон регулярно делал быку уколы и обрабатывал швы. На ночь Мишку закрывали с гуртом овец, чтобы тот окончательно не ослаб от холода. Катон был небольшим, и овцы обступали быка со всех сторон, согревая своим теплом. Спустя две недели Мишка самостоятельно вышел из катона и протяжно замычал.

Вернув гарем, Мишка успокоился. Он позволил Антону снять швы и спокойно гулял по степи со своими коровами неподалёку от стоянки. Андрюха после того, как Антон снял швы, хотел вернуться на стоянку Батора-ахая, но получил жёсткий отказ.

— Из-за Германа злится, — с досадой сказал Андрюха. — Теперь до лета здесь торчать придётся.

Дни потянулись спокойной, однообразной чередой. Андрюха без устали гонял работников и Мишку, пытаясь вернуть быку былую форму. Антон с Алексеем поддерживали чистоту в доме и готовили еду.

— Может, Бум-Ши попробуем сделать? — предложил однажды вечером Алексей. — А то содохнем тут со скуки.

— Хорошая идея, — согласился Антон. — Я только не совсем понимаю, как это вообще возможно здесь?

— Андрюха вроде говорил, что сделал Бум-Ши, — задумался Алексей.

— А там ничего сложного нет, — отозвался Андрюха. — Встали с утра пораньше, водички глотнули и вперёд. Воду, главное, пить и паузы брать вовремя. И не лениться. Если хотите, я щиты вам сколочу.

На следующее утро Антон разбудил Алексея в четыре утра. Выпив по два стакана тёплой кипячёнки, они сели в медитацию, а затем пошли в сарай, где уже лежали щиты, постелили под колени войлочные коврики и начали простираться.

Доски щитов поначалу были гладкими от изморози, но затем нагрелись, стали занозистыми настолько, что занозы пробивали плотные войлочные подушечки. Алексей, к своему удивлению, без особого труда сделал пятьсот подходов за два часа: выручил всё тот же комок в горле. Антон же с трудом осилил триста.

После завтрака они осмотрели Мишку, прибрались в доме, помыли посуду и вновь погрузились в практику. И снова без особых усилий Алексей сделал пятьсот простираний, Антона же снова хватило на триста. Однако вечером после ужина сил для продолжения практики Алексей уже не нашёл, а на следующее утро понял, что тело еле подчиняется ему.

— Антоха, ты как? — спросил Алексей.

— Лучше не спрашивай, — вяло отозвался Антон.

— Что делать будем? — Алексей повернул голову в сторону приятеля.

— Не знаю...

Кипяток слегка взбудрил, и Алексей, хоть и с трудом, но всё-таки осилил утреннюю медитацию. Повернувшись к Антону, он увидел, что тот спит сидя, уронив на пол чётки.

— Багша нам объяснял, что первые десять дней надо по тысяче делать, не больше, — наставлял Андрюха. — И за эти десять дней надо суметь выкинуть из себя бурята.

— Кого выкинуть? — не понял Алексей.

— Это Багша так говорит, — уточнил Андрюха.

— А мне кого из себя выкидывать? — спросил Антон.

— Короче, пацаны, через десять дней надо начинать делать по три тысячи простираний в день. Я смог. Виталик и Бивень не смогли, хоть и старались.

На третий день Антон разбил в кровь колени, на ладонях его появились волдыри. Алексея же весь этот день не покидало ощущение, что некая прежде невидимая часть его натуры отчаянно сопротивляется, мешает ему делать простирания. И у неё это получается очень хорошо.

— Антоха, тут что-то неладное, — сказал Алексей вечером, сидя на крыльце. Антон сидел рядом и молчал, глядя в одну точку. Мимо прошли на ужин тощий, Дабаха и Колька. Алексею показалось, что они злорадно улыбаются, и он с трудом совладал с искушением встать и дать кому-нибудь по голове, а лучше всем троим.

— Тридцать семь дней ещё впереди... — сказал Антон. — Как же это бесконечно долго...

— Чего грустим? — позади стоял Андрюха. В одной руке он держал кружку с чаем, другой ковырял щепкой в зубах. — Ладно, я завтра с вами. Долго не буду, просто, когда рядом кто-то умеючи, — вроде бы легче делать. Антоха, завтра посидишь, посчитаешь, я вам покажу, что три тысячи в день — это реально.

— Не вопрос! — отозвался Антон.

В первый же день без разминки Андрюха сделал три тысячи простираний и к вечеру не выглядел уставшим. А на следующий день случилось непредвиденное. В сарай забежал один из работников и что-то закричал по-бурятски. Андрюха выбежал из сарая и рванул в степь. Алексей с Антоном — за ним.

Мишка так до конца и не оправился после битвы с Германом. В степи они увидели, как этот некогда непобедимый бык спасался бегством, а за ним неотступно следовал Комолый. Выпятив большие мохнатые уши, словно не веря, Комолый бил кучерявым лбом под зад Мишке всякий раз, когда тот пытался остановиться, чтобы передохнуть.

От непосильного напряжения язык у Мишки вывалился наружу. То и дело он пытался повернуться лбом к противнику, чтобы отпугнуть того рогами, но Комолый без труда уходил от атак и опять гнал Мишку.

— Ах ты, козлина! — Андрюха ринулся на Комолого и огрел того шестом по мясистому заду. Не ожидавший такого, Комолый развернулся и бросился бежать.

— Что за помощники!.. — Андрюха выругался. — Даже больного быка на них не оставишь.

— Плохи дела, — заметил Антон, — забор надо делать. Мишка, похоже, уже нетот...

Вечером работники под руководством Антона делали забор. Практику Алексей продолжил один. На этом настоял Антон.

Всю следующую неделю Алексей старательно «выкидывал из себя бурята»: боролся с усталостью, болью, страхом, ненавистью, старыми обидами и ещё с чем-то внутри себя, что своим сопротивлением грозило свести его в могилу.

К вечеру, после очередной тысячи, он ощущал себя даже не уставшим, а еле живым, полумёртвым. Антон к этому времени нагревал ему воду для устроенного

за печкой импровизированного душа из старой жестяной лейки. Еду так же готовил Антон, причём очень вкусно. Но всё, что было наготовлено, Алексей ел через силу: организм отказывался принимать пищу.

— Я как-то с Загдой говорил на эту тему, — поделился Андрюха однажды вечером. — Он сказал, что представлял самого себя рядом. Как будто он рядом простирается, а сам он, типа, уже подстраивается под него, или под себя... ну ты понял, короче. Говорил, так и разогнался.

Рано утром Алексей начал медитацию и вдруг увидел себя сидящим рядом. Точнее, он не сразу понял, что рядом сидит он сам: рослый, плечистый, грубоватого вида метис с правильными чертами лица. Он сидел, прикрыв глаза, и перебирал чётки, подаренные Баярмой.

«Ты кто?» — спросил Алексей в изумлении и проснулся. Рядом никого не было. Но у соседнего щита почему-то лежали чётки Баярмы.

Свой образ тем не менее в его памяти отложился чётко, и теперь он без труда представлял себя рядом с собой, простирающегося быстро, уверенно, без напряжения, и Алексею было неловко отставать.

На следующий день Алексей представил рядом ещё и маму, и Танюху, и отчима, и даже Шумера. А затем наступило какое-то естественное и лёгкое безразличие. Он просто простирался, с раннего утра до позднего вечера, не ощущая ни лени, ни страха, ни боли. Все свои результаты Алексей записывал в дневник, а отчёт подходов вёл по чёткам. И вот однажды пустоту разорвал голос Антона:

— Тебе не кажется, что ты уже на второй круг пошёл? — Антон держал в руках записи Алексея.

Только сейчас Алексей заметил, что Антон одет непривычно легко.

— А сколько там? — спросил Алексей.

— Сто тысяч!

— А времени сколько прошло?

— Ровно сорок дней!

— Да ладно! — Алексей взял дневник, сел за стол и внимательно пересчитал каждый столбец.

— Я что, сделал это? — Алексей задумчиво погладил родинку на подбородке.

— Очевидно, да, — улыбнулся Антон.

Алексей вышел на улицу. Во дворе сновали работники в зелёных спецовках. В воздухе пахло сырой землёй, сопки уже избавились от серого налёта и начинали зеленеть.

— Батор сейчас звонил, — произнёс Андрюха. Он сидел на крыльце и, шурясь, смотрел в степь, — гурт надо отогнать на стоянку.

— А овец? — спросил Антон.

— Овцы здесь останутся. Подснежники полезли, пусть отъедаются. Короче, возвращаемся на стоянку. Вы рады?

— Ещё бы, — улыбнулся Алексей.

— Тогда собирайтесь! — скомандовал Андрюха и ушёл в дом.

* * *

Мишка издох в начале мая. Алексей нашёл его рано утром в сеннике. Ему показалось, что бык спит и не может проснуться. Но голова его застыла в одном положении, и, когда Алексей попробовал её приподнять, ощутил тяжесть закоченевшей туши.

— Ладно, хоть осеменить успели, — сухо сказал Батор-ахай.

— Куда его? — спросил Андрюха.

— На могильник: грифы прилетели, пусть клюют.

Работники прицепили тушу быка к трактору и уволокли на могильник.

— Не по себе, будто человек умер, — поделился Алексей с Антоном.

— По идее, не должен был издохнуть, — задумчиво произнёс Антон. — Неужели Комольй его так подорвал?

— Чем ему подрывать-то? — удивился Алексей. — У него же рогов нет.

— Мишка рогов не боялся. А вот беспомощность...

— Ну да, слушай, — согласился Алексей.

— Грифы — это хорошо, — рядом присел Артур. — Глядишь, человеком переродится.

— А что в этом хорошего? — усомнился Антон.

— Ты какой-то нервный вернулся с заимки, — заметил Артур.

Антон, не ответив, резко встал и пошёл к кошаре.

Весь май послушники вычищали кошары, коровники и отгоны, покрывали теплицы, наполняли их перегноем, высаживали картофель и рассаду. Артур, Нариман и Дима заметно исхудали, но в глазах у них уже не было выражения недовольства. Они без труда вставали с рассветом, делали вместе с Чимитом утренние практики, работали, затем, опять же с Чимитом, практиковали вечером.

Летом все обязанности послушников свелись к поливке, прополке и уходу за птицей. Весь скот, за исключением небольшого овечьего гурта, за которым смотрел Саян, откочевал на летние стойбища. У послушников стало больше времени для практики, и все они, кроме Антона, взялись за Бум-Ши. Антон же целыми днями работал в теплице, отслеживая температурный режим, и с непонятным для Алексея интересом наблюдая, как появляются первые всходы. К практикам же Антон окончательно охладел.

Батор-ахай и Чимит тем временем приступили к тренировкам по борьбе. Каждое утро Чимита начиналось с пробежки. Он штурмовал сопки, много ел, обливался ледяной водой и часами отрабатывал приёмы под руководством Батора-ахая. Вскоре к ним примкнул и Андрюха.

После истории с Мишкой Андрюха перестал пить и будто помолодел лет на десять. Бегал Андрюха ещё лучше Чимита и заставлял того изрядно понервничать на борцовской поляне, засыпанной речным песком.

— Можно, я с вами? — попросил однажды Алексей Батора-ахая.

— Давай, — согласился тот.

Борьба только на первый взгляд кажется нехитрым делом. У борца вроде бы одна простая задача: вывести противника из равновесия и заставить упасть на три точки. Внимательно наблюдая за Андрюхой, Алексей уяснил, что масса в этой борьбе не имеет ключевого значения. Андрюха не прощал Чимиту ни малейшей ошибки, и нередко их поединки заканчивались тем, что Чимит плюхался на песок.

Пробежки Алексею давались легко. Он не отставал от Чимита, с лёгкостью взбегал на сопки, так же умело с них сбегал, с удовольствием обливался холодной водой. Куда сложнее было с борьбой.

Первые уроки Батора-ахая доходили до Алексея медленно, но верно. В один из жарких дней Алексей подошёл к Нариману, обхватил его за талию и словно пушинку оторвал от земли. Нариман тут же попытался ответить и пропустил проход в ноги. Подхватив Наримана за ногу, Алексей слегка пошёл вперёд, и Нариман как подкошенный упал на землю.

— Давай как-нибудь в баскетбол сыграем... — проворчал Нариман.

Однако у Алексея в борьбе с Чимитом навыки сходили на нет. Все его попытки подловить противника упирались в звериную мощь этого степняка. Чимит был подобен угёсу, ощерившемуся острыми камнями и сучьями деревьев, с какой бы стороны ни пытался Алексей к нему подойти.

— Ты боишься, — сказал Андрюха.

Они сидели на вершине степной скалы, с которой, как на ладони открывалась живописная долина. Солнце уже таяло над горизонтом, и тени высоких сопкок накрыли стоянку там, далеко внизу, мягким покрывалом вечерней прохлады.

— К нему вообще не подступиться, — вздохнул Алексей. — Он читает меня как букварь.

— А для меня он тупой бивень, — хохотнул Андрюха. — Мне просто по кайфу смотреть, как он плюхается на задницу. Видел бы ты его рожу...

Снизу раздался свист: Чимит созывал послушников на ужин.

Весь следующий день Алексей пытался выкинуть страх из головы, отчего все копны прошлогоднего сена, которые он ставил в сенике, получились кривыми.

— Что это? — смерив Алексея взглядом, Чимит пнул копну.

Словно в тумане, Алексей отшвырнул вилы и кинулся в ноги Чимиту. Очнулся он оттого, что уткнулся лицом в ковёр стоптанного сена. Дико зарывчав, Алексей вскочил и снова ринулся в атаку. На этот раз он отлетел в сторону от увесистого подзатыльника.

Попытка достать кулаком тяжёлый подбородок Чимита тоже не увенчалась успехом. Усевшись на землю от встречного толчка, Алексей закричал, словно раненный зверь. Со всех сторон к ним бежали послушники. Быстрее всех — Андрюха с явным намерением оторвать Чимиту голову.

Проход получился сам собой, после того крика, с которым из него, как потом подумалось Алексею, наконец-то вышел страх. Алексей полетел к ногам Чимита, словно умело пущенное копьё. Утёс, что казался ему неприступным, рухнул от удара головой в грудь. Навалившись на Чимита, Алексей ощутил, что сбоку степняка ударил ногой Андрюха.

Алексей, схватив Андрюху за ногу, повалил и попытался прижать к земле. Послушники облепили со всех сторон Чимита. Он что-то хрипел и рычал по-бурятски.

— Всё, хватит с него, братан, — выдохнул Алексей.

— Да я так, воспользовался случаем, — ответил Андрюха и хитро подмигнул Алексею.

За вечерним чаем все сидели молча, делая вид, что ничего не произошло, а потом разом изъявили желание пойти на тренировку.

В августе, когда послушники выехали на покос, Алексей продолжал оттачивать свои новые навыки. С каждым днём тренировки становились всё утомительнее, но его мышцы свыкались с нагрузками. Вечером, закончив с укладкой копен — он уже ставил их до двадцати в день, — звал Чимита на тренировку, и степняк уже не казался ему непобедимым. Алексей отрывал его от земли, заходил за спину, и нередко Чимит падал на землю.

Еду послушникам варила и привозила со стоянки Эля. Время от времени она пристально смотрела на Алексея, словно хотела что-то сказать. Но Алексей старательно делал вид, что не замечает этих взглядов.

Покос был финалом ученического ретрита. Однажды приехал Батор-ахай на своём джипе и объявил, что ретрит окончен.

— Я могу с вами поговорить с глазу на глаз? — спросил Антон Батора-ахая.

— Пошли, поговорим.

Говорили они минут пятнадцать. Краем уха Алексей услышал лишь «очень жаль».

В тот же вечер за послушниками пришёл микроавтобус.

* * *

— Я счастлив! — Антон глотнул пива и закинул в рот горсть чищенных фисташек. — Вот, не поверишь, — как будто проснулся.

Они сидели на вокзальной лавке. Алексей хорошо помнил эту лавку, сейчас она вызывала в нём ощущение некой завершённости.

— Может, подумаешь? — спросил Алексей. — Ретрит прошёл, и домой — как-то ни туда ни сюда.

— Мне этого вот так! — Антон провёл большим пальцем над головой. — Домой,

во-первых, хочу: по маме соскучился, сестрёнка ждёт. Я уже предупредил, что скоро приеду. А во-вторых, незачем мне здесь быть. Всё, что надо, я взял. Багша меня понял.

— Что делать будешь?

— Учиться буду дальше.

— А не надоест опять? — улыбнулся Алексей.

— А не в этом дело, — ответил Антон. — Хотя давай об этом потом поговорим, лет через десять?

— Мне просто интересно, зачем ты сюда приезжал?

— Зачем? — Антон задумался. — Долго рассказывать. Тебе это интересно?

— Время есть, рассказывай...

— Короче, я однажды задумался: как увидеть себя со стороны? А потом случайно наткнулся на интервью о Багше в одном журнале. И всё, прямо осенило, понял — это то что надо...

— А зачем тебе видеть себя со стороны? — Алексей тронул родинку на подбородке.

— У меня отец учёным был, доктор наук, авторитет у себя в институте, все его любили, уважали. Но дома вечерами он становился другим человеком. Приходил с работы, выпивал водки, и начиналось... Маму он бил, на нас с сестрёнкой орал... Мы у него как прислуга были: приготовь, принеси, убери. Чуть что не так — сразу заорёт или кинет чем-нибудь, что под руку подвернётся.

Личные обиды я мог простить. Мама очень сильно от отца уставала. Помню, маленьким был, отец уйдёт на работу, а мама — спать. Всё свободное время она спала, отдыхала от отца. Она вроде бы рядом, а всё равно одиноко почему-то было. Терпеть не мог, когда мама спала. А она постоянно, чуть что — сразу спать.

Я вырос и начал спорить с отцом. Отец тогда совсем уже спивался. Я однажды взял и записал на камеру, как он себя ведёт, что говорит, когда пьяный. Он увидел себя со стороны и поверить не мог, что это он. Так и умер, не поверив.

Меня в институт как сына своего отца взяли, без экзаменов. Сидишь на лекциях, а тебе преподаватель: «Вот отец-то у вас какой был...» Тошнило от этой лжи. Ну и задумался однажды: как увидеть себя со стороны? Так я оказался здесь.

— Получилось хоть? — Алексей снова потёр родинку на подбородке.

— Да бог его знает. Документы из института однозначно заберу, буду поступать на ветеринарный. Я, знаешь, что понял? Главное — перед самим собой честным быть! Багша правильно говорит: важно уметь видеть в каждом человеке свою мать в прошлой жизни. Я вот учился-учился в этих хмырях на стоянке видеть своих матерей из прошлых жизней — чуть с ума не сошёл. Это же какими мы были-то в прошлых жизнях? А потом Андрюха как сказал про маму, что вот такие хмыри и её не пощадят, — всё на место встало. Я уже тогда понял, что после ретрита домой поеду. Я маме и сестрёнке нужен, понимаешь? Мне в этой жизни надо суметь хотя бы их защитить. А как смогу защитить вдалеке от них?

— Рад за тебя, брат! — ответил Алексей. — Увидимся когда-нибудь ещё?

— А почему нет? Звони, в гости приезжай, буду рад!

— Ловлю на слове! — Алексей хлопнул Антона по плечу.

Объявление о прибытии поезда принесло ощущение грядущих перемен.

— Батор-ахай — мужик, конечно, — Антон открыл паспорт и взглянул на билет. — Купейный, на пекинский экспресс. Денег мне дал за ретрит. Ты знаешь что?.. Возьми, пожалуйста, — он протянул Алексею несколько купюр.

— Завязывай, — Алексей невольно отстранился от Антона. — В дороге пригодятся.

— Всё-таки возьми! — настаивал Антон. — Шмотки себе купишь, а то одет как бомж.

На Алексея был старый спортивный костюм Виталика, тот самый, что осенью отдала ему Баярма. Правда, костюм теперь был впору, и чувствовал он себя в нём вполне комфортно.

— Мне как-то всё равно, — улыбнулся Алексей. — Хотя ладно, давай. Муле гостинцев куплю.

Поезд медленно подошёл к перрону.

— Ну всё, прощай, брат! — Антон крепко обнял Алексея, подхватил сумку и быстрым шагом направился к своему вагону. Алексей посмотрел ему вслед, развернулся и пошёл в сторону вокзала и дальше: туда, где жила Баярма.

Ночной Могойтуй чем-то напомнил Алексею родной район ЦРММ в Чите. Частные одноэтажные дома здесь так же перемежались каменными в два-три этажа, так же сновала бойкая молодёжь. Время от времени пьяные подростки бросали на него дерзкие взгляды, но Алексей, не обращая на них внимания, проходил мимо.

У подъезда дома, где жила Баярма, стояли трое бурят. Алексей их узнал сразу же.

— Можно, я пройду? — Алексей положил ладонь на плечо самого худощавого из них. Тот отошёл в сторону и что-то невнятно пробормотал.

Алексей поднялся по скрипучим деревянным ступеням, встал у двери и нажал кнопку звонка. Подождав, постучал в дверь. Постучал ещё... Дверь открылась, и Алексей увидел перед собой Виталика.

— Вам кого? — спросил Виталик, в темноте не признав Алексея.

На Виталике были только шорты.

— Я к Баярме, — растерялся Алексей.

— Ох, ёлки, ты, что ли? Ты откуда так поздно?

— Кто там? — в коридоре вспыхнул свет и за спиной Виталика Алексей увидел Баярму в лёгком коротком халатике.

— Я, похоже, не вовремя, — выдохнул Алексей, развернулся и побежал вниз по ступеням.

— Слышь, Лёха, погоди!

— Пошёл в задницу, — зло ответил Алексей и вышел на улицу.

— Это ты кому? — икнул худощавый бурят.

— Тебе, — так же сухо бросил ему Алексей.

— Извини, — ответил бурят.

Двое других так и не сдвинулись с места.

— Выпить есть? — спросил Алексей и протянул парням купюру.

Стоявший рядом высокий протянул непечатую бутылку водки.

— Братан, успокойся, — услышал Алексей за спиной голос Виталика.

Алексей оглянулся. Буряты торопливо отошли. Сделав шаг вперёд, Алексей с силой ткнул Виталика лбом в подбородок. Не ожидавший удара, Виталик растянулся на земле.

Алексей рванул в центр, туда, где гремела дискотека, по пути залпами опустошая бутылку. Продираясь сквозь толпу танцующих, он вроде бы увидел Баярму с каким-то парнем.

— Чо, уже другого нашла? Быстро ты...

— Тебе чего?!

Алексей оттолкнул парня и заорал:

— Шлюха ты, поняла!?

Девушка смотрела на него, побелев от ужаса. Девушка, как две капли воды похожая на Баярму... только моложе.

Он почти не ощутил удара сбоку. Повернувшись, увидел парня с десятком дружков.

— Вот как? — Алексей подтянул рукава мастерки. — Ну, давайте, поехали...

Удары полетели со всех сторон. Алексей яростно отмахивался, походя заметив, что сбил с ног человека в форме. Кто-то очень сильный заломил ему руки за спину, но Алексей вывернулся, а затем ткнул головой в темноту и не заметил, как темнота поглотила его...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Здорово, Лёха...» — любое слово, что влетало в пространство, увязало, словно это был не воздух, а студенистая масса: прозрачная, липкая, противная. В этой массе передвигались люди, будто они в ней жили.

Было видно, что людям тяжело передвигаться, но они привыкли, поскольку не знали другой жизни. Среди них Алексей увидел: мать, сестру Танюху, Женьку, Жору, Сазона, ещё кого-то, — знакомых некогда, но уже забытых...

При виде всей этой толпы Алексея нестерпимо затошнило.

«Здорово, Лёха...»

В студенистой реальности возникло округлое, тоже студенистое, лицо Андрюхи.

— Здорово, Лёха, — повторил Андрюха и хлопнул его ладонью по щеке. — Пошли, тут воняет!

Алексей оторвал голову от дощатых нар и оглядел стены КПЗ.

— Смотри-ка, в одиночке тебя закрыли.

Алексей поднялся, вышел за Андрюхой в коридор, в котором навстечу попадались бодрые молодые полицейские, миновал турникет у большого окна с надписью «Дежурная часть», миновал просторное фойе, и дальше — к выходу. Глотнув свежего воздуха, Алексей ощутил новый приступ тошноты.

— Пива тебе надо, — сочувственно сказал Андрюха.

— Лучше лимонада, — Алексей присел на скамейку напротив отделения и осторожно запрокинул голову, словно опасаясь, что она сейчас сорвётся с шеи и покатится по земле.

— Ты только не уходи никуда, я быстро, — Андрюха побежал в сторону магазина, того самого, у которого Алексей впервые увидел Баярму.

Картину вчерашнего вечера он помнил вполне отчётливо, но ровно до того момента, как оказался на дискотеке. От раскаяния у него защемило в висках... «Зачем я ударил Виталика? И чего я вообще хотел от Баярмы?» — Алексей тяжело вздохнул и едва не потерял сознание от приступа рвоты. С трудом перебравшись на самый конец скамьи, он уткнулся носом в урну. Подняв голову, огляделся и увидел двоих полицейских, недовольно шуривших на него с крыльца отделения полиции.

К счастью, подоспел Андрюха. В одной руке он держал литровку лимонада, в другой — банку пива. Торопливо открыв бутылку, Алексей осушил её и откинулся на спинку скамьи.

Тошнота отпустила, уступив место желанию вздремнуть. Алексей всегда опохмелялся лимонадом, причём не всяким, а именно читинским. В годы его юности этот лимонад был лучше, вкуснее, злее на вкус.

— Ну как? — спросил Андрюха.

— Лучше!

— Эля «залог» за тебя внесла, — продолжил Андрюха. — Такой, знаешь, «в конвертике» кому надо.

— Всё так плохо? — Алексей поморщился.

— Надо полагать, менту по башке дал, — усмехнулся Андрюха. — Хорошо, что мент свой. Ну, свой, в смысле: ученик Багши.

— А, пофиг, — Алексей потёр родинку на подбородке. — Посадят и посадят. Жизнь так и так не задалась.

— Да не посадят, не дрейфь, — уже посадили бы: Эля, денежек не пожалела. Так что не грусти! — усмехнулся Андрюха. — Я вон, вообще живой труп, и ничего, живу как-то, ещё и радуюсь этой жизни.

— Я вчера Виталику всёк, — признался Алексей.

— Правильно сделал, что всё, — поддержал Андрюха. — Хорошо устроились монахи: и рясы напялили, и всё остальное им подавай.

— Классный ты мужик, Андрюха, — Алексей улыбнулся и почувствовал, как от лимонада в нём оживает вчерашний хмель. — Но мне реально хреново! Дров наломал — до конца жизни не отмоешься...

— С похмелья всегда так, — перебил Андрюха. — Главное — не ковыряться в себе.

— Виталик бы меня не ударил!

— Было бы за что, так и ударил бы, — не согласился Андрюха, — чо я, Виталика не знаю? А вот ему давно пора было люлей отхватить. Да только всё карма ни у кого не зрела. А ты, вишь как, только приехал и самому Виталику сразу навалял! Короче, у рынка нас Эля ждёт в машине. Они с Батором расчихались опять...

— Из-за меня, что ли? — Алексей покосился на Андрюху.

— Да не суть, из-за кого. Они когда чухаются, Эля к Надюхе уезжает. Они так типа отдыхают друг от друга. Короче, я чо тебе хочу сказать, ты отвертись как-нибудь, если она тебя к Надюхе потащит. Это не только моя просьба. Батор тебя об этом просит!

— А что за Надюха-то?

— Ну типа мачеха твоя.

— Не, к мачехе не хочу! Мачехи мне ещё не хватало!

— Молоток! — Андрюха хлопнул Алексея по плечу. — Короче, как поступим? Ты шас покалякай с Элей вежливо и скажи, типа тебе в дацан надо. И сразу же вали!

— А что за секретность-то такая? — насторожился Алексей.

— Это я тебе потом расскажу...

— Я сама ему всё расскажу! — Алексей ощутил на своём плече Элину ладонь.

— О! Эля! Я только хотел тебе звонить, — от неожиданности и неловкости ситуации Андрюха машинально привстал.

— Не переживай! Спасибо тебе за всё, — Эля смотрела на Андрюху взглядом, исключающим варианты.

— У него, это, башка болит, — Андрюха посмотрел на Алексея так, словно за спиной у него обнаружили бомбу замедленного действия.

— Ты ведь не будешь меня сейчас злить?

— Нет, не буду. Только, это, может, до дацана меня подбросите?

— Тут недалеко, дойдёшь! — Эля холодно улыбнулась.

— Да, короче, я вам сколько раз говорил с Батором, не вмешивайте меня в свои дела, — Андрюха вскочил со скамьи и поднял руки, словно услышал «хендехох».

— Спасибо тебе большое, — отрезала Эля.

Махнув рукой, Андрюха быстрым шагом пошёл прочь.

— Ну что, пошли, Алёшка-картошка?

Алексей послушно пошёл за ней.

* * *

Надя хлопотливо накрывала на стол, с натянутым интересом слушая Элю и выглядывая время от времени в окно. Было видно, что она стесняется — стесняется неловкости ситуации и своей неготовности к этой встрече, на которую она пыталась должным образом настроиться.

В её движениях и выражении лица сквозила усталость. Это была молодая приятная женщина, но очень неуверенная в себе, запуганная обстоятельствами, неожиданным одиночеством и ещё чем-то, что теперь неизменно подтачивало изнутри.

Алексей подумал, что в доме отца, наверное, многое изменилось. Но старой обстановки он не помнил. Всё его внимание приковал к себе мальчик, сидевший напротив за столом. Мальчик внимательно следил за Алексеем взглядом не по годам умного ребёнка.

Алексей заметил, что с момента их первой встречи Ойдоп заметно вырос. С виду это был вполне обычный ребёнок лет пяти-шести с непокорными тёмными волосами рыжевато-голубого оттенка, слегка вздёрнутым носом и большими торчащими ушами. Необычным же был его взгляд: взрослый, пытливый.

— Почему ты не сказал тогда, что ты мой брат? — неожиданно спросил Ойдоп.

— Не знаю, — честно признался Алексей.

— Ойдоп, дай брату привыкнуть к тебе, — Надя натянуто улыбнулась и посмотрела на Алексея виновато. — Вы уж извините, он всё время о чём-нибудь спрашивает.

— Можно на «ты», — ответил Алексей Наде. — А магазин здесь далеко?

— А чего вы хотите? — спросила Надя.

— Да неловко как-то, без подарка пришёл, не сообразил.

— Ой! — Надя махнула рукой. — Этого мальчишка трудно чем-то удивить.

Навскидку Надя была старше его лет на пять, не больше. Всё в ней было аккуратно: причёска, походка, жесты. Даже её манера разливать чай по чашкам показалась Алексею излишне аккуратной, а главное, до боли знакомой. Она была во многом похожа на его мать, даже — привычкой надевать кухонный передник, не накидывая его на шею, а только завязывая вокруг бёдер.

Эля всё это время внимательно наблюдала то за Алексеем, то за Надей и её сыном. Было очевидно, что она хотела этой встречи, долго и тщательно её планировала. За столом то и дело возникали неловкие паузы, и лишь маленький Ойдоп без тени смущения продолжал пытливо разглядывать брата, как будто хотел запечатлеть в своей памяти каждую черту его лица.

— Давайте вина выпьем? — предложила Эля.

— Я же не пью, — рассеянно возразила Надя, но тут же поправилась. — Вы пейте, если хотите. А мне нельзя.

— А я после вчерашнего не в состоянии просто, — ответил Алексей. — Я на следующий день даже запаха не выношу.

— Весь в папку, — усмехнулась Эля и осеклась.

Алексей оглядел кухню, пытаясь увидеть признаки присутствия хозяина, и понял, что хозяина в этом доме нет, и довольно давно.

Надя встала из-за стола, подошла к кухонному гарнитуру, вынула бутылку шампанского. Алексей молча взял бутылку из её рук и осторожно, без выстрела, вынул пробку. Эля тем временем достала стеклянные стаканы, разлила вино и, не чокаясь, выпила до дна.

— Ну что, Алёшка-картошка, пойдём, покурим?

— Да я бросил, — глухо ответил Алексей.

— Я тоже, — Эля провела ладонью по его голове, пытаясь пригладить взъерошенные волосы. — Пошли, поговорить надо!

Эля взяла со стола початую бутылку, надела старые войлочные тапочки и вышла из дома. Алексей последовал за ней.

Она пила шампанское прямо из горлышка и сбивчиво, еле сдерживая эмоции, наконец-то рассказала ему предысторию всех его удивительных приключений за этот год. Из этого сбивчивого и в то же время непрерывного рассказа сознание Алексея выхватывало главное: «Отец твой погиб на вахте. Виталик посчитал нужным известить твою мать, благо она была недалеко, в Забайкальске. Уже на следующий день она приехала в Могойтуй помочь с похоронами. С поминок её увезли на «скорой»...

Алексей взял у Эли бутылку и сделал несколько больших глотков.

— У нас в классе был один метис, — Алексей громко рыгнул, — простите. Его тоже Лёхой звали. И вот одна хрень меня убивала всё то время, пока мы с ним учились вместе: его все любили, а меня нет. Я, так, смотрел иногда в зеркало и думал: «А чем я хуже его?» Почему его никто не обзывает бурятом или якутом, а мне постоянно

напоминают о том, что я не такой, как они? Сначала я думал: «Папаша у него большой начальник, денег у них много, за это и уважают!» А потом присмотрелся — а деньгами он не сорит, в школу и домой на троллейбусе, ни разу не видел, чтобы папик за ним на машине приехал, а любят — его. Значит, не в деньгах дело? А в чём тогда? А в том, что он гордился своим отцом! Всё! Я ни разу не видел живую его отца, но у него на лице всегда было написано: «У меня крутой папик!» А что на моей роже было написано? То ли бурят, то ли якут, то ли хрен пойми кто? — Алексей приложился к бутылке и допил остатки шампанского.

— Нам о многом ещё поговорить надо, — отозвалась Эля. — Давай так поступим: ты поживи здесь, с нами. Тут и рука мужская нужна, и отдохнуть тебе надо.

— Я врать не буду. То, что батя умер, меня не расстроило, я даже не понял этого пока. В чём-то я даже благодарен ему теперь. Если бы он не погиб, я бы здесь не оказался, Батора твоего не узнал бы, Андрюху, Чимита, Антоху. Странно, да?

— Всё правильно! — Эля улыбнулась и прильнула к плечу Алексея. — Помнишь, вот здесь?.. Тут палисадник был. Ты, маленький, такой забавный был, тяжёлый, пухленький. Не догляжу за тобой — ты в палисадник, малину кушать. Обьешься малины, а назад выйти не можешь: стоишь, голосишь. Я тебя на руки возьму, а у тебя все щёки в ягодах, пухлые такие и сладкие. Я мечтала тогда, думала: вот родится у меня сын, и будет таким же тяжёлым, красивым и сладким, — Эля тяжело вздохнула. — Мы ведь очень любили тебя все: и я, и бабушка, и твой отец. Но почему-то я быстро забыла тебя, когда твои родители расстались. Только бабушка всё время о тебе вспоминала, всё порывалась поехать в Читу, чтобы увидеть тебя, поняничить. Она и перед смертью вдруг начала собирать вещи. Мы спрашиваем: «Вы куда, мама?» А она: «Я к внуку еду, мне надо его увидеть!» А что нам мешало посадить её в машину, найти вас в Чите, деньгами вам помочь, в конце концов, мяса привезти, молока?

— Да ладно, — Алексей вдруг ощутил, что ему трудно дышать носом.

— Не «да ладно», надо было так сделать, — Эля судорожно сглотнула. — Я ведь знаю, что тебе непросто было, и маме твоей было нелегко, время ещё такое. Всё мы знали. Но всё какие-то отговорки находили самим себе. Главное — мне сейчас хорошо, а что там у вас, в Чите, какая разница. Это ведь ваши проблемы. А потом, как-то раз, вдруг вспомнила тебя, когда с Саяном гуляла здесь, в малиннике. Плохо так стало почему-то, ношу Саяна на руках и места себе не нахожу. До вечера успокоиться не могла, — уткнувшись лицом в ладони, Эля тяжело задышала, пытаясь успокоиться и собраться с мыслями.

— Я не обижаюсь, правда, — пытаюсь утешить, он обнял Элю за плечи. — Всё хорошо! Я даже рад теперь, что всё было так, а не по-другому.

— Нам ещё о многом надо с тобой поговорить. Но не всё сразу, ладно? — Эля вздохнула и достала из кармана носовой платок.

— Как скажешь, — согласился Алексей.

— Тогда иди в дом, Ойдопка нас уже потерял, поди.

— А ты?

— А я посижу ещё немного и вернусь, — Эля закрыла лицо руками и замерла, словно неожиданно заснула спокойным и крепким сном.

* * *

Надя сидела у печки и нервно потягивала сигарету. Увидев Алексея, она замерла, затем торопливо выдохнула дым в открытую дверцу и закашлялась. Надины руки дрожали, она была в смятении и не могла этого скрыть. Алексей присел рядом и жестом спросил разрешения.

— Курите, — кивнула Надя, — я так-то не курила раньше. Сейчас уляжется всё немного, и брошу.

— Я тоже бросал, — поддержал беседу Алексей, прикурил и ощутил приступ тошноты. — Я, наверное, слишком неожиданно появился?

— Да нет, мы давно вас ждали, — Надя натянуто улыбнулась. — Просто вас к нам не отпускали.

— На «ты» можно, — повторил Алексей. — Я торможу немного с утра, ты не обращай внимания, всё нормально. Я рад, что здесь оказался!

— Мы тоже очень рады! — глаза Нади подёрнулись влажной пеленой, она с трудом сдерживала слёзы. Ведомый неожиданно возникшим чувством, Алексей положил сигарету на печь и привлёк к себе Надю. Уткнувшись носом в плечо Алексея, она крепко вцепилась пальцами в его мастерку, словно пыталась спрятаться от чего-то, гнетущего её очень давно.

— Можно, я тоже пожалею маму? — рядом стоял Ойдоп. Он подошёл неслышно и стоял в сторонке, пристально наблюдая за матерью и старшим братом.

— Лучше брата обними, — Надя отстранилась от Алексея и, торопливо вытирая слёзы, ушла в другую комнату. Ойдоп подошёл к Алексею и протянул ему обе руки. От Ойдопа пахло степным ветром и ещё чем-то очень знакомым. Точно так же пахли волосы маленькой Танюхи, и этим запахом пропитался тогда и весь мир вокруг неё. Когда он обнял брата, ему показалось, будто он обнял Танюху, ещё совсем маленькую, когда она только начинала ходить. Маленькой Танюха любила обниматься со всеми, но особенно — с братом. Алексей мог носить её на руках часами, что-то рассказывая, показывая, объясняя. Танюхин отец не умел ладить с детьми, у него на руках она начинала плакать.

— Пошли, я познакомлю тебя с Саяном, — Ойдоп взял Алексея за руку и повёл в другую комнату.

Саян сидел в гостиной за компьютером. Рядом, на диване, сидела Надя, торопливо перелистывая фотоальбом.

— У нас где-то есть фотография, где ты ещё совсем маленький, — улыбнулась она Алексею.

— Я не люблю разглядывать свои детские фотографии, — честно признался Алексей.

— Сейчас найду, — не унималась Надя.

— Познакомься, это Лёша, мой брат! — Ойдоп подошёл к Саяну, взял его за руку и развернул на крутящемся кресле лицом к Алексею.

— Мы знакомы, — сухо ответил Саян, глядя мимо него.

— Саян — избранный! — вдруг выдал Ойдоп.

— Кто? — не понял Алексей.

— Избранный! — повторил Ойдоп. — Он из страны богов, которая находится за Синими горами.

— Это где такая страна? — Алексей уже начал понимать, что его пустили туда, куда не всякому есть ход.

— Это очень далеко! — ответил Ойдоп.

— Чтобы попасть туда, нужно преодолеть Синие горы, — вступил в разговор Саян. — Простому человеку это не дано. Вокруг этой страны бесконечный океан. Точнее, все так думают, что он бесконечный. Но это не так.

— Ух ты, — Алексей удивился, что эти фантазии его ничуть не пугают и не раздражают.

— За этим океаном есть Чистые земли, — без тени смущения продолжал Ойдоп. — Тот, кто туда попадёт, будет всегда счастливым.

— А здесь, у нас, нельзя быть всегда счастливым? — поинтересовался Алексей.

— Здесь много зла, — Ойдоп показал свой маленький кулачок. — Мы хотим нарисовать карту, которая ведёт в Чистые земли, и, когда я вырасту, мы туда уедем!

— Как интересно... — Алексей потёр родинку на подбородке. — А меня с собой возьмёте?

— Конечно! — обрадовался Ойдоп. — Ты же мой брат.

— Я с радостью! — подтвердил Алексей.

Больше часа Ойдоп рассказывал Алексею историю Саяна. Согласно этой истории его спасли и доставили в мир людей Чёрные всадники, люди, которые пробрались в страну богов по волчьим тропам.

Боги были хозяевами своей страны. Но в этой стране они были не одни: они были вынуждены делить её с асурами — полулюдьми-полубогами. Асуры пришли в эту страну позже богов, но всегда хотели быть её хозяевами, завидовали богам и вечно поднимали восстания.

В войнах между богами и асурами всегда побеждали боги. Но асуры не успокаивались, собирали новые армии, выжидали удобного момента и снова развязывали войну. Асуры не просто хотели править этой страной, они хотели завладеть портом, из которого отправлялись корабли в Чистые земли. Корабли из этого порта всегда уходили в один конец, они никогда не возвращались. И уплывали на этих кораблях только боги, причём далеко не все, а самые чистые и благородные — Избранные. Именно каста Избранных правила страной.

Асурам, в общем-то, неплохо жилось в этой стране. Но одна легенда не давала им покоя — история о том, что в самом сердце Чистых земель есть озеро, вода из которого дарует бессмертие. Об этом озере якобы рассказал единственный, кто вернулся из Чистых земель. Это был человек, но не простой, а тот, кого даже высшие боги называли Драгоценным. Этот Драгоценный рассказал о том озере кому-то из высших богов. А прислуга случайно подслушала.

Асуры понимали, что вода из озера — бесценный товар, за который можно приобрести всё что угодно. Асуры пытались подкупить низших богов, чтобы те правдами и неправдами разузнали, как можно заполучить хотя бы один крохотный флакон волшебной воды. Но высшие боги из касты Избранных были неподкупны.

Низшие боги обещали асурам привести их в Чистые земли при условии, что те пожертвуют всем, что у них есть. И многие асуры соглашались. Так продолжалось до тех пор, пока асуры не поняли, что их обманывают. Вспыхнуло самое страшное и кровопролитное восстание асуров. На их сторону перешли низшие боги, считавшие себя обделёнными, недовольные политикой Избранных, и вероломно ударили в спину. По этой причине погибло много опытных генералов из числа Избранных.

Саян, согласно этой истории, только родился в семье одного из тех генералов, и мать успела передать его Чёрному всаднику, а затем встала на пути отряда асуров, которые её растерзали...

Сам Саян очень подробно рассказывал, что такое волчьи тропы, кто такие Чёрные всадники, и как им удалось проникнуть в страну богов и асуров. Чёрные всадники, согласно рассказу Саяна, были особой кастой шаманов, а волчьи тропы — этакими порталами, через которые могли передвигаться только посвящённые.

Саян рассказывал и о самой стране богов, но рассказ этот Алексей пропустил мимо ушей, словно не слова, а скользкие каменные глыбы падали за его спиной. Запомнилось лишь, что страна богов и асуров — полуостров, с трёх сторон омываемый бесконечным океаном...

— Круто! — Алексей потёр родинку на подбородке. — Это какая фантазия должна быть, чтобы придумать такое?

Алексей и Эля снова сидели на крыльце.

— Поначалу всё было как у всех, — рассказывала Эля. — Здоровый мальчик, четыре килограмма, щёчки, как у хомяка, стопы, как у медвежонка, глаза большие, как бусины, глубоко смотрят.

Эля грустно улыбнулась и смахнула слезу, затем достала из пачки сигарету и не смогла прикурить. Алексей взял из её рук зажигалку и поднёс огонёк к кончику сигареты.

— Он плакал много и ночью, и днём. Когда полгода Саяну исполнилось, Батор сам стал его качать на руках, давая мне поспать. Время такое дурное было: пил он тогда сильно, денег ни копейки, стреляли в него два раза, не жил — мучился и нас мучил. А я же тихая была, агинская бурятка, думала, может, рождение сына на него как-то повлияет... Вот и тряхнул его Батор однажды сильнее, чем обычно. Саянчик акнул как-то странно и замолчал. Я чуть в обморок не упала, думала — всё, убил. «Скорую» вызвала, весь мат, какой знала, на врача вылила. Неделю в больнице пролежали: всё нормально, говорят. А я-то вижу, что *не нормально!*

Годик исполнился, а он лежит, молчит, смотрит, и взгляд куда-то мимо. Это был нескончаемый ужас. Батор пьёт, денег нет, ребёнок не ходит и молчит. Хорошо хоть, брат звонил иногда, он тогда журналистом работал на телевидении в Улан-Удэ. Рассказала ему всё как есть, приехал, забрал.

Батор только через месяц объявился, чёрный весь, похудевший. Жалко его до слёз, а за сына не могу простить. Иди, говорю, и сдохни где-нибудь как собака, это всё, чего от тебя хочу! Как собака, говорит, не смогу — натура не та. А как солдат, попробую. Тогда в Чечне война началась. Калмык, бывший муженёк Баярмухи, помог, слово в военкомате замолвил.

— Калмык? — Алексей ощутил лёгкий холодок под ложечкой.

— Был у нас тут один бандит, — Эля иронично поджала губы. — Не советую я тебе с Баярмой связываться. Ушлая бабёнка.

— Расскажи, мне интересно, — настоял Алексей.

— Она в шестнадцать лет залетела от одноклассника, а одноклассник тот взял да и в хуvaraки ушёл, в Цугольский дацан, а оттуда вскоре в Индию уехал учиться. Она гульнула с Калмыком, он тут делишки свои обстряпывал в девяностых, сказала ему, что беременна от него — он и женился. Через два года развелись, но деньгами он Муле помогает, хоть, похоже, и знает, что это не его дочь. В общем, умеет приспособиться подруга.

— Ты за это её не любишь? Можешь не отвечать, если не хочешь, — Алексей покосился на Элю, но на её лице не отразилось никаких эмоций.

— Да нет. Просто бесит она меня! От жизни много хочет, и всё ей на блюдечке подавай. Доча такая же растёт, вся в неё. Сколько она в Могойтуе живёт, что-то не припомню, чтобы работала. Легко быть святошей, когда на шее у кого-то сидишь. Выдала она мне один раз: говорит, мол, я мужа своего плохо знаю. У неё тогда чёлка была такая красивая, я её одним рывком вырвала, — Эля перевела дыхание и раздавила пальцами потухшую сигарету. — Только я знаю, какой Батор на самом деле. Все думают, что он такой мужественный, сильный, Багша его любит без ума... — во взгляде Эли мелькнула какая-то особая ненависть.

— Расскажи мне, кто такой Багша, — Алексей достал из пачки сигарету и провёл ею у носа.

— Я не могу сказать, что он плохой, — честно призналась Эля. — Просто я, наверное, единственная в его окружении, кто не верит его сказкам.

— Сказкам?

— Прости, Алёшка-картошка, давай об этом потом поговорим.

— Как скажешь.

— Не бросай нас сейчас, ты нам очень нужен! — Эля обхватила руку Алексея и прижалась виском к его плечу.

— Не брошу! — пообещал Алексей и обнял Элю за плечи.

* * *

Эля постелила ему на веранде. Сентябрь выдался тёплым, и Алексей захотел спать на свежем воздухе. Выйдя во двор, он ощутил лёгкий запах гари — соседи жгли вечером мусор.

Бородатый Соболь, дремавший на крыльце, повернул голову, удивлённо посмотрел на Алексея, нехотя поднялся, потянулся и широко зевнул. Вдохнув утреннего воздуха, Алексей ощутил прилив сил. Вернувшись на веранду, выпил полковша воды, оделся и вышел за ограду.

Он побежал трусцой, медленно, почти шагом, глубоко вдыхая носом, чтобы поймать ритм. На дороге уже появились первые автомобили: белые японские иномарки с длинными хищными носами. Бег давался легко, ноги быстро налились силой и понесли Алексея по центральной улице Могойтуй.

На развилке у районной больницы он свернул вниз, миновал Дом культуры и вскоре оказался на дороге на Цаган-Оль. Это был пологий удобный подъём, на котором Алексей прибавил в беге и наконец ощутил, как его дыхание начало сбиваться.

Миная двухэтажку, в которой жила Баярма, он невольно посмотрел на её окна, выходящие на дорогу. В одном уже горел свет, Муля и Баярма, по всей видимости, делали утренние простирания.

Взбежав на гору, Алексей повернул в сторону кладбища, припустил по окраине посёлка, ощущая, как дыхание снова начинает питать его тело силой. Прибавив скорости, Алексей выбежал в степь, где он мог бежать без опаски. И всё же едва не споткнулся, пытаясь перепрыгнуть холмик, оказавшийся издыхающей коровой. Точнее, это была молодая тёлка, примерно двухлетка.

Отдышавшись, Алексей приподнял её голову за рога и несильно потрянул. Тёлка дёрнулась всем телом, засучила передними ногами. Вся задняя часть несчастной животины была изодрана до костей, но тёлка ещё жила. Из рта её торчал туго сплетённый комок полиэтилена, который он сначала принял за вывалившийся распухший язык. Алексей вытянул нечто невообразимо зловонное. Тёлка, ещё пару раз брыкнув передними ногами, вытянулась в агонии и затихла.

Тяжело вздохнув, Алексей огляделся по сторонам и увидел множество полиэтиленовых пакетов, колыхавшихся на степных кустиках, среди которых на отдалении он заметил несколько крупных собак, смотревших на него с ленцой и в то же время с вызовом. Подняв с земли небольшой камень, Алексей швырнул его в ближайшую. Взвизгнув, пёс припустил прочь. Остальные, взлаивая на бегу, устремились следом.

Забежав на сопку вслед за собаками, Алексей увидел степную долину, замусоренную пакетами и прочим, что свозили сюда поселковые. Между кучами мелькали собаки: его с лаем окружала большая стая.

Алексей припустил под гору, ощущая даже не страх, а скорее азарт от возможности подразнить собак и, быть может, даже подёргать смерть за усы. Однако страх очень скоро взял верх. Собаки не просто пугали — они на него охотились. Алексей бежал со всех ног, но чем быстрее бежал, тем азартнее его гнала стая.

Второе дыхание пришло как-то вдруг, и это чувство вытеснило страх. Алексей поднял на бегу первый попавшийся булыжник, развернулся и побежал на собак. Стая тут же бросилась врассыпную. Алексей замер на месте, переводя дыхание, а собаки, делая вид, что отвлеклись на что-то более интересное, чем эта непредсказуемая добыча, разбрелись в разные стороны.

Собаки расселись неподалёку и словно забыли, как только что гнались за ним. Эти псы были похожи на облезлых степных духов, которые постоянно испытывают жестокий голод, но могут глотать только воздух. Об этих духах как-то рассказывал на

стоянке Андрюха. Алексей отшвырнул камень и побежал лёгкой трусцой вниз. Стая молча смотрела вслед, и никто не посмел броситься за ним в погоню.

Эля уже пила на веранде чай с молоком. Напротив неё сидели Саян и Ойдоп и ели бутерброды, присыпанные сахарным песком. В детстве Алексея с такими бутерами носилась вся дворовая шпана.

— Ты убежал, что ли, от кого-то? — брови Эли взлетели домиком.

Только сейчас Алексей понял, что костюм на нём пропитался потом.

— Почти, — улыбнулся он. — На бродячих собак наткнулся.

— Понятно, — лицо Эли приняло недовольный вид. — Как тебе наша свалка?

— Жуткое зрелище!

— Там в душе вода холодная, подожди немного, сейчас нагрею, — Эля поднялась с табурета и взяла ведро.

— Я холодной помоюсь! — оживился Алексей. — Сейчас самое то будет.

Струи почти ледяной воды резанули по темени и плечам. Алексей пару раз тяжело вздохнул и принялся яростно растирать воду по бугрящимся мышцам, подмечая, какие у него крепкие руки и ноги.

Выключив воду, он увидел на дверке чистую одежду и полотенце. Растеревшись докрасна, Алексей оделся в чистое и присел на крыльцо, наслаждаясь ощущением собственной силы.

Прикрыв глаза, он ощутил у самых ноздрей поток прохладного воздуха, наполняющий его лёгкие. Тело постепенно расслаблялось, на смену напряжению пришла приятная усталость.

— Эй, бегун, завтракать иди, — позвала Эля через открытую дверь.

— Иду, — отозвался Алексей, всё ещё наслаждаясь навалившейся полудрёмой.

Сила постепенно растекалась по его жилам, и он в любую секунду мог собрать её в кулак и выплеснуть наружу, ничуть не опасаясь, что после этого не останется ровным счётом ничего.

* * *

Дело Алексея было закрыто, так и не начавшись. Полицейский и молодые люди, пострадавшие в драке, изменили свои показания, и Алексей из зачинщика драки стал пострадавшим. Заявление на своих «обидчиков» Алексей писать не стал.

Новый мир, в котором он оказался, очень быстро захватил его целиком, и с благословения Саяна Алексей стал асуром, принявшим сторону Избранных. По большому счёту эта нелепая игра разворачивалась вокруг Ойдопа и Саяна. Удивительным же было то, что едва Алексей принял условия, игра перестала быть игрой. А Саян перестал быть в его глазах больным, не таким, как все. Алексей увидел другой мир и другого Саяна — подвижного, общительного и невероятно умного молодого человека.

Утро Саяна начиналось с обязательной гимнастики. Затем он шёл в душ и обливался прохладной водой. На завтрак съедал большую чашку варёного риса и бутерброд, посыпанный сахарным песком. На обед — овощной суп. На ужин — сладкий чай и катышки из обжаренной ячменной муки с сыром и сливочным маслом. Любые изменения в этом меню Саян принимал неохотно, даже болезненно. Однако Эля всякий раз умудрялась убедить сына съесть что-нибудь ещё, поскольку того требовал мир его мамы.

Позавтракав, Саян отправлялся на прогулку. На стоянке он пас овец в сопровождении обученных собак, а в гостях у Ойдопа — ходил на старое кладбище в самом центре посёлка. Никто не мог объяснить, чем так привлекало это место Саяна. Возможно, тем, что местные жители старались обходить его стороной, и здесь Саян не сталкивался с посторонними.

— Что там? — спросил однажды Саян Алексея, показывая пальцем в сторону горы, за которой начиналась стихийная свалка.

— Ничего особенного, мусорная свалка.

— Я хочу посмотреть, — сказал Саян.

— Слушай, в этом нет ничего интересного, — попытался отговорить его Алексей.

— Я тоже хочу! — заявил Ойдоп.

— Там собаки, — Алексей продолжал упираться.

— Они не посмеют на нас напасть, если рядом будешь ты, — спокойно возразил Саян, и Алексею показалось, что руки его слегка задрожали.

— Хорошо, но только если вы мне пообещаете, что будете слушаться, будете делать всё так, как я сказал!

— Согласен, — ответил Саян.

— И я согласен! — подхватил Ойдоп.

Оглядев старую ограду заброшенной могилы, Алексей выдернул из земли ржавый прут, сбил с него почти отошедшие от времени остатки стальных полос и, опираясь на него, подобно страннику, повёл за собой Саяна и Ойдопа. Едва они вышли за территорию кладбища, как Саян опустил голову и протянул руку Ойдопу. Ойдоп молча повёл Саяна. У районной больницы рядом с ними остановилась красная иномарка, из неё вышла Баярма.

— Далеко собрались? — Баярма подошла к Саяну, обняла и поцеловала в щёку. Затем она оторвала от земли Ойдопа и прижала к себе так крепко, что Ойдоп надсадно и в то же время восторженно крикнул.

— Это Баярма! Она из Чёрных всадников! — представил Саян Баярму Алексею. Брови Алексея поползли вверх...

— Да, Чёрных всадников! — подтвердил Саян, глядя себе под ноги. — Она наша союзница.

Баярма лишь недвусмысленно улыбнулась Алексею и взяла за руку.

— Меня возьмёте с собой? — Баярма без тени смущения смотрела Алексею в глаза.

— Это я решаю, пойдёшь ты с нами или нет, — сказал Саян. — Ты идёшь с нами.

— Две секунды, машину отгоню, — обрадовалась Баярма.

Довольно скоро они оказались на краю посёлка. Взобравшись на вершину сопки, увидели мусорную долину. Пакеты разных цветов болтались на кустах полыни, словно траурные флажки.

— Когда-то здесь саранки росли, много саранок, — сказала Баярма.

Саян разглядывал эту картину большими, словно остекленевшими глазами.

— Я думаю, нам пора, — прервал неволью возникшую паузу Алексей.

— Я на лошадке хочу, — Ойдоп стоял перед Алексеем и тянул к нему руки.

— Чего ты хочешь? — не понял Алексей.

— Посади его на плечи, — подсказала Баярма, — он обожает так кататься.

Алексей усадил брата на плечи и заскользил вниз короткими зигзагами, изображая самолёт на бреющем полёте у самой земли. Ойдоп заливисто засмеялся, вцепившись пальчиками в волосы Алексея. Рядом, что-то восторженно выкрикивая и хохоча, запрыгал Саян. Баярма пошла следом, кутаясь в спортивную куртку и задумчиво наблюдая за беззаботной троицей.

С плеч брата Ойдоп спрыгнул уже у самой калитки, когда из-за ограды выбежал Соболь и зарычал на Алексея. Саян, всё ещё что-то выкрикивая, забежал в калитку и помчался дальше, в порыве безудержного веселья едва не сбив с ног мать. Эля, подойдя к забору, неприязненно покосилась на Баярму:

— Чего припёрлась? Вали отсюда!

— Я случайно их встретила! — отозвалась Баярма и посмотрела на Алексея. — Может, сотовый мой запишешь?

— Нет у меня сотового, — развёл руками Алексей.

— Ладно, заходи, — неожиданно смягчилась Эля.

В тот день Алексей впервые резал фарш, резал остро отточенным ножом так, как показала ему Баярма. Затем женщины, о чём-то весело шебеча по-бурятски, лепили буузы. Маленький Ойдоп всё время крутился возле Алексея, то пытаясь ему помочь, то мешаясь и по-детски требуя внимания.

— Пей! — Эля поставила перед Алексеем большую кружку варева, похожего на мясной бульон, пахнущего специями.

— А что это? — не понял Алексей.

Надя прыснула от смеха.

— Выпей, узнаешь, — усмехнулась Эля и многозначительно покосилась на Баярму.

Баярма сделала вид, что не придаёт значения происходящему, однако Алексей заметил, что щёки её зарумянились, а на очередной буузе в её руках вдруг перестали получаться защипы.

— Я тоже хочу! — Ойдоп залез на колени брата и потянулся к кружке.

— Так, дорогой мой, тебе ещё рано! — Надя взяла на руки Ойдопа и, несмотря на протесты, унесла в гостиную.

Алексей нехотя выпил крепкий кислый бульон.

— Ладно, мне пора, — Баярма на прощанье поцеловала Саяна и Ойдопа и начала шнуровать кроссовки, торопясь уйти засветло.

— Чего сидишь-то? Проводи девушку! — Эля слегка и в то же время настойчиво подтолкнула Алексея в плечо. — Только, пожалуйста, в драки не ввязывайся.

— Я дойду, — отозвалась Баярма.

— Да нет уж, провожу, — Алексей быстро оделся и вышел на улицу вслед за Баярмой.

Они пошли вдоль дороги до главной улицы, свернули в сторону больницы, где Баярма оставила машину.

— Ты прости меня, пожалуйста, за тот кипиш... — начал Алексей. — Я, видимо, так дурканул... Антоха говорил, что после стоянки всегда что-нибудь происходит.

— Есть такое, — согласилась Баярма, — каждый год кто-нибудь фокус выкидывает.

— Ух, аж в жар бросило, — Алексей расстегнул ворот мастерки.

Баярма лишь усмехнулась и взяла Алексея под руку.

— Как быстро они к тебе привязались, — Баярма задумчиво смотрела вперёд.

— Ты об Эле с Надей?

— И про детей тоже.

— Ну, Ойдопчику я брат родной как-никак, а Саян — не знаю, нашли вот общий язык, и всё.

— В глаза тебе смотрит?

— Обычный парень, когда рядом никого нет.

— Значит, ты первый из мужчин, с кем он начал общаться!

— А Батор-ахай?

— Ни отца, ни Виталика, ни Андрюху с Чимитом, даже Багшу не признаёт!

— Надо же! — Алексей покосился на Баярму. — Я думал, вы уже всё с Виталиком, вот и пошёл тогда к тебе в гости. Думал, раз мы целовались с тобой, значит, серьёзное что-то... — Алексей ощутил, как пальцы Баярмы впились в его руку повыше локтя.

— Хочешь, я покажу тебе одно место?

— Хочу!

Они долго ехали по широкой хорошо асфальтированной дороге куда-то всё дальше и дальше в степь. У большого моста через реку с указателем «Онон» Баярма свернула влево на укатанную грунтовку. Машина остановилась у резных деревянных

ворот, за которыми возвышался большой буддийский храм. Открыв калитку, Баярма взяла Алексея за руку и потянула за собой.

В столь поздний час храм был открыт. У главной стены, напротив входа, Алексей увидел огромную скульптуру человека, сидящего на табурете. Человек сидел и смотрел на Алексея спокойным взглядом. Баярма пошла по молельному залу, низко кланяясь изображениям божеств, а Алексей стоял и смотрел на «сидящего человека».

— Это Майтрейя.

Алексей вздрогнул и увидел, что Баярма стоит рядом с ним по правую руку.

— Его называют Буддой будущего. Некоторые ламы говорят, что он будет метисом. Поэтому он сидит на стуле, а не в позе лотоса, как остальные Будды.

— Да ладно, — усмехнулся Алексей.

— Ты чем-то похож на него. Я это сразу заметила, когда увидела тебя в первый раз, — без тени иронии сказала Баярма.

— Ты мне льстишь, — отшутился Алексей.

— Завтра Гьялцен Римпоче приезжает, — Баярма крепко сжала его ладонь.

— Это что-то меняет? — спросил Алексей.

— Завтра увидим...

* * *

Открыв глаза, Алексей обнаружил, что лежит в постели один, но услышал голос Баярмы. Она о чём-то приглушённо говорила по-бурятски в соседней комнате. Баярма решила, что возвращаться поздно ночью в Могойтуй нет резона, и повела Алексея к своим знакомым: в семью работников храма. Почти до самого утра, сплетаясь телами, всхрапывая от смеха и зажимая лица подушками, выдыхая неприлично громко, они никак не могли уснуть.

Повернувшись на бок, Алексей уткнулся носом в подушку, ещё хранившую запах её волос, совершенно не похожий на запах волос мамы и Танюхи. И он вдыхал его, и никак не мог надыхаться.

— О, проснулся? — в дверном проёме стоял пожилой худощавый бурят в больших очках в дешёвой пластиковой оправе. Его взгляд в этих очках казался вопросительным или выжидательным. Алексей сел на постели и потянулся за одеждой.

— Похож на папку, сильно похож, — вздохнул бурят и ушёл на кухню.

Баярма пила чай из большой кружки и задумчиво смотрела в окно. Увидев Алексея, поднялась с табурета и направилась к печке, на которой стояла сковорода с жареной картошкой.

— Умывальник на улице, — коротко сказала Баярма и посмотрела так, будто ничего между ними не случилось.

Пожилой хозяин курил трубку на завалинке у входа в дом. По запаху это был самосад. У ног его сидел серо-бурый пёс. Увидев Алексея, пёс пару раз хлопнул хвостом по земле и, нехотя поднявшись, подошёл и толкнул его лапой.

— Здоровается с тобой!

Алексей присел на корточки, и пёс положил лапу в его ладонь. Лапа оказалась большой и тяжёлой, несмотря на то, что пёс был некрупным.

— А что это за порода? — поинтересовался Алексей.

— Это банхар, настоящий, с Ононского района!

— А что, бывают ненастоящие? — ради приличия спросил Алексей.

— Всяких хватает! Сорок тысяч просят за какого-нибудь бульдога с носорогом.

А этот — правнук Хоччи!

— А кто такая Хочча?

— Тоже мне, бурят, — усмехнулся старик. — Собака такая была, волкодав, хозяйина спасла от целой стаи волков!

Пёс тем временем поглядывал то на хозяина, то на Алексея с выражением

«ты чо, не веришь, что ли?», читавшемся и на лице хозяина. Неожиданно старик что-то вспомнил, вытер ладонь о полу нарядного монгольского халата, встал и протянул Алексею руку.

— Бальжинима! Для тебя — Бальжинима-ахай!

— Алексей, — Алексей пожал крепкую, сухощавую ладонь.

— Рука как у папки, — заметил Бальжинима-ахай, — не широкая, но крепкая! Кости ломаешь?

— Да негуманно как-то, — усмехнулся Алексей.

— Да не-е, — разочарованно протянул Бальжинима-ахай, — хребтовые кости, не знаешь, что ли? Ну-ка стой, я сейчас...

Бальжинима-ахай забежал в дом и вышел оттуда, держа три большие, хорошо вычищенные хребтовые кости.

— Вот так надо взять, вдох-выдох, вдох, и на выдохе — бац! — Бальжинима-ахай обозначил движением руки траекторию удара. — На, попробуй, должно получиться. Отец твой с одного удара такие кости ломал, не помню, чтобы дважды бил.

Алексей взял кость из рук Бальжинимы-ахая, зажал в ладони, как учили, вдохнул, выдохнул, снова вдохнул, на выдохе с силой ударил и... скорчился от боли, ощутив, как ребро ладони начало неметь.

— Да нет же, — Бальжинима-ахай забрал у него кость, зажал в правой и на выдохе взмахнул левой рукой. Кость с треском разлетелась напололам.

— Понял? — Бальжинима-ахай вопросительно посмотрел на Алексея. — Мне шестьдесят лет, а я ломаю. А ты — сын Володи Ширапова! Никто не ломал кости так, как Володя Ширапов!

Алексей взял из рук хозяина вторую кость и зажал её в ладони, но уверенности в успехе у него ничуть не прибавилось.

— Изнутри надо бить, на выдохе. Представь себе, что у тебя по руке катится стальной шарик, ударь этим шариком!

Алексей набрал полные лёгкие воздуха и вдруг ощутил знакомый комок в горле. Резко, на выдохе комок ушёл вниз, Алексей даже не заметил, когда именно опустил руку. Кость с треском разлетелась надвое.

— Вот! — восторженно выдохнул Бальжинима-ахай. — Отцовская рука, вижу теперь!

Алексей поднял глаза и увидел в проёме окна лицо Баярмы. Поймав на себе взгляд, Баярма отошла от окна вглубь кухни.

— Хороший ты парень, Алексей, но учти, Баярма мне как дочь! Я всю её семью хорошо знаю, с её первым мужем дружу! — Бальжинима-ахай погрозил Алексею скрюченным пальцем.

— А что, и другие мужья были? — Алексей вдруг ощутил приступ ревности.

— А ты не ревнуй, бесполезно Баярму ревновать! И не шуткуй так, не тот случай, — осадил Бальжинима-ахай. Смерив Алексея взглядом, старик сплюнул на землю и вошёл в дом.

«Странный ты, однако...» — прочитал Алексей в глазах пса. Пёс смотрел на Алексея будто бы с укоризной.

— Сами вы индюки... — проворчал Алексей и подошёл к умывальнику, в котором исходила паром тёплая вода.

* * *

— Кто такой Гьялцен Римпоче? А никто здесь толком не знает, кто он! — Бальжинима-ахай сидел на переднем сиденье иномарки Баярмы и смотрел то на ровное полотно дороги, то на мелькающие степные пейзажи. — Мы знаем одно: он ученик Ойдопа багши и приехал, чтобы найти его перерожденца.

— Кого? — Алексей провёл пальцем по родинке на подбородке.

— Перерожденца! Ты глухой, что ли? — недовольно повторил Бальжинима-ахай.

— А как он поймёт, что это перерожденец, а не кто-то другой?

— Это не наше дело. Нас это не касается, — Бальжинима-ахай покосился на Баярму и замолчал.

— А что там сейчас будет? — спросил Алексей.

— Встреча будет! Потом на стоянку к Батору поедут, отмечать, — Бальжинима-ахай повернулся к Алексею. — Увидишь, как Батоха Виталика кидать будет. Я люблю смотреть, как Батоха борется. Мастер спорта, в сборной России был, с кавказцами боролся. Сегодня он, может, даже Чимита завалит. Надоел уже этот Чимит, неинтересно борется, массой давит.

— А мне нравится, как Андрюха борется! — вставил Алексей.

— Андрюха — великий человек, кавалер Ордена Мужества! Если бы не он, не было бы сейчас ни Виталика твоего, ни Батора. А они относятся к нему, будто он алкаш рядовой. Зря они так... Андрюха непростой человек, он — излучение Джамцарана, бога войны!

Баярма тяжело вздохнула.

— А ты не вздыхай! — завёлся Бальжинима-ахай. — Плохо вы знаете Андрюху...

— Да я не об этом, — снова вздохнула Баярма.

Весь остаток пути Баярма и Бальжинима-ахай говорили по-бурятски.

У храма в Могойтуде было непривычное оживление. Около сотни человек с белыми хадаками в руках выстроились в напряжённом ожидании вдоль дороги у новеньких ворот, что установили по случаю приезда большого учителя. На территории храма уже толпились послушники, Алексей между делом успел подметить, что послушников, оказывается, довольно много. Баярма стискивала руку Алексея так, словно боялась его потерять.

— Лёхаааа... — из ворот выбежал Санжа и, раскинув руки, бросился к нему. Алексей шагнул навстречу и крепко его обнял, потрепал по голове.

— Я рад, что ты с нами, — деловито сказал Санжа.

— Куда же я от вас денусь-то? — улынулся Алексей.

— Всё, иди, Санжа, не отвлекайся от работы, — сказала Баярма.

— А чего мне делать-то? Они всё равно сейчас к Ойдопу багше поехали, Гьялцену Римпоче хотят его показать, — Санжа шмыгнул носом и направился к храму.

— Это о ком он сейчас сказал? — Алексей ощутил знакомый холодок под ложечкой и поёжился от внезапного предчувствия.

— Они сейчас у вас дома, — ответила Баярма. И опустила глаза.

Какое-то мгновение Алексей смотрел на Баярму. Но она так и не подняла глаз. Резко развернувшись, Алексей со всех ног бросился вниз, под гору, к дому своего отца.

У ворот уже стояло несколько дорогих иномарок, среди которых он узнал джип Батора-ахая. Войдя в ограду, он увидел Чимита, Виталика, Бато и Андрюху. Чимит и Виталик облачились в новые монашеские рясы — орхимжо, а Бато и Андрюха были в лёгких спортивных костюмах. Все четверо смотрели в окна дома, пытаясь разглядеть, что там происходит.

— Здорово, братан, — почти шёпотом произнёс Бато и крепко его обнял. Следом Алексея обнял Андрюха. Чимит же промолчал, лишь пару раз шевельнув массивными желваками.

— Привет, — сухо поздоровался Виталик.

— Что там? — вместо приветствия спросил Алексей.

Чимит приложил к губам указательный палец. Бесцеремонно растолкав столпившихся на веранде местных чиновников, Алексей вошёл в дом.

Ойдоп сидел за кухонным столом, а перед ним опустился на корточки старый полноватый монах. С бритой головой, большими пухлыми губами и широкой улыбкой, он показался Алексею очень знакомым, знакомым давно, просто не хватало

памяти его вспомнить. Монах смотрел в глаза Ойдопу и, что-то нашёптывая, гладил его по голове. Ойдоп смотрел на монаха сосредоточенно, словно тоже силился что-то вспомнить. За столом напротив сидел Буда лама, внимательно наблюдая за происходящим.

Со стороны гостиной смотрели Надя и Эля. Рядом стоял Батор-ахай, как показалось Алексею, только затем, чтобы придержать женщин, если те не совладают с эмоциями.

Увидев Алексея, Батор-ахай махнул, чтобы он вышел из дома. Но Эля незаметно для мужа отрицательно покачала головой, и Алексей не тронулся с места.

Монах повернулся к женщинам и о чём-то спросил на незнакомом Алексею языке.

— Он может поехать с нами? — перевёл Буда лама.

Надя покорно кивнула, но Алексей и не подумал сдаваться.

— Простите, что перебиваю. Я его старший брат, родной брат! У меня к вам просьба подобные вопросы согласовывать только со мной! — Алексей решительно посмотрел сначала на Буда ламу, затем на Батора-ахая. Лицо Батора-ахая стало землистым, зато глаза Эли засветились благодарным теплом.

— А сейчас я прошу вас об одном: покиньте, пожалуйста, наш дом! — Алексей окинул присутствующих взглядом.

Буда лама начал переводить слова Алексея, но монах всё понял по выражениям лиц. Повернувшись к Ойдопу и погладив того по голове, монах спешно направился к выходу, по пути поклонившись Алексею. Буда лама, направляясь вслед за монахом, дружелюбно протянул Алексею обе руки, поздоровался с ним и тоже вышел.

— Вечером приеду, — сухо обронил Батор-ахай, выходя из дома последним.

Тяжело выдохнув, Эля села у печки и дрожащей рукой достала из кармана кофты сигареты. Надя, взяв на руки Ойдопа, ушла с ним в спальню.

— Ты молодец: быстро всё понял... — Эля прикурила, глубоко затянулась и закашлялась.

— Почему ты мне сразу всё не рассказала? — Алексей присел рядом и тоже закурил.

— А что бы я тебе сказала? Тут ведь не всё так просто, — Эля смотрела в топку печи.

— Тогда расскажи мне сейчас!

— Первый раз Буда лама пришёл сюда, когда Ойдопу было два года. Володя тогда был жив. Не помню уже, что они там делали, но Буда лама сказал, что совпало почти всё. Володе он сказал прямо, тот обрадовался даже.

— А что совпало-то? И чего все так бояться, я вот чего понять не могу, — Алексей ощутил лёгкий приступ тошноты от вкуса дыма.

— Если наш Ойдопчик окажется Ойдопом багшой, они его заберут, навсегда!

— Чего? — Алексей вскочил возмущённо.

— Таких, как Ойдоп багша, называют Драгоценными, они не принадлежат себе.

— А кому они тогда принадлежат? — Алексей ощутил знакомый комок в горле.

— Вселенной или чему-то такому... не помню уже точно, — Эля вздохнула.

— Моя родина не перестаёт меня удивлять! — Алексей хлопнул себя ладонью по колену.

— Володя обрадовался, но всех тонкостей ему сразу не объяснили. А потом Володя погиб. И я подумала, что, раз так вышло, значит, всё не так однозначно...

— Конечно, неоднозначно! — Алексей слушал Элю вполуха, ощущая, как эмоции уже разносят в пух и прах поток его мыслей.

— Нам вот о чём с тобой надо подумать, — голос Эли звучал как будто издали. — Если они убедятся, что Ойдопчик — это Ойдоп багша, никому нельзя будет поехать с ним туда, в Индию, только Чимиту и Виталику, они будут его телохранителями и

помощниками. И ещё там мальчишки какие-то. Буда лама сам их выбрал, говорит, они уже много жизнью ему служат.

— Бред какой-то...

— Многое на то указывает, к сожалению. Я лично уже уверена, что твой братишка — Ойдоп багша! Он и вправду особенный. Ты видел его перед отъездом на стоянку?

— Да, видел.

— Он притрагивался к тебе?

— Мы поздоровались за руку.

— Помнишь, что было потом?

— Помню.

— Был такой ученик в храме, Загда. Очень умный был парень, лучше всех у него всё получалось. Кто-то рассказал ему про Ойдопчика, и он решил взять у него благословение, никого не послушал, подошёл к нему, когда никого рядом не было. Долго Ойдопчика за обе руки держал. Ретрит прошёл просто с закрытыми глазами, очень легко ему там было. А потом, после ретрита, напился и связался с одной местной дурочкой...

— Я слышал эту историю, — перебил Алексей.

— Мишка, бык тот, помнишь?.. Мы проглядели тогда Ойдопчика у нас на стоянке, ему тогда годик был. Ойдопчик пролез в коровник, а там телёнок, бычок, мы его только купили. Бодучий был! Забегаем в хлев, телёнок сидит на земле, а на нём Ойдопчик, в «коняшки» играет...

— Логично вроде. А с другой стороны, бабка надвое сказала, согласишься? — Алексей сжал Элину ладонь.

— Запуталась я уже, — Эля устало посмотрела на Алексея. — Я одно сейчас понимаю: если Ойдопчика заберут, Саян закроется. Ойдоп первый, с кем Саян заговорил. Ты даже представить себе не можешь, что он значит для Саяна, — глаза Эли блеснули холодом и решимостью: — Ты сейчас, наверное, думаешь, что я использую тебя?

— Нет, не думаю, — отстранённо ответил Алексей.

— Сейчас ты единственный, кто может мне помочь! От Нади толку нет, мягкая она, непутёвая, всегда из-за плеча Володи выглядывала — как тот решит, так и делала. Их тоже послушается. А мы? О нас кто подумает?

— А если он и вправду Ойдоп багша? — Алексей потрогал пальцем родинку на подбородке. — Что тогда?

— А мы что, не имеем на него права? — глаза Эли помутнели от злости. — Да, большой учитель не принадлежит себе! Но он может принадлежать нам и всем, кто живёт здесь! Мы тоже в нём нуждаемся! Посмотри, сколько страданий вокруг. Кто нам поможет? Чем мы хуже тех, кто живёт в Индии? Почему они не могут учить его здесь, если за этим дело стало?

— Согласен! — сдался Алексей.

— Повсюду бюрократия: вот надо так, и всё, без вопросов! А почему бы нам не обсудить, как лучше? — не унималась Эля. — Всю жизнь так живём, потому что кому-то что-то от нас надо. И никто не спрашивает, а надо ли это нам? Мы что, выпрашивать должны? А они ещё подумают, дать нам это или не дать, стоит ли с нами делиться тем, что, по определению, наше?

— Сложно это всё, — вздохнул Алексей, — очень сложно...

В тот вечер у Ойдопа поднялась температура. Он наотрез отказывался спать в кровати и не слезал с материнских рук. Усталая, с пустым взглядом, Надя ходила по гостиной, с трудом укачивая подросткового сына.

— Давай я покачаю? — предложил Алексей и протянул руки. Ойдоп потянулся к Алексею и обвил руками его шею, прикорнул на плече. Крепко прижимая брата,

Алексей нашёптывал ему на ухо стихи, что запомнил ещё из школьной программы. Но стоило попытаться положить Ойдопа на кровать рядом с матерью, как тот начинал ворочаться, просыпался и обхватывал его шею ещё крепче.

Алексей улёгся на диване и положил Ойдопа рядом с собой. Тяжело вздохнув, Ойдоп поцеловал Алексея в лоб, встал с дивана и ушёл спать в спальню, к матери. Всю оставшуюся ночь малыш проспал спокойно.

* * *

Алексей проснулся от холода и оттого, что кто-то настойчиво теребил его за ногу. Открыв глаза, он приподнял голову и увидел Жору. Чуть дальше, у серванта, стоял Женька. Оба смотрели на Алексея с ожиданием и надеждой.

— Здорово, братан! — сказал Жора.

— Здорово!

Женька лишь махнул Алексею рукой.

— Неплохо ты устроился, — Жора окинул взглядом гостиную, — уютно тут. И подруга у тебя классная, рад за тебя!

— Ты же не любишь бурят... — съязвил Алексей.

— А я тебе говорил такое? — Жора, словно обозлившийся бычок, наклонил голову и выкатил глаза. — Вот ты всегда так, я что-то одно имею в виду, а ты себе накрутишь и обидишься на ровном месте. А я ведь говорил тебе, сколько раз говорил, что у меня предки из Карымской. У меня дед метисом был. Где ты в Чите чистого русского видел? Мы тут все гураны, мешаные-перемешанные.

— Да, Лёха, объясниться бы надо, — вмешался в разговор Женька. — Ты же знаешь, я всегда к тебе по-братски относился.

— Короче, пацаны, чего надо? — Алексей уселся на краю дивана, растёр ладонями глаза и снова посмотрел на приятелей. Никто из них не исчез.

— Братан, помощь твоя нужна, — Жора тяжело вздохнул.

— Завтра там у вас в храме молебен большой будет, не для всех. Там столько покойников вокруг храма соберётся, мы хрен пробьёмся. Много не просим, просто запиши наши имена на бумажке и дай этому, который приехал вчера, пусть он их вслух произнесёт, — глаза Женьки в этот момент светились просто безмерной надеждой.

— Вы следили, что ли, за мной?

— А вот не надо было по нам скорбеть, — усмехнулся Жора. — Хотя спасибо тебе, конечно. Я как-то не ожидал, что ты меня добром поминать станешь.

— По-разному поминал...

— Главное, поминал! Ну, так что, запишешь?

— Это вообще не проблема! — усмехнулся Алексей. — И запишу, и попрошу, чтобы обряд на вас провели.

— Слушай, сделай, а? — Жора замер с открытым ртом, прикидывая, что пообещать.

— Короче, братан, ради дружбы, спаси нас, — продолжил Женька.

— Я же сказал, что сделаю, — значит, сделаю! — Алексей ощутил что-то похожее на жалость или сострадание к своим приятелям. — Вы лучше расскажите, как вы там.

— А ты как думаешь? — лицо Жоры скривилось от отвращения. — Болтаемся, голодаем. Никто же не поминает толком. Тут выжить можно, если вас много. А нас — двое.

— Вы поэтому тогда хотели забрать меня в больницу? — Алексей усмехнулся.

— Хорошо, что не забрали, — Женька вздохнул. — Везучий ты, Лёха, тебе всегда везло! Мы там маемся, а ты живёшь себе спокойно и в ус не дуешь...

— Ой ли?!

— Нам сейчас не до шуток! — сказал Жора с раздражением. — Видел бы ты, во что превращаются такие, как мы, ты бы сейчас не шутил. Это пистон как страшно,

даже ты со своей фантазией представить не сможешь... Спаси нас, братан! Ты нас не спасёшь — никто не спасёт!

— Просто запиши нас, и всё, — повторил Женька.

— Да понял я, сделаю всё как надо. — твёрдо пообещал Алексей.

— Мы здесь будем, недалеко, чаю с молоком брызни нам с утра, если не сложно, — Жора виновато улыбнулся.

— Хорошо, брызну, — Алексей кивнул приятелям и проснулся.

...За столом у окна сидел Саян и что-то рассчитывал на клочке бумаги.

Алексей вынул из принтера лист, присел рядом и стал записывать фамилии всех, кого когда-то знал. Вскоре он исписал его с обеих сторон.

— Ты им всё равно ничем не поможешь, — проговорил Саян. — Они обречены. Здесь все обречены...

— Ты видел их? — глаза Алексея полезли на лоб.

— Весь этот мир обречён, — Саян продолжал свои расчёты, судорожно водя ручкой по бумаге. — Они просто перебьют друг друга, это вопрос времени. Но сначала они захватят все порты и начнут торговать надеждой на бессмертие в Чистых землях. Только Драгоценные могут нас спасти. Им не нужны порты...

Алексей погладил Саяна по голове, но тот нервно дёрнулся, скидывая его руку, и продолжал писать.

Торопливо одевшись, Алексей вышел на улицу и побежал на храмовую гору. Войдя на территорию, он направился к щитам у парадного входа, поднял с земли пару обрывков сукна и простирался до самого утра, не чувствуя ни боли, ни усталости.

Едва забрезжил рассвет, из храма вышел Дима. В руках он держал блюдо с подношениями: конфетами, печеньем, зефиром и сливочным маслом. Вдохнув свежего воздуха, он сладко зевнул и так и замер с открытым ртом, увидев Алексея.

За цепью щитов для простираний напротив входа в храм стоял большой чугунный чан, в котором каждое утро послушники сжигали подношения. Чиркнув зажигалкой, Дима разжёл сложенный горкой сухой навоз и разложил подношения. Сладковатый дым разнёсся по округе. Дима, закончив утренний ритуал, сел на щит рядом с Алексеем.

— Не сиди просто так, приберись тут, если делать нечего, — шутиливо предложил ему Алексей.

— Вчера ещё прибрался, — ответил Дима.

— Дежуришь?

— Первые сутки сегодня, — Дима посмотрел куда-то в сторону. — Нариман вчера уехал.

— А чего так?

— Батя его узнал, что он здесь, позвонил...

— А это разве не его выбор? — удивился Алексей.

— У них такого нет, видимо, — Дима грустно улыбнулся. — Разговорились с ним напоследок. Сказал, батя от него ждёт, чтобы в нём проснулся настоящий азербайджанец! А как это сделать, Нариман не знает. Батя хочет, чтобы он борцом-«вольником» стал, а Нариману баскетбол нравится. Деньги батя за него заплатил в военкомате, чтобы сын в ВДВ попал служить. Попал. Но там его в музыкальный взвод взяли. Так отец приехал, пошёл к командиру части и потребовал, чтобы Наримана перевели в парашютно-десантную роту. Перевели. Так нет же, Нариман там что-то учудил и попал в кочегары, в котельную. После армии отец его к исламу стал приучать. А Нариман говорит, я там не понимаю ничего. Мне, говорит, буддизм больше нравится. Отец ему: «Ну и вали к своей маме-буддистке». А теперь обратно вызвал. Что-что, а перечить отцу Нариман не может. В этом он азербайджанец!

— Какие мы разные все... Всё больше убеждаюсь, что я счастливый человек, —

Алексей улыбнулся Диме. — Никто не указывает, что мне делать! Куда хочу, туда и иду, что хочу, то и делаю! И люблю только тех, кого люблю!

— Да, если уж Баярма на тебя запала... Слышал, Загда её любил сильно. А она к нему никак. Он после ретрита к ней зачем-то попёрся. А она там с Виталиком, — Дима вздрогнул. — Прости, я...

— Да ничего, — помрачнел Алексей, — рассказывай.

— Ну и увидел их там, они же до этого скрывали свои отношения. Пошёл Загда на дискотеку, напился, снял какую-то малолетку, дальше ты сам знаешь. Сегодня обряд будет, по покойникам, Гьялцен Римпоче Загду будет отпевать, отправит его в Чистые земли.

— Слышал я уже сегодня про Чистые земли, — оживился Алексей. — А друзей мне своих на этот обряд можно записать?

— Можно, конечно, но всем всё равно не поможешь. Видел бы ты, сколько их здесь сейчас, — Дмитрий поёжился. — Все сопки вокруг в покойниках, все стоят и ждут, надеются. Нет рая, и ада нет, и другой жизни не будет, только эта. У покойников подслушал, вон их сколько — дымом одним питаются. Просветление за деньги не купишь... Мёртвых на земле уже больше, чем живых... А шанс — у одного из миллиона, да и то благодаря таким, как Ойдоп багша и Гьялцен Римпоче. Вот такие дела, брат.

— Мрачно. Я друзей своих видел сегодня, думал, приснились, — Алексей посмотрел в сторону отцовского дома. — Капец какой-то, что ни день, новое приключение. — Алексей усмехнулся: — Теперь вот думаю, когда всё это закончится. И как я после всего этого жить буду.

— Ладно, мне к обряду надо готовиться, — Дима поднялся и протянул Алексею руку. — Рад был тебя видеть, братан.

— Взаимно...

* * *

Обряд начался в восемь утра. Всю ночь накануне Гьялцен Римпоче провёл в медитации и вышел из неё, лишь когда вокруг него собрались монахи и послушники. Открыв глаза, он тяжело вздохнул, улыбнулся присутствующим и низким голосом, будто доносящимся из другого мира, начал молебен.

Время от времени послушники подносили Римпоче горячий чай с молоком, и после глотка голос монаха звучал всё увереннее, чище и громче. На маленьких столиках перед монахами лежали кипы бумаг с именами и датами рождения усопших. Но перед Римпоче лежал лишь один листок с одним именем.

— Лёша, подойди, — махнула рукой Баярма Алексею после того, как обряд закончился и прихожане, получив благословение Драгоценного, стали расходиться.

Рядом с Баярмой стояла невысокая, стройная и хорошо одетая женщина примерно одних с Алексеем лет. Чуть поодаль её ждали солидного вида бурят и две девочки лет по десять-двенадцать, обе почти полные копии отца.

— Это Билигма! — представила женщину Баярма.

— Я уже догадался, — ответил Алексей.

— Привет! — Билигма улыбнулась и протянула Алексею ладонь.

Как это ни странно, он, и правда, смог узнать Билигму через столько лет.

— Чудовищ ты мне так и не показал тогда, — Билигма смотрела в глаза Алексею открыто, ничуть не смущаясь. — Я надеялась, ты приедешь следующим летом. Всё то лето к вам в гости ходила...

— Всех наших чудовищ бродячие собаки распугали, — улыбнулся Алексей. — А с такой охраной новых бесполезно искать.

— А, это мой муж! Биликто, подойди, — Билигма кивнула мужчине. — Семейство моё, даже дома ни на шаг не отпускают.

— Биликто! — мужчина крепко пожал ладонь Алексея. — Жена рассказывала о вас.

— Надеюсь, только хорошее, — пошутил Алексей.

— Так мы и приехали на вас посмотреть, если честно, — улыбнулся Биликто. — Гьялцена Римпоче мы и в Москве видели.

— На меня?

— На старшего брата Ойдопа багши!

— Какие планы? — Билигма сняла волосок с воротника куртки Баярмы. — О стольком надо поговорить...

— А давайте с нами? — предложил Биликто. — Завтра сурхарбан будет у Батора, утром туда все вместе и рванём?

Весь следующий день Алексей с Баярмой провёли в родительском доме Билигмы. Её родителей уже не было на свете, но дом был ухожен, Билигма не думала его продавать. К немалому удивлению и даже смущению Алексея Биликто оказался родным братом Доржо, тем самым, что работал в полиции: и не где-нибудь, а в московском уголовном розыске.

— ...Доржо мне об этом не рассказывал. Но ты не переживай, — Биликто хлопнул Алексея по плечу. — Мы все ему говорили, что монашество — это не его. Раз не понял, два не понял, что не судьба, вот так и вышло.

— А где он сейчас?

— В Улан-Удэ уехал, работает в фирме Батора, — Биликто как-то странно посмотрел на Алексея. — Как вы с Ойдопом похожи! Глаза один в один. И с Виталиком много общего.

— Ну, до Виталика мне далеко, наверное... — Алексей хитро покосился на Баярму.

— А в чём далеко-то? — не понял Биликто.

— Он мощнее меня, во-первых...

— Кто тебе такое сказал? — усмехнулся Биликто.

— Билик, — перебила мужа Билигма, — может, баню натопишь? А Лёша нам мяса пока нарежет?

— В баньке бы я попарился, — отозвался Алексей.

Алексей резал мясо и с интересом слушал рассказы Билигмы о том, как им живётся в Москве.

— Очень большой город, — Билигма грустно улыбнулась. — У мужа карьера, у меня работа в хорошей клинике. Вроде бы всё прекрасно, стабильно, а покоя нет в душе. По всему миру катаемся, а отдохнуть только здесь получается, дома. В Москве каждый день по дому скучаю. Родителей уже нет, братья и сёстры в Улан-Удэ перебрались, а всё равно тянет домой. Думать не хочется, что дальше будет. Здесь уже, наверное, не получится жить, не сможем. И там не живётся, сердце не лежит...

Билигма постелила Алексею и Баярме в тепляке.

— Ты уже не помнишь, поди, — Билигма, хитро улыбаясь, кивнула на широкий деревянный топчан. — Ты как-то ночевал здесь, долго уснуть не мог, от каждого шороха вздрагивал. Я только усну, ты меня будишь...

— К мужу иди, — осадила её Баярма.

— Ладно, ухожу, — Билигма подмигнула Алексею.

— Иди уже! — Баярма поднялась с топчана и вытолкала Билигму за дверь.

* * *

— Я, когда увидела тебя в первый раз, обомлела просто, — шептала на ухо Алексею Баярма. — Сначала подумала, Виталик стоит. А потом подхожу поближе, а на меня Ойдоп смотрит. Я за день до встречи с тобой подумала: вот бы связать воедино двух самых близких мне мужчин. Вот бы шедевр получился! И тут, на тебе: брат и Виталика, и Ойдопа! Я в тот вечер долго уснуть не могла, всё думала. Утром, едва

проснулась, бегом в храм, сама не знаю, зачем. И картошку мы тогда уже выкопали, но мне надо было тебя... ощутить. Вот и похитила тебя из храма.

— Ты уверена, что разлюбила Виталика? — Алексей даже в ночном мраке ощутил на себе взгляд Баярмы.

— Ты не оставил нам выбора: ни ему, ни мне...

— А где Муля? — сменил тему Алексей.

— А я всё жду, когда ты о ней спросишь. В Улан-Удэ она, поступила в колледж искусств, танцовщицей хочет стать.

— Танцовщицей — это здорово!

— Ну да. Деловая такая, вещи собрала и вдруг говорит мне: «Надеюсь, без меня ты, наконец-то, разберёшься со своей личной жизнью». — Баярма иронично вздохнула: — С ума сойти, уже шестнадцать лет ребёнку.

Баярма слегка коснулась губами щеки Алексея.

— Мы когда приехали с тобой из Усть-Нарина, я попросила Виталика, чтобы он удержал тебя. Это была моя идея отправить тебя на ретрит.

— Спасибо тебе за этот опыт, — пробормотал Алексей, борясь с подступающей дремотой.

— Что ты чувствовал там, на стоянке? — спросила Баярма.

— По тебе скучал.

— На этой земле, где сейчас стоянка Батора-ахая, когда-то жила твоя прабабушка Буубэй...

— Да ладно, — Алексею в полудрёме привиделась дряхлая старушка, бредущая с шестом, увешанным бубенчиками, за быком Мишкой.

— Странно, что тебе никто о ней не рассказывал, — продолжала Баярма. — Когда большевики арестовали Ойдопа багшу и всю его свиту, она им целый месяц суп тайком носила, пока их по этапу не отправили...

— Теперь не усну! — Алексей прижал к себе Баярму.

— В этой истории ещё много интересного, но я тебе потом расскажу, попозже.

— Хорошо, а сейчас расскажи, пожалуйста, почему Саян назвал тебя «Чёрным всадником»?

— Видит меня такой, наверное... — Баярма устало отмахнулась.

— Фантазия у парня бешеная. Он такой мир прописал, игру можно забабакать.

Ни на что не похоже. У меня мама в психушке работала медсестрой, рассказывала, там столько гениев...

— Думаешь, он ненормальный?

Алексей уловил в голосе Баярмы нотки разочарования.

— Да не поймёшь. Улетевший — точно.

— Я тебе расскажу кое-что, надеюсь, не разболтаешь. — Алексей ощутил, как Баярма сжала его ладонь. — Саян не родной сын Эли и Батора.

— Как не родной? — Алексей приподнялся на локте. — Он же копия Батора-ахая. И на Элю вроде похож.

— Они поэтому и взяли его, что на Батора был похож, — большой палец Баярмы заскользил по ладони Алексея, словно железная тёрка. — Эля не может рожать. Их машину взорвали, когда она была на пятом месяце. Выжили, но ребёнка потеряли. С тех пор Эля не в себе. Не обращал внимания?

— Что-то есть... — Алексей смотрел в темноту, силясь уложить в голове услышанное.

— А Саяна они в приюте взяли. Они даже не знают, кто он по национальности на самом деле. Если присмотришься, не очень-то он на бурята и похож.

— Да, пожалуй, — согласился Алексей.

— Поэтому у меня к тебе просьба: фильтруй всё, что тебе Эля говорит.

— Понял, — Алексея тяжело вздохнул. — А это правда, что Ойдопа заберут навсегда?

— Заберут, но не навсегда. И когда ты его увидишь, это будет уже совсем другой человек.

— Утешила, — Алексей обнял Баярму.

— Ты показался мне робким сначала, — Баярма упёрлась плечом в руку Алексея, словно желая проверить, насколько он силён, — а ты, оказывается, ещё тот хитрец.

— Да не хитрец я, — Алексей ощутил, что плечо у Баярмы твёрдое как камень, — был бы хитрецом, может, и жил бы по-другому. А так — сам не знаю, кто я, — метис.

— Ты драгоценный метис, — Баярма наконец сдалась, повернулась к Алексею лицом. — Но имей в виду, станешь только русским или только бурятом, я от тебя уйду!

* * *

Алексей вышел из машины Баярмы и ощутил мощный толчок в спину. Оглянувшись, он увидел алабая, что прошлой зимой помогал ему пасти быка. Пёс радостно заплясал вокруг Алексея, всхрапывая и пытаясь лизнуть его в лицо.

— Хороший ты мой, хороший, — растроганный Алексей приобнял пса и похлопал по широкой спине.

— А ну домой! — услышал Алексей знакомый голос.

Оглянувшись, увидел Андрюху.

— Здорово, брата-ан! — Андрюха обхватил Алексея и ловко оторвал от земли.

От Андрюхи несло спиртным.

— А ты чего такой весёлый с самого утра?

— А чего мне грустить-то? — Андрюха с вызовом глянул на бесконечный поток верующих. — День рождения у меня сегодня!

— Я думал, ты не отмечаешь.

— А я не человек, что ли? — Андрюха вздохнул. — Прикинь? Вижу, короче, давеча этого бивня Чимита. Подхожу к нему по-человечески, как полагается, поздравляю, говорю: брат, везёт же тебе. А он мне: везёт таким, как ты, а я — избранный! Прикинь? — Андрюха выпучил глаза. — Избранный он. Избранный бивень!

Андрюха захохотал.

— Ну, избранный же? — Алексей попытался разрядить обстановку.

— Да какой он избранный? О чём ты, братан? Он хуваракон тут бегал, когда я Ойдопчика на руках нянчил. Чо он понимает вообще в Драгоценных? Ни хрена он не понимает! Меня бы с ним отправили, я бы ему такую оборону организовал, никакие НАТО не прошли бы! Ни хрена Батор не понимает! В армии был дундук, и всё такой же! Я три кольца осады прошёл, а они сидели там, в окопах, как бабы, ждали, пока их Андрюха спасёт. Видал? — Андрюха рванул полы куртки и показал китель, увешанный наградами. — Я кавалер Ордена Мужества! А Батор, сука, документы мне до сих пор не сделал! Да я знаю, он специально это, по-любому!

— Ты же сам не хотел документы оформлять? — не без опаски спросил Алексей.

— А догадаться-то слабо? Я чо, уговаривать его должен, что ли? Это он меня должен уговаривать: я кавалер Ордена Мужества, а не он! Короче, ща я им покажу, кто такой Андрюха Шагжин, пошли...

— Стой! — упёрся Алексей.

— Пошли, говорю, — не унимался Андрюха.

Спортивные состязания проходили на большой поляне, у озера, в котором Андрюха разводил рыбу. Старые знакомые Алексея, помощники с заимки, с грустными лицами ходили среди гостей и предлагали купить вяленую рыбу. Чуть дальше, у наспех

сколоченных трибун, под жидким навесом стояла Жамбаловна, едва успевая продавать гостям буузы. Две девочки-подростка неторопливо и неохотно выполняли её указания.

— Куда ты его тащишь? — услышал Алексей голос Баярмы.

— Да ты не лезь вообще, — огрызнулся Андрюха.

— Отпусти его!

— Короче, не теряйся, ща приду, — бросил Андрюха и растворился в толпе.

Открывали состязания стрелки из национального лука. Алексей не разбирался в этом виде спорта и потому наблюдал за стрелками без особого интереса из-за спины Баярмы, уткнувшись носом в её макушку.

— Сайн, Баярма!

В груди у Алексея на мгновение что-то сжалось. Рядом с ними стоял Виталик. Он уже не казался Алексею большим и мощным, скорее — обычным, как в детстве, когда они вместе отдыхали в пионерском лагере.

— А со мной ты уже не здороваешься? — усмехнулся Алексей и ощутил, как острые ногти Баярмы впились в его руку.

— Простите, если помешал, — как-то обречённо произнёс Виталик и торопливо пошёл прочь.

— Зачем ты так? — Баярма обернулась и растерянно посмотрела на Алексея.

— Я не хотел его обидеть, — уклончиво ответил Алексей.

— Я тебе уже говорила сегодня. Повторяю: будешь вести себя, как бурят, ничего у нас с тобой не получится! — резко развернувшись, Баярма быстро зашагала прочь.

— Хорошее начало, — проворчал Алексей, ощущая, как изнутри едкой волной начинает подниматься обида.

Зрителей заметно прибавилось, когда начались конные скачки. Почти все беговые лошади местной породы не показали заметных результатов. Борьба развернулась между скакунами Батора-ахая и его соседа, державшего дорогих лошадей редкой в этих краях ахалтекинской породы. Победили ахалтекинцы, и под восторженные выкрики хозяина попросили на сцену. Им оказался известный певец, невысокий и плотный бурят средних лет. Зрители просили его спеть!

— Братан, вот ты где, — Андрюха схватил Алексея за руку. — Давай за мной!

— Зачем? — насторожился Алексей.

— Поможешь мне, — Андрюха скривил улыбочку. — Ща они узнают...

— А чего делать-то?

— Бороться с ним будешь!

— Ты упал, что ли?

— Чимита испугался? — Андрюха смотрел на Алексея так, будто раздумывал, ударить его или нет.

— Не боюсь я его. Просто идея твоя не нравится! — Алексей замер на месте. — Я не планировал сегодня бороться.

— Не ссы, говорю, — Андрюха потянул Алексея за собой.

За судейским столиком Бальжинима-ахай что-то живо обсуждал с тремя пожилыми бурятами в красивых монгольских халатах.

— Вот, ещё один участник! — Андрюха подтолкнул Алексея и, наклонившись, что-то шепнул Бальжиниме-ахаю на ухо.

— Ты уверен? — Бальжинима-ахай покосился на Алексея. — Тогда Виталик в первом круге попадает на Батоху. А Виталика ещё Римпоче надо показать.

— Да пройдёт ваш Виталик Батоху, записывайте! — настаивал Андрюха.

— Что-то темнишь... — усомнился Бальжинима-ахай.

— Пишите! — напирал Андрюха.

— Смотри, ты виноват будешь, если что!

Минут через пять объявили первую пару борцов: Алексея и Чимита.

— Жди момент, — шепнул на ухо Алексею Андрюха, обвязывая его ноги кушаком, — только момент. Всё вокруг тупо не замечай, усёк?

— Не нравится мне всё это... — честно признался Алексей.

— Удачи, братан!

Андрюха вытолкнул Алексея на борцовскую поляну.

При его появлении по рядам гостей пронёсся лёгкий гул.

— Алексей Ширапов, старший сын Володи Ширапова! — вдруг объявил Бальжинима-ахай, и в ответ ему захлопали сотни рук.

На трибунах Алексей увидел Гьялцена Римпоче, тот сидел на импровизированном троне у трибуны. Но внимание Алексея привлек Ойдоп. Его братишка сидел рядом с Римпоче и, увидев Алексея, восторженно закричал. По бокам от Римпоче и Ойдопа сидели Буда лама и Батор-ахай. При виде Ойдопа Алексей ощутил комок в горле, и этот комок медленно пополз вниз...

— Борцы, на середину! — скомандовал Бальжинима-ахай. — Поприветствовали друг друга.

Алексей пожал широченные ладони Чимита и принял боевую стойку.

— Чимит Дондоков, мастер спорта международного класса, олимпийский чемпион, чемпион мира по бурятской национальной борьбе — величайший чемпион всех эпох Могойтуйского района... — молодой ведущий праздника невозмутимо зачитывал список, что подсунул ему Андрюха. Открыв рот от удивления и сдвинув брови, Чимит слегка выпрямился и посмотрел в сторону трибун. В это мгновение Алексей пошёл в атаку. Чимит успел перехватить Алексея, но от удара головой в грудь всё же пошатнулся. Алексей продолжил атаку и, тяжело выдохнув, Чимит сел на песчаный ковёр. Толпа взревела то ли от восторга, то ли от хохота.

Поднявшись с земли, Чимит молча направился к судейском столику, за которым с довольной улыбкой стоял Андрюха.

— Смотрите, дерутся! — выкрикнул кто-то из толпы.

Андрюха с диким визгом, брызжа слюной и кровью из разбитого носа, напирал на Чимита, который всё пытался достать Андрюху. Мгновенно возникшая между ними живая стена из борцов еле сдержала их напор.

— Чимит Дондоков лишается права на участие в турнире за неспортивное поведение! — объявил, в конце концов, Бальжинима-ахай. Гьялцен Римпоче наблюдал за потасовкой с доброй улыбкой, Буда лама между тем что-то ему объяснял, а Батор-ахай сидел на своём месте, подперев рукой голову.

Драка сошла на нет, и судья объявил вторую пару участников. На ковёр вышли Бато и Виталик. Играя красивыми рельефными мышцами, Бато поднял руки над головой, приветствуя зрителей, а затем, молитвенно соединив ладони, поклонился, приветствуя Гьялцена Римпоче и Ойдопа.

Виталик же молча поклонился в сторону почётных гостей, развёл руки, приветствуя зрителей, и замер на месте, оперев руки в бёдра. Было видно, что настрой на борьбу у него нет.

— Борцы, на середину, — скомандовал Бальжинима-ахай. — Виталик, соберись!

Схватка выдалась короче, чем ожидали зрители. Мгновенно оказавшись за спиной Виталика, Бато оторвал его от земли и технично опустил на землю. Виталик какое-то время не спешил подняться, лёжа на боку и глядя перед собой, мимо толпы.

— Вставай, брат! — Бато схватил Виталика за руку и помог ему подняться.

— Заболел, что ли? — выкрикнул кто-то из зрителей.

Опустив голову, Виталик молча пошёл прочь. Алексей пошёл следом, прикидывая, что скажет ему в такую минуту, но вдруг увидел Баярму. Она сидела прямо на земле, закрыв лицо сжатыми кулаками. Рядом на корточках сидела Билигма и утешала её по-бурятски.

В следующей паре боролся Биликто. Он без особого труда повалил высокого крепкого бурята с ломаными ушами. От участия во втором круге Алексей отказался. В финальной схватке сошлись Биликто и Бато. Трижды Бальжинима-ахай объявлял им дополнительное время. На последних секундах схватки Бато повалил Биликто хитрой подсечкой и победно поднял руки.

Алексей всего этого уже не видел. Он трусил в сторону Могойтуя. Он пробежал уже километров десять, когда оглянувшись на звук, увидел джип Батора-ахая. За рулём сидела Эля.

* * *

— Струсил? Расклеился из-за этой потаскухи? — Эля смотрела на Алексея немигающим взглядом.

Они сидели в машине, на обочине просёлочной дороги.

— Я запутался, — признался Алексей. — Чувствую себя каким-то уродом, который влез туда, куда его не просили влезать.

— Тебя боги нам послали, неужели ты не понял? Наши предки-ламы не отдавали своих Драгоценных в Тибет, сами их воспитывали. И мы Ойдопа сами воспитаем! — глаза Эли горели решимостью. — Я уже всё придумала. У меня на счету три миллиона, этого должно хватить на год жизни в Дании, там нас никто не найдёт. Изучим за год язык, и можно начинать работать...

— Эля, это перебор! — Алексей побоялся посмотреть Эле в глаза, но ощутил, как её взгляд будто пронзает его насквозь.

— Завтра утром будет обряд признания! После этого нас к нему на пушечный выстрел не подпустят! Ты понимаешь это? — Эля перевела дыхание. — Сегодня последняя ночь, которую он проведёт с нами. Завтра его заберут в храм. А потом увезут в Индию.

— Так быстро?

— Гьялцен Римпоче приезжал уже, тайно. Этот храм, который Батор строит, станет официальной резиденцией Ойдопа багши, его вернут народу. Но это будет нескоро.

— А Надя?

— Надя какое-то время будет с ним. Но в Индию её не возьмут. Надя уже сдалась. Одна я, как дура...

— Тогда зачем всё это? — Алексей виновато покосился на Элю. — Шансов ноль, всё уже решено...

— Ты знаешь, сколько денег я потратила на лечение Саяна? Сколько врачей мы прошли, целителей всяких? Ничего не помогало. А потом однажды к нам в гости приехал Ойдоп и заговорил с Саяном. И Саян начал ему отвечать. Так и пошло. Ойдопчик рядом — я ощущаю сына. Нет рядом Ойдопа — и Саян закрывается, даже я достучаться не могу. Мы не сможем поехать за ними в Индию, это исключено, я была там, знаю. Да и Ойдопу будет не до нас. Всё я понимаю. Я не переживу, если Саян окончательно закроется. Я хочу жить, понимаешь? И хочу, чтобы сын мой жил!

— О боже мой! — Алексей до боли стиснул кулаками виски. — Ну почему всё так сложно?

— Мы всю ночь проговорили с твоей мамой на кухне. Она хорошо сказала: настоящая вера — это компромисс! Вот, чего я добиваюсь, — компромисса. Я думала, ты единственный человек, который сможет убедить их оставить Ойдопа здесь. Ты имеешь на это право! У бурят так положено: если погиб отец, старший брат должен заменить отца! Если ты скажешь им «нет», они обязаны тебя послушаться!

— Какой из меня отец, Эля, я сам себе не хозяин...

— Это Володя был тюфяком, тряпкой, чуть что — сразу в запой. А ты не такой,

ты в маму. Просто ты не хочешь нам помогать, потому что так и не понял, что происходит! Выходи из машины!

— Я стараюсь... — Алексей тяжело вздохнул.

— Всё правильно, когда я была нужна тебе, меня рядом не было. Теперь тебя рядом нет! Мне обратно надо, Саян один дома.

Алексей вышел из машины и направился в сторону посёлка. Поначалу он шёл, затем снова побежал. Он бежал без усталости, вдыхая влажный запах надвигающегося осеннего дождя. Навстречу ему двигались гряды свинцовых туч, от них веяло тревогой и холодной свежестью. Алексею захотелось окунуться в эти тучи, бороться с невидимой силой и выпить её, а затем исторгать обратно, на землю, подобно этим тучам...

Рядом остановилась красная иномарка Баярмы. Но из окна водителя выглянуло довольное лицо Биликто, рядом сидела Билигма.

— Садись, бегун, — Биликто беззаботно улыбался.

— Езжайте, я пробежаться хочу, — ответил Алексей.

— Давай вечером к нам, ждём! — Биликто закрыл окно и дал газу.

До Могойтуйа Алексей добежал лишь к вечеру, основательно растеряв силы под холодным дождём. Войдя на веранду, он скинул с себя спортивный костюм и размокшие кроссовки, набрал в ведро воды из алюминиевого бидона, вышел на улицу и вылил на себя. Потом растёрся докрасна полотенцем и вошёл в дом.

На кухне у окна сидела Надя.

— Ой, извини, — Алексей шмыгнул в гостиную, торопливо извлёк из комода старые отцовские трусы, шорты и футболку, наспех оделся и снова вышел на кухню.

— Соболь издох, — произнесла Надя, рассеянно глядя в окно.

— Странно, почему? — удивился Алексей. — Вчера ещё бодрый такой тут скакал.

— Мир старый умирает, — бабушка моя так говорила.

Надя поднялась со стула, налила Алексею крепкого чая с молоком, уселась у печки и закурила.

— А я смотрю, нету тебя среди гостей, — Алексей хлебнул чаю.

— А зачем я там? Он собрался и поехал с ними, будто так и надо. Вернее, «так и надо».

— Что делать будешь?

— К дочери поеду, в Москву. Я не смогу здесь жить одна. Мне сказали, я могу ехать с ним в Индию, но видаться часто нам всё равно не дадут. Зачем ему душу травить? Дом тебе оставлю.

— Лучше продай, — возразил Алексей.

— Нельзя этот дом продавать. Слишком многое с ним связано. Оставлю его тебе: не выгонишь, надеюсь, когда в гости приеду?

— Не говори так! — обиделся Алексей.

— Баярма сказала, что ребёнка второго хочет родить, мальчика. Вот вам и дом будет.

— Баярма, похоже, с Виталиком решила остаться, — Алексей невольно поморщился.

— Не ревнуй к Виталику. Он мучился из-за Баярмы, сомневался. Но появился ты, и всё решилось само собой. Дай им успокоиться. Скоро всё уляжется.

На мгновение Алексею показалось, что у печки сидит не Надя, а его бабушка, мама отца.

— Да, всё уляжется, — согласился Алексей.

— Кстати, — Надя встрепенулась, — сейчас, погоди...

Она ушла в комнату и вернулась с фотографией.

— Вот! — Надя протянула Алексею чёрно-белое фото, на котором в центре стоял коренастый мальчик лет пяти, по правую руку от него Алексей узнал маленькую Билигму.

— А это кто? — спросил Алексей, показав пальцем на девочку по левую руку от мальчика.

— Не знаю, — Надя пожала плечами.

Алексей внимательно присмотрелся: в колючем взгляде маленькой степнячки уже угадывался непростой характер: упрямый, противоречивый, страстный...

— Так это же Баярма! — вдруг понял Алексей.

— Баярма? — Брови Нади поползли вверх. — Слушай, а ведь похожа...

— А почему я её не помню? — Алексей заметался по кухне. — Она ведь — сто пудов она!

Они приехали поздно вечером. Первым в дом вошёл Саян. На руках он нёс задремавшего в машине Ойдопа. Следом вошла Эля. Саян бережно положил Ойдопа на кровать, но тот сразу же проснулся и пошёл на кухню, к маме. Усевшись на коленях у матери, Ойдоп что-то прошептал ей на ухо.

Весь вечер они вели себя так, словно ничего не происходит. Ойдоп поочерёдно просился ко всем на руки, а перед сном что-то долго и увлечённо обсуждал с Саяном.

— Там есть остров, я точно рассчитал, не мог ошибиться, — услышал Алексей. — А если есть один остров, значит, будет и второй, это значит — гряда. Там отдохнёшь и пойдёшь дальше. Найдёшь Чистые земли, — возвращайся. И мы начнём собираться в дорогу. Я больше никому не смогу доверить эту задачу, только ты сможешь это сделать! — Саян смотрел на Ойдопа, как на родного сына, которого вынужденно отправляет в дальнюю дорогу.

— Хорошо, — серьёзно, без тени улыбки ответил Ойдоп. — Вот увидишь, я найду эти земли и вернусь за вами!

— А за маму не беспокойся. Мы за ней присмотрим, — Саян погладил Ойдопа по голове. — Давай спать. Тебе завтра вставать рано.

* * *

Он явственно представил себе, как выбивает эту дверь ударом ноги. Дверь непременно влетит внутрь, получится очень эффектно, даже такой человек, как Буда лама, вздрогнет от неожиданности. Но выбивать дверь Алексей не стал. Он просто постучался и, не дождавшись ответа, вошёл. В доме Багши было пусто.

Алексей вышел на улицу и посмотрел на домик Виталика: в окнах горел свет. Алексей подошёл к двери: Виталик, прикрыв глаза, сидел на коврикe, перебирая чётки.

— Здорово, брат, — Алексей взял табурет и присел напротив.

Виталик не шелохнулся, но покраснел, — Виталика всегда выдавали щёки.

— Кривить душой не буду, мы уже не дети малые, душевного разговора не получится. Я случайно у тебя оказался — к Багше шёл. Но его нет... Такая петрушка, брат: я не хочу отдавать вам своего брата! Понимаю, он для вас святой, вам молиться на кого-то надо. А мне он просто брат, родной брат, понял? Ты мне тоже брат вроде бы. Но ты никогда не был мне настоящим братом! Я теперь понимаю, ты всегда мне завидовал...

Ни один мускул так и не дрогнул на лице Виталика, но краснота с его щёк начала спадать. Алексей смотрел на Виталика в упор, а тот сидел, прикрыв глаза.

— Давай так, брат, я оставлю Баярму, а ты убедишь их оставить Ойдопа здесь, — Алексей увидел, что щёки Виталика мгновенно стали бордовыми. — Всё слишком далеко зашло. Мне нужна твоя помощь, Виталик! Ты имеешь право на любовь, я имею право на брата! Мы с детства с тобой были сорняками. Знаешь, почему? Потому что жили как придётся, а не так, как мы хотели жить. Вот и запутались мы с тобой. Не делай вид, что не слышишь меня!

Алексей отчётливо услышал дыхание Виталика.

— Ты ведь любишь её. А я вот не пойму: люблю или нет.

Пальцы Виталика на руке, перебиравшей чётки, побелели.

— Интересно, когда она прижимается к тебе, у неё потеет нос? — такие маленькие капельки на кончике носа... А ещё она пахнет парным молоком...

Бусины чёток разлетелись в стороны, словно искры, и покатались по полу. Лицо Виталика будто окаменело. Его пальцы всё ещё судорожно сжимали обрывок капроновой нити. Алексей ощутил, как стыд, жалость к брату и омерзение к себе переполняют его.

— Допустим, я не прав. Убеди меня в этом. Докажи, что ваша вера — это, и вправду, то, ради чего вы можете забирать детей у людей, которые любят их больше жизни.

Алексей почувствовал сильную усталость.

— Ты ведь будешь охранять моего братишку? Я так тебе скажу: либо возвращайся к Баярме, либо соберись! Я не хочу, чтобы моего любимого брата охранял тряпка.

Алексей тяжело поднялся с табурета. С трудом перебирая ногами, ставшими как чужие, он вышел из дома и полной грудью вдохнул осенний воздух, пытаясь вобрать в себя всю темень надвинувшейся ночи. Ему хотелось провалиться под землю, зарыться глубоко и сидеть там тихо, незаметно, никому не мешая жить.

* * *

— Познакомься, это твой двоюродный дядя, — сказала Эля и кивнула на мужчину средних лет, сидевшего за столом напротив неё. Дядя изумленно смотрел на Алексея.

Алексей же узнал в нём тележурналиста, что когда-то рассказывал о возвращении нетленного монаха.

— Дядя Бато! — представился дядя.

— Лёха! — ответил ему Алексей и перевёл взгляд на Элю. — Я, похоже, всё проспал?

Алексей стоял на кухне, заспанный, помятый, в скверном настроении.

— Признание через час. Все уже там, — лицо Эли не выражало никаких чувств, словно и не было недавней борьбы за маленького перерожденца.

— Ладно, я пойду, — дядя Бато хлопнул себя по колену. — Может, фото удастся сделать, было бы круто.

— Я слышала, они не нашли ни одного артефакта, — выдала своё волнение Эля. — При помощи чего они его признавать будут? Может, задашь им этот вопрос как журналист?

— Двое учеников его будут... — дядя Бато задумался. — А так — да, ни одного артефакта. Интересно.

— А что такое «артефакты»? — спросил Алексей. — Зачем они нужны?

— Это предметы, которые принадлежали Ойдопу багше в прошлой жизни, — пояснил дядя Бато. — Его же репрессировали, потому что он отказался бежать в Тибет. А дуган, в котором он практиковал, сожгли. Ну ладно, побежал я.

— А ты? — спросил Алексей Элю.

— Народу много будет, Саян не переносит такого.

Алексей торопливо умылся, выпил чаю с молоком и направился к храму.

Люди стояли везде: вдоль дороги, у ворот храма, ещё больше прихожан толпилось на территории, а у центрального входа было не протолкнуться. Но, увидев Алексея, люди расступались, глядя на него так, словно это он — перерожденец.

Протиснувшись в храм, Алексей увидел большую статую Будды Майтрейи, покрытую сусальным золотом. Статуя была меньше, чем та, которую показала Алексею Баярма в дацане, но выглядела так, словно это живой человек азиатской и в то же время европейской внешности.

Перед статуей на площадке, выложенной яркими коврами, стоял трон, а чуть ближе к гостям — расписной деревянный стол с буддийскими колокольчиками, чётками и незнакомыми Алексею предметами. За столиком сидел Гьялцен Римпоче,

по бокам от него застыли Виталик и Чимит, чей правый глаз был замечательно украшен лиловым синяком. Было видно, что они чего-то или кого-то ждут.

— Дорогу, пожалуйста, — услышал Алексей за спиной.

К трону шёл коренастый степняк, ведший под руку слепого старика — Ниму ламбагая. Старик шёл, прикрыв глаза и что-то нашёптывая одними губами. Нима ламбагай уселся рядом с Гьялценом римпоче.

Появились Санжа и Артур. Они вели к столу с ламами Ойдопа. При виде брата Алексей подобрался, словно для броска, поскольку ощутил, что происходящее пугает Ойдопа. Мальчик шёл к столику с ламами, оглядываясь по сторонам, глядя на всех по-детски удивленно и растерянно.

В первом ряду среди зрителей Алексей заметил множество незнакомых лам высокого ранга. За их спинами Алексей увидел: Надю, Батора-ахая, Бальжиниму-ахая, Андриюху, Бато, брата Батора-ахая с незнакомой девушкой и Баярму. Баярма тоже заметила Алексея и кивком показала, что рядом с ней есть свободное место. Но Алексей сделал вид, что не понял.

Набрав полные лёгкие воздуха, Гьялцен Римпоче низким протяжным голосом начал читать молитву. Читал он минут пять, затем открыл глаза и что-то сказал Буда лама, видимо, по-тибетски. Буда лама подвёл Ойдопа к столику, указал на атрибуты и задал вопрос по-бурятски. Ойдоп не ответил.

Буда лама задал новый вопрос и подвёл Ойдопа сначала к Гьялцену Римпоче, а затем к Ниме ламбагаю. Мальчик снова не ответил, лишь стоял и смотрел на двух стариков насупившись, готовый вот-вот расплакаться. Среди присутствующих прошёл лёгкий гул, и Алексей почувствовал, как кулаки его невольно сжались. Он был готов в любую секунду рвануть вперёд и прекратить всё это, но что-то его сдерживало, наверное, пытливый взгляд Баярмы, что почти неотрывно смотрела на него, и насмешливый взгляд дяди Бато, наблюдавшего за Алексеем из толпы.

Буда лама усадил Ойдопа на подушки у столика и достал из сумки, висевшей у него через плечо, чашу, — ту самую, что когда-то в их квартире оставила бабушка. Буда лама с поклоном протянул эту чашу Ойдопу. Стоявший рядом Санжа налил в неё из серебряного чайника воды. С минуту Ойдоп сидел молча, будто думал о чём-то или о чём-то вспоминал. В зале повисла густая, гнетущая тишина. Но вот Ойдоп вздохнул, а затем протянул чашу с водой в сторону Гьялцена Римпоче. Старик поднялся со своего места и, словно мальчик за угощением, засеменил к Ойдопу.

— Понял, что сейчас произошло? — Алексей вздрогнул, увидев рядом с собой дядю Бато.

— Нет! — растерялся Алексей.

— Они нашли его чашу, и Ойдоп эту чашу признал. Это же сенсация! Сохранились свидетельства, что Ойдоп багша перед обедом всегда поил водой из этой чаши свою свиту. Обрати внимание, он интуитивно всё делает, так не сыграешь...

Гьялцен Римпоче осушил чашу. Ойдоп протянул чашу Санже, чтобы тот снова наполнил её водой, и затем посмотрел в сторону Нимы ламбагая. Руки Нимы ламбагая задрожали, и он не смог принять подношение. Он лишь выдохнул, простонал что-то и упал перед Ойдопом ниц. По залу прошёл гул.

— Болтогой! — вдруг выкрикнул кто-то из толпы присутствующих.

— Болтогой! — подхватили сотни голосов.

Ойдоп оглянулся и окинул взглядом толпу, и взгляд его уже не был детским, напуганным. Теперь казалось, что он был рад видеть всех присутствующих здесь. Гьялцен Римпоче несколько раз хлопнул в ладоши, поднялся со своего места, встал перед Ойдопом и сделал несколько простираний.

— Болтогой! — продолжали выкрикивать из толпы.

— Болтогой! — раздавался в ответ целый хор голосов.

Поднявшись на ноги, Гьялцен Римпоче бережно взял под руку Ойдопа и помог

ему взойти на трон. Усевшись на узорные подушки, Ойдоп выпрямил спину и уставился в одну точку. Перед ним уже стоял Буда лама с короной из вытканной золотом парчи. Трепетно, чуть дыша, он поклонился Ойдопу и приложил корону к его голове. Среди гостей раздался общий вздох. Нима ламбагай, поднявшись к трону на четвереньках, припал лбом к коленям Ойдопа и, уже не скрывая слёз, принялся целовать его ладони.

Лицо Ойдопа преобразилось до неузнаваемости, он стал похож на Будду, что возвышался над толпой. Гьялцен Римпоче стоял рядом с Ойдопом и плакал от полноты радости, не скрывая благодатных слёз.

Люди живым потоком потянулись к маленькому перерожденцу. У подножия трона росла гора из дорогих подношений: сладостей, цветов, игрушек... Люди низко кланялись Ойдопу и подставляли ему головы для благословения. Ойдоп благославлял их, слегка касаясь ладонью.

В этом потоке, не замечая никого вокруг, с белым жертвенным хадаком в руках прошла Баярма...

* * *

У входа в домик стояли Чимит и Виталик. Оба молча расступились перед Алексеем. Негромко постучавшись, он открыл дверь и вошёл. Ойдоп, ещё в обычной одежде, сидел за столиком и увлечённо рассматривал большую книгу, в которой Гьялцен Римпоче показывал ему картинки. У ног Ойдопа на подушках сидел Нима ламбагай и, перебирая чётки, читал молитвы. Чуть в стороне от них сидел Буда лама, рядом с ним стоял Санжа. Увидев Алексея, Санжа просиял восторженной улыбкой.

— Можно мне с братом попрощаться? — выдал из себя Алексей.

— Уезжаешь, что ли? — спросил Буда лама.

— Да, сегодня, — ответил Алексей.

— Прощаются — навсегда, а мы, буддисты, встречаемся вновь! — Буда лама улыбнулся и одобрительно кивнул Алексею.

Алексей подошёл к Ойдопу и протянул ему руки. Ойдоп тут же потянулся в ответ и обхватил шею Алексея.

— На лошадке хочю, — шепнул Ойдоп ему на ухо.

— Он на лошадке хочет, — растрогался Алексей.

— И что тебе мешает? — спросил Буда лама.

Алексей взял Ойдопа на руки, вынес на улицу, усадил себе на плечи и заскользил по жухлой осенней траве, изображая низко летящий самолёт. Ойдоп заливался смехом. Чуть в стороне Алексей услышал ещё один восторженный голос: рядом с ними, вприпрыжку, что-то радостно выкрикивая, словно маленький ребёнок, скакал Гьялцен Римпоче. Буда лама, Чимит, Виталик и Санжа, улыбаясь, наблюдали за этой нелепой и в то же время величественной картиной.

* * *

Алексей побежал по знакомому маршруту: миновал отцовский дом и дальше, уже не разбирая дороги. Он бежал под гору, затем в гору, по хребту пологой сопки, снова под гору, вдоль частных домов, не обращая внимания на огромных, задиристо лающих собак.

Уже подустав, он остановился у невысокого крыльца одноэтажного здания где-то в центре Нижнего Могойтуя, сел на ступеньку, чтобы перевести дыхание, и вдруг зарыдал... с надрывом, не таясь от прохожих, бросавших на него кто удивлённые, а кто сочувственные взгляды, рыдал до тех пор, пока не обессилел. А, затихнув, вдруг ощутил невыносимое желание поспать. Оглядевшись, он понял, что находится у автостанции, недалеко от железнодорожного вокзала. Рядом, на скамейке, сидел дядя Далай:

— Ты чего ревёшь-то?

— Вам не понять, — вяло огрызнулся Алексей.

— Наверное, — то ли согласился, то ли отшутился дядя Далай и похлопал по скамейке рядом с собой. — Садись, поговорим, я люблю непонятные истории.

Алексей сел рядом:

— Чего тут рассказывать?..

И он рассказал всё, что наболело у него на душе. Он не говорил — он изливал душу, наверное, впервые за всю свою несуразную жизнь, и сам себе удивлялся, откуда берутся слова.

— Вот кадр! — дядя Далай искренне рассмеялся.

— Вам смешно? — опешил Алексей.

— А что мне, плакать, что ли? — дядя Далай хлопнул Алексея по колену. — Любите вы, русские, душу себе бередить. То ли дело мы, хохлы...

— А по вам и видно, — съязвил Алексей.

— Я серьезно! У меня отец хохол. Я, правда, не видел его ни разу. Тем не менее...

— Эля тоже, получается, хохлушка? — усмехнулся Алексей.

— Не, Эля бурятка. У нас мама одна — отцы разные, — дядя Далай смешно дёрнул носом. — Во-первых, племяш, братишку твоего забирают не навсегда. Да, нескоро, лет через двадцать, но он вернётся. Ты постареть не успеешь, зато, поверь мне, успеешь его забыть! Во-вторых, радоваться надо: большой учитель вернулся к своему народу. И в этой жизни этот большой учитель — твой родной брат! Плохо ли? Тебе не рассказывали историю Ойдопа багши?

— Отрывками, — признался Алексей.

Дядя Далай посмотрел на часы.

— Я бы рассказал, но не успею, у меня автобус через пять минут.

— А куда вы едете?

— В Улан-Удэ.

— Я был когда-то в Улан-Удэ и вас видел, на площади, — признался Алексей.

— Ладно, автобус мой идёт, — дядя Далай поднялся со скамейки и потянулся за сумкой.

— Дядя Далай, одолжите мне на билет до Читы? Я верну, обещаю.

— Да не вопрос. Вот так и поедешь?

— А у меня и нет больше ничего!

* * *

— До прихода буддизма буряты были язычниками: верили в вечное синее небо и силу рода. Кочевники поклонялись своим предкам, делали подношения, просили о помощи — предки им помогали. Но предков становилось всё больше, и вскоре их стало больше, чем живых: кому-то стали поклоняться чаще, а кому-то реже, многих совсем забыли: не упомнишь ведь всех, никаких свитков не хватит.

Те предки, которых хорошо помнили, не успевали всем помочь, а те, кого забывали, становились голодными духами. Голодный дух — злой дух, а зло надо на ком-то вымещать. Вот и начали забытые духи мстить своим потомкам, забывшим их. А когда нападаешь — невольно себя выдаёшь. Так появились люди, способные видеть духов, — шаманы.

Шаманы находили голодных духов, пытались их задобрить. Если задобрить не получалось, призывали почитаемых духов рода и просили защитить от забытых предков. Шаманы со временем стали привилегированной кастой и, как часто бывает среди людей, стали надменными. Да и много их слишком стало. Приходит простой кочевник к шаману с просьбой угомонить злого духа, что терзает его семью, а шаман с похмелья. Берёт шаман подношения, а сам думает: «А, завтра обряд сделаю». А назавтра приходит к нему богач, приносит щедрые подношения, затем другой богач, а потом шаману отдохнуть захотелось — и забыл о просьбе простого кочевника.

Но это ещё полбеды. Богатые подношения развратили шаманов. И всё, на что хватало их усилий, — на жертвоприношения духам. Люгует дух — зарезали барана,

скормили душу животного, — дух успокоился на время. Раз барашка получил, второй, третий — окреп и попросил большее: душу человеческую ему подавай!

Шаман обращается к почитаемым духам, а тем подавно не хочется силы тратить: злой дух окреп уже, сдачи даёт. Раз уступили, другой. А кого в жертву? Не богача же. Сначала пленника, потом раба или бродягу какого-нибудь, а потом и красавицу из простой семьи: духи — те же люди, аппетит к ним во время еды приходит. Затем и в политику шаманов стали посвящать: простой народ против духов не пойдёт.

Но однажды в степи появился необычный человек, бритый наголо, в лохмотьях, с глазами, излучавшими мудрость. Следом по степи пронеслась весть, что этот человек проповедует Учение о Великой Пустоте, где нет ни духов, ни предков, ни лжи, ни зависти, ни голода, ни боли, ни страха — ничего нет, только пустота и вселенский свет, подобный тому, что излучают звёзды в ночном небе. Эта Пустота — великое освобождение от всех земных страданий. Неудивительно, что простые кочевники, уставшие от непостоянства мира, восприняли новое учение как надежду на спасение.

Шаманы обратились за помощью к почитаемым духам, и те им открыли, что за пришельцем стоят боги, обладающие несокрушимой силой, — они прекрасны и в то же время ужасны, их невозможно объять взором, но они могут уместиться на острие иглы. Они не требуют подношений, источник их силы в Великой Пустоте, которую невозможно найти и обрести, а можно только постичь. Этих богов призвал Бурхан багша, сумевший постичь силу Пустоты и открывший её дары простым людям. Бурхан багша отправил в бурятские степи одного из своих учеников, чьё имя означает «Совершенное знание». Простые степняки стали называть его Ойдоп багша.

Шаманы никогда не дружили промеж собой, но появление в степи Ойдопа багши заставило их объединиться. Они выследили Ойдопа багшу и решили его сжечь, дабы ничего не осталось от пришедшего учителя. Ойдоп багша не сопротивлялся, с молчаливым достоинством взойшёл он на костёр, а вскоре по степи разнеслась весть о том, что Ойдоп багша обрёл новое тело. Сто восемь раз шаманы убивали тело Ойдопа багши, и всякий раз он обретал новое, лишь укрепляя веру простых степняков в своё Учение.

Изумлённые силой пришедшего учителя, многие богачи, ведомые своими духами, потянулись к нему и приняли его Учение. Тех духов больше никто не видел, но их живые потомки утверждали, что великий учитель отправил их в Чистые земли, где им уже не придётся голодать, а спустя некое время они смогут вернуться в этот мир, чтобы исправить ошибки своих прошлых жизней.

Однажды Ойдоп багша решил, что Учение, которое он принёс в бурятские степи, окончательно укрепилось, — многие ученики Ойдопа багши сами стали великими учителями, и теперь степняки смогут обойтись и без него. Но услышав о намерении своего учителя покинуть этот мир, ученики взмолились и попросили его переродиться на этой земле до тех пор, пока последний степняк не покинет этот мир и не растворится в Великой Пустоте. Услышав эти молитвы, Ойдоп багша согласился...

— На сказку похоже, — Алексей тронул родинку на подбородке.

— Я тоже так думаю! — усмехнулся дядя Далай. — А хочешь узнать, откуда у тебя эта родинка?

— А вы точно это знаете? — спросил с недоверием Алексей. — Просто, дядя Далай, честно говоря, устал я от всей этой мешанины правды и вымысла. Надоело, отдохнуть хочу.

— Вот эта история — стопроцентная правда! — заверил дядя Далай. — В общем, слушай. Однажды, где-то в центральной России — то ли в конце девятнадцатого, то ли в начале двадцатого века — случился неурожай. И люди потоком хлынули из тех краёв в наши. Дорога была долгой, не все добрались, а те, что добрались, прибыли измождёнными. А тут всё с нуля начинать надо, и положиться особо не на кого: край земли, народу мало.

И приехала сюда одна семья. Была у них красавица-дочь. Чтобы не голодать и

окопаться здесь, отдал глава семьи дочку за сына зажиточного бурята. Дочь, естественно, не хотела замуж за бурята, но против воли отца не попрѣшь.

Вышла она таки замуж за сына степняка, родила от него дочку, а потом сбежала: с кем — история умалчивает. А дочку оставила отцу. Сынок того зажиточного степняка женился во второй раз, на бурятке, детей начали рожать одного за другим. А от первого брака дочка-метиска не по душе пришлась мачехе. Вот и выросла дочка, хоть и здоровой, и красивой, и сильной как мужик, а чѣрствой. Никто её замуж не хотел брать. Слишком уж нравная была девка: драться любила, водку пила, ну и... так далее. Главной же её страстью были лошади. Целыми днями она могла верхом скакать и не уставала. А своей лошади у неё не было. Зато был в этих краях один паренёк, невысокий, сухонький такой, молчаливый и нелюдимый, из бедной семьи к тому же. Проверила его та красавица-метиска — детей зачинать вроде может — и забрала себе.

— В смысле — «забрала»? — не понял Алексей.

— Вот так и забрала, — развёл руками дядя Далай. — Привезла в свою юрту и сказала, мол, сбежишь, — догоню, отрежу голову и всё остальное.

— Боже упаси! — не сдержался Алексей.

— Ты дальше слушай, не перебивай! — отмахнулся дядя Далай. — Родила метиска сына от него: красивого мальчика, крупного, сильного, горластого. И обменяла она этого мальчика на хорошего рысака!

— Ого, вот это поворот! Что-то мне уже не нравится эта история.

— А ты слушай! — дядя Далай выдохнул и продолжил. — Взяла с тех пор та красавица-метиска моду рожать пацанов и менять их на хороших лошадей. В то время роддомов не было, не все дети выживали, многие после родов умирали, а наследник нужен — это вопрос будущего. Потому горластые крепыши были в цене. А та рожала и не охала, как из пулемѣта.

Но однажды у неё родился мальчик, похожий на отца: хилый, слабый, молчаливый... И никто этого мальчика не брал. Даже овцы паршивой за него не давали. Невзлюбила она, значит, сынка. А тут ещё одна напасть: пытается родить, а не может. Всё, как отрезало.

Кто виноват? — естественно убогий мальчик. Рос он хилым, молчаливым, но рос, умирать не собирался. Дождалась красавица, пока ему лет пять-шесть не исполнится, и выгнала ночью из юрты. Мальчик брѣл-брѣл да так и сгинул в степи, никто его больше не видел.

Зажила себе преспокойненько: мужа караванщиком пристроила, а всё жалованье его себе забирала, всё до копейки! — дядя Далай поднял указательный палец. — Остепенилась даже, перестала водку пить и с соседями драться. А не живѣтс! Начал ей сын сниться.

Она крепилась, старалась не думать о нём, — а мальчик уже и мерещиться стал. И поняла она: то ли боги, то ли духи степные её наказывают. Пошла к шаманам, они шаманили-шаманили — ничего не вышаманили: не исчезает мальчик — ещё явнее видится. И является несчастным таким, измождённым... Но и это полбеды: сердце ей начало изменять — почувствовала жалость к тому загубленному ребѣнку. И жалость эта всё сильнее и сильнее! Она уж думала повеситься, утопиться ли, но зашѣл к ней однажды в юрту один монах.

Она сначала выгнать его хотела: гостей-то прежде никаких не привечала. Но тут с сердцем её что-то не то стало происходить. Впустила она в юрту монаха, напоила, накормила, а он и спрашивает: «Почему этот мальчик плачет?» И тычет пальцем в призрака. Ну, она испугалась и призналась во всѣм.

Всю ночь монах медитировал в юрте. А она сидела рядом и просила прощения у мальчика, что сидел призраком напротив. А утром монах велел, чтобы она шла за душой этого мальчика, да не просто так, а с поклонами, простираясь, замаливая грехи свои, туда, куда мальчик её поведѣт.

И пошла она, и простиралась. А никто мальчика этого не видел — только она. А люди видели только, как она простирается вдоль дорог, рек, сопков, лесов, оврагов... Одежда на ней превратилась в лохмотья, тело её голое истерзанное стало видно, ладони и колени покрылись страшными ранами! А она всё равно — шла за своим погибшим сыном и простиралась, просила у него прощения.

И так она простиралась ровно сорок дней, пока однажды не пришла к храму. Мальчик исчез — растворился у юрты, в которой жил тот монах. Он вышел, встретил её, отмыл, накормил. На её теле не было живого места — монах её вылечил. Красавица та грешная, Алексей, — твоя прабабушка! А монах тот — Ойдоп багша!

— О боже! — Алексей упёрся лбом в переднее сиденье. — Я сплю, однозначно сплю!

— Прабабушка твоя вернулась к мужу, родила от него сына и дочь, твою бабушку, и стала им очень хорошей матерью. А потом пришли красные. Они начали убивать богачей и лам, разрушать монастыри. Ойдоп багша успел отправить в Тибет своего главного ученика, пятилетнего Гьялцена Римпоче, они его тогда только-только нашли. Другого своего ученика, пятнадцатилетнего Ниму ламбагая, он убедил снять рясу и уйти в народ. А остальные уходить отказались. И всех, кто остался с учителем, погнали этапом в лагеря.

Поезда они ждали в загоне, как скот, под открытым небом целый месяц. Ни еды, ни воды им не давали. Но они выжили, потому что всё это время твоя прабабушка носила им горячий суп. Не знаю, как она убедила охранников, но они её не выдали, хоть и рисковали своими жизнями. И сама она рисковала: всю её семью могли отправить по этапу, но пронесло.

Перед прибытием поезда Ойдоп багша отдал твоей прабабушке свою чашу и попросил сохранить её, сказал, что непременно за ней вернётся. У каждого монаха своя личная чаша, только из неё он ест и пьёт. И то, что он отдал кому-то свою чашу, означало одно: в этой жизни она ему больше не нужна.

И твоя прабабушка хранила эту чашу, и дочери своей, твоей бабушке, завещала её хранить. Когда твоя прабабушка умерла, бабушка поставила ей метку на подбородке, чтобы найти её следующее перерождение...

Алексей невольно прикрыл ладонью родинку на подбородке:

— У меня сейчас голова взорвётся!

— Круто?! — дядя Далай смотрел на Алексея и по-отечески улыбался.

— Да как вам сказать?.. Мне бы водки сейчас!

— Нету, — Дядя Далай развёл руками.

— Я так долго был непонятно кем... — Алексей тяжело вздохнул.

— Вот только слюни распускать не надо сейчас, — дядя Далай поморщился. —

Не люблю, когда мужики плачут!

— Да я заплакал уже всё сегодня, — Алексей снова потёр родинку. — Я же искал вас, дядя Далай, почти месяц жил в Улан-Удэ, телефон вам свой отправил через общих знакомых...

— Я ничего не получал. А зачем ты меня искал?

— Сам тогда не знал, — Алексей усмехнулся. — Мне казалось, что вы должны сказать мне что-то очень важное. Но тогда я бы вас точно не понял!

— А сейчас понял?

— Пока не знаю! — честно ответил Алексей.

Автобус ехал по пригороду Читы. За окном промелькнула стоянка с останками армейских грузовиков, которая когда-то была видна из окон съёмной квартиры. Он возвращался в родной город, такой знакомый и родной, и в то же время уже какой-то другой, неведомый.

Григорий Князев

Здесь, на земле, в кругу семьи

* * *

Родины малой пустое дупло...
Что мне Сморгонь или Верхняя Слудка?
Но почему-то на сердце тепло,
Если в названия вслушаться чутко.

Жили когда-то здесь мера и чужь —
Скулы широкие, светлые брови...
Я же на вас не похожий ничуть —
Лица, характеры ваши суровой.

Пыльного зеркала мутный овал
В старом шкафу отражает посуду,
В доме у предков, где я не бывал
И никогда уже точно не буду.

Запах почудится отчей земли —
Столько в нём горечи и ностальгии!
Дом родовой, не жалея, снесли.
Место чужое, и люди другие.

Где же вы, кто же вы, предки мои? —
В мифах, легендах, преданьях старинных...
Летопись рода, поэма семьи
Пишется вскользь на имперских руинах.

Память, как хлебная корка, черства,
Не избежать мне такого же тлена.
Я как Иван, что не помнит родства, —
Лишь имена до шестого колена...

* * *

Что знаю о себе, и надо ли, Две бездны — жизнь и смерть — тая, Куда слова и сны попадали, Встречаться мне с моим же «я»?	Как жалоба — одна мелодия, А следом — как рассказ смешной... Стишки под нос себе я тинькаю — Не Окуджава и не Блок... Звучит кассетой ли, пластинкою Мой музыкальный монолог.
Родился, рос и умер — схемую Звучит, а фактов — громадьё. Натуру, личность, душу где мою Найду, как отличу её	Великая разноголосица — То нет меня, то полный дом! Что как к чему во мне относится Порой понять могу с трудом...
От голоса чужого, прочего, Точней — от хора голосов? От материнского и отчего Бежим — и сердце на засов.	Касаясь своего предплечья, Свои же кудри теребя, Что если никогда не встречу я И не услышу сам себя?
Но вот гуляю на природе я — И льётся в мой канал ушной,	

* * *

Природа — тиха, только ветер в полях
Над светлою этой парит тишиною.
Задумчивый вереск забыл о шмелях.
Тут, в ближнем лесу, дремлет царство грибное.

Молчать и молчать заповедным местам —
Молчаньем таинственным, а не лукавым...
Прислушайся к сонным осенним цветам,
К растущим грибам, к чуть желтеющим травам —

Услышишь дыханье ли, шёпот земли.
Так тихо, что лёгкая в сердце тревога.
Там, где-то в далёкой-далёкой дали,
Асфальтная что-то бормочет дорога...

На камне прогреетом на век бы уснул,
Впадая, как солнечный август, в истому,
Когда бы не трассы рокочущий гул,
Ведущей к огромному шумному дому...

Баллада о Кировском вокзале

Там, где-то в тундре ледяной,
Стоит вокзал-дворец. Но рельсы
Его обходят стороной...
Промёрз, как целый век не грелся.

Изгоя на краю земли,
На почве, как эпоха, жёсткой,
Когда-то эки возвели,
Снег стены выбелил извёсткой.

Без пассажиров, вне дорог,
Разросшихся огромной сетью,
Сам вечный отбывает срок —
Суровый памятник столетью...

Вокзалу снятся поезда —
Никто, никто сюда не едет!
И лишь Полярная звезда
В его пустые окна светит...

* * *

Здесь, на земле, в кругу семьи,
Как будто бы со мной навеки
Друзья и близкие мои, —
Я в тёплом мире их опеки.

Но там, за крайнюю чертой, —
Вокзал ли, госпиталь огромный...
Душа вдруг станет сиротой
Меж душ чужих, в семье приёмной.

И чем привычней дом земной
С его укладом, с мамой рядом,
За много лет обжитый мной,
Тем рай печальней с вечным садом...

Пока ещё в земном доме —
Помилуй нас за прегрешенья! —
Как на прощанье, обниму
Родных, мне данных в утешенье.

* * *

В доме, пахнущем небытиём,
Без детей — безысходно и глухо.
Одинокую старость вдвоём
Коротают старик и старуха...

Так и вижу себя и тебя
В этих двух, постаревших до срока,
Безнадёжно и нежно любя
Жизнь, что есть, — ни горчинки упрёка!..

Не моя в том, не Божья вина,
Что не выйти из тесного круга.
Нам любовь во смирение дана —
Чтоб остаться детьми друг для друга.

Александр Мелихов

Гриф и мамонт

Повесть

Междугородный вызов засвиристел как обычный, но остатками ясновидческого дара я сразу угадал, что звонит из Екатеринбурга моя бывшая невенчанная. Как всегда, без сантиментов типа «здрасьте, как жизнь?». Сразу берёт быка за рога, а рогами она меня покрыла сверху донизу, как противокорабельную мину. Голос по-прежнему надменный с прорывами плотоядных ноток, когда появляется возможность произнести что-то оскорбительное:

— Вам там тоже мозги промывают этим коронавирусом?

— Как везде, я думаю.

— И ты веришь, что нашу власть волнует наше здоровье?

— Я думаю, ей спокойней, когда мы здоровы.

— Ошибаешься, ей выгодно переключить наше внимание на что угодно, только бы отвлечь от её преступлений. Ты, может быть, и намордник носишь?

— В смысле маску? Ну, в общественных местах...

— Если вас начнут вешать, вы и верёвки сами принесёте. Ты как был конформист и ватник, так и остался, — в голосе звучит блаженная сытость.

— Ты забыла: я ещё и путиноид, — этот сарказм я всё-таки проглатываю, чтобы она не бросила трубку, а мне хочется спросить про сына, хоть я и знаю, что ни к чему хорошему это не приведёт.

— Подожди, не бросай трубку! Как там...

Мне хочется сказать ласково: Андрюшка, но она оборвёт — давай без сюсюканий. И я завершаю нейтрально: Андрей.

— Пожалуйста, не делай вид, что тебя это интересует, — слышно, как она облизывается от удовольствия.

Связь прервана. Как всегда, ни здравствуйте, ни до свидания.

Но материнское сердце не выдержало упущенной возможности ещё раз меня уязвить — тут же повторное свиристенье.

— Как всё-таки хорошо, что я не позволила тебе его уродовать! Он политический активист, не пропускает ни одного митинга. Уже четыре раза арестовывался. Может, он всё-таки не твой сын? Но вроде бы я в тот месяц ни с кем больше не совокуплялась.

Мелихов Александр Мотелевич — прозаик, публицист, литературный критик. Родился в городе Россошь Воронежской области. Окончил математико-механический факультет Ленинградского университета, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Лауреат ряда литературных премий. Живёт в Санкт-Петербурге. Постоянный автор «Дружбы народов».

Она у меня утончённая, грубых слов не употребляет.

— Он бы лучше учился...

— Это для тебя важнее всего карьера. И комфорт. А у нас на Урале никогда не было крепостного права.

Врёт, поди, судя по Бажову, но проверять неохота.

Снова отключилась, хорошо бы навсегда.

Но нет, так легко не отделаюсь — опять свиристит. Я холоден как лёд, — не дамся, не откроюсь.

— Привет, это Феликс.

Тоже без сантиментов, будто вчера расстались. Но я не умею не радоваться давним знакомым, — лёд в груди мгновенно превратился в тёплый пар.

— О, привет, привет! Ты из Англии?

— Душой мы все в совке, из него эмигрировать невозможно.

— Но ты же работаешь на...

Я не решился назвать ужасно передовую радиостанцию, опасаясь перевернуть её громкое имя, а Феликса всегда раздражало, что я не в силах запомнить то, что должно знать всё прогрессивное человечество.

— Я там давно не работаю. Там надо быть лизоблюдом, а мне этого и в совке хватило.

— Но там же все нонконформисты?..

— Можно быть нонконформистом по отношению к своему начальству и лизоблюдом по отношению к чужому.

— Ясно, ясно... А как твоя жена к этому?..

— Только шашка казаку жена, как поёт ваш главный казак Розенбаум. Я развёлся.

— У тебя же вроде бы ещё и дочка была?

— Да, так успешно ассимилировалась, что мой интерес к вашим делам называет инфантильным стремлением вернуться в национальную матку. Но это скучно, я к тебе по делу. Это правда, что у вас Алтайскому собираются ставить памятник? Что чуть ли не конкурс уже объявлен?

— Правда. Моя нынешняя... — я хотел сказать «жена», но мы не были женаты, а слово «подруга» показалось несколько обидным для моей любимицы, и я сказал: муза. — Моя нынешняя муза даже участвует в этом конкурсе.

— А ты ещё служишь музам?

— Не могу найти другого хобби.

— Да, те, кто на это подсел... Алтайский же до своих тициановых лет продолжал что-то высасывать из пальца. Новый режим не нуждался в его услугах, так можно стало расслабиться, пуститься в лирику.

— Да нет, новый режим его тоже почитал. В Кремль приглашали, девяностолетие отмечали в Таврическом...

— Алтайский им был нужен как символ преемственности с совком. А воспитывать новых энтузиастов им ни к чему, от них один геморрой. Нас же с тобой Алтайский завлёл в инженеры, а какие из нас инженеры?

Я промолчал: мне казалось, что из меня инженер вышел всё-таки получше, чем из него. Всё ж таки я работал в цеху, а не придурился в охране труда.

Кажется, Феликс почувствовал моё несогласие и добавил, что фрезерный станок с ЧПУ в свободном мире он освоил всё-таки быстрее, чем его коллеги из Ирака и Уганды.

— Следующая моя книга будет про Алтайского. Алтайский как зеркало — пока не решил, чего. Разумного конформизма или подпольного технократизма. А пока у меня только что вышла книга про ваш курятник.

Курятником Феликс давно называл наш «Дом на канаве», он же «писательский недоскрёб». Сталин, разъясняя Феликс, собирал писателей в курятники, чтобы они там несли яйца под присмотром, кому сыпануть полбу, а кому шибануть по лбу. Или вовсе оттяпать башку.

— О, поздравляю! А где можно почитать?

— Для тебя могу экземплярчик оторвать от сердца. Если интересно, подходи через час в Публичку, только ровно через час, я ждать не буду.

Интересно, в моей жизни Феликс и бывшая невенчанная появились вместе — и воскресли из небытия тоже вместе. Каким мне тогда показалось бы чудом знакомство с ними, — таких всезнающих и всепонимающих я ещё не видел, — если бы всё не заслонила встреча с Алтайским. Разве это не чудо: ты вышел подышать уличной духотой, отдышаться от холода одиночества и заброшенности, и вдруг встречаешь человека, чьими книгами ты одурманивался с бессознательных лет!

В заводском парткабинете на книжных фотографиях Алтайский выглядел усталым производственником вроде моего отца: та же «непокорная прядь», та же простонародная курносинка. А здесь из чёрной «Волги» выходил седовласый британский лорд с тростью — эбенового дерева, хочется мне сказать, поскольку этого дерева я никогда не видел, но вот изящно изогнутая рукоять точно была бронзовой.

Алтайский был в чём-то лёгком и летнем, но явно не нашенском, и я невольно с почтением ему поклонился, не сообразив, что он то меня не знает. Алтайский, однако, кивнул в ответ с неспешной любезностью британского лорда, какими их изображали в советских фильмах, — видно, привык, что с ним здороваются незнакомые.

Это был не старичок с палочкой, а патриарх, величественно опирающийся на трость. Тогда я, правда, ещё не освоил слово «патриарх», просто как замороженный чуть ли не на цыпочках последовал за ним сначала по скучному коридору, затем по роскошнейшей мраморной лестнице, Алтайский свернул в ихний секретариат, и мне пришлось снова начать тоскливые блуждания по гостиным писательского дворца, заполненного начинающей плотвой вроде меня.

Роскошные бронзы, мраморы, мозаики, витражи особенно беспощадно подчёркивали нашу плебейскую суть. Новое взятие Зимнего...

Я старался не смотреть по сторонам, чтобы случайно не встретить знакомого. «В писатели лезет» — что может быть постыднее! Кажется, и все там избегали смотреть друг на друга, словно добропорядочные господа, по слабости завернувшие в публичный дом. И всё-таки одиночество, заброшенность были ещё более мучительными. Я принялся исподволь посылать туда-сюда искательные взгляды, но они отскакивали от чужой холодности, нанося мне невидимые миру ушибы. Наконец, один надменный молодой человек, весь в белом, снисходительным взором позволил мне к нему обратиться. Он был похож на Феликса Юсупова с серовского портрета и даже, как оказалось, тоже носил имя Феликс.

— Какой красивый дворец, — сказал я, стараясь, чтобы голос не звучал просительно, но он меня не послушался.

— Роскошный писдом отвалили совписам. Мой дед при старых господах здесь бывал на приёмах.

— Ого! А я только что видел на Воинова...

— Это Шпалерная улица. Большевистских бандитов пора забывать.

— Ясно. Так я только что на Шпалерной видел Алтайского. Скромный такой...

Алтайский вовсе не показался мне скромным, но меня с детства выучили, что скромность главное украшение великих людей, начиная с Ленина.

— У него особенно скромно позванивают лауреатские медальки на английском твиде. Умный царедворец, ничего не скажешь. Перед исключением Солженицына заранее сбежал в Чехословакию. Но в деле Бродского сыграл открытыми картами: ваш Бродский что — учёный, изобретатель? Почему я должен за него вступаться? Этим своим липовым технократизмом он когда-то всех и обольстил. Наука, техника — как будто и советской власти нет. Как будто его же отца эта власть не расстреляла.

Он чеканил, как с трибуны.

— Извините, а кто это Бродский?

— Ты что, Алтайского знаешь, а Бродского не знаешь? Бродский единственный сегодня великий поэт.

У нас в парткабинете его не было, хотел ответить я, но решил не выставлять себя ещё большим дураком.

Тем временем я заметил компашку, которая чувствовала себя как дома, — перебегали друг к другу, перекидывались шуточками, деловыми вопросами о чём-то им одним известном: «Ты уже подал в “Молодой Ленинград”?», «Кто в этом году составляет “Точку опоры”?», «Сколько там платят за лист?»...

Их броуновское кружение завивалось вокруг чуждой суете троицы, неподвижно стоящей у огромного окна на сверкающую Неву. Всем троем было хорошо за тридцать, хотя сборище наше называлось конференцией молодых, а одному, похоже, перевалило аж за полтинник. Он был одутловатый и слегка бомжеватый, только взгляд его для бомжа был слишком печальный и ушедший глубоко в себя. Время от времени он очень тяжело и продолжительно вздыхал, даже отдувался. Хотя второй — бравый, черноусый, смахивающий на весёлого Чапаева, подравнявшего завитки усов, — рассказывал что-то забавное, поглядывая на публику с юмористическим любопытством, как будто выискивая повод ещё чему-то посмеяться. Он был в летнем бежевом костюме явно «индпошива» — я таких лацканов и погончиков ни на ком ещё не видел. Третий же, худой и отглаженный, с индейским лицом, вырезанным из твёрдого дерева, слушал и смотрел сквозь толпу непримиримо, словно последний из могикиан, готовящийся бесстрашно встретить смерть от рук бледнолицых собак.

Я гляделся в весёлого Чапаева и, как это иногда со мной ещё бывает, начал внутренним слухом разбирать его рассказ. Он повествовал о каком-то колхозном Кулибине, соорудившем из швейной машинки и сепаратора реактивный самолёт.

Надтреснутый глас из динамиков прервал его рассказ и наконец-то пригласил нас в «Белый зал». Здешние хозяева жизни уверенно двинулись куда следует, остальные потянулись за ними. Я старался не отставать от Феликса: для него я всё-таки существовал.

Белый зал поразил меня избытком не то ангелочков, не то амурчиков под высоченным потолком. Что-то слышится родное: я сам такой же хорошенький, как ангелочек-амурчик-купидончик, и почти такой же маленький. Я почти не вырос после моего детского предательства, о котором речь впереди. Утешаюсь я тем, что всё-таки я не карлик и пробуждаю в женщинах материнские чувства — им сразу хочется взять меня на ручки и дать грудь.

— Какой красивый зал, сколько всяких фигурок! — сказал я Феликсу, желая, чтобы он хоть что-то похвалил, выказал какое-то тепло, от которого бы и я могточку согреться.

— Если вспомнить, сколько писателей здесь было замучено, то с этих амуров закапала бы кровь, — Феликс был неподкупен.

Я заткнулся.

На сцене появился Алтайский. Ему бешено аплодировали не такое уж короткое время, пока он неспешно шествовал до трибуны и пристраивал под нею свою трость. Наконец он поднял голову, и зал мгновенно затих. Сейчас Алтайский снова был похож на усталого производственника. В отличие от Феликса он не чеканил, а говорил утомлённо, как будто ему уже осточертело повторять одно и то же.

Когда мне приоткрывается чья-то душа, что-то внутри меня начинает пересказывать её мысли моими словами, и мне запомнился примерно такой пересказ.

— Наверняка многие из вас мечтают быть великими. Девушки, впрочем, чаще мечтают о любви. И правильно делают. Только любовь даёт счастье, а уж всяким-разным величиям я наслужился! Всегда есть какой-то дух времени, который молодых и ташит за собой. Сейчас тоже есть такой дух, куда ж без него! Частная собственность, рынок, выборы, ещё какая-то дребедень... Дух времени — это всегда что-то плоское и вульгарное.

— Жлобское! — с места выкрикнул Феликс и пустил по рядам записку, на которой вкривь и вкось начертал на весу: «Алтайск».

На него заоглядывались, но Феликс оставался надменным, как на серовском портрете. Алтайский же будто и не расслышал.

— Тех, кого сейчас носят на руках, через двадцать лет будут оплёвывать. С высоты новой пошлости. В литературе останутся только те, кто выразит что-то лично своё. Нам-то вбивали в голову, что нельзя уходить в личные переживанья... Я вот тоже старался идти в ногу со временем, как тогда выражались. Тем более что с отставшими обращались просто: пиф-паф, и пошагали дальше. Но от пули-то ещё можно было спрятаться. А вот если отстанешь от колонны, то пропустишь что-то великое, проживёшь жизнь впустую. И я ужасно боялся отстать, остаться один. Хотя сам-то обожал одиночек, чудаков. Которые делают своё дело, хоть бы весь мир на них поднялся. Изобретателей, учёных — в производственные романы таких можно было протаскивать. Если не касаться того, что главным нашим производством было производство страха.

Феликс впоследствии утверждал, что Алтайский этого не говорил, но я-то иногда слышу и тайные мысли.

Алтайский не спеша развернул доскакавшую до него записку Феликса, так же не спеша достал и насадил на нос очки, окончательно превратившись в пожилого инженера, и прочёл, не выказав ни малейшего смущения:

— Вы секретарь Союза советских или талантливых писателей?

Зал замер.

Алтайский не торопясь избавился от очков и заговорил так, словно опять-таки рассуждал сам с собой.

— Среди советских писателей есть талантливые, есть бездарные, а антисоветские бездарны все поголовно. Поскольку советские выражают полудохлый дух времени, с ним где-то можно и не считаться. А антисоветские выражают растущую, голодную пошлость. Она-то уж сожрёт любой талант. Интеллигенция именно сейчас должна использовать советскую власть в своих целях. Власть дышит на ладан и хватается за нас как за соломинку. Всё, что она десятилетиями по своему жлобству... Хорошее словцо было сказано... По своему жлобству давила, теперь публикуется и превозносится. Помню, с какими интригами приходилось пробивать какого-нибудь Хлебникова —

крошечный объём, мизерный тираж... А теперь ахнули огромнейший том двухсоттысячным тиражом, только читать уже никому неохота. Мы ведь уже победили, зачем же ещё и читать? Мы можем одолеть своё жлобство только наперекор власти. А если власть нам перестанет досажать, вот увидите, через двадцать лет всех пастернаков и ахматовых будут сдавать в макулатуру. Власть должна постоянно загоразивать нам свет и при этом быть достаточно слабой, чтобы ей это не удавалось. Только тогда мы будем тянуться к свету. Сейчас она даёт нам дармовую печать и приличные гонорары, а мы на её же бумаге кроём её в хвост и в гриву. Новые хозяева с этим покончат. Сегодня власть оплатила вам дорогу, гостиницы, а половина из вас защищает от неё простого честного труженика, как выражалась советская критика. При новых хозяевах с этим народничеством будет покончено. Простому честному труженику не будет места ни в экономике, ни в политике, ни в литературе.

Феликс потом говорил мне, что всю эту речь Алтайского я сочинил, позаимствовав какие-то мыслишки у него, у Феликса, но я всё слышал своими внутренними ушами. Помню, даже и слово-то «народничество» я тогда не вполне понял.

На белой трибуне возвысился немолодой гриф: зачёрсанный назад жёлтый пух, нос, пригнутый к седеющим усикам, пронзающие зал глаза, одним щелчком отбросившие мою попытку в них проникнуть... Поэтому я мало что запомнил из его слов: что-то про страшную несправедливость, которую сотворили с крестьянством, на чьём труде и доброте всегда стоял и будет стоять русский мир...

— В Европе давно крестьянства уже нет, а она как-то стоит, — пробормотал Феликс, явно стараясь, чтобы я услышал, что меня немножко согрело.

— Это кто? — осторожно спросил я — я не расслышал имени оратора.

— Доронин.

— А он кто?

— Антисемит, — это прозвучало как профессия. — Антисемиты любят хвалить друг друга за доброту.

— Он тоже писатель?

— Ты действительно такой провинциальный валенок? Хорошо живётся в Мухосранске!

Анекдот про Мухосранск я знал. Абитуриента спрашивают про Маркса, Энгельса, а он даже имён таких не слышал. «Вы откуда такой приехали?» — «Из Мухосранска». — «Эх, хорошо бы пожить в Мухосранске...» Но я не обиделся. За апломбом и резкостью Феликса я с первых его слов расслышал затравленность.

Её же я расслышал в скрежущей обиде грифа:

— Уже и сейчас видно, что никакая перестройка русскому мужику ничего не даст. Кто сейчас Горбачёва окружает? Московский интеллигентский кагал!

Моим «творческим семинаром» командовали Алтайский и Доронин. Доронин обращался к Алтайскому очень почтительно, Алтайский же отвечал всего лишь любезно, держа руки на бронзовой рукояти своей эбеновой трости. Вся троица оказалась тут же, — я только потом понял, что для меня была большая честь попасть в их избранное общество: у них уже готовились первые книги. Я пристроился поближе к Феликсу, который тоже сидел в нашем кружке на готическом стуле с высокой стрельчатой спинкой, заложив одну белую длинную ногу за другую, — весь кабинет был тёмный, средневековый, и наши мэтры уселись как бы во главе кружка напротив стрельчатого витража перед чёрным готическим столом: за столом они бы выглядели инквизиторами, только чёрных капюшонов не доставало.

Здесь же присутствовала молодая женщина, которую невозможно было назвать ласковым словом «девушка», — слишком уж невидящим взглядом она смотрела перед собой. Вот её-то пышные пепельные волосы действительно походили на капюшон. Я говорю «пепельные» не ради красоты слога: в кострах иногда остаются такие почти белые сгоревшие веточки. Я неосторожно проник в её огромные остановившиеся глаза цвета весеннего сизеющего льда и — и еле выбрался обратно из этой ледяной пустоты: там весной и не пахло.

И страшно её зауважал: у меня-то, у валенка, внутри даже на морозе всегда что-то теплится.

Как и у всех, мне казалось. Ан нет же.

Снежная королева...

Рукописи наши стопками лежали на готическом столе, и мэтры сами выбирали, кому чего читать. (Я с трудом называю рукописями то, что отпечатано на машинке, — слишком уж трудно мне дались поиски машинистки, да и деньги на неё от сердца пришлось отрывать — не совсем понятно было, ради чего.) Заблудившись в ледяной пустыне, я пропустил начало рассказа, который, отдуваясь, принялся читать вслух печальный бомж, и слов почти не успел расслышать: я сразу оказался в каком-то аду — страшная жара, духота, вонь дымящегося шлака, в лицо бьёт гудящее пламя, в которое нужно швырять слежавшийся уголь лопату за лопатой, а пол уже не просто дрожит, а прямо-таки трясётся, и в этом пекле меня обдаёт ледяным ужасом — не стравливает клапан, сейчас взлетим на воздух!

Я не вижу, где он там, клапан, какой он из себя, но я колочу по нему тяжелой, выворачивающей плечи кувалдой. Надо драть, но я всё колочу и колочу, и вдруг взрыв радости — и тут же мой вопль: высвободившаяся струя пара обваривает мне лицо. Боль страшная, но мне не до неё — глаза, глаза, я ничего не вижу!!!

Мне что-то кричат, что-то спрашивают, но я не понимаю. «Мне выжгло глаза!» — кричу я. «Подожди ты с глазами!» — кричат мне и что-то спрашивают снова и снова, но я по-прежнему ничего не понимаю. А только твержу: «Мне выжгло глаза, мне выжгло глаза...» Кто-то подводит меня к трапу: пойдешь дышишь, сейчас докторшу пришлём, сам дойдешь? «Дойду», — отвечаю я и немного успокаиваюсь, поняв, что передо мной стоит чёткая задача: добраться до палубы и ждать докторшу. Трапы знакомые, карабкаюсь наощупь, боль невыносимая, но мне не до неё. Солнечный жар на обваренном лице ощущается совсем не так, как жар из топки, — я пальцами растягиваю веки и с трудом различаю капризную даму в широкополой шляпе.

Дальнейшее происходило уже не со мной — я слышал только слова.

Я потрясённо покосился на Феликса, и он пробормотал:

— На палубу вышел — сознания уж нет. Империалистов сменили экзистенциалисты.

Меня чуть не передёрнуло, но я тут же понял, что печальный бомж сам подставился. Измученный пролетарий, только что спасший жизнь пресыщенным дармоедам, выбирается на палубу перевести дух и, с трудом расклеив спаявшиеся веки, видит даму в широкополой шляпе, беседующую с каким-то хмырём об экзистенциализме. Дама с отвращением смотрит на обваренное лицо спасителя и кричит прислуге: «Кто его сюда пустил? Уберите его сейчас же!» Дама была списана не то из советского фильма про проклятый старый режим, не то из парткабинетской книжки, разоблачающей буржуазию, зато слово «экзистенциализм» было стянуто из какой-то враждебной современности, о которой печальный бомж имел ещё меньше понятия, чем я. Я знал, что где-то такими непонятными словами перекидываются — ну так и

пускай себе перекидываются, а вот печального бомжа это как-то уязвляло. Он и пришёл ни к селу ни к городу этот дурацкий экзистенциализм. Феликс его за это и подколот. И, увы, было за что.

На обсуждении Доронин Феликса обошёл взглядом, а сам он и Чапаев с индейцем как-то очень уж по-казённому расхвалили автора за знание жизни. Тот сидел, печально отдуваясь, но когда я начал восторгаться жаром топки и угольной вонью, посмотрел на меня со смесью благодарности и подозрения, отчего я тоже обхожу главное: мерзкую тётку с её мерзкой шляпой и мерзким экзистенциализмом. А потом ещё и Алтайский добавил, что экзистенциализм и паровые двигатели принадлежат разным эпохам, тут бы требовался скорее дизель.

При слове «дизель» все почтительно притихли, только Феликс продолжал скучающе смотреть мимо начальства в витражное окно, а снежная королева, казалось, не отрывала взгляда от внутренней ледяной пустыни.

Непримиримый индеец непримиримо прочёл рассказ про абсолютно живого заполярного шоферюгу, которому приснилось, что он гонит на «газоне» по тающему зимнику, только за баранкой сидит не он, а его младший братишка. И не такой, как сейчас, — серьёзный доцент в очках и шляпе, образованностью которого шоферюга очень гордился, — а тот пацанчик, которого он когда-то подымал вместо пьяницы-папаши, загулявшего по тюрьмам. Лёд уже тает, «газон» лупит по воде, что твой торпедный катер, вот-вот можно влететь в полынью, он кричит братишке: «Ты чего творишь, тормози!!» — а тот ещё пуше жмёт на газ...

Проснулся в ужасе: с брательником чегой-то стряслось! Добирался на попутках, потом на самолёте, а брат встретил суховато — он как раз читал Тирсо де Молину.

— Ещё один атрибут социальной чуждости после шляпы, — пробормотал Феликс.

Тирсо де Молина, и правда, был притянут за уши. А вот то, что жена брата во время разговора не садилась, чтобы не создавать ощущения родственных посиделок, мне показалось точной подробностью. Из-за этого шоферюга даже не решился попроситься на ночлег, только начал поспешно выпрастывать из вещмешка шкуру нерпы: это-де и на шапку, и на куртку годится...

А жена зажала нос: фу, какая вонь, уберите сейчас же! Ещё и на «вы»!

Шоферюга, потерянный, вышел на улицу и побрёл не разбирая дороги. Дошёл до реки и хотел зашвырнуть мешок в Неву, но увидел целующуюся парочку и отдал шкуру им: берите, молодёжь, — и на шапку, и на куртку годится. Девушка брать постеснялась, а парень принял по-свойски: «Спасибо, отец».

И шоферюге малость полегчало: хоть кто-то отцом назвал!

На обсуждении Доронин Феликса и снежную королеву уже подчёркнуто не замечал, а остальные хвалили опять-таки в основном за доброту. Только Алтайский отметил, что старший брат раскрыт лучше, чем интеллигентная парочка. «Что там раскрывать — пустельги», — непримиримо ответил индеец. Мне хотелось возразить, что внутри все в чём-то правы, но слишком уж было жалко индейца, чью душу я угадал в обиженном шоферюге. У меня даже голос слегка сорвался, когда я вспомнил это «спасибо, отец». После чего снежная королева впервые взглянула на меня с лёгкими признаками любопытства.

У весёлого Чапаева тоже вернулся с севера совсем уже забулдыга, которого носило и по Севморпути, и по Ленским приискам, и пару раз даже по зонам по бакланке, так что телеграмму о смерти матери он получил с большим опозданием, а пока добрался до своего Усть-Залупинска, мать уже схоронили. Он расшвыривал на пропой соседям атомные бабки, рыдал и разбивал пустые бутылки о собственный лоб,

а, протрезвев, надумал поставить на её могиле памятник: печальная старушка смотрит в окно, ждёт сына, а его всё нет, — он не был дома как раз четвертной.

В Усть-Залупинске отыскался исхалтурившийся скульптор, неплохо зашибавший на недолговечных гипсовых пионерах, рабочих и колхозницах, а главным образом на бюстах Ильича, которые постоянно требовались для школ и канцелярий. Усть-Залупинский Вучетич был счастлив наконец-то изваять настоящую скорбящую мать, вложив в неё всю свою скорбь о собственном промотанном таланте.

Он работал днями напролёт, отрываясь только для того, чтобы снова и снова глядываться то в одну, то в другую фотографию той, чей образ он должен был увековечить. Он даже ночью, случалось, вскакивал с постели и бежал в мастерскую, чтобы что-то подправить. Но, когда он торжественно снял с надгробия покрывало, у скорбящей матери оказалась ленинская борода. Забудыга чуть его не убил, но, к счастью, при мастере оказались и резец, и молоток, и дефект был ликвидирован в присутствии заказчика.

Печальный бомж и непримиримый индеец похвалили укороченного Чапаева за знание жизни, но нашли, что смерть матери не повод для стёба. «Мы ведь должны читателю что-то сюда вложить», — скорбно прибавил индеец, положив руку на сердце, а бомж посоветовал поискать и вычеркнуть лишние слова.

— Маленькая, чёрненькая собачонка — какое тут лишнее слово? — обратился он ко всем нам, не исключая Доронина и Алтайского.

— Собачонка, — ответил Чапаев, и обстановка разрядилась.

Снежная королева, однако, к выражению холодного безразличия присоединила едва заметный оттенок презрения. А Феликс проступившее было благодушие снова сменил на маску надменности, когда Доронин принялся расхваливать Чапаева за то, что под грубой оболочкой русских людей он различает их порыв к правде.

Алтайский же попенял Чапаеву за избыток солёных выражений.

— Впрочем, сейчас это, кажется, модно, — саркастически прибавил он.

Чапаев слушал почтительно, но старался всё запомнить, чтобы когда-нибудь пересмеять.

А когда начал читать я, он уже дал себе волю и хохотал в голос. Хотя я ничего особенно смешного в своей повести не видел. Я просто описал жизнь нашего цеха, только каждого героя изобразил и снаружи, и изнутри — какой он внутри себя. Мне хотелось показать, что всякого внутреннего человека можно пожалеть. Парторг произносит долдонские речи про партию и правительство, а внутри себя он просто дурак. Да ещё и подкаблучник. Его жена из отдела технического контроля, жилистая жердь, длинноносая и ядовитая, живёт в неотступном страхе, что все против неё что-то замышляют. Циник с утра до вечера озабочен, как бы нечаянно не сболтнуть что-то трогательное. Он через силу спрашивает парторга, как его угораздило жениться на такой бабе, а тот чуть ли не со слезами на глазах отвечает: «Она очень хороший человек». А сам боится, не прознал ли этот злыдень про их сына-алкоголика.

Я и про станки написал так, будто они были живые, каждый со своим нравом, — по их мелким выходкам я и угадывал, какую поломку кто из них скоро выкинет: меня и держали за дефектолога.

Изобретателя я тоже обрисовал изнутри и снаружи. Он предлагал находить скрытые трещины в броне-плитах через заморозку. Обычно такую плиту станок-богатырь пытался ломать через колено, а изобретатель предлагал её заморозить, чтоб она покрылась инеем. Тогда, если плиту перенести в тепло, на ней в местах скрытых трещин проступят тёмные полосы. Заводское начальство отговаривалось тем, что

таких холодильников нет в природе. Можно изготовить, отвечал изобретатель. «Их некуда будет поставить». — «Можно выбросить старые машины». — «Вы не провели убедительных опытов». — «Давайте проводить их вместе». Отвязаться было невозможно — он был и не очень умён, и упрям как тысяча ослов. Но было в нём и трогательное: изобретатель через слово мысленно подкреплял себя цитатами из Алтайского. Хотя в реальности цитатами из Алтайского подкреплял его я, чтобы он не повесился или кого-нибудь не убил.

Доронин специально выбрал для меня отрывок с Алтайским, и я опасался, что Алтайский обидится. Троица искоса поглядывала на него, а Феликс открыто потешался, но Алтайский посмеивался вполне снисходительно. Он был где-то даже польщён.

Доронин же лучился нежностью, словно любящий папаша, — надо же, какими добрыми бывают грифы! Надменный лик снежной королевы тоже выражал ледяное торжество.

— Что скажет наша критикесса? — наконец счёл возможным обратиться к ней Доронин с некоторым даже мурлыканьем в голосе.

— Я критик. Феминитивы в моей профессии неуместны, — со светской ледяной улыбкой ответила она, и Доронин лучиться перестал: он, как и я, не знал этого слова.

После этого я зауважал её окончательно: удовольствие от чужого унижения я тогда ещё принимал за принципиальность, в существование которой теперь уже не верю.

— Что же до прочитанного отрывка, то это блистательная пародия на советский производственный роман.

В контрасте с ледяным презрением, вложенным ею в эти слова, снисходительная улыбка, которой она меня одарила, показалась мне прямо-таки растроганной.

— А всё остальное было до такой степени старомодно, старорежимно... Как будто я снова сижу на уроке литературы и мы проходим какую-то бесконечную горьковскую «Мать».

Моё уважение превратилось в подобострастие: я бы никогда не мог произнести столь обидные слова с таким спокойствием.

— С вами ясно. А что скажет *независимый* журналист? — взгляд Доронина снова сделался пронзительным. Он хотел произнести слово *независимый* насмешливо, но в его голосе прозвучала ненависть.

Как всегда, я последним узнал, что Феликс со снежной королевой представляли здесь первую в городе «независимую» моднейшую газету, о существовании которой я в своём Мухосранске не подозревал.

— Я бы хотел тоже прочитать отрывок прозы.

Не дожидаясь разрешения, Феликс достал из заднего кармана сложенный вчетверо лист бумаги, точно такой же, на каком он отправлял Алтайскому свою колкость, расправил его на колене и принялся читать довольно громко, но так отстранённо, будто его это и вовсе не касалось.

Ничего подобного я никогда не видел и не слышал.

Ни одно слово, казалось, не осталось нетронутым, всё было чем-то усилено или оживлено. Не под цветущей липой, а под *шатром* цветущей липы, обдало не просто благоуханием, а *буйным* благоуханием, ветер был не какой-нибудь, а *слепой*, и промчался он по улице, *закрыв лицо рукавами*, и над парикмахерской блюдо не закачалось, а *заходило*, и ветер в комнате, когда я закрыл дверь, не затих, а *отхлынул*, и не из какого-нибудь, а из *глубокого* двора, где сияли *распятые* на светлых верёвках рубашки, взлетали *печальным лаем* голоса старьёвщиков...

— Просто каждой фразе хочется аплодировать! — вырвалось у меня, когда — слишком рано, я бы ещё слушал и слушал! — Феликс замолчал и начал снова складывать свой листок вчетверо.

Но в том, что никто меня как будто не расслышал, я уже уловил неодобрение. А потом началось.

Печальный бомж после нескончаемого выдоха сказал, что ничего не понял: кто это рассказывает, про что?.. Индеец непримиримо произнёс, что такая проза ничего не вложит читателю вот сюда — и снова положил руку на сердце. Усечённый Чапаев порадовался, что, по крайней мере, было коротко. Снежная королева молчала с презрительной холодностью, неизвестно к кому из нас относящейся, а Доронин, кажется, что-то всё же оценил:

— Штукарство. Выпендрёж. Из разряда «такое мастерство, что и смысла не надо». Но у русского писателя на первом месте должна стоять правда. Не может быть большого писателя без большой темы!

— Русский писатель — это прежде всего праведник, — непримиримо рубанул индеец.

— Мастерство только средство, — после подобающей паузы подытожил Доронин и повернулся к Алтайскому. — Вы согласны?

— В двадцатые годы так писали... — уклончиво ответил Алтайский. — Тогда тоже считалось... Далеко не всеми, правда... Что каждая фраза должна заслуживать отдельных аплодисментов. Потом это обозвали формализмом, искоренили... Зря, конечно. Но я сейчас слушал и думал, — Алтайский довольно дружелюбно посмотрел на меня, — если хочется аплодировать каждой фразе, то это действительно отвлекает от сути. Этакое рококо, за узорами вещи не видно.

— Искусство — это не *что*, а *как*. Это был, между прочим, Набоков. Вершина русской литературы двадцатого века.

В голосе Феликса звучала торжествующая насмешка, мне такой невозмутимости никогда не выучиться.

— Может, чья-то и вершина, только не наша, не русская! Как ни опиши выеденное яйцо... — гриф пронзал Феликса орлиным взором, но Феликса это только забавляло.

Алтайский же разглядывал его с неподдельным любопытством.

— Если для вас это вершина, то в литературе вам делать нечего, — наконец подвёл он итог в своей манере размышления вслух. — К этой вершине вам наверняка не приблизиться. Нормальный писатель интересен тем миром, который он открывает. А форма — если она его хотя бы не портит, — уже неплохо.

Феликс отказался от ресторанного обеда на первом этаже: ему противно смотреть, как жлобье устраивает кабак «Грибоедов» там, где пировали его аристократические предки, занесённые в какую-то бархатную книгу. Я торопливо улыбнулся, давая понять, что хотя бы «Мастера и Маргариту» я читал, и предложил пойти в пирожковую на Петра Лаврова: там пекли очень вкусные слоёные пирожки с творогом. На Фурштатскую, поправил меня Феликс, но от пирожков не отказался.

В темноватом коридоре, ведущем к выходу, я искоса увидел в большом зеркале наши силуэты: прямо Дон Кихот и Санчо Панса. Но, если взглядеться в лица, — один падший ангел, а другой купидон.

— Интересное здание, — на выходе из Шпалерной показал я на серый дом напротив, похожий на чертёж.

— Ты про Большой дом?

— Они тут все довольно большие...

— Ты что, не знаешь, что такое Большой дом? Хорошо у вас в Мухосранске! Это кагэбэ. Говорят, у него и в глубину столько же этажей. Когда в тридцать седьмом здесь расстреливали в подвалах, то Нева вокруг сточных труб была красная, её торпедными катерами разгоняли.

Так что бледно-золочёные пирожки с творогом я жевал безо всякого аппетита. А Феликс, похоже, вообще не знал, что такое аппетит. На каждый пирожок он смотрел так, как будто не мог поверить, что ему осмеливаются это такое предлагать.

— Додуматься же: булькающий кофе из бачка. Можно сказать: булькающее, — подытожил он, вытирая свои румяные саркастические губы обёрточной бумагой.

Для аристократа он вообще был слишком румяный. И раскраснелся ещё больше, когда, невзирая на постепенно слабеющую жару, мы долго бродили по прилегающим улицам, и Феликс то и дело поправлял меня: не Пестеля, а Пантелеймоновская, не Белинского, а Симеоновская (Белинский — чахоточный убийца русской литературы, красоту заменил социальностью), не Радищева, а Преображенская (здесь, кстати, жил Гумилёв, слава Богу, хоть Гумилёва знаешь, даже доску не повесили, краснопузыре сволочи), не Восстания, а Знаменская, не Маяковского, этого продажного гэпэушника, а Надеждинская, но когда-нибудь будет улица Хармса, вот его дом, это был первый абсурдист, другие держали кукиши в кармане, а он открыто строил власти рожи, уморили в психушке, твари, юмор — самое опасное оружие, пафос возвышает...

Я не спрашивал, почему он сам не использует это опасное оружие: ему это шло — негодовать и вразумлять. Тем более что он был выше меня на голову и, хотя довольно тощий, в своей белоснежной фирменной безрукавке походил на теннисиста. Я же, вообще-то скорее крепыш, рядом с ним смотрелся колобком, а потому тем более охотно не претендовал на равенство: я видел, что он сам униженный и оскорблённый.

Оттого и не склонный возвышать других.

— Здесь, кстати, на Сергиевской, жил Зощенко. Когда ещё был при славе и при деньгах. А к нему подселили каких-то жлобов. Он пожаловался Горькому, а тутошний ЖЭК или там кооператив носил как раз имя Горького. Горький им написал, они забегали, гегемонов хотели выкинуть на улицу, но Михал Михалыч вдруг устыдился. Как же так же, писатель не должен претендовать на исключительное положение! И эти жлобы превратили его дом в помойку. И за дело — не заискивай перед жлобьём! Претендуй на исключительное положение! Хотя бы когда есть возможность.

— Но Зощенко же в своих книжках был смелый?..

— Ну да. Молодец против овец. А против волков ни разу даже не пискнул.

Попутно Феликс показывал мне то одно, то другое роскошное здание, обросшее львиными и человечьими мордами, русалками и кентаврами, ангелочками и купидончиками, венками и гирляндами, атлантами мужского и женского рода — кариатидами, разъяснил мне Феликс. По поводу каждого здания Феликс повторял, что умелое подражание великим стилям лучше откровенного советского убожества. Имена архитекторов как на подбор были иностранные: Сюзор, Боссе, Гемилиан, Ван-дер-Гюхт, Гоген...

Я бы не запомнил столько новых имён, если бы в эти часы не подключился к их душевному источнику.

Феликс сам подвёл итог своему уроку:

— Самое ценное в России — её порыв в Европу. Сначала его аристократия, а потом и чумазые примкнули. Но краснозаядая свора им объяснила, что они и так лучше всех — проталерият, блин! Трудовое хренстьянство! И они из дикарей превратились в жлобов.

На раздачу слонов мы, разумеется, опоздали, но тут уже Феликс соизволил заглянуть в ресторан послушать сплетни для газетной заметки. Ресторан меня поразил даже после зимнедворцовых гостиных: сплошное чёрное дерево, видимо, знаменитый морёный дуб, которого я тоже никогда не видел. Над этой сказочной роскошью светился разноцветный герб с латинским девизом про какие-то консервы. Скорее всего, обещание что-то хранить, чего сохранить явно не удалось: гудёж стоял, как в моей заводской общаге. Все уже перезнакомились, галдели, хохотали, а кто-то даже совсем недурно надрывался над разбитой любовью несчастного паяца. Но среди этого мельтешения, словно утёс посреди ветреного озера, покоился сдвоенный стол, за которым царил Доронин, лучащийся добротой дедушка среди лучащихся любовью внуков. Только знакомая троица особенно не лучилась, это были навестившие отца самостоятельные сыновья.

Снежная королева леденила взгляд презрительной отрешённостью, но, кажется, никто, кроме меня, этого не замечал.

— Поздравляю, ты лауреат! Будем делать книгу, принимать в Союз! — громко приветствовал меня Доронин и хлебосольным жестом указал на стул рядом с собой.

Стул был занят, но в тот же миг оказался свободным. Борясь с неловкостью, я принялся усаживаться, подыскивая глазами, куда бы пристроить Феликса, но не нашёл ни свободного места, ни, через полминуты, самого Феликса, — он уже вращался в обществе, что-то записывая на сложенном вчетверо листе бумаги: это была его записная книжка.

Я что-то выпивал, чем-то занюхивал, не отрывая взгляда от Феликса и ощущая только холод, исходивший от снежной королевы (у неё даже ногти были голубые), — мне казалось, я совершил предательство, приняв приглашение отдельно от него. Доронин, наконец, отследил мой взгляд и, склонившись ко мне, очень по-доброму посоветовал:

— Зачем тебе этот еврей? Ты держись от них подальше. Ты наш парень — русский, из глубинки, рабочий... А они тебя научат презирать землю, по которой ты ходишь, презирать людей, с которыми живёшь... Мне давали на рецензию нынешнюю молодую прозу: если парня какая-то правда волнует — значит, русский, если начинается сюрреализм, абсурдизм, ещё какой-то выпендрёж — значит, еврей. Сто процентов! Ни одного исключения!

— Нет-нет, он из дворян! Его дед, что ли... Или прадед... Здесь бывал в гостях.

— Они расскажут... Может, правда, обслуживал по финансовой части. Или долги приходил кланчить. Будь уверен, он и на тебя смотрит как на дерьмо: работяга, гегемон, чёрная кость... А вот мы тебя двинули именно как рабочего.

Рабочий я был довольно условный. К пятому курсу я понял, что изобретатель из меня никакой, хотя в студенческом научном обществе я порядочно отмантулил слесарем без зарплаты, — такие вот творческие задания мне давали на кафедре. Зато на заводской практике мне сразу предложили лимитную прописку как рабочему, а реальную работу — как инженеру с незаконченным высшим.

Феликс, как раз шествовавший к выходу мимо нашего сдвоенного стола, как будто телепатически угадал наш разговор и приостановился, узенький теннисист во всём белом.

— Хочу ещё раз напоследок предостеречь. Вы ненавидите интеллигенцию, а ведь только она любит народническую литературу, самому народу она не нужна. Уничтожьте интеллигенцию — уничтожьте собственную кормовую базу.

— Кто вам сказал, что мы ненавидим интеллигенцию?! — вскинулся гриф. — Мы сами интеллигенция. *Народная* интеллигенция.

— Оксюморон, — с поразительным хладнокровием (даже румянец с него не сошёл) бросил Феликс незнакомое мне слово, которое, видимо, не один я принял за оскорбление.

— Можно, я дам ему по морде? — воззвал к Доронину кто-то из его шестёрок.

— Я в твои годы разрешения не спрашивал, — презрительно бросил гриф и, демонстративно отвернувшись, заговорил о чём-то другом.

Народный мститель начал высвобождаться из тесного застолья, а Феликс поджидал его с выражением приятной удивлённости, держа в правой руке какую-то короткую полированную палочку из чёрной, мне показалось, пластмассы. Когда мститель, наконец, выбрался и шагнул в его сторону, Феликс изящно, как фокусник, встряхнул свою палочку, и из неё вылетело новенькое сверкающее лезвие.

Все замерли. С усилием опрокинув чугунный стул, я бросился между ними в позе распятого Христа:

— Всё, мужики, погорячились, и хватит!

Мститель, не сводя с Феликса глаз, ошупью вернулся на своё место, а я начал пятиться к выходу, ласково приманивая Феликса ладонью, будто маленького: пойдём, пойдём... Он, однако, не тронулся с места, пока на своё место не опустился его противник.

— Ты что, мог бы ударить его ножом? — только за резными дворцовыми дверями решился я спросить.

— Если ты готов убить и погибнуть, тебе, скорее всего, не придётся ни убивать, ни погибать, шпана это чувствует, — уклончиво ответил Феликс. — Так меня учил мой дед-дворянин, а он знал толк в этих делах. Четвертак оттянул по совокупности. На Колыме с Шаламовым общался.

Я понял, что Шаламова тоже надо запомнить.

— А почему про тебя говорят, что ты... ну, это самое, еврей? Извини, конечно...

— Не извиняйся, это не ругательство. Да, у меня один дед был столбовой дворянин, гвардейский офицер, а другой — еврей, чекист. В тридцатом именно он офицеров *брал*. Тогда сажали и стреляли за любые проявления офицерской чести. Жлобьё в ней видел для себя оскорбление, оно ведь само на такое не способно. Сохранённый клочок полкового знамени, панихида по погибшим товарищам — всё считалось заговором. Правда, в тридцать седьмом мой второй дедуля тоже получил свои девять граммов.

— Ты как, поговорил с нашей братией? С молодыми? Как они тебе?

— Нет величия замысла. Никто даже не догадывается, что писатель орган языка.

— Разве не язык орган писателя?

— Читай Бродского. Или мою рубрику в газете. Там я от советских священных коров оставляю одни рога и копыта. Эй, эй, нельзя ли повежливее?

Мы так увлеклись, что перешли Литейный напротив улицы Каляева — пардон, Захарьевской — на красный свет, и мужчина с алой повязкой перекрыл нам дорогу полосатым милицейским жезлом. Дружинник. Рядом с ним стояли ещё несколько с такими же повязками. Они были смущены своей миссией и сразу же меня отпустили, чуть только я заизвинялся: простите-де, увлеклись, заговорились...

Но, когда я оглянулся, коротенький, вроде меня, милиционер уже сопровождал длинного узенького Феликса к «воронку», до тоски пыльному и унылому в контрасте с его теннисной белоснежностью. Феликс держал руки за спиной, видимо, желая и в этом уподобиться своему легендарному деду. Не знаю, чего он им наговорил, но на попытку вступить за Феликса старшина или там сержант лишь предложил мне присоединиться к нему.

Я бросился в писдом, но за двоянным столом сообщение об аресте Феликса ни малейшего сочувствия не вызвало, а добрый гриф даже ненадолго посуровел:

— Пусть посидит, ему полезно. А ты, наконец, посиди с нами, что ты всё время куда-то убегаешь?

Мне досталось место рядом со снежной королевой. Меня принимали уже на равных, но это меня не особо потрясло — книга, Союз писателей... Повесть свою я сочинил забавы ради, а Союз писателей — на черта он мне вообще сдался?

Разговор уже шёл обычный тогдашний — наивный Горбачёв или похитрее нас, на пользу рынок литературе или во вред... Чапаев считал, что херово будет херовым писателям, индеец рубил, что рынок потребует торговать совестью, а Доронин призывал объединяться, иначе не только совесть, но и всё государство распродадут. Оставшаяся за столом мелюзга не смела высказываться в присутствии мэтров, а печальный бомж тяжело и подолгу вздыхал, словно предчувствуя, как через десять лет в обвисшем, будто с помойки, пальто он будет объяснять мне, что надо дожидаться *нормальной жизни*. Уж не знаю, какую жизнь он считал нормальной, но он её не дождался.

Чапаева я примерно тогда же встретил у Спаса на Крови над ледяным каналом. Осанистый, в нагольном полушубке он клал просторные кресты поверх роскошной волнистой бороды, перемежая их земными поклонами. Я попытался разглядеть всегда таившуюся в уголках его губ усмешку, однако ни малейшей несерьёзности не углядел, — образцовый православный писатель, лауреат премии святого благоверного Александра Невского, честно выслуживший архиерейское благословение. А, кажется, ничто не предвещало... Нет, елейности и тогда проскальзывали: крутолобые камни, величавые воды, смиренная бабуся, робко и незаметно проходившая бескрайней русской землёй, — но, казалось, ничто не предвещало проповедей, что русский язык доступен только православным.

Непримиримый индеец мне пару раз попадался с красным бантиком на лацкане на немногочисленных митингах какой-то истинно сталинской компартии. А куда и как исчез Доронин, я даже не заметил. Наш «Грибоедов» к тому времени сгорел, извещения о кончинах стало вешать некуда — некрологи с большим разбором принимали только газеты. Доронина, однако, удостоили, правда, без фотографии. Некролог напирал на его доброту к людям колхозной деревни и непримиримость к тем, кто использует доброту русского крестьянина в своих гнусных, корыстных целях. Последние годы Доронин и провёл среди русской природы, которую страстно любил. Он и растворился в ней: ушёл на охоту и не вернулся. Феликс о таком его конце упомянул по радио с полным одобрением: писатель-де был посредственный, а кончил как граф Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери.

Грифа и графа Феликс сопоставил, разумеется, с подковыркой. Сам я передачи не слышал и даже представления не имею, как их слушают, но мне пересказали, перепутав, разумеется, многочисленные графские имена. После некролога мне стало совестно, что я так и не заглянул в доронинские сочинения, но ведь, если писателя хвалят за доброту, значит, остальное вообще никуда не годится. Я бы бедного грифа

и не вспомнил, если бы не звонок Феликса и снежной королевы. Которая как раз на том застолье меня и захомотала.

Метод снежной королевы я постиг, когда она уже отправила меня в заморозку и больше не считала нужным передо мной таиться. Я не раз наблюдал весь цикл охмурения, всегда в какой-то компании, увлечённой общим разговором. Вначале у нее бывало аристократическое лицо с огромными, остановившимися на каких-то своих мыслях глазами, которым мир безразличен. А к финалу они понемногу прищуривались и вместо безразличия начинали выражать брезгливость. Когда интересная дама достаточно долго сидит с таким выражением, но почему-то не уходит, всем, кроме самых толстокожих, становится неловко. И самый чувствительный и деликатный (вы поняли, на кого я намекаю) начинает перед ней заискивать. И радоваться самым скромным знакам снисхождения.

А уж когда на улице я осознал, что ужасно хочу есть (за сдвоенным столом всё было не до того), и она предложила меня накормить, я был растроган так, как если бы она ради меня бросилась под поезд. По дороге к её дому — на Рылеева, то бишь на Спасском — она поделилась, что родом она из Свердловска, то бишь Екатеринбург, а здесь пребывает в докторантуре, изучает Серапионовых братьев (это был решительно День открытий), но они ей уже неинтересны. Обыкновенная история — сдача и гибель русских интеллигентов. Это признание показалось мне верхом интимности.

В комнате у неё был жуткий бардак: на косо сдвинутом стуле пионерским галстуком пылали алые трусы, на столе валялся обломок батона, но об угощении разговор больше не заходил, ни тогда, ни в будущем. Я всё-таки попытался что-то от обломка отгрызть, но лишь поранил губы. А когда снежная королева прильнула к ним нескончаемым поцелуем, я заледенел. Хотя ростом она была примерно с меня, так что я не ощущал той неловкости, которую всегда испытывал рядом с женщинами выше меня ростом. Какая-то небольшая частица меня внизу — не хочу приbedняться, она-то ростом не обижена — немножко всё-таки пульсировала, но, когда снежная королева взяла её в рот, превратилась в ледышку и она. Ледышку необыкновенно твёрдую и всегда готовую к бою по первому зову владычицы, только полностью утратившую чувствительность. С нею я не только побил все личные рекорды, но наверняка бы вошёл в книгу рекордов Гиннеса, если бы каким-то образом зафиксировал свои достижения. Она изнемогающе стонала, вясь в моих объятиях змеёй, да ещё и при каждой новой встрече мимоходом упоминала про нового любовника; Феликс тоже был пару раз упомянут, так что мы с ним ещё и побратались таким оригинальным способом (она и сейчас может мне позвонить среди ночи и с рыданиями сообщить, что у её партнёра порвался презерватив). Меня в моей заледенелости это не трогало — так, стало быть, положено у передовых личностей, — я не очень даже удивился, когда она однажды призналась, что во время секса решительно ничего не ощущает: я ведь тоже абсолютно ничего не ощущал — что может ощущать сарделька из морозильника! Я только поинтересовался, зачем она тогда извивается и стонет. «Хочу убедить себя, что я нормальный человек».

Видимо, для этого же она всегда носила чрезвычайно короткие юбки, до такой степени обтягивающие, что молния на них была всегда готова вот-вот лопнуть, а иногда и лопалась. Возможно, и это, по её представлениям, было атрибутом нормальных женщин.

Объяснение меня устроило — я утратил способность чего-то ждать, а потому и чему-то удивляться. Правда, когда она мне рассказала про её недавний секс втроем — один в рот, другой в вагину (она всегда выражалась чрезвычайно культурно), — я всё

же, больше из вежливости, спросил, зачем ей это надо. «Назло таким ханжам, как ты», — ответила она.

Уж и не знаю, как она распознала во мне ханжу. Видимо, мне не удавалось скрыть лёгкую брезгливость, когда я видел окровавленную вату в мусорном ведре. По крайней мере, она каждый раз начинала с гадливостью обличать романтическое отношение к женщине как изощрённую форму её подавления: такое отношение обрекает женщину на непреходящее чувство вины из-за того, что она не может сделаться неземным созданием, к чему её вынуждает маскулинный эгоизм. Так что она повсюду разбрасывала свои трусы и лифчики не только из презрения к плебейским (маскулиным) условностям, но и по глубоко принципиальным мотивам.

Возможно, при всей своей отрешённости она ещё и замечала, что я избегаю смотреть на неё, когда она при мне ходит голая, — не случайно она всякий раз напоминала мне, что походит на женщин Кранаха. Но тогда я ещё не знал, кто такой Кранах, я тогда только и уселся за книги. В нашей заводской библиотеке чего только не было: советская власть не жалела денег на старых классиков, чтобы с их помощью душили новых. Добрался я и до женщин Кранаха. Да, она была такая же квёлая, но ещё и чересчур белая, словно выросла в каком-то подполе.

Кстати, моя одержимость чтением нисколько её не умиляла. Мартин Иден, молодой Горький, роняла она презрительно, заставляя меня за какой-нибудь серьёзной книгой.

И всё-таки я считал своим долгом выказать некое огорчение, когда она известила меня, что возвращается в родной Екатеринбург. Насколько, правда, она могла хоть что-то ощущать родным... Как-то упомянула, будто о чём-то само собой разумеющемся: ведь главная задача советской школы — убить в учениках чувство собственного достоинства. Я начал припоминать своих учителей, так даже и самые противные не ставили перед собой каких-то глобальных задач, только личные. Даже жутковато становилось, когда я пытался вообразить, в каком мире она живёт. Иногда на улице она вдруг впивалась мне в руку своими голубыми ногтями — мимо проشمгнула кошка: они якобы почему-то внушали ей ужас.

В совке ведь все жили в страхе — это тоже был общеизвестный факт, и я не смел признаться, что в моём Мухосранске все всегда совершенно спокойно прохаживались по адресу любого начальства, а Брежнева называли исключительно Лёней или даже Лёньюкой.

Правда, у неё отец был какой-то партийной шишкой — их, может, и правда запугивали? В её семье считалось страшной тайной, что её дед когда-то отсидел, а я был страшно горд, когда узнал, что мой отец тоже успел потоптать зону, — немедленно отправился хвастаться перед друзьями: наконец-то и мой батя оказался настоящим мужиком. Зато если кто-нибудь возмущался, когда какой-то мудака глубокой ночью будил народ, с адским грохотом гоняя на мотоцикле, она со скорбным презрением роняла: «По-вашему, все должны ходить строем...»

Из Екатеринбурга она впервые позвонила мне с иронической новостью:

— Поздравляю, ты стал отцом.

Я начал растерянно задавать обычные вопросы: мальчик или девочка, сколько весит, есть ли молоко, как назвали?

— Пожалуйста, не делай вид, что тебе это интересно.

Она всегда ненавидела слово «совесть» и тех, кто делал вид, будто она у них есть.

Но потом всё-таки снизошла: назвали Андреем, как её отца.

— Давай, я буду что-то на него высылать...

— Неужели ты думаешь, что я возьму у тебя хоть копейку?

Видимо, она всё-таки не голодала — из партийных шишек, кажется, никто не пропал.

В дальнейшем она звонила мне только для того, чтобы сообщить, что с Андрюшкой случилась какая-то неприятность, — и гордо отказать от помощи. Я старался не привязываться к сынишке, которого никогда не видел, понимая, что это не принесёт мне ничего, кроме, мягко говоря, огорчений, но после каждого её звонка образ мечущегося в жару или стонущего после прооперированной грыжи малыша повергал меня в мучительную нежность. Как-то бреду, оскальзываясь, по раскисшему снегу и плачу самыми настоящими горькими слезами. Хотя до этого не плакал чёт знает сколько лет.

Это притом, что заморозка моя так до конца и не прошла. Сближаясь с женщинами, я каждый раз начинал ощущать в душе нарастающее холодное недоверие, а первый поцелуй превращал меня в ледяную статую. Я предпочитал иметь дело с красотками из порнографических журналов, которыми при обрётённых свободах стало разжиться необычайно просто. С ними не нужно было притворяться, изображать чувства, на которые я сделался не способен. Требуется тебе от женщины какая-то часть её тела — ты её и берёшь без всяких ужимок и прыжков. Разрядился, и можно спать.

Спальное место у меня теперь было вполне комфортабельное. Всё устроилось как по писаному: издали книгу, заключили договор на следующую, дали выморочную квартиру в писательском Доме на канале, или, как именовал его Феликс, в Курятнике на Канаве. Вторая книга не вышла: мода на народничество действительно оборвалась, но квартира осталась. Маленькая, но двухкомнатная. В ней до меня жил какой-то спившийся критик, имени которого я никогда не слышал, но Феликс и его знал: «Партийная сволочь. Писал печатные доносы на соседей: на Зошенко, на Олейникова, на Корнилова, на Заболоцкого, — всех-то он помнил! — На Слонимского, на Козакова... На КОзакова, не КАзакова, это отец артиста, порочного красавчика, Педро Зуриты».

Все они когда-то тоже жили в этом доме. Я знал только Зошенко, но и к другим проникся почтением: доносы на кого попало писать не станут, тем более печатные.

Вот в эту-то квартирку, словно сговорившись, мне и позвонили один за другим бывшая снежная королева и... чуть не сказал: бывший Феликс. Они оба в моём воображении как-то поскучнели, опростились, хотя оба, можно сказать, даже преуспели. Бывшая снежная королева сделалась главным теоретиком вагинальной поэзии, Феликс — популярным в передовых кругах радиоведущим, обличителем тёмных пятен советского прошлого, но мне всё это давно уже представляется какой-то отработанной скучищей — ну, вагинальной, ну, почечной, ну, тёмные, ну, серобуромалиновые, ну, советского, ну, турецкого...

С какой же голодухи можно всё это занудство пережёвывать?.. Прямо анекдот про партизан: война уже кончилась, а они всё эшелоны под откос пускают. Памятник Алтайскому — это для грифов ещё, можно сказать, свежатинка. Неужели Феликс только для этого и прилетел? В последний раз я его видел во время похорон Алтайского. Меня в Таврический не пустили, — было две охраны: снаружи питерская, а внутри московская, воинский караул с церемониальным шагом, — а Феликс там побывал в качестве собкора, или кем он тогда звался, и вышел потный, во всём чёрном, со скорбным выражением «Что ж, ничего другого и ожидать было нельзя».

— Ни читателей, ни писателей — одно высшее начальство. Что ж, и тут преуспел. Он до последних дней готовил себе такую смерть.

— Он в последние годы не раз говорил, что о смерти не желает думать: ну её в жопу, хочу ощущать каждый новый день как подарок.

— Да, пора валить. Совок победил.

— Что, уже экспроприировали экспроприаторов? У нас в Мухосранске они жируют как жировали.

— В почётном карауле вся партийная когорта. Уж сколько писали про нового Алтайского — всё разоблачил, всё осудил, во всём покаялся! — а эта свора всё равно держит его за своего. Нас вырастил Алтайский на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил.

— Так, значит, это он победил, а не они. Они всегда примазываются к победителям.

К этому времени я уже перестал лебезить перед Феликсом.

— Я понимаю, он для тебя отец родной. Дал путёвку в жизнь, в гроб сходя, благословил...

Благословлять он меня не благословлял, но всегда говорил растроганно: «Как это приятно!» — когда я решался ему позвонить. Потому что все остальные звонили ему только по делу. Возможно, за пределами его семьи я был единственным человеком, которому он доверял, верил, что я не собираюсь чего-нибудь на нашей дружбе выгадать. А я и впрямь совершенно бескорыстно сострадал ему за те ужасы и утраты, через которые он прошёл за свой мафусаилов век. И был настолько благодарен ему за ту форточку, которую он когда-то, сам того не зная, открыл для меня, что, даже разговаривая с ним по телефону, я невольно вставал со стула.

Он и сам уцелел лишь благодаря бесконечной веренице чудес, да и моё сближение с ним тоже вполне может сойти за чудесную цепочку. Правда, гораздо более скромную. То, что в сортире нашей заводской общаги за ржавую трубу была заткнута газета, приглашающая молодые дарования на конференцию молодых писателей, это, конечно, ещё не чудо. То, что мне вдруг стукнуло в голову написать про наш цех, тоже не чудо. То, что я попал на семинар к Алтайскому и получил квартиру в Доме на канале, в котором жил Алтайский, — почему бы и нет. То, что он, встречаясь со мной в нашем закрытом дворе, отвечал на мои почтительные приветствия, тоже естественно для воспитанного человека, если даже ему надоели приветствия полужнакомых. То, что он дал мне свой телефон и пригласил звонить и заходить, а потом ещё и начал приглашать меня с собою на прогулки, — даже и это на чудо ещё не тянет.

Но, если рассмотреть всю цепочку с самого начала...

Чудеса начались, когда мне открылось, что мой отец — Гитлер.

Мне так полюбилась моя тряпочная мышь, которую я сшил на уроке рукоделья, что я решил изготовить ещё и мышь для дома. Выкройки принёс из школы и разложил на пороге нашей квартиры, более удобного места почему-то не нашёл. Мордочка была уже готова, а глазами-бусинками вообще было невозможно налюбоваться. И я обмер от ужаса, когда отец наступил на неё своим уличным ботинком. А когда на мой отчаянный вопль он не упал на колени, не рассыпался в извинениях, но только резко оглянулся, сначала испуганно, а потом зло и мрачно буркнул своё обычное: «Делом бы лучше занялся», — я был так потрясён, что меня озарило: он мне не отец! Родной отец никогда бы так не поступил! Да и вообще человек так поступить бы не мог, так поступить могло только какое-то чудовище!

Но единственным чудовищем, какое я знал, был Гитлер. Так, значит, это и был он, больше некому! Как-то ухитрился ускользнуть от наших солдат и теперь как ни в чём не бывало работает на заводе. Из любимых книжек про войну и про шпионов я с детского садика знал, что шпионы больше всего любят проникать на советские заводы.

Про детский садик я не приврал: я уже тогда умел и обожал читать, это у меня врождённое. А в первом классе я уже самостоятельно ходил в заводской парткабинет и, приподнимаясь на цыпочки, выбирал самые распухшие от зачитанности книжки, на последней странице которых какой-то добрый человек написал: «Эта книга очень хорошая».

Ага! Вот как я его разоблачу! Я начну ругать Гитлера. Если он не Гитлер, он тоже начнёт его ругать, Гитлера все ругают. А если он Гитлер, то начнёт увиливать.

Отец в своём обычном мрачном одиночестве на кухне пил чай из стакана в вагонном подстаканнике.

— Папа, — с невинным видом спросил я его, — кто такой Гитлер?

— В политруки готовишься?

Ага, увиливает.

— Он был гад, да?

— Тебе заняться больше нечем?

Попался! Теперь следить за ним, пока он где-то не проколется.

Я принялся в одних носках ходить за отцом на цыпочках, не отрывая от него глаз и невольно повторяя все его движения. И с какой-то минуты вдруг почувствовал, до чего меня всё в нашем доме сердит. Кухонное полотенце висит не на растопыренных металлических пальцах, а на спинке стула — я и об этом должен позаботиться!.. В раковине стоят два пустых стакана — трудно, что ли, сполоснуть?.. На моём учебном столике раскрыта посторонняя растрёпанная книжка про войну — нет, чтоб учить уроки! И что из него из такого выйдет?..

До меня не сразу дошло, что я вижу мир отцовскими глазами.

Всё в нашем доме было не так.

И тут я увидел в зеркале своё собственное отражение. Обычно я на него не смотрел, ну, разве что иногда корчил ему мимолётную рожу. Но на этот раз меня вдруг пронзило такой нежностью и болью, каких я никогда ещё не испытывал. «Что же из него получится, как он будет жить?!» — такими вопросами насчёт себя я никогда не задавался, а тут вдруг почувствовал нешуточную тревогу. И понял, что отец мучительно меня любит. А сердится только потому, что ему страшно за меня.

И я раз и навсегда его простил.

Когда это до меня окончательно дошло.

Но в тот раз я заторопился на улицу испытать обретённый дар.

Это была хоть и окраина, но ещё городская: улица пыльная, но асфальтовая, дома деревянные, но двухэтажные, во дворах трава, но не картошка, и через двор вразвалочку, загребая ногами, брёл наш главный блатарь по кличке Ящер с гитарой, а не с гармошкой за спиной, в сапогах, но не кирзовых, а хромовых, уже укороченных отголосках ковбойской моды.

Король квартала. Небрежно поплёвывающий на весь мир и попинывающий угодливые банки, стараясь задеть плечом прохожих. Которые сторонились его, издалека угадывая его финку за голенищем и готовность её применить.

В нашем квартале ни один уважающий себя пацан не выходил из дому без финки, как в былые времена дворянин без шпаги, но всадить её не раздумывая был готов только Ящер.

Я не понимал, что такому клопу, как я, всерьёз не рассердить этого великого человека, и повторял его движения на безопасном расстоянии и с крайней осторожностью. Но оказалось, их достаточно было только намечать. Буквально через минуту я почувствовал себя напряжённым до боли в мышцах. Сохраняя небрежный вид, я старался незаметно зыркать туда-сюда, изо всех сил вслушивался, не проверещит ли чего оскорбительного какая-нибудь придурочная баба, не разыскивает ли меня кто из королей других кварталов, из ментовки, из родни или из дружков кого-то из обиженных, которых и не упомнить, не выкрикнет ли из-за угла или из форточки какая-нибудь трусливая гнида: «Ящерица, ящерица!»

Я перестал завидовать королям и знаменитостям, обречённым неотступно оберегать свою власть и славу, когда прочувствовал этот их вечный страх.

Правда, прочувствовал далеко не сразу — в тот летний вечер я увязался за бродячей собакой, их по берегам нашего лога всегда отиралось порядочно. Шелудивые, с отставшим войлоком грязного меха, униженные и пришибленные, они шныряли, что-то вынюхивая, в ожидании торжественного часа, когда из бойни на том берегу лога мужик в оранжевом клеёнчатом фартуке вынесет в почерневшем дюралевом тазу и плюхнет на мусорный откос кровавую требуху.

Взрослых наш лог не поражал ни шириной, ни глубиной, но мне он казался чем-то вроде пропасти, отделяющей человеческий мир от диких джунглей, из которых иногда даже доносилось коровье мычание, но самих коров за худосочными деревьями было не разглядеть. Я никогда не видел, чтобы их приводили к дощатой сараюшке, именуемой грозным словом «бойня». Но требуха откуда-то бралась. И собаки каким-то чудом сразу о ней узнавали и мчались на тот берег по вздрагивающему мосту, подвешенному над помойным ручьём на ржавых тросах. Доски на мосту были прогнившие, да и тех половины не хватало, и люди по ним не ходили, да и незачем было. Однако собак это не страшило, и я не видел, чтобы хоть одна когда-нибудь провалилась. Они мчались, почти не касаясь настила, и с разлёту врывались в рычащий, шевелящийся шелудивый ком. Неясно было, кому там что достаётся, но, когда псиная орава начинала пресыщенно разбредаться, морды у всех были окровавленные, а особо ненасытные волокли за собой довольно длинные обваленные в земле кишки.

Только тогда меня, наконец, передёргивало, и я мог одолеть оцепенелость омерзения, и, мотая головой, изо всех ног лупить домой смотреть по телику что-нибудь героическое, про войну.

А назавтра даже странно было встречать тех же самых собак — пришибленных, шарахающихся от каждого резкого звука или движения, — невозможно было представить, что это они же так бесстрашно мчались по еле живому мосту и рвали друг у друга кровавую добычу.

Вот за одной из них я и увязался.

Понуро опустив голову, затравленно кося и прислуши... нет, уже принохиваясь. И сколько захватывающих запахов потащило меня в разные стороны! Из форточки ударяло жареными котлетами, с помойки тянуло протухшим сыром, а за пересохшей собачьей мочой я уже готов был ринуться хоть через детскую площадку, которую я только что с опаской обходил: это была, скорее всего, моча суки, но тогда я это слово считал неприличным, да и сейчас считаю.

И вдруг я забыл обо всём. Неодолимый запах свежей крови — я сразу понял, что это она, — захватил меня и понёс через раскачивающийся щербатый мост, через свалку на откосе к свирепому собачьему клубку. Пробиться сквозь сплетение войлочных

спин я не сумел, но проползти меж скребущих лап мне удалось, и я в последний миг успел ухватить зубами что-то восхитительно склизкое.

Собачий клубок, урча, распался, и я начал карабкаться на четвереньках вверх по откосу, не обращая внимания на помойный хлам, стараясь только не выпустить из зубов упоительную добычу.

— Эй, ты что там делаешь? — мамин крик разом вернул меня в человеческую душу — я с содроганием вытолкнул языком осклизлую кишку и начал отчаянно отплёвываться.

Меня не вырвало только потому, что это содрогание было разом вышиблено новым содроганием:

— Иди телевизор смотреть, там про войну показывают!

Ибо я понял, что война — это не подвиги и не красивая смерть с раскинутыми руками, а такая же свалка собак за кровавую требуху.

На следующий день я переселился в Пешу, в нашу учительницу пения. Очень высокая, выше мужчин, она проходила по школе, словно к чему-то прислушиваясь в своей вышине, всем отрешённо кивая и словно бы не замечая, кто перед ней. Я передаю своё теперешнее о ней представление, но даже и тогда мы ощущали какую-то её нетутошность, — в её музклассе даже озорничать не хотелось. Она садилась за натруженный рояль лицом к нам, и мы разучивали всякие бойкости типа «Взвейтесь кострами, синие ночи», хоть мы и не все были дети рабочих, или «Кустраки, ты над рекой». Нравился нам и бравый кубинский гимн: «За правду сражается наш народ!», и если Пеша оставалась нами довольна, она доставала из портфеля и ставила на рояль цветной портрет — сейчас бы я сказал: растрёпанного полного господничка в крошечных очочках — и приглашала меня к роялю:

— А сейчас наш Робертино Лоретти исполнит серенаду Шуберта.

Я становился вполборота к классу и разворачивал портрет так, чтобы видеть его глаза, хоть он и смотрел мимо меня, и — я сам цепенел от невероятной красоты не только музыки, но и своего голоса. И когда я завершал, угасая: «Приди... Скорей...» — я замирал и опускал глаза, чтобы не разрыдаться. А Пеша строго клала мне на голову свою холодную ладонь, как бы намекая на неуместность столь примитивных реакций перед лицом великой музыки.

Вот за Пешей-то я и увязался после урока. Повторять её движения я мог не смущаясь: в коридорной толкотне никому до меня не было дела. И я почти сразу ощутил никогда ещё не испытанное одиночество. Мне ужасно хотелось с кем-то перекинуться шуткой, с кем-то остановиться и поболтать, но я не представлял, как мне это сделать. Навстречу нам промчался целеустремлённый физик, и я почувствовал, до чего это глупо — румяный мужчина, — но и как же мне хочется погладить его по этой румяной щеке...

В растерянности я забежал вперёд, чтобы заглянуть Пеше в глаза, и она, как обычно, строго положила мне ладонь на голову, — и я прочёл в её глазах горечь: ведь он мог бы быть моим сынишкой...

Я это рассказал пацанам совсем не для того, чтобы поржать, просто не смог не поделиться своим потрясением. Но их это развеселило. И дар проникновения в чужие души навсегда меня оставил. Иногда только что-то неясное начинало шевелиться, если долго вглядываться.

Шуберт тоже отвернулся от меня навсегда. Песнь моя улетела от меня с таким петухом, что весь класс попадал со скамеек. А Пеша грустно вздохнула:

— Ничего не поделаешь, ранняя мутация.

С тех пор в парткабинете я даже не приближался к полкам с табличкой **ВОЕННАЯ ПРОЗА** — я уже понимал, что это та же грызня за кровавую требуху. И не ловите меня на слове, что ребёнок-де не знает таких слов: ребёнок понимает в миллион раз больше, чем может произнести. Но не читать же мне было про недоперевыполнение плана или про каких-то невыносимо скучных женихов-невест, отцов-детей... Мне по-прежнему и даже ещё сильнее хотелось подвигов, и вот тогда-то я открыл Алтайского.

Моя драка с шелудивыми псами и моё предательство Пешки заставили меня стремительно повзрослеть. Ещё пару дней назад слово «энергосистема» заставило бы меня поспешно захлопнуть книгу, но ведь она стояла на полке «**ГЕРОИЧЕСКИЕ БУДНИ**»! И в ней за незнакомыми скучными словами — горком, партком, новатор, консерватор, трансформатор, конденсатор, локатор (у нас все сложные устройства называли сиксильяторами) — я учуял одну из тех вечных сказок, которыми зачитывался с незапамятных, точнее, беспамятных пор.

В некотором царстве, в тридесятном государстве жил-был прекрасный город-лес, в котором дома вырастали из земли, будто деревья. Питались дома от бесконечного переплетения волшебных корней. От них в домах сиял свет, на улицах горели фонари, на заводах крутились станки, по улицам раскатывались повозки. Городом правил мудрый добрый царь, и все в нём жили-поживали и добра наживали.

Мешали людям жить только подземные полчища кротов. Они находили в корнях нежные места и их перегрызали: корни были для кротов любимым лакомством. И чтобы найти перегрызенное место, иногда приходилось перерывать половину города. К счастью, это случалось редко, корни были очень твёрдые.

Но однажды на город напал свирепый дракон. Он летал над городом и швырял вниз раскалённые глыбы и огромные чугунные стрелы.

Дракона удалось прогнать, но многие дома и даже подземные корни оказались разрушенными и перерубленными. Строители, работая день и ночь, дома отремонтировали, земледельцы вырастили новые, но с подземными корнями дело пошло не так складно да ладно. Многие корни получили коварные подземные раны. Такой раненый корень мог питать себе да питать фонари и повозки, а кроты его тем временем грызть да грызть: сочащиеся раны корней — это для них было самое вкусное лакомство. А чтобы найти, сшить и забинтовать перегрызенное место, нужно было раскапывать ужасно длинные и глубокие траншеи, как на фронте. Для этого приходилось держать целую армию землекопов и бинтователей, и всё равно то там, то сям гаснул свет, останавливались фабрики, в больницах умирали люди.

Поэтому отряды копальщиков и бинтовальщиков очень всеми уважались. И в одном таком отряде служили и дружили два смышлёных паренька и одна девчонка: они копали, она бинтовала, а они оба за ней ухаживали. Потому что она была на свете всех милее, всех румяней и белее. Оба паренька очень ловко работали кайлом и лопатой, оба хорошо соображали, где чего можно рыть. Их уже собирались сделать бригадирами, но тут один из них на свою беду решил придумать волшебный глаз, который видит сквозь землю. Чтоб можно было сразу находить раненое место без осточертевшего рытья.

Он засел в пещеру, обносился, отошал — всё чего-то чертил, пилил, ковал, варил, шептал... Все решили, что он спятил с ума, и только верная подружка навещала его и подкармливала, роняя слёзы в кастрюльку. Но он и на неё не обращал внимания, он ни о чём не мог думать, кроме своего волшебного глаза.

А тем временем второй парень вышел в большие генералы, у него появился свой дом, слуги, лошади, и однажды он предложил их общей подружке выйти за него замуж. Зачем-де тебе этот нищий и сумасшедший пещерный житель? Годы идут, он так и померёт в своей пещере, а ты останешься ни с чем. А со мной будешь кататься как сыр в масле. Она подумала-подумала, поплакала-поплакала да и вышла за него замуж. И стали они жить-поживать и добра наживать.

И тут к ним в дом явился ободранный и обросший изобретатель: его волшебный глаз наконец-то видит сквозь землю! Давайте пробовать. Я покажу, где раненое место, а вы раскопаете и проверим. Но бывший друг за это время сделался самым большим начальником землекопов. Он подумал: если этот псих и правда умеет находить разрывы без траншей, так на что тогда я буду нужен со своими землекопами? И он всем объявил, что волшебный глаз его бывшего друга ничего под землёй не видит, а он просто противопоставляет себя коллективу.

Изобретатель начал везде ходить и жаловаться: вы, говорит, душите новаторство и поступаете не по-партийному. Но он был ободранный, заросший и похожий на сумасшедшего, а его бывший друг был всеми уважаемый, и с ним лучше было не ссориться. Изобретатель постепенно до того всем надоел, что его посадили в тюрьму за подрывание авторитета передовой техники.

Он бы там так и просидел до самой своей смерти, но тут к их царю приехал погостить соседний царь. Они пировали в роскошном зале, и соседний царь удивлялся, до чего тут во дворце ужасно светло! У нас, говорит, приходится зажигать керосиновые лампы и свечи. Они ужасно коптят, воняют, и денег страшно много на них уходит, а здешний царь только посмеивается: видишь, как, мол, мне повезло с этой подземной энергосистемой!

И тут бац! — погасли все фонарики и огоньки. Где-то кроты перегрызли нужный корень. Придворные забегали со свечками, а гость начал хихикать: дескать, и вам свечки понадобились! Тут царь-хозяин ужасно разозлился. Вызвал главного копальщика: немедленно найти разрыв, или мой меч — твоя голова с плеч. Вся копательная армия забегала: роют-роют, а открыть не откроют. А царь тем временем шлёт к главному генералу гонца: если через полчаса не исправите, отрубая голову без разговоров. Тут уж тот с перепугу вспомнил своего бывшего друга-изобретателя: вдруг этот сумасшедший и правда что-то сделает?

А тот со своим волшебным глазом только перемигнулся и за каких-то пять минут нашёл перегрызенное место.

Тут же всё разрыли, перебинтовали, и свет во дворце загорелся как ни в чём не бывало. Только главный генерал из-за своей подлости сначала поседел, а потом тут же облысел.

А когда царь узнал, что этот лысый жулик в своё время ещё и посадил своего спасителя в тюрьму, он сказал изобретателю: отдаю его тебе в твоё полное распоряжение, и можешь делать с ним что захочешь.

Но изобретатель был добрый и только забрал у него жену.

А тот подлец ещё и сказал ей вдогонку: забирай, не жалко, раз она от меня отвернулась в трудную минуту. И отправился, наверно, в бригадиры землекопов. Всё-таки его лопатно-кайловый опыт ещё мог пригодиться.

А изобретатель с женой, наоборот, стали жить-поживать и добра наживать своим волшебным глазом.

У меня и на отца приоткрылся своего рода волшебный глаз: у них ведь на заводе тоже были какие-то трансформаторы-изоляторы.

— Папа, — почти благоговейно спросил я его, — ты у себя на заводе чего-нибудь изобретаешь?

— Я план выполняю, — как всегда раздражённо, ответил отец.

Он всегда старался обратить меня от небес к земле, изображая её царством уныния и скуки.

А у Алтайского клубились сплошные героические будни. Про его следующую книгу, попавшую мне в руки, так с самого начала и писалось, что это роман о комсомольцах наших дней, о молодых инженерах и рабочих. Жизнь-де влечёт их в неизведанные дали и пути-дороги, сталкивает с непредвиденными трудностями, ставит перед ними неожиданные задачи, которые надо решать самостоятельно и честно. У главных героев только-только начинает налаживаться семейная жизнь, выпало невиданное счастье — дали комнату, молодой муж трудится над усовершенствованием нового станка, и вдруг *на* тебе: по комсомольской путёвке его направляют на укрепление сельского хозяйства, там-де не хватает *итээров*. Неужели же он должен бросить родной завод, любимые чертежи, родимый город?.. Перед героями романа возникает очень много непростых вопросов. И писатель старается проследить, как, какими путями они придут к пониманию своего места в жизни. Они встречаются с трудностями, порой совершают ошибки, но понемногу исправляют их и вырабатывают правильное отношение к товарищам, к труду, к общественному долгу.

За эти недели я настолько вырос духовно и уверовал в Алтайского, что даже сквозь эту тяготину прозрел некий высший смысл. Тем более что герои проявляли явные признаки жизни: новобрачная по утрам бегала переодеваться за шкаф, молодые ссорились, чего купить из мебели: стол или простыни. Или, может быть, миску.

Прямо как мои отец с матерью. Правда, отцу всегда и всё старое годилось, а герою Алтайского стол был нужен, чтобы чертить какие-то фиговины для резцов. В резцах Алтайский знал толк, он и первые свои рассказы напечатал в журнале «Резец» в тридцать седьмом году.

Папин завод был царством забот, — от скуки я даже стихами заговорил. А у Алтайского вон он был какой! Там наслаждались уже тем, что в проходной доставали новенький пропуск из кармана спецовки, замирали от восторга, когда фреза вгрызалась в металл, — как будто это твои собственные руки вырезают из разляпистой заготовки сияющую шестерню. Герою Алтайского было в радость даже оттирать песком под струёй горячей воды замасленные, пропахшие сталью усталые руки среди бодрого гама умывальни, стиснутому плечами товарищей по общему делу.

И всё равно он едет помогать колхозам, хотя всякие кулацкие дезертиры, наоборот, бегут из колхозов в город. И пускай он вместо любимой фабрики окажется в дырявом сарае, куда сквозь крышу залетает снег, где из всей техники одна кувалда, — он всё преодолеет, из замызганного бардака сотворит заводской порядок, ремонтный сарай превратит в маленький завод.

Всё это живописалось с такими безжалостными подробностями — их тогда называли смелыми, — что не поверить было невозможно!

Чем мне особенно полюбились у Алтайского борцы за резцы и локаторы, — их в детстве тоже ругали обалдьями и обормотами за то, что они пялились мимо будничной дребедени в какую-то высокую суть мира. Разумеется, я тогда таких слов не ведал и тем более не произносил, но, клянусь, усвоил уже тогда: прибабахнутые чудаки и есть соль земли. А без этой соли она мне на фиг не нужна.

И открыл мне это, хотите верьте, хотите нет, именно лауреат и кавалер Алтайский. Именно он открыл мне форточку из отцовской унылой фабрики, где с утра до вечера выполняют какой-то тоскливый план, в царство борьбы за высокое Дело, именно так. И это не было совсем уж аптечное царство безжизненного чистоплюйства, нет — кто-то выпивал, кто-то сквалыжничал, мухлевал, кого-то там даже несправедливо арестовывали, но сквозь любые тучи там всегда пробивалось солнце. Арестованные коммунисты в самые ужасные минуты спрашивали себя: неужели ты хочешь отступить от партии, не веришь в свой Центральный Комитет? Если так, то дрянь ты, а не коммунист. Нет, я останусь коммунистом, а это вы враги нашего строя, нашей идеи, нашего Центрального Комитета! Поддаться вам — значит предать всё, чему я верил, во имя чего жил, предать Ленина!

В этом мире все, кто чего-то стоил, выходили из испытаний несломленными. Там и комсомольские активисты любили горячку комсомольской работы, упивались волнением ответственности. Разумеется, я довольно скоро понял, что ничего этого в жизни нет, но дни моего собственного недолгого прозрения открыли мне, что внутри себя люди совсем не такие, какими стараются казаться, и Алтайский вовсе не врёт — просто ему на какой-то небесной раздаче достались такие счастливые глаза. В обычных буднях, негероических, у него же самого все люди как люди: кто трогательный, особенно женщины, кто противный, особенно не самые высокие начальники, которых непременно поправляют высокие, но все примерно такие же, как вокруг меня. Зато, когда доходит до Дела, тут-то и открывается: кто бесстрашный новатор, кто мещанин, кто карьерист, кто очковтиратель... Как будто мы все видим скучную поверхность мира, а Алтайский чей-то о нём высокий замысел.

Для молодости нет более манящих слов: ты нужен! Разумеется, ни мне и никому другому не то что произнести — подумать такое было бы сгореть со стыда. Но, когда я читал нечто подобное у Алтайского, это тут же становилось волшебной правдой. Для этого-то молодёжь и рвётся на войну, на целину, в космос, в жерла вулканов, — Алтайский, кажется, ни одну стихию не обошёл. Да, первотолчки у каждого свои, личные, но за ними у всех прячется желание совершить что-то большое и красивое. Может, другие по своему унылому занудству этого и не понимают, но мы-то с Алтайским знаем, что это правда! Только я боюсь сказать об этом вслух, а он не боится.

Так уж ему повезло: где обычные глаза видят занудную совковую брехню, глаза Алтайского прозревают высокий замысел.

И я его тоже прозревал, покуда смотрел на мир глазами Алтайского.

Даже раннего Алтайского, которого я нарочно не перечитывал очень много лет, чтобы не созерцать наготы отца своего. А зрелый Алтайский был даже и неплох, вкусил Хемингуэя, курсивных вставок, разговоров с подтекстом, внебрачного секса, но самым сладостным для влюблённых всё равно оставалось общее Дело, особенно рискованное. У зрелого Алтайского намечился даже кое-какой героический пессимизм: герой мог и потерпеть поражение, — чтобы только при этом было ясно, что Дело его будет жить.

Это я сейчас такой умный, а я ведь плакал самыми настоящими горькими слезами, когда малость прибабахнутый курносый простяга погиб в жерле вулкана, испытывая предсказатель землетрясений. Своей гибелью он ещё и посрамил блестящего красавца, в момент подземного взрыва бросившего трос, — на блестящих красавцев полагаться нельзя, надёжны только простые курносые парняги. Это Феликс меня так просветил, высветил идейную порочность Алтайского. Ещё и прибор уже из адских

бездн всё равно послал правильный прогноз. Творец погиб, но Дело его живёт! Этот оптимизм больше всего и бесил Феликса.

Алтайского при всём при том постоянно поругивали, — поругивали и награждали. Я-то и до сих пор недостаточно повзрослел, чтобы отслеживать подобную муру, но Феликс с первых же дней нашего знакомства перечислил мне Алтайские госпремии и ордена. Феликс так желчно их презирал, что помнил все до единого. Меня они тоже впечатлили, хоть и ненадолго, взрослости мне и сегодня не хватает. Злые языки язвили, что Алтайский всю жизнь бесстрашно говорил вечером то, что будет дозволено лишь завтра утром, но я-то знал, что удачу ему принесла не хитрость, а волшебные глаза, которым за скукой, сором и болячками будней всегда открывался высокий замысел. А сколько этого сора и болячек пропустить в очередную книгу, дело десятое. Сколько можно, столько и пропустить, — главное, чтоб замысел просвечивал, всё делается ради него.

Именно в спорах с надменным Феликсом мне и открылось, что все герои Алтайского — это люди Дела. И если любимая женщина потребует от них во имя любви отступить от Дела, они скорее отступятся от любви. Будут сколько угодно страдать, но бросят не Дело, а любимых. И тогда-то брошенные возлюбленные поймут, что именно за преданность Делу они их и любили.

Эти люди Дела, презрительно хмыкал Феликс, всегда укрепляли вечный российский деспотизм. А у всякого благородного мужа в России дело должно быть одно — ослаблять этот деспотизм, точнее, жлобократию.

Нет, я не совсем прав, за одну из поздних его советских книг кто-то из литературных надзирателей, имена их ты, Господи, веши, прямо обозвал Алтайского мусорщиком: Алтайский на старости лет вдруг начал припоминать и описывать забытые вещи своего детства. Ну, то есть обозвал-то тот поганец, конечно, не самого Алтайского, при зрелом деспотизме прямое хамство не допускалось, а его героя. Впрочем, и мусорщик этот служил не мелочам, а Музею мелочей — дьявольская разница.

Правда, о людях Алтайский и впрямь никогда не писал с такой проникновенностью, как о бренчащих сосковых рукомошниках, вонючих керогазах, инквизиторских раскалённых щипцах для завивки, о чугунных уютгах-буржуйках, которые для раздувания пламени нужно было раскачивать на весу, а то и раскручивать как пращу, прислушиваясь к стеклянному позваниванию угольков...

Пожалуй, у Алтайского всё-таки были задатки художника, с неохотой признал Феликс, но его раздавила идеология.

Алтайский и в этой музейной книжке «протаскивал идейку», которую и унюхали партийные ищейки: герой Алтайского собирал по помойкам и барахолкам никому не нужный хлам не просто из любви к «культуре быта», это барахло ему было дорого как память о наших папах-мамах-дедушках-бабушках. Это бы ещё полбеды, любить папамам, это можно, это разрешается. Но столь нежно воспетое это барахло напоминало не о подвигах наших героических предков, а о нищете, среди которой они эти подвиги творили...

Это и означало мелкотемье, мещанство и прочие ереси, вечному певцу Дела прежде не свойственные. Однако чуть только сторожевые шавки развернули своё нестройное тьяканье, как с неведомых высот снизошла гуманизация, и Алтайский снова вышел в первые апостолы социализма с человеческим лицом. Важно-де не только Дело с большой буквы, но и будничные делишки рядовых людишек.

Опять он всех одурачил, уже почти восхищался Феликс. Но роман Алтайского о военной авиации до того всех потряс своей откровенностью, что даже Феликс сумел пришить Алтайскому только одно: почему же он раньше об этом не писал? И хуже того — писал совсем не так!

А как — помнили только Феликс, прокурор-дознатель да я, провинциальный валенок из всероссийского Мухосранска.

В нашем парткабинете давняя книга Алтайского про лётчиков тоже была распухшей от зачитанности, и я так в неё вжился, что запомнил все волшебные заклинания: *турель, стабилизатор, «от винта!», «есть контакт!»*

На первой странице Алтайский отчеканил: «ПОСВЯЩАЮ МОЕМУ ОТЦУ, РУССКОМУ АВИАТОРУ». И книга буквально распухла от отцовских подвигов.

Отец Алтайского вырос в сыром подвале, и папаша, пьяница-дворник, чуть ли не с семи лет отдал его на выучку в слесарную мастерскую. Где смыслённый мальчуган обратил на себя внимание знаменитого русского авиатора Курочкина. Лётчиков тогда было так мало, что каждый был знаменит. Курочкин выучил мальчишку на специальных курсах и взял к себе в механики. Они объехали с показательными полётами всю Россию, а в Италии отец Алтайского уже летал сам, выучившись почти вприглядку и собрав собственный *биплан* из десятка разбитых.

Потом, когда он прославился изяществом воздушного балета, — его *бочки* какой-то поэтический репортёр назвал фиалами, а самого пилота русским ястребом и властелином воздуха, — юную авиазвезду уже наперебой зазывали немногочисленные в ту пору фирмы. Русский ястреб на каждой новой самолётной марке ставил новый рекорд то дальности, то скорости — замахивался аж на двести беспосадочных вёрст и разгонялся до сказочных сотни вёрст в час.

Разумеется, этот новый Икар и бился, и горел, но всякий раз выкарабкивался и ставил новые отчаянные рекорды. И, при всей европейской славе, с началом Первой мировой на собственных крыльях устремился в Россию.

В армию его не взяли из-за бесчисленных переломов, ушибов и ожогов, но офицерское звание присвоили и отправили командовать авиашколой. Где он и принялся готовить лётные кадры из рабочих и крестьян для будущей Красной Армии. Он уже тогда угадал ленинский завет: учиться, учиться и учиться. И в каждую свободную минуту усаживался за книги или бежал на лекции Николая Егоровича Жуковского. Отец русской авиации поражался, с какой быстротой талантливый самоучка впитывает знания, — не то что изнеженная золотая молодёжь! А что же будет, когда народ сам делается хозяином своей судьбы!

Ничего этого я не видел, я про это только прочитывал буквы и слова. Зато великого князя, заявившегося на учебный аэродром, я уже разглядел собственными глазами маленького Алтайского.

Я, то есть маленький Алтайский, думал, что великий князь будет хоть на пару голов выше остальных, но он был даже и раззолочен не больше прочих, только борода его была подстрижена с необыкновенной ровностью да вся суета завинчивалась вокруг него же, — один только папа как ни в чём не бывало продолжал рыться в моторе.

Дальше помню плохо. Кажется, великий князь потребовал: «Покажите мне чего-то такое, чего ещё никто не видел, а не то мой меч — ваши головы с плеч». А папа спорил, что ещё чего-то там недотянул, недопродул... А ему отвечали, что на театре военных действий... Нам с маленьким Алтайским запомнилось это ни к селу ни к городу выкрикнутое слово «театр». И ещё то, что папа называл усатых военных в погонах школьным словом *ученики*.

А потом один из этих усатых учеников всё-таки сел в какой-то *биплан* и с быстротой, какой мы с маленьким Алтайским ещё никогда не видели, взвился в высоту. С которой вдруг раздался звон лопнувшей струны, и тут же вдребезги разлетелся пропеллер. Оказалось, лопнула и угодила в деревянный винт какая-то *расчалка*. Но это объяснилось потом, а в ту минуту все, оцепенев, смотрели, как с ужасающей быстротой несётся к земле чёрная человеческая фигурка, бешено молотящая воздух руками.

В эту минуту я сам был маленьким Алтайским и сразу же со всех ног бросился к месту её падения, но пока добежал, носилки, накрытые чьим-то кожаным пальто, уже унесли, и мне оставалось только с ужасом пялиться на ямку среди вытопанной травы.

Самое ужасное в ней было то, что она была *невероятно маленькая*.

Я бросился к папе и успел увидеть, как папа вlepил великому князю не пощёчину, как об этом потом писали, а простонародную оплеуху, так что с того слетела раззолоченная фуражка, а на свободной от бороды части физиономии отпечатались три чумазных папиных пальца.

Потом папа сидел на верстаке в ремонтном сарае, но это было не страшно, потому что охранявшие его военные обращались с ним очень уважительно, и мне вообще было не до того: у меня перед глазами стояла маленькая ямка.

— Папа, — срывающимся голосом воззвал я к нему, — зачем вы летаете?!

И папа ответил мне очень серьёзно, как взрослому:

— Запомни: жить не обязательно, а летать обязательно.

Разумеется, он ответил своему сынишке, но в ту минуту я и он были одно.

Свой псевдоним Алтайский и вывез из отцовской ссылки на Алтай, из самой счастливой поры своей жизни. В романе это был чистый Жюль Верн. Прежде мужики ездили за десять вёрст, чтобы по мосту перебраться через быструю горную реку, — отец устроил паромную переправу, чем и решил проблему семейного прокорма. При этом плот двигался силой самого течения. И я, перевоплотившийся в Алтайского, ужасно гордился своим отцом.

Мне запомнилось огромное колесо из краснеющей лиственницы, которое отец — при моей усердной помощи — изготовил без единого гвоздя. Приступая к работе, он всегда меня предупреждал:

— Я сейчас буду работать, а ты мне будешь помогать.

— Не мешать? — радостно спрашивал я, и отец одобрительно кивал: — Молодец, соображаешь.

Я мог часами смотреть, как буйная вода, впряжённая папой в работу, даёт и свет в нашу избу, и распиливает неотёсанные брёвна на сияющие доски, а когда из-за гражданской войны мужики стали бояться возить зерно на мельницу, ещё и перемальвать его в муку на жерновах, которые отец сам же изготовил из им же добытого известняка. Так что мы никогда не голодали. У нас на столе всегда присутствовала дичь, а когда порох и дробь унесла революция, папа сделал отличный арбалет, который убойной силой на небольших расстояниях — а откуда в тайге взяться большим? — кажется, даже превосходил ружьё. Меня очень забавляло, что арбалетную стрелу отец называл словом *болт*.

Отец и мыло научился варить, для чего зачем-то требовалось многократно пропускать воду через древесную золу, а вот маму совершенно не помню. Она вроде бы учила деревенских ребятишек читать и писать, но своими глазами, глазами маленького Алтайского, я этого не видел, только читал. Мама возникала лишь тогда,

когда из тайги появлялись вооружённые люди в *башлыках* поверх военных фуражек с овальными кокардами или в косматых папахах, перечёркнутых красными лентами, и начинали тащить отца из дома, чтобы поставить его к нашей же стенке. Одним мама объясняла, что он знаменитый русский авиатор, другим — что он ссыльный, давший оплеуху кому-то из царской родни. Это неизменно вызывало общий восторг.

А потом отца вызвали в Москву, направили в Академию Военно-воздушного флота, затем в Добролёт, потом в Главвоздухофлот (я и чужие слова ухватываю на лету, когда начинаю видеть чужими глазами), он принялся проектировать сначала *планёры* для будущих диверсионных операций, потом *монопланы*, — на них уже новые лётчики ставили новые рекорды, какие отцу в его время и присниться не могли.

Об этом я только читал, в таких делах я переставал быть Алтайским. Но у него и в буквах очень аппетитной выглядела какая-нибудь *доводка*: запахи машинного масла, керосина, ацетона... И такие вкусные слова — *фюзеляж*, что означало «веретено», *амортизатор*, *ланжерон*, *киль*, *муфта*... Ну и что, что какие-нибудь части всё время ломаются — отец непременно доведет до *госиспытаний!*

Отца больше не мучила совесть, что своей работой он укрепляет царский режим, — а при самодержавии даже великого Жуковского терзали раздумья о судьбах Родины. И какое было счастье, что годы Гражданской войны, когда не хватало хлеба, не хватало топлива, когда замерли многие заводы и почти не ходили трамваи, остались в памяти как время кипучего подъёма, созидания! Сколько нового возникало тогда — закладывался новый мир! Как раз в эти годы был создан Центральный аэро- и гидродинамический институт имени Жуковского.

А отец замахивался на новый рекорд: на массовый самолёт! Он бессонными ночами мечтал о лучшей в мире советской индустрии, без которой можно было создавать только штучные изделия, словно в алтайской тайге.

Про его мечты я только читал: *массовый, индустрия*...

Зато своими глазами я видел противного старого инженера с остроконечной бородкой, который жеманно тянул:

— Да где вы у нас найдёте завод, который смог бы осуществлять такую тончайшую обработку? Не нам, сиволапым, производить самолёты, которые теперь делаются за границей.

И тогда отец ударил кулаком по его полированному столу и закричал:

— Ваше место в тюрьме!

И обратился к комсомольцам, к простым рабочим: мы же советские люди! Один токарь, правда, из-за чего-то начал ерепениться, но отец прямо рубанул ему: не по-партийному ты подошёл к этому делу! И движением головы откинул со лба непокорную прядь.

И рабочие всё сделали в лучшем виде. А старого инженера арестовали за саботаж. А потом он оказался ещё и вредителем!

Вывел его на чистую воду старый большевик, а ныне корпусный какой-то комиссар, для которого весь смысл жизни был в его борьбе, в его работе. Он служил своим идеалам, служил партии, и в этом находил единственное и полное удовлетворение. Он появился в окружении очень аппетитных слов: *Главное управление авиационной промышленности (ГУАП), Управление Военно-Воздушных Сил, Наркомтяжпром, Главное мобилизационное управление*...

В его собранной, подтянутой фигуре, во всех его поступках, в будто бы несколько наэлектризованной атмосфере вокруг него жил этот дух преданности делу, которое ему поручила партия.

— Я передаю вам, товарищи, партийную директиву. Нам нужен темп развития, какого не знала ни одна страна, нужен небывалый, беспрецедентный в истории техники рывок. Партия поставила перед нами эту задачу: создать лучшую в мире боевую авиацию! Наши самолёты должны быть во сто крат лучше других! Если в десять крат — этого нам мало.

Корпусный комиссар Управления Военно-Воздушных сил смотрел и говорил очень требовательно:

— Мы с вами, товарищи, принимаем и даём сражение. Это сражение с капиталистическим миром мы пока что ведём в цехах и конструкторских бюро, но нам не миновать и открытого боя.

И показал на кумачёвый плакат у себя за спиной: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут. И.В.Сталин».

И я вместе с Алтайским радовался, что как раз в это время в авиационной промышленности были произведены аресты вредителей и саботажников. Я уже знал, что Сталин совершенно напрасно сажал и расстреливал честных коммунистов, но у Алтайского-то это были настоящие маловеры и вредители, не коммунисты!

Хватало же у них совести вредить, когда советской индустрии как воздуха не хватало квалифицированных рабочих рук! Их неоткуда было взять в ранее по преимуществу крестьянской стране при таком размахе и темпе индустриализации. И только беспредельная вера большевиков в раскрепощённые революцией силы народа позволила им решиться на такой отчаянный шаг, чтобы взять тысячи людей из деревни, от сохи и бороны, привезти их на заводскую площадку, разместить в бараках и, выстроив завод, поставить их же, вчерашних землеробов и землекопов, к чувствительнейшим станкам, доверить им самую тонкую, самую точную технику!

И вот эти люди с грубыми, непривычными руками проявили такую же волю и напор, как и в те времена, когда они же или их отцы на бесчисленных фронтах Гражданской войны сражались за Советскую власть. Да, начинали они как *станколомы* и *бракоделы*, но, вооружённые учением Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, со ста процентов брака постепенно пробились до девяноста, восьмидесяти, пятидесяти процентов. Чтобы сделать десяток хороших деталей, изготавливали их сотнями, и всё-таки всему выучились, всё освоили!

Правда, на кремлёвском приёме товарищ Сталин расхваливал в основном лётчиков, а конструкторов скорее поругивал, говорил, что они мало думают об эвакуации пилотов в случае аварии, а у него прямо-таки болит сердце из-за того, что те до последнего не выпрыгивают с парашютом, спасают машину...

Лётчикам и правда геройская гибель была нипочём: жить не обязательно, обязательно летать.

Они часто бывали у отца в гостях, и мы с Алтайским, разинув рты, слушали их рассказы — всегда со смешком над просвистевшей над ухом смертью:

— А облака были шикарные — густые, насыщенные. Я за ними по всему горизонту гонялся. В Москве дождя не было, а я там три раза в дождь попадал. Кидало зверски, метров на пятнадцать. Обледенел, крылья сантиметра на два льдом покрылись, к концу из-за обледенения все приборы слепого полёта вообще отказали. Лафа!

— Только оторвались, из левого мотора пламя. А машина тяжёлая, как уют, никуда не спланируешь... Ударилась брюхом о берег, и в реку. Течение сильное, ширина метров пятьсот, вся левая плоскость в огне, бензин разлился по воде, огонь стеной... Мы попрыгали в воду с правого крыла — сами не знаем, как выплыли, только

Лёха Дедушкин утонул. Побились, обгорели, конечно, все... Но ничего, в следующий раз американцев побьём так, что долго будут нас помнить. Рекордную высоту гарантирую.

Рассказы пересыпались вкуснейшими словечками: *центровка, капотажный момент...*

Про разбившихся спокойно говорили, как про живых: покойник такой-то то-то и то-то, покойник сякой-то сё-то и сё-то...

Даже злословили:

— Ну, лётчик он был так себе, в испытатели устроился по блату, по блату и убили.

Им казалось смешно, что после аварии кому-то так сшили физиономию, что от него теперь лошади шарахаются.

— Никак не могли определить, почему трясётся хвост. То переставим, другое изменим — наконец, вроде бы наладили. Иду на посадку, дай, думаю, пройду ещё у земли. И вдруг затрясло! Мне б садиться, но я решил проверить до конца. Поднялся вверх — всё в порядке, снова к земле — обратно трясёт. Тогда я выбрал зону, где всегда болтает — и туда. И вдруг, на полном газу, ясно чувствую, как у меня продольно ломает фюзеляж. И мне всё стало ясно. Ходу на землю: «Меняйте противовесы у руля!» — «Как?» — «Да так!» Сменили — и трястись перестало.

— Забавный случай у меня был на прошлой неделе. Лечу на большом аэроплане. И вдруг стал ломаться. Ну, я начал с ним, как со стеклянным обращаться. Сбавил газ до минимума, иду тихо, точнёхонько по прямой. И вот уже вблизи аэродрома, метрах на двухстах, аэроплан вдруг полез на петлю. Я сразу дал полный газ и в то же мгновение накрутил стабилизатор, отжал ручку и дал витков пятнадцать триммеру. Всё это сразу. Машина встала на дыбы, свалилась на бок из вертикали и через несколько секунд плюхнулась на аэродром в нормальном положении. Опоздай я на несколько долей секунды — не разговаривали бы сейчас. Вылез и заволновался. Аж мокрый стал. Такого состояния ещё не бывало со мной.

— А под Новый год вышел цирк. Сделал я одну штуку, которую, уверен, никто из испытателей ещё не делал. Нашёл инверсионный слой и стал в нём ходить. И получилось, как на продувке в трубе: всё обтекание наглядно видно. Пятнадцать градусов, двадцать, под двадцать пять... Всё, ломает! Ага, что и требовалось доказать. Ну, ждоть, пока доломает машину, было не резон. Я — вниз. Ничего, сели. Я оказался прав.

Феликс в своей понемногу издыхающей независимой газете впоследствии обвинил Алтайского, что он эти разговоры у кого-то списал, я там же возразил (я тоже уже печатался), что бытовые записки обретают худценность только в худконтексте; сам же Алтайский до дискуссии не снизошёл. Лишь как бы случайно рассказал, что в своё время на него из-за этих разговоров накинута за недостаточную их серьёзность, но будто бы аж лично Сталин их одобрил.

Сталину в лётчиках, похоже, и нравилась их, как теперь говорят, безбашенность. В День авиации вождь был такой весёлый, каким никогда его не видели. Он очень по-доброму посмеялся, что купол парашюта лётчики называют мешком, и поднял бокал за них, за советских героев.

— Жизнь лётчика важнее двухсот самолётов! — провозгласил самый человечный человек с бокалом в руке. — Это капиталисты оценивают человеческую жизнь деньгами, а нам, советским людям, пора усвоить новую меру — ценить людей по их подвигам. А что такое подвиг? Чего он стоит? Никакой американец не ответит на это,

не скажет — у них есть только миллиарды презренных долларов, презренных фунтов стерлингов, презренных франков.

Кто-то из лётчиков закричал:

— Товарищ Сталин, мы умрём за вас!

А Сталин с улыбкой ответил:

— Не нужно умирать за товарища Сталина. А нужно жить и побеждать врага за нашу советскую Родину.

Я к тому времени уже знал, что Сталин плохой, что при нём были бериевские лагеря и даже мой папа в них побывал, но у Алтайского и Сталин был какой-то другой. Платоновская идея Сталина, сказал бы я, если бы хотел поумничать, но Алтайскому и правда повезло с глазами: они умели возвышать всё, чего требовали нужды дня.

А тем временем началась война, и я, то бишь юный Алтайский, закончил лётное училище и на фронте сражался на отцовских истребителях.

Война машин не вызывала у меня отвращения, потому что убивали друг друга не люди, а машины: наши славные *ястребки* крошили мерзкие *мессеры*, *хейнкели* *Фокке-Вульф*ы, именуемые *рамами*. Зависающий на страшной высоте разведчик, проползающий над передовой корректировщик, крадущийся между тучами бомбардировщик — всё это были не люди, а машины. И на земле взрывались и горели не люди, а вагоны и дома.

Пространства же между слоями светящихся облаков и вовсе походили на подводное царство, где медленно плавают гигантские клубы молока, в которые норовят укрыться вражеские машины. И когда они, пылая, дымясь и кувыркаясь, прошивают клуб за клубом и завершают свой причудливый путь крошечной вспышкой на далёкой земле, то хочется этому аплодировать, словно цирковому трюку.

Как погибают наши, я тоже не видел собственными глазами: обычно они улетали и не возвращались, словно бы так и растворялись в небе, и всегда оставалась надежда на какое-то «а вдруг?..». Но и похороны бывали очень красивыми: *смертью храбрых, в наших сердцах, отомстим...*

Потом залп.

Прямо завидки брали.

В общем, Алтайский рассказывал, как он на отцовских самолётах сражался с врагом, а я видел, как одни машины сражались с другими.

А потом пришла Победа! И Алтайский, вместе с другими героями-победителями маршируя по Красной площади, увидел на Мавзолее неподалёку от Сталина своего отца в генеральской форме и в нарушение устава помахал ему рукой, а отец помахал ему в ответ.

И Сталин заметил это и очень по-доброму улыбнулся сначала сыну, а потом отцу. Отцу даже с пониманием покивал.

Я и сейчас не готов посмеяться над теми полудетскими слезами на глазах, с которыми я это читал: я был растроган не тем, что в это верил, — я уже и тогда был не настолько прост, — а тем, что этого не было, но, конечно же, ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ!

И, читая Алтайского, я всегда понимал: этого не было, но ДОЛЖНО БЫТЬ! Искусство — мир высоких мечтаний, а не низких фактов! Так выразиться тогда я не умел, но очень даже чувствовал.

Но, когда во время перестройки, уже после нашей конференции Алтайский рассказал, как оно было, не скрывая низких фактов, он тут же превратился из любимца старого режима в его обличителя.

Всё это об Алтайском писал Феликс, — я-то был потрясён, чего пришлось нахлебаться этому орденоносцу и лауреату.

На самом деле его отец происходил не из дворян, а из дворян, и в конце двадцать девятого был арестован с тысячами «бывших», пошедших на службу новой аристократии, которую Феликс именовал жлобкратией. Тут Феликсу с Алтайским вроде бы и не о чем было спорить: захватившее власть наглое жлобьё, выехавшее в Гражданскую на интеллекте военспецов, устало терпеть рядом с собой их превосходство и принялось тысячами сажать и расстреливать блестящих профессионалов даже в оборонке, готова будущие военные катастрофы.

Реальному отцу Алтайского шили тот самый рутинный саботаж и вредительство, в которых романтический отец обвинял романного инженера с острой бородкой. Реальный отец действительно показал себя маловером по отношению к требованиям реального корпусного комиссара, по невежеству своему и впрямь желавшему невозможного на том основании, что нет таких крепостей, которых бы не могли взять большевики. Но взять им удалось только инженеров, которые упорно не желали достать для них луну с неба. Вредительством были объявлены все поломки и аварии, случавшиеся особенно часто из-за того, что от лётчиков и машин требовали работы за пределами прочности.

Для солидности была арестована внушительная часть технической элиты авиационной промышленности. Как «социально чуждого элемента» отца Алтайского без суда приговорили к смертной казни с отсрочкой приговора. Так что он возглавлял тюремное конструкторское бюро «Особое» отчасти уже из загробного мира. Но успешный показ их истребителя, которым перед лицом Сталина и Ворошилова крутил и вертел сам Чкалов, превратил смертную казнь в условную и вернул отцу свободу, правда, тоже довольно условную.

Но всё-таки он успел ещё запустить в небо пару новых истребителей и получить пару орденов, прежде чем его заодно с тем самым корпусным комиссаром дорасстреляли окончательно.

Алтайский за отца не отвечал, но всё-таки и его выставили из лётного училища, и во время войны он почти не летал, занимался техобслуживанием на прифронтовом аэродроме.

Звучит скучновато, но на деле скучать не приходилось. И здесь он был, наконец-то, такой же, как все. Алтайский был отличный двигателист и мастер дефектации деталей, но ему, подобно рядовому пехотинцу, не раз приходилось под бомбёжкой лихорадочно латать лопатой рваные воронки на рулёмной дорожке. Чтоб всегда быть под рукой, приходилось зимой и летом спать урывками в земляной щели либо на нарах в наспех сколоченной сараюшке. Сон в доме, в тепле — это каждый раз был праздник.

Удивительным везением было и то, что его ни разу не убили, да и ранили вполне терпимо, так что если бы от всей просвистевшей рядом с ним стали и свинца оставить пробоины на стене, то на ней сохранился бы почти незатронутым только его силуэт. В старости он и начал смотреть на своё долголетие как на незаслуженный подарок, хотя после войны смотрел как на заслуженный. Об ушибах же, ссадинах, мозолях, царапучей от авиационного бензина коже, примерзающей к морозному металлу, он вспоминал почти с нежностью. Как и о спасительных ватных штанах.

О работе своей и новый Алтайский повествовал со знанием дела: лебёдками подвесили бомбы, ввернули взрыватели, заправили патронные ленты, от сгоревшего тола всё пропиталось горелым чесноком, проверили монтаж силовых установок, зарядку амортизационных стоек, заменили бак и трубопровод, промыли фильтры,

состыковали узлы моторамы с узлами мотогондолы, заменили гидросервопоршень, износились поршневые кольца, разнесло стабилизатор и руль поворота, сорвало головку цилиндра, порвало экранировку электропровода, посекло лопасти до ступицы, пробило обтекатели и гидросистему, побило рёбра цилиндров, перекосило крыло, помяло фюзеляж, прогрели бензиновой лампой АПЛ-1, зачехлили мотор, слили масло в бочку...

Многие картины ошарашивали, но пересказывать не буду. Мне до Алтайского не возвыситься, а Феликс и про него пропечатал, что это всего лишь крепкий реализм. И что это за советские штампы? *Металл не выдерживал, а люди держались...*

А ведь Алтайский подробнейшим образом показывал, что это не просто болтовня: усталость переставала быть усталостью, а переходила в тупую боль во всём теле. Зато о болтовне политруков Алтайский писал прямо-таки с омерзением: своими проповедями они только расшевеливали в бойцах сомнения — уж не для этих ли прохвостов мы задницу рвём?.. «Вашиими руками на земле куётся победа в воздухе»... Правильно. А не вашими языками.

При этом Алтайский совершенно не изображал из себя храбреца. Однажды ему случилось подняться на аэростате-корректировщике, и немцы из-за линии фронта ухитрились снарядом раздолбать лебёдку, на которой он крепился, и аэростат ветром понесло на немецкую сторону, командиру с пистолетом в руках пришлось выбрасывать новичка из корзины. А потом он уже на земле не сумел погасить «мешок», и его долго волокно по кустам, так что он весь ободрался. И, наконец, поднявшись на ноги, обнаружил, что у него мокрые штаны.

А отстирать и высушить ватные штаны — это тоже была целая проблема.

Но он хотя бы жив остался. А его командира за то, что без приказа покинул аэростат, расстреляли перед строем — выходит, лучше было дрейфовать в немецкий тыл.

Ни под какой бомбёжкой не было такого бессилия и ужаса, — ужасала не жестокость — цинизм. Чуть ли не больше всего потрясло то, что палачи поставили свою распоясанную жертву на сани, на которые заранее был набросан и притоптан грязный снег, — это чтобы убитый сразу упал на транспортное средство и не испачкал его кровью.

К тому времени Алтайский всякого навидался, но ужаснее этого расстрела ему ничего не запомнилось. Хотя, когда он лежал в блокадном госпитале для дистрофиков, из огромной палаты выносили умирающих, чтобы освободить место, и те доходили в подвале. Откуда постоянно слышались стоны, но ни на кого это не производило ни малейшего впечатления, хотелось только, чтобы поскорее заткнулись. Только раз санитары заспорили, в самом ли деле мёртвые становятся тяжелее живых, и один из них настаивал, что мёртвых земля притягивает сильнее.

Вторым по тяжести Алтайскому запомнилось самоубийство новобранца, к чему он и сам приложил руку, вернее, язык. Перед вылетом бомбардировщика пацан нечаянно смахнул в бензобак гаечный ключ. И, как все ни старались извлечь его проволочной петлёй или магнитом, так ничего и не вышло. Пришлось отменять вылет, снимать бензобак, сливать бензин — и так далее. Все были ужасно злы, а сам Алтайский сказал этому растяпе, и без того не знавшему, куда ему деваться от позора, что он наверняка спас десять фрицев и погубил десять наших. Парень окончательно спал с лица, скрылся за сарай, и через минуту оттуда послышался выстрел.

Казнь на саях, подвал с доходягами и самоубийство одобрил даже Феликс: наконец-то советский классик (для Феликса не было ругательства хуже) впервые в

жизни написал правду. Но главную заслугу Алтайского он усмотрел в том, что Алтайский вскрыл психологические корни массовых убийств: жлобokratия истребляла тех, в соседстве с кем ощущала своё ничтожество. А ещё Алтайский изобразил войну исполинской фабрикой, которая может работать, только если все люди-винтики лезут вон из кожи.

А значит, все так называемые маленькие люди полностью в ответе за сталинский режим. Не на штыках он держался, а на «самоотверженных честных тружениках».

Когда я однажды решился спросить Алтайского, читал ли он эту статью Феликса, Алтайский только устало усмехнулся:

— Неужели ты думаешь, что я читаю эту шушеру?

В эту минуту он мне показался последним мамонтом среди болонок.

Мне никогда не удавалось вообразить, какое у него было лицо, когда полковник на Шпалерной колотил его затылком о стену: «Признавайся!.. Диверсия!.. Всё равно выбьем!.. За яйца повесим!.. — А потом майор по-доброму убеждал: Не признаешься — туда же поедешь, только калекой», — всё оттого, что разбился с каким-то важным грузом самолёт, который Алтайский готовил к вылету. После этого он всю ночь просидел в коридоре («Посиди, подумай!»), а утром был отпущен на свободу: выяснилось, что причиной был высотомер. Или обледенение, уже не помню. Зато этот ночной стул и коридор я видел собственными глазами.

А каким начнёшь видеть мир после такой вот ночи на стуле, я не представляю.

Мне даже кабинет Алтайского, в котором мы вели разговор, представал аскетичным, будто служебный, — только кресло носило признаки антикварности: Алтайский приволок его из разбомбленного дома в сорок шестом году. Очень много книг, в том числе технических, научных (возможно, правда, дарёных, вряд ли он их читал) и никаких финтифлюшек. Как будто он не хотел располагаться с уютом в мире, откуда, как он хорошо усвоил, его в любой момент могли вырвать.

Он и вентилятор на столе не включил, хотя в кабинете было жарко: воздух-де от перемешивания только нагревается. Зато усиливается испарение, возразил я, — подобные разговоры двух инженеров были пределом нашей интимности.

Фотографий в кабинете тоже не было никаких — он и здесь не хотел открывать постороннему взгляду своё прошлое. Во второй раз он женился очень поздно, жена его была намного моложе, но из-за своего долгожительства он и её пережил. И никогда о ней не говорил и не писал, однажды только упомянул, что она верила во всемогущее божество, как мало кто верит даже в божественное всемогущество.

— Но почему вы никогда не писали о своей личной жизни?..

— Не хотел устраивать стриптиз.

Он и на краю гроба никогда ничего не говорил о себе — только о мире: нужно-де возрождать кустарные промыслы, возвышать престиж учёных...

— Да с какой же стати жлобье станет возвышать престиж своих врагов? Это учёные должны возвышать себя, усваивать, что не наука существует для государства, а государство для науки.

— Это уже другая крайность.

Но усмехнулся он с удовольствием.

Примерно так же он усмехался, когда рассказывал о своей встрече со Сталиным. После романа о сыне-лётчике, отце-конструкторе и Сталине на Мавзолее его стали продвигать — где-то в верхах было произнесено, что сын за отца не отвечает, пятно было вроде бы временно смыто, — и ввели в редколлегию журнала. И даже доверили выслушать в Кремле очередную идейную накачку. Они сидели в небольшом зале,

каждый за своим столиком, и с каждым рядом непроницаемый мужчина в строгом костюме. А перед ними за общим столом сидела руководящая и направляющая тройка. В центре большая шишка из цека, справа шишка поменьше, он их обоих знал, а слева какой-то восточный старичок с реденькими седыми усами и сквозящей седой шевелюрой. «Кто это слева?» — шёпотом спросил Алтайский у соседа; тот дико покосился на него и ничего не ответил. Но очень уж этот старичок был не похож на монументального Сталина с литыми усами и шевелюрой, которого он по двести раз в день видел на портретах. Накачка шла обычным чередом: ослабили идейность, притупили бдительность, проявили либерализм, соседи справа и слева тоже вставляли привычные реплики, а потом старичок удалился. Тут Алтайский ощутил острую необходимость справить малую нужду и вышел следом. Пошёл по коридору в поисках сортира. Часовые смотрели строго, но поискам не препятствовали, считалось, видимо, что кто попало здесь бродить не станет. Наконец он увидел располагающую дверь и вошел, предварительно постучав. Сталин стоял у писсуара спиной к нему и на стук бросил через плечо: «Ымэет вождь права пассать?»

Алтайский усмехался, а лицо было уже белое-белое, старое-старое, и сидя непокорная прядь редкая-редкая...

И по длинному коридору он брёл уже не лордом с тростью, а старичком с палочкой.

Каждый раз нас выходят почтительно провожать на прогулку его дочь с мужем и внука-старшеклассница.

Дочь, строгая миниатюрная красавица-блондинка, просит нас держаться тени, а её муж сообщает что-то о среднеазиатских воздушных массах. Они оба метеорологи и когда-то летали на самолётах снимать показания с грозовых облаков. Иногда молнии били рядом, их так встряхивало, что не могли удержаться в креслах. Но теперь, слава Богу, самолётов им не дают, зарплата тоже не очень, чтобы очень... Как и сам Алтайский не очень-то роскошествует. Хотя на книжке когда-то имел чуть ли не поллимона. Когда пять тысяч стоил «Москвич» — можно было купить целый таксопарк. Всё пропало, разумеется. Ну, он лауреат, почётный гражданин, наверно, что-то ему подбрасывают. Среднее поколение тоже живёт на гранты. Муж у мировой метеорологии был в большом авторитете, катался по всему миру, но вот проявил неблагодарность — начал отрицать антропогенный фактор глобального потепления, и как отрезало: в свободном мире не забалуешь. Он будто вышел из романа прежнего Алтайского: с виду простоватый, но страшно умный и упорный.

Притом не зануда, он просто очень чтит Алтайского. А когда того нет дома, он и пошучивает, и напевает, и выпивает. Но предпочитает это делать на стороне, потому что под этим делом до сих пор любит покурлесить. Не зло, весело, но не всем и это нравится. Скажет мимоходом работягам, копающим канаву: вы же неправильно лопату держите! И не спешит удалиться: он на свою беду камээс по боксу, и оттого его не раз валтузили в ментовках. Менты, правда, справедливый народ: если отвалтузят, то на работу не сообщают. Он и сам это одобряет, говорит: «Убедительно», — когда получает в глаз.

При старом режиме его дважды посылали работать за границу и оба раза отзывали досрочно: чего-то он там отмачивал, ронял честь советского человека. Но дочка его всё-таки успела родиться в Алжире. Он её обожает и зовёт не иначе как «дитё». «Дитё», прелестная жёлтенькая блондиночка, похожая на пушистого цыплёнка, тоже его обожает, но уже понимает, что за папой нужен глаз да глаз.

Но я про них расскажу как-нибудь в другой раз. А в этот меня как пронзила старческая походка советского классика, так я и не мог переключиться, так тихонечко и брёл за ним по пешеходной улице Софы Перовской, то бишь Малой Конюшенной, бессознательно повторяя его движения. И вдруг вместо летней озеленённой улицы, по которой прогуливались люди в лёгкой цветастой одежде, я увидел чёрное ущелье из чёрных домов с наполовину выбитыми, а наполовину крест-накрест заклеенными стёклами, чёрные сугробы — и ни единого человека...

И я понял: все, кого он любил, давно исчезли.

Алтайский оглянулся — и летняя улица с праздничными людьми снова ожила. Но он что-то понял по моему лицу, и когда я подошёл, он впервые за годы нашей дружбы вдруг заговорил о себе.

Как будто уже в продолжение начатого разговора.

— ...Ведь я больше всего на свете хотел смыть с себя это *пятно* — расстрелянного отца. Ты понимаешь, в каком бреде мы жили? Кровь моего отца пролили они, а смывать её своей кровью должен был я. До того было страшно отстать от строя. Твой приятель этот... Который всё требует, чтобы я покаялся... Так это всё равно как папуасы бы каялись, что ели человечину. А как иначе? Все едят, и я ем. В блокаду, кстати, и я бы, может, до этого докатился, но на аэродроме было всё же посытнее. Я иногда жене с сынишкой что-нибудь даже прихватывал. За ночь проходил километров сорок-пятьдесят. Я женился перед войной, был на седьмом небе, что из комсомола не вычистили. А она нашего ребёнка крестила. И я ей этого никак простить не мог. Даже невинного младенца невзлюбил. А когда в блокаду он умер, а она за ним следом... Это больше всего меня и терзало — какая же я сволочь! А утешало одно: вдруг из-за этого крещения ей было не так страшно умирать? Я ведь потом не раз ещё любил... А теперь вспоминаю только её. Когда вижу старую фотографию, сразу прикидываю: она ещё могла это видеть или уже нет?

Я не смел дохнуть, да он и разговаривал как будто с самим собой. Мы стояли на людной Малой Конюшенной, но я видел только его белое-белое, старое-старое склонённое книзу лицо.

И вдруг он поднял на меня выцветшие глаза из-под реденькой-реденькой и белой-белой, но все ещё непокорной пряди.

— Вы вот думаете, что вы умнее нас. Что ненавидите друг друга из-за каких-то важных вопросов. А им по сравнению с жизнью и смертью цена... — он пропустил какое-то солдатское словцо. — А это всё такое же детство: крестить младенца или не крестить? Да кому с чем не так страшно жить, пусть тот в то и верит! На Алтае слышал поговорку: век живи, век учись, и дураком сдохнешь. Вот это и есть весь наш выбор. Быть добрыми дураками или злыми дураками.

О, пора к Феликсу в Публичку, он ведь и правда ждать не станет. Похоже, он твёрдо решил оставаться злым дураком. Написал какую-то правду про наш Дом на канале... Да какую правду про кого можно знать, если не умеешь видеть мир его глазами!

Включил телик, чтобы узнать температуру на улице, — опять какие-то южные массы к нам вторглись. Реклама, поучающий женский голос: «Рекомендации для взрослых педиков». И список рекомендаций. Видимо, я не расслышал. И тут же воркующий голосок: «Я сама выбираю, за какую категорию товаров получать повышенный флэшбэк».

Переключил. Стоит простецкая стендаперша, если я правильно называю, косит

под свойскую бабу: «Девочки, вам ещё не надоело имитировать оргазм?», «Чем кобель лучше мужика? Он тоже ссыт на стенку, но хотя бы при этом не пердит», «Мужики замечают пыль, только когда на ней можно написать слово “жопа”», «Я начала встречаться с одним мужиком, так он меня спрашивает: “У тебя что, нет аллергии на минет?”. И я подумала: какие умные бывают жёны!»

Зал лежал вповалку. Вагинальная поэзия триумфально шествовала по миру.

Температуру так и не узнал, но ясно, что к вечеру прохладнее не стало. Пока прошагал под кряжистой аркадой Гостиного Двора, уже взмок.

С нежностью поднял глаза на круглый угол Публички: сколько счастливых часов там было просижено в зальчике редкой книги. Мережковский, Розанов — я не просто набирался ума, я приобщался к убитой прежней России, восстанавливал связь с нею хотя бы в самом себе.

А вот Феликс хочет при помощи старой России убить новую. Как он тогда выразился перед отъездом? «Мне нет места в этой стране». Это было последнее, что я от него услышал. Правда, и повод был серьёзнейший. В универсаме «на кассе» у него попросили показать содержимое портфеля. Он ответил: «У вас есть санкция прокурора?» — «У нас инструкция». — «Она неконституционна». В итоге его задержали, отвели в директорский кабинет, он звонил оттуда в прокуратуру, в ООН и своего добился: в одиннадцать вечера он был отпущен на свободу с неосмотренным пустым портфелем.

Вот и в свободном мире лизоблюдствовать не стал, встал к станку. Наверняка, и здесь не носит маску.

Однако я ошибся — укатали-таки сивку: Феликс появился с голубенькой масочкой на подбородке. Но, миновав дежурную, он её сорвал, обнажив седеющую донкихотскую бородку. На теннисиста он был теперь совсем не похож, а на кого же, на кого похож? Да на стареющего чудака из бывших, конечно, вот на кого. Гвардейский пробор сменила «вдохновенная» седоватая растрёпанность. От его румянца маменькиного сынка тоже не осталось и следа. Правда, и до промытой белизны Алтайского было ещё далеко.

Руки он мне не протянул, видимо, я теперь относился к нерукопожатным. Ну и слава Богу, не нужно притворяться. Но разница в росте всё равно вынуждала меня смотреть на него снизу вверх.

— С приездом в наш Мухосранск.

Он не снизошёл до ответа. Сунув маску в карман, он протянул номерок гардеробной бабуся в чёрном наморднике. Портфель она приволокла, шкандыбая, видимо, тот самый — из потёртой коричневой кожи, намекающей на аристократическое прошлое. Мы отошли к зеркалу и, поставив портфель на подзеркальник, Феликс извлёк квадратный том сизо-бетонного цвета. В центре бетонной стены было прорублено квадратное алое окно, рассечённое чёрной решёткой. Решётка, не мешая их прочесть, рассекала ещё и чёрные буквы:

КУРЯТНИК

на

КАНАВЕ

— А кто это издал?

— Есть ещё честные издательства.

Без всяких вежливых ужимок Феликс протянул книгу мне.

— Так напишите что-нибудь, я потом продам в Пушкинский дом!

Без проблеска улыбки он изобразил какой-то извив, похожий на сперматозоид, и не прощаясь понёс портфель обратно к гардеробщице.

— Феликс, ещё минуточку, — окликнул я его.

— Ну? — он приостановился.

— Ты же всех нас здесь презираешь — зачем тебе нужно, чтобы мы тебя читали?

Он отчеканил, ни на мгновение не задумавшись:

— К сожалению, вы самое большое, что у меня есть. Ещё вопросы будут? Тогда всего хорошего.

Он протянул портфель гардеробщице.

— Сразу надо всё брать, а не ходить по три раза, — проворчала та.

— Позвольте мне самому знать, сколько раз и куда мне ходить.

— Да, вот вам «позвольте», а у меня колени болят!

Бабка уже поняла, что не с тем связалась, и шла на попятный, но не на такого нарвалась.

— Если вы больны, увольняйтесь, вас здесь силой никто не держит.

— Феликс, вы великий человек, с кем вы связались, — попытался я его утихомирить, но он отбросил мою руку.

— Ассставьте меня в покое!!!

И снова накинулся на бабку:

— Как ваша фамилия? Ничего, можете не говорить, я всё равно узнаю, кто в эту смену работал! Я добыюсь вашего увольнения, я знаком с вашим директором!

На этом я сумел вырваться за тяжеленную дверь, чтобы не сгореть от стыда и сострадания.

К кому? Да к нему, конечно, не к ней же! Она его уже через час забудет, а ему с собой жить.

Бетонный блок оттягивал руку. Хотел Доронин правды, вот и получил. Наверняка у Феликса всё там правда. До лжи он не опустится, он честный гриф, — это он истинный гриф, а не Доронин. Он выклёвывает у мертвецов на показ всё самое гадкое, но своего не добавляет.

Однако на Итальянском мостике среди туристов, фоткающихся на фоне Спаса на Крови, я серьёзно задумался: а хочу ли я тащить эту гадость в свой дом? Созерцать наготу отмучившихся соседей? Изучать их показания, добытые пыткой — пыткой страхом и отверженностью? И понял: нет. И не глядя обронил серый квадрат за зелёные чугунные перила. Всплеска не услышал.

И так легко у меня сделалось на душе! Я повернул вправо на набережную к своему Дому на канале и...

— Алло, алло, вы что-то уронили!

Кричали снизу, с воды, и у меня не хватило совести не расслышать. Парень в оранжевом жилете, стоя в маленькой вёрткой лодчонке, балансируя левой рукой, правой протягивал мне бетонную правду, которая тонуть не желала.

Я перевесился через перила, радуясь, что дотянуться не могу, но этот славный молодой человек не желал отпустить меня с пустыми руками. Он раскрыл том примерно на середине и насадил его на лопасть весла. Теперь книга покачивалась перед самым моим носом.

Брать или не брать?..

Наталья Елизарова

Все дороги ведут к Оке

* * *

И будет слово, брошенное вскользь,
не слово даже — так, цитата...
И поезд, уходящий на Оскол,
и снежная сереющая вата.
Уставшие от взглядований в ночь,
от чтения под перестук колёсный
глаза мои — волненье перевозмочь —
засветятся во тьме беззвёздной.
На солнечную кромку февраля
ступлю скорее в ожиданье марта,
внутри струна звенит на ноте ля,
и движется вагон плацкартный.

* * *

Дети крикнут: «Пашка, Рыжий!»
Подойти боятся ближе,
дразнятся издалика.
Солнце Пашке кожу лижет,
оттого-то Пашка рыжий,
попадёшься — даст пинка.
Лето ярким светом брызжет,
детство наши годы нижет.
Нить порвётся за чертой.
Удалось не всем нам выжить.
Где ты нынче, Пашка Рыжий,
дерзкий, золотой?

* * *

Как за королевичем Елисеем
то кружила кедровкой над Енисеем,
красным волком шла по берегу Ангары,
то над Камой парила коршуном до поры.

Корсаком маячила у Тобола,
окунем, кумжой заходила в Кемь.
Волгу знала с детства, ан поняла не скоро:
все дороги ведут к Оке.

* * *

Октября золотое свечение,
новой осени свежесть и цвет.
Только воздух и лес — излечение
той болезни, что в перечнях нет.
Пустобрёх изувеченных правил,
словарей позабытых певец,
ты последний роман обезглавил,
ты в рассказе запутал конец.
Запиши эту осень построчно,
каждой букве придав кривизну,
не оставив пустот, многоточий.
Только точку. Лишь точку одну.

* * *

Когда и музыка не строится,
и слово не вместить в строку,
прочь уезжай, броди околицей,
ищи подсказки на снегу.
Мир чёрно-белый, ясный, базовый,
понятный всем семи ветрам,
вбирай в себя и сказки сказывай
и долгий путь давай ногам.

В избушках ставни заколочены:
ослепли окна ждать своих.
Вмести Россию между строчками,
во все глаза в неё смотри.

Валерий Айрапетян

Атезолизумаб

Рассказ

Старенькая кнопочная «Нокиа» звонила очень редко, но Семён не переставал носить её с собой. Это был подарок на день рождения от бывшей невесты Веры: «Для самых важных абонентов». Телефон хранил номера Веры, брата Андрея, любивших жизнь, но умерших родителей и хотевшего умереть, но здравствующего однополчанина, осетина Левана, которого Семён успел спасти, перерезав осколком стекла верёвку, когда услышал подозрительный хрип в соседней кабинке туалета; пристанище и кладбище, а не мобильник. Несколько раз в год, по праздникам, в день рождения Семёна и в день своего спасения, Леван звонил другу, чтобы поздравить, пригласить в гости и поблагодарить за жизнь. Всё остальное время телефон молчал.

Деловые контакты (номер брата попал и сюда), двоюродная — и далее — родня, друзья и подруги болтались на другом аппарате — модном, массивном, мощном смартфоне, ежегодно обновляемом на следующую (более модную, массивную, мощную) модель.

«Нокиа» даже не звонила, а попискивала как пойманная мышь, и этот нескончаемый писк выволакивал, выцарапывал сейчас Семёна из вязкого, тревожного, похмельного сна.

Всю ночь обмывали новый Семёновский джип, тюнингованный, отмеченный фирменной звездой чёрный куб, прозванный в народе «катафалком», а Андрей — брат, деловой партнёр и совладелец крупного рыбоперерабатывающего предприятия «Правый борт», — под конец сабантуя подытожил статусность покупки ёмким тостом: «Ну, за пятикомнатную квартиру на четырёх колёсах!»

Семён, не покинув ещё обители сна, стянул с кресла пиджак, нащупал жужжаще-пищащий аппарат, поднёс к уху и, намереваясь произнести дежурно-бодрое «алло?!», сипло каркнул. Получилось что-то вроде «акхрло-о».

— Семён?... Сёмушка, это ты?! — звонкая трель надежды, радость и отчаяние матери, услышавшей под завалами голос сына.

Валерий Айрапетян — прозаик. Родился в 1980 году в Баку. В 1988 г. в связи с карабахскими событиями переехал с семьёй в Армению. С 1993 года живёт в России. Окончил медучилище и университет им.А.С.Пушкина. Автор книг «В свободном падении» (2013), «Школа: Дело Дятлова» (2010), «ВРАЙ» (2013). Проза печаталась в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Урал» и др. Живёт в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 12.

Он узнал этот голос, но отнял телефон от уха, взглянул на табло, пару секунд задержался на чужих незнакомых цифрах, запомнил их, прокашлялся и ответил:

— Доброе утро, Мария Акимовна.

— Сёма, здравствуй! Узнал, значит, сынок...

— Ну что вы... конечно... как вас забыть... — замялся, вдевая ступни в мягкие тапочки.

— Сём... — голос женщины задрожал. — Сёма... Вера в беде. Она умирает.

Он так резко присел на корточки, словно ему на плечи взвалили лошадь.

— Как?! Что случилось?

Мария Акимовна всхлипнула:

— Рак лёгких... мелкоклеточный... очень агрессивный...

Впечатанный в память образ цветущей радостной Веры никак не вязался со смертью, с красным кусачим раком, поедающим её лёгкие.

— Тётъ Маш, чем я могу помочь?

Семён никогда не называл мать своей бывшей «Тётъ Машей», но сейчас это обиходное, родственно-соседское обращение само вырвалось как единственное из возможных. Он сидел на корточках, водил рукой по кудрявой голове, иногда до боли оттягивая прядь.

— Знаешь, Сёмушка, такое дело... Мы ведь почти всё продали, чтобы... ну сам понимаешь, какое сейчас лечение в Москве... дачу, машину, мою квартиру... Осталась только Верина однушка...

— Конечно, конечно, понимаю...

— Мне так горько, сынок, так горько! — в трубке послышалось сдавленное рыдание. — Ты ведь помнишь, я сама врач-онколог, столько спасла, столько помогла, а тут... так всё быстро и неожиданно это всё...

— Тётъ Маш... — стало нестерпимо жаль эту прекрасную женщину, от которой никогда на его памяти не исходило ничего, кроме любви и кротости.

— Да, да, прости... — Мария Акимовна глубоко вздохнула. — На данном этапе есть надежда на один сильный препарат, называется «Атезолизумаб», я потом ещё раз продиктую, нужно два курса, это два флакона... Он, правда, очень дорогой и сейчас крайне дефицитный, видимо, из-за санкций, не знаю, но лечащий врач обнадёжил, что можно найти у вас, в Петербурге...

— Прошу вас, очень прошу вас, не беспокойтесь по поводу денег, деньги не проблема... Сейчас запишу, да, секунду... — Семён подошёл к тумбочке, снял с зарядки смартфон, открыл записную книжку. — Как вы говорите, тазылу...

— А-те-зо-ли-зу-маб.

— ...Умаб, ага, записал. Как будут новости, сразу отпишусь, отзвонюсь.

— Сёмушка... — женщина снова заплакала.

— Держитесь!

Он нажал отбой и рухнул на зелёный ворсистый ковёр.

«Ну и названьице! Протезный-лизун-баб какой-то...» — первое, о чём подумал Семён, поймал себя на этих мыслях и устыдился. И тут же вспомнил Серёгу Решето — Решетникова, друга и балагура, умницу и видного сейчас чиновника в питерском Минздраве. Серёга был кандидатом медицинских наук, в прошлом — практикующий гинеколог, писал стихи и пьесы, шпарил по-немецки и на английском, хорошо ориентировался в философии, знал тысячу исторических дат и сонм событий, сделавших эти даты историческими.

Как-то раз, выпивая с ним, на половине второй бутылки коньяка, увлётшись

рассуждением о гендере, Серёга принялся перечислять интимные женские запахи, отметив, что, пожалуй, самый приятный для него — когда «манда пахнет свежееотжатым творогом». Сказал — и погнал дальше умничать. Но это определение обожгло мозг Семёна настолько, что всё, о чём бы — красноречиво жонглируя фактами, датами, отсылками, — ни рассуждал Решето после, затмевалось одной этой сентенцией, которая будто бы стояла в стороне и позёвывала, а в конце каждой тирады выходила на сцену и громко высказывала себя. Что-то необъяснимое в этой формуле влекло и отвращало: манила заявленная свежесть, но отталкивало соседство творога с гениталиями и колючий холод выскобленной матки, исходивший от слова «отжатый».

И сейчас, после того как Серёга непроизвольно возник в голове вслед за коверканием наименования препарата и ещё, наверное, потому, что это был единственный человек, к которому имело смысл обратиться, Семён, лежа в синтетической траве ковра, ощущал в солнечном сплетении перекачивание запутанного клубка чувств. Весть о Вере объяла его сначала ужасом: «Как же так?!» После — отчаянием, чувством вины и острым ощущением навсегда потерянной возможности: «Я так и не сделал её счастливой». Ледяным страхом: «Смерть существует, и она рядом». Желанием спрятаться: «Я не смогу ничем ей помочь».

Но самым неприятным испытанием для Семёна стала необъяснимая, нахлынувшая вдруг ниоткуда радость, которая, если бы умела говорить, то на вопрос «откуда и на что ты мне?» ответила: «Я пришла к тебе, потому что Вера сейчас страдает и умирает, а твоё здоровое тело знает, что живо и сильно, и радуется этому. Ещё потому, что у тебя появилась возможность проявить великодушие и помочь девушке, которая ушла от тебя, тем самым залечить эту кровоточащую до сих пор рану. И ещё потому, что где-то глубоко, неосознанно, ты желаешь ей смерти, которая, забрав реальную Веру, даст тебе возможность придумать свою Веру, сотканную из воспоминаний, фантазий, фраз: сладкую и трагическую историю любви, тепло томящую сердце до самой кончины».

Семён заставил себя встать и подошёл к зеркалу, в котором показался высокий, сухой, мускулистый («это не „дельты“ — это генеральские эполеты!» — не без восторга воскликнул однажды тренер по боксу, похлопывая его по плечам) мужчина с красивой (кудрявая шапочка волос, густая бородка) головой. Вера считала, что с такой фактурой он легко бы сошёл в древности за своего среди греков, персов или иудеев. Стоит только накинуть какой-нибудь хитон, подпоясаться — и в путь.

Пока варил в турке кофе, позвонил Решету, ввёл в курс дела. Тот деловито помычал в трубку, сказал, что перезвонит в течение часа. Решетников выпил вчера больше всех, а с утра, гляди-ка, уже на службе, бодрый и подтянутый, небось, носится по коридорам, флиртует и искрится: беспохмельный тип. Семёна пронзила тоненькая иголка зависти. Перехотелось кофе. Достал из холодильника литровку цельного молока, отвинтил крышку и с жадностью приложился к горлышку.

Принял контрастный душ, после долго растирался полотенцем, планировал. Если лекарство найдётся сегодня, то укатит на завтрашнем утреннем, на пять тридцать, «Сапсане». На «рассветном», как называл его брат, часто мотавшийся по делам в столицу. Похмелье отпускало, даже захотелось немного выпить, но выработанная годами дисциплина претила употреблять, пока не сделано дело.

Позвонил Решетников: «Нашёлся твой этот ебанамат, прямо из царских запасников, записывай телефон человека. Скажешь, от меня, вроде можно сегодня уже забрать. Приготовься, там за два флакона плюс мини-холодильник для лекарств, ну, такой, размером с кирпич, в общем, за всё про всё — пятьсот пятьдесят тысяч, такой

вот расклад, и это ещё полтос мне из уважения скинули. Не благодари, Сёмич, с тебя поляна по типу вчерашней, — друг весело заржал, — не отмажешься, а пока, да, записывай номер...»

«...Пахнет свежееотжатым творогом», — непроизвольно прозвучало в голове после отбоя.

Семён набрал «человека», договорился о встрече. Сегодня, у входа в Летний сад, в 20.00.

Потом написал секретарше, чтобы взяла билет на «рассветный» «Сапсан», любого класса, главное, чтобы сидеть по ходу движения. Отписался брату, что на пару дней уедет. Брат был краток: «Отдыхай».

До встречи оставались бесконечные пять часов.

Семён прошёл в спальню, откатил в сторону зеркальную дверцу шкафа, протиснулся между куртками, плащом и пальто к сейфу, отворил тяжёлую дверцу, достал два красных денежных кирпичика — «на лекарство и вдруг что ещё на месте понадобится». Отсчитал заявленную Решетом сумму, вложил в большой чистый конверт. Оставшиеся деньги (школа брата) разбил на три части: часть в портмоне, часть во внутренний карман рюкзака, часть в карман брюк. Если что и пропадёт, то пропадёт часть, а не всё.

Приготовил уже привычный для коротких путешествий набор: небольшой рюкзак, паспорт, подзарядку для смартфона, пауэрбанк, пачку бумажных платков, влажные салфетки, зубную щётку, швейцарский нож, по паре трусов и носков, футболку, блистер таблеток с анальгетиком, ленточку бактерицидного пластыря, пузырёк хлоргексидина, ручку и блокнот. Повесил на спинку стула джинсы, рубашку. Поставил будильник, перевёл телефон в авиарежим, нырнул в свою холостяцкую двуспалку и, зарывшись с головой в одеяло, забылся крепким сном.

* * *

В какую бы погоду ни приходилось ехать от дома на Аптекарском острове в центр города, Семён не уставал любоваться открывавшимися видами. Проносились мимо фасады Каменноостровского, чередующиеся малыми уютными скверами, дом с башнями на площади Толстого, величавая и одновременно кротко притаившаяся Соборная мечеть (ещё мальчишкой он придумал, что в ней замурованы Прохлада и Тишина), золотая, вонзённая в самое небо, сияющая игла Петропавловского собора, такая безупречная и торжественная, что, глядя на неё, невольно испытываешь неловкость за всё нелепое и мелочное в себе, Троицкий мост с его огромным, внезапным, летящим навстречу простором, разгульная пьяная ширь Марсова поля и тенистые, созданные для неспешного моциона, аллеи Летнего сада. Красота, сообщающая гармонию и лёгкость, не только восхищала, но и успокаивала. И сейчас, в ясный июльский вечер, сидя в просторном салоне такси, он дивился этой тайной химии, превращающей всё внешнее во внутреннее.

Человек стоял у входа в сад и был похож на довольного улыбающегося кота, облачённого в яркий синий костюм. Он слегка поклонился Семёну, мяукнул приветствие, учтиво протянул пухлую лапку. Пригласил в автомобиль: «Припарковался здесь рядом, на Лебяжьей канавке». Мимо прошли два рослых молодца в спортивных бомберах. «Что ни говори, а Шуберта он играет крайне хуёво!» — пожаловался в сердцах один другому.

В машине человек-кот протянул Семёну белый металлический брусок — фармацевтический мини-холодильник. Коротко ознакомил с устройством. Температура

уже выставлена, препараты внутри: он открыл крышку, достал две коробочки, аккуратно извлёк из каждой по флакону. Продемонстрировав, вложил обратно, закрыл крышку. Зарядки хватит ещё на десять часов. Вот внешний аккумулятор, с ним ещё двенадцать часов проработает, потом уже необходимо зарядить от сети. Подзарядка в сумке-переноске, она идёт в комплекте. Человек-кот убрал холодильник с аккумулятором в сумку, протянул Семёну. Тот передал конверт, попросил пересчитать. Пока человек, ловко перебирая пальчиками, шурыгал купюрами, Семён убрал сумку в рюкзак и выставил на смартфонном будильнике время на 4.30 — просигналил за час-полтора до разрядки батареи.

Попрошавшись, Семён двинул вдоль Фонтанки, поглядывая на подрагивающую в золоте незашедшего ещё солнца плёнку воды, и обдумывая этот обрушившийся на него день. Потом свернул на Белинского, чуть было не заскочил в грузинский ресторан, но вовремя себя одёрнул. Вчерашний пышный пир всё ещё звучал в нём голосами тостующих, сейчас же хотелось какой-то камерности, простого алкоголя и лёгкой закуски.

Внезапно обрётённая игривая приподнятость стала рассеиваться. Вспомнился утренний кавардак чувств, особенно постыдная радость. А когда-то проскочившая мимо мысль, что человек — переменчивая тварь, текучая субстанция, эталон непостоянства и, в общем-то, так себе глина, встала сейчас посреди ума и тяжело, как гигантский слизняк, разворачивалась.

Пришла на ум пьяная присказка брата: «Важный я, важный я, как головка от нихуя», а вслед за этим голос брата спросил: «Ты-то сам кто будешь, Сем?»

«В самом деле, кто я буду?» — вопрос, впервые вставший перед ним с насущной требовательностью, неприятно его озадачил. Отец считал младшего сына безынициативным. Мать, напротив, выдумщиком и заводилой. Сам брат не раз говорил, что «Семён слишком добрый». Вера, в свою очередь, упрекала, что недостаточно. Учитель химии считал его недоразвитым, а историчка ставила другим в пример. Друзья и коллеги видят в нём удачливого дельца. Но сколько в этой удачливости — его удачи? Знали бы они! Отец Семёна — Иван Давидович, дослужившийся в своё время до главного технолога Рыбкомбината, на излёте восьмидесятых не без борьбы и интриг сместил директора, а в начале девяностых и вовсе приватизировал предприятие. Со временем ввёл в совет директоров старшего сына — Андрея, а потом и Семёна. Конечно, конечно, он, как и брат, много учился и в России, и в Европе, хорошо понимал дело, которым занимался и, можно сказать, был на своём месте, но за всем этим стоял тот самый обман, который произвёл отца — советского инженера-технолога — в официального, часто мелькавшего в местной прессе богатого собственника.

Он остановился и прислушался к себе. Никаких чувств, ничего. Ни ужаса перед смертью, ни жалости к Вере, ни странной, смутившей его радости. Спокойная молчаливая темень — не то, что утром. Попробуй ответить, покачиваясь на этих качелях, кто ты на самом деле...

Вдруг осенило: единственное, что придаёт и удерживает форму личности этому крикливому балагану, — это постоянная равнодушная основа, которая просто глядит на всё происходящее и никак не реагирует. Скрытый нейтральный наблюдатель, глядящий на мир от рождения и до самой смерти. Убери его — и человек мгновенно исчезнет, разольётся в мутную кисельную лужу.

С этими мыслями дошёл он до сквера у памятника Маяковскому.

Лето в самом разгаре, ночи пока коротки, но с каждым днём становятся всё

длиннее и длиннее. Вечера сразу теплы и прохладны, пахнет разомлевшим за день асфальтом, и как бы ни было уютно в помещении, тянет выйти на улицу, погулять или постоять с бокальчиком, печалюсь и радуюсь разлитому в самом воздухе преходящему празднику жизни.

Он сел на свободную скамью, вокруг которой вышагивали вальжанные тупые голуби, выклёвывающие крошки — остатки старушечьего угощения.

Напротив пили вино из бумажных стаканчиков четыре молодых человека, судя по иногда доносящемуся «а помнишь?..», хорошо и давно знакомых между собой. Справа от них, через скамью, похожие на только что вырвавшихся из боя танкистов, расположились местные забулдыги с подкопчёнными лицами. Из кучки вырывались сизые клубы дыма и густая матерная брань вперемешку с булькающим, напоминающим отхаркивание, смехом. Кучку возглавлял невысокий дед в тёплом рваном не то пуховике, не то бушлате. Танкисты называли его Полковником. Увидев Семёна, он оторвался от собутыльников и, шаркая, подошёл к нему.

— Милости просим, — произнёс он умным ясным голосом, ощерил половину рта и почесал большой, повернутый в сторону нос. — Мы тут немного выпиваем, не желаете присоединиться?

Семён улыбнулся и покачал головой:

— Спасибо, пока неохота. А вы что, правда, полковник?

— Да, знаете ли, было когда-то, гм, дело... — он назвал место службы, род войск, военную часть и принялся деловито копаться в карманах своих многослойных одежд. Затем достал какой-то полинявший документ, развернул его и не без удовольствия протянул Семёну. — Вот, пенсионное удостоверение... моё...

Семён сделал вид, что вгляделся и утвердительно кивнул. Его вдруг умилил этот человек с добрыми, немного лукавыми глазами, не растерявший при таком образе жизни такта, самоиронии и огонька.

— Знаете что, Полковник... — Семён достал бумажник, вынул две крупные купюры и протянул их собеседнику. — Выпейте за то, чтобы всё было хорошо! И не болейте!

Полковник с достоинством принял неожиданное подношение.

— Благодарю вас. Это мы, кстати, запросто... Непременно выпьем. И ни разу, знаете, не заболеем!

Он сунул деньги в карман, развернулся и пошаркал к своим горемычным воякам.

— Нибуя тебе погоны упали, Полковник! Генеральские! — задорно выкрикнул один из четверых, высокий блондин в круглых очках, похожий на какого-нибудь штабс-капитана царской армии. Эти ребята, в отличие от танкистов, заметили передачу денег.

Четвёрка засмеялась, а Полковник сделал вид, что ничего не услышал.

Семёну сделалось ужасно тоскливо в этом пьяном сквере. Он остро почувствовал своё одиночество. Как-то по-детски захотелось, чтобы пришла Вера, села рядом, дотронулась до него, сказала что-то простое и приободряющее, как только она и умела. Мысль о Вере впервые за долгие годы вызвала у него не чехарду эмоций, а именно что чувство, сразу большое, болезненное, требующее к себе особого внимания. Будто только дошло, что Вера, его главная и единственная, ушла лишь потому, что он сам, струсив, изгнал её из своей жизни. Вера, ради которой он не расставался с писклявой «Нокией», ожидая звонка, Вера, которая (и он был уверен в этом до сих пор) станет его женой и матерью его детей, Вера — прекрасная, белая, добрая, радостная, синеглазая — сейчас умирает в одной из московских больниц, в холодной кафельной

тюрьме, окружённая равнодушными профессионалами в медицинских одеждах. Семён едва справился с душливым, сдавившим горло комом и солёной водой, подкатившей волной к глазам.

Он встал, накинул рюкзак и быстрым шагом покинул сквер. «Где-то здесь, — вспоминал он, оглядываясь, — где-то здесь». Увидев слева по улице Некрасова стайки выпивающей молодёжи, перешёл дорогу и направился к барам.

В бар «Залив» Семён вошёл через массивную, окрашенную синим, цвета моря в солнечный полдень, дверь. Интерьер был оформлен в стиле, который Семён привык называть «неосоветским»: светлых оттенков низкие кресла с острыми лакированными ручками, стулья а-ля румынский шик, куцые столики советских гостиных и цветочные горшки на тумбах, обитых шпоном, уживались с ярко-жёлтым, словно пластилиновым, диваном, причудливыми дизайнерскими креслами, пробегающими молнией по потолку неоновыми лампами, барной мебелью и стойкой с диджейским пультом.

Пробежавшись взглядом по меню, он заказал двести водки, бутерброд со скумбрией, яблочный сок; взял выданный ему пластиковый номерок и уселся на свободный барный стул у широкого окна. Через несколько минут подскочила официантка с красивым еврейским лицом, выложила перед ним заказ, улыбнулась, забрала номерок и умчалась.

Первая рюмка слегка резанула ещё не остывший от застолья пищевод, вторая пошла легче, пронеслась тёплым озорным ручейком. Семён закусил, рыба оказалась невероятно вкусной; машинально он составил примерную — от ловли в океане до доставки в бар — логистику, увенчавшую этот хлебец скумбрией. Алкоголь заработал. Тоска отступила, гомон выпивающих не раздражал, а согревал, лица большинства присутствующих казались прекрасными.

Он принялся вспоминать, как жил с Верой, но, кроме нескольких коротких клипов, ничего нового припомнить не мог. Пять лет совместной жизни едва ли умещались в получасовой фильм, скроенный из нарезок видео. Вот Вера в белой рубашке сидит на подоконнике в квартире друзей, пьёт вино и смотрит на крыши домов; а как собирались в гости, как добирались, как уходили, о чём говорили, что ели, — Семён уже не помнил. Вот он, одетый и замаранный стоит в ванне, а Вера счищает с него грязь: поливает из душа, орудует щёткой и хохочет, — это он пьяный возвращался с обмывки удачной сделки, поскользнулся на собачьем дерьме и угодил в слякотную лужу. А как легли спать, как проснулись, чем занимались следующий день, как жили неделю, месяц, — было не вспомнить. Вот они лежат рядом, читают (это Вера приучила его к систематическому чтению, а ещё к хорошему вину, долгим прогулкам, не печалиться по пустякам и не копить обиды), периодически отрываются от чтения, чтобы пообниматься, выпить чаю, перекусить, выйти на прогулку. Клип с совместным чтением чаще всего всплывал в памяти, скорее всего, из-за богатой вариативности концовок.

Семён допил последнюю рюмку в тот самый момент, когда диджей принялся ускорять темп и припустил в сете такого галопа, что надо быть не старше двадцати, чтобы чувствовать себя уютно и выпивать на таком скаку. Он прихватил рюкзак и выбрался наружу.

В воздухе растворилось то самое густое, нежное, ароматное тепло летнего вечера, без которого ни одно лето — не лето.

И снова, позабыв о Vere, ум стал работать на вспыхнувшие ощущения, на этаноловую радость, окружившую его облаком материнской любви, — единственным, чего никогда не бывает в избытке.

Из этого кокона его извлёк протяжный, прилетевший откуда-то слева смех, напоминавший рыдания женщины, застигнутой трагичным известием: «А-а-а-а». Смеялась высокая лысая девушка в обтягивающих кожаных штанах; она стояла спиной к Семёну, то и дело опускала голову к толстому, с вываливающимся из-под поло волосатым животом рыжему мужчине, который, судя по её реакции, нашёптывал собеседнице нечто невероятно смешное.

Семён сманеврировал зигзагом между выпивающими и, будто несомый течением, зашёл в соседний бар. Для буднего вечера людей внутри было достаточно, чтобы сделать вывод о высокой посещаемости заведения.

Он бывал здесь мимоходом раз или два, когда выгуливал московских партнёров, но, сосредоточенный на общении с гостями и будучи пьяным, не успел даже оглядеться. Сейчас же сразу отметил лаконичный стиль, союз дерева и металла, холода и тепла, декорированную белым кафелем стену, украшенную чёрно-белыми фотографиями в стиле ретро.

Слева, похоже, освободился столик: девушка стоя допивала вино из бокала, ожидая упорхнувшую в туалет подругу. На баре он взял триста водки, нарезанный лимон, оливки и сок. Уточнил у девушки по поводу столика, получил утвердительный ответ, поставил графин, рюмку, принёс остальное, уселся. Сразу налил и выпил.

Ещё ожидая заказ, он приметил колоритную тройку, занявшую высокий круглый стол в центре бара: полнотелый, розовощёкий молоджавый мужчина с ниспадающим на лоб светлым локоном в компании высоких близнецов-блондинов. Мужчина походил на Вахха кисти Рубенса, пил водку, о чём-то с жаром говорил и жестикулировал, а парни были мертвенно серьёзны, словно стояли на посту, прислушиваясь к каждому шороху. Усевшись за столик, он внимательней оглядел близнецов. Статные, как гренадёры, с широкими развёрнутыми грудными клетками артистов балета, с красивой посадкой утяжелённых мощными квадратными подбородками нордидов голов. Попадись они в тридцатые годы прошлого века на глаза Геббельсу, тот сотворил бы из них икону, с которой носился б по всей Германии, осеняя фрицев образом подлинного арийства.

Подумал, что Вера сейчас охотно бы присоединилась к этому наблюдению, и тяжело вздохнул. Он вплывал в ту стадию опьянения, когда в пёстрый хоровод образов и ощущений вдруг влетают кометами мысли, проносятся, искрясь, и, если не задержать на них внимания, не ухватить за хвост, безвозвратно пропадают в совершеннейшей пустоте.

Справа от Семёна освободился столик, и Вахх с братьями-арийцами поспешили его занять. Вошли те четверо, что выпивали в сквере. Внимание Семёна привлёк первый вошедший: рослый, самый молодой из компании, с зобной шеей и красивым лицом, готовый вот-вот не то рассмеяться, не то заплакать. Следом, размахивая перед штабс-капитаном руками, темпераментно рассуждал о чём-то невысокий, коренастый, похожий на филина южанин с большими чёрными кругами под глазами. Последним вошёл интеллигентного вида брюнет в панаме и с тряпичной торбой на плече. Заметив вошедших, Вахх подскочил, распростёр объятия и двинулся к ним. Он тепло обнял каждого, называя по имени в уменьшительно-ласкательном варианте (до Семёна долетали окончания: «...мочка», «...рочка»), пригласил их за столик, но штабс-капитан вежливо отмахался и указал жестом в сторону улицы. Действительно, получив в баре напитки, четвёрка вышла.

Раздался звонкий женский окрик: «Пётр!» Семён вздрогнул, осмотрелся; почудилось, что окликнули его. Это была лысая девушка с улицы, стоявшая сейчас в проёме, ведущем во второй зал. С другого конца бара, с торца стойки, ей помахал мужчина семитской внешности в круглых очках, посаженных на круглое лицо. Рядом

с ним, облачённый в винтажный костюм-тройку с бабочкой, сидел юноша с зализанными набок волосами и неподвижным лицом молодого Вуди Аллена.

Лысая направилась к Петру, походя бросила на Семёна взгляд. На полпути развернулась, подошла к нему, взгляделась и громко спросила:

— Ты же Верин парень, да?

— Н-нет... — ответил он, смутившись.

— Да ладно, мы даже разок выпивали вместе. Я одно время работала с ней в благотворительном фонде...

— Нет... нет, — раздражаясь, ответил он и потянулся к графину.

— Гм. Ок, ладно, забей...

Следом за девушкой прошёл тощий зеленоголовый юноша с большим количеством металлических изделий, приделанных к татуированному лицу. Он затынулся вейпом и выпустил молочное, густо пахнущее земляникой облако, повисшее над столиком Семёна. Бармен сделал громкое замечание, и металлический дистрофан, понурившись, выскочил вон.

Семён смотрел на медленно перекатывающиеся клубы дыма, на танец зарождающейся миниатюрной галактики. В животе набухла замешанная на сомнениях, тревога. Тревога нашёптывала. Он приедет в Москву, встретится с Марией Акимовной. Она расплачется, он станет успокаивать. Будут говорить о Вере, о том, что она должна выжить любой ценой. Семён согласится. Тётя Маша покажет последние фотографии Веры. Анемичная, костлявая, лысая Вера с усилием растягивает ссохшиеся губы в подобие улыбки. Из рук, как молодые тростниковые побеги, тянутся кверху трубки системы. Семён, конечно же, пустит слезу. И прошлое, выстраданное им в бесконечно долгом настоящем, выстроенное заново союзом воли и воображения, так хорошо и так уместно вставшее нужным пазлом в мозаику прожитой и проживаемой жизни, начнёт расплзаться, точно висящий над столиком дымный выхлоп.

Стало очень душно. Он опрокинул в себя рюмку и вышел из бара. Справа, лёжа на тротуаре, всунув голову в водосточную трубу, мужчина в джинсовой двойке громко, с выражением читал «А вы могли бы?» Маяковского. Его сиплый, будто укрытый ворсистым ковром голос красиво гудел в железном теле водостока. Четвёрка друзей обступила его амфитеатром. Кончив читать, он вынул голову из трубы и со свойственной многим выпивохам, привыкшим к весёлым чудачествам, интонацией напускной наивности спросил:

— Ну, чё, неплохо, да, пацаны?

— Братан, ты — великий артист! — кинул ему штабс-капитан.

Четвёрка, гогоча и перекрикивая друг друга, направилась в сторону улицы Маяковского.

Водосточный чтец попытался подняться на ноги, но манёвр не удался, и он оказался на асфальте. Следующая попытка привела к такому же результату. Семён было дёрнулся помочь, но скованный общим равнодушием выпивающих, остался на месте.

Тут вышел Пётр, подошёл к чтецу, приподнял его и отряхнул. Из кармана куртки у того выпали ключи. Пётр подал их:

— Ступай домой к жене и детям твоим.

И сделал так, как велел ему Пётр.

Семён, наблюдая за этим, охватился весь каким-то горьким сожалением: понял, как остро не хватало ему в жизни этого тихого умения — просто подойти к лежащему и помочь встать на ноги.

«Уметь подойти и помочь. Просто пойти. Пойти и помочь. Просто уметь помочь...» — повторял он зачарованно, будто собирал и разбирал по частям эту

обычную и нехитрую мысль, пока охватившая его тревога не рассеялась, а пришедшая ей на смену лёгкость не выстроилась в спасительный и ясный план.

Он заскочил обратно в бар, наскоро налил из графинчика остаток и влил его в себя. Покосился на соседний столик. Вакх был явно не в духе. Близнецы сидели по обе стороны от него, точно два истукана, и глядели, как он вращает пустую рюмку, приговаривая, будто обманутый тиран: «Ну ничего, ничего... Всё хорошо, хорошо...» Казалось, близнецы стерегут это «Ну ничего, ничего... Всё хорошо, хорошо...», — чтобы оно не спрыгнуло на пол и, выбежав на улицу, не досталось всем.

Семён выудил из рюкзака блокнот с ручкой, записал по памяти номер телефона, сверил его с высветившимся на экранчике «Нокии» утренним звонком, после вызвал через приложение такси до дома и вышел из бара.

Пётр стоял особняком на краю тротуара и, погрузившись в раздумья, покачивался взад-вперед.

— Пётр, — взволновано начал Семён. — Пётр.

Тот развернулся и с интересом посмотрел на Семёна.

— Пётр, вы можете выслушать меня?

— Говорите.

И Семён, запинаясь, точно мальчик, который пришёл к доктору и просит спасти маму, поведал Петру о Вере, о Москве, о чудо-препарате, о срочности.

— Дело серьёзное... — сочувственно произнёс Пётр после недолгого, но тяжёлого молчания. — Хорошо, я могу, я свободен. Да и в Москве найдётся парочка дел... Но почему вы сами не хотите поехать? — спросил он без тени упрёка, как если бы на детском празднике подошёл к ребёнку и поинтересовался, отчего тот не ест торт.

— Я не могу. Не могу, поймите...

Пётр понимающе кивнул и опустил глаза.

Раздались гудки заводской трубы: будильник.

Семён вытащил из рюкзака сумку-переноску, извлёк холодильник, подключил аккумулятор к устройству, вложил обратно и протянул Петру.

— У нас... у вас двенадцать часов. Вы успеете. Вот номер Марии Акимовны, она в курсе и очень ждёт, — он отдал Петру листок с номером. Подъехало такси. — С радостью отвезу вас на вокзал.

— Спасибо, я пройдусь.

Семён вынул из кармана сложенную пополам пачку денег и вложил в раскрытый зев сумки-переноски, которую Пётр держал, как драгоценную вазу:

— Здесь на билеты и, если вдруг решите остаться, погулять по Москве.

Пётр молча взглянул на Семёна. Что-то детское и сразу дедовское, древнее промелькнуло в этом взгляде: доверие и чувство момента.

— Через сколько сводят Троицкий? — спросил Семён у таксиста, когда тронулись.

— Минут через десять-пятнадцать.

— Покружимся по центру пока.

Когда въехали на сведённый мост, «Нокиа» жалобно тренькнула. Семён достал мобильник, прочитал сообщение: «Открылось кровотечение. Вера умерла. Спасибо за всё».

Он опустил оконное стекло и вышвырнул телефон. Вставшим, бешеным и пустым взглядом Семён уставился вдаль. По стьлому золоту Петропавловки растекался багровый желток зари.

— Нет, вы только посмотрите, какой у нас необыкновенный, восхитительный, красивый город! — воскликнул водитель и прочертил невидимую линию вдоль лобового.

Алексей Комаревцев

Очень петербургский, городской

* * *

Наташе

Как удачно, что мы не соратники Брежнева
в пышных шапках, в пальто на заказ.
Мы друг другу сказать можем что-нибудь нежное
вместо речи к заводу «КамАЗ».

Не встречать нам кубинских врачей делегацию,
в чёрной «Чайке» не мчать по Москве.
Мы спокойно зато поглядим на акацию —
это, в общем-то, туз в рукаве.

Есть «Дюшес» и «Ситро». Вечерет в Таврическом.
Мы на пледе лежим, влюблены.
И в потоке совсем не нужны историческом,
а под деревом этим нужны.

* * *

Подъезды стали, в общем-то, простыми:
не видно классицизма, колоннад.
И только пандус помнит о латыни
и был бы ей сегодня очень рад,

ведь он с такой уверенностью гордой
звучит, как из античности привет,
что вряд ли должен быть обычной горкой
и по себе катить велосипед

в раздумьях, как спасти свою карьеру,
когда везде, куда ни кинешь взгляд,
отсутствуют и копыя, и галеры.
А все оливки в баночках стоят.

Комаревцев Алексей — поэт. Родился в Ленинграде 1988 году. Окончил Институт культуры. Участник Школы писательского мастерства (2020, 2021). Автор сборника стихов «Спецпоказ» (2021). Ведёт (с 2021 года) поэтическую студию «Разбег». Лауреат Волошинского конкурса-2021 (в номинации «Киностихотворение»). Живёт в Санкт-Петербурге. В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

* * *

В день, когда открыт любой балкон,
а вокруг размахивают прессой,
хорошо быть плавленым сырком
и уже не чувствовать процесса,

Только он один когда-то смог
провести нормально подготовку.
А для остальных, кто не сырок,
всё вокруг похоже на духовку.

Хочется присесть и не спешить.
Ветерок покажется бальзамом.
Нужно это просто пережить —
с чеддером на пару, с пармезаном.

* * *

Когда у пирожков невнятный облик,
а в булочках отсутствует вопрос,
самсы равносторонний треугольник
нас учит геометрии всерьёз,

не может просто так лежать без цели,
участником мучного ассорти,
старается, пока его не съели,
хотя б один параграф донести,

похожий на далёкие скрижали,
на груз, который до сих пор тяжёл.
С того урока мы с тобой сбежали,
а он за нами всё равно пришёл.

* * *

И не важно, что снег тороплив,
что ветра разогнались как спринтеры —
есть на ценнике слово «лонгслив», —
это помесь футболки и свитера.

Не банальный пиджак, не трико,
сразу видно: манящее, новое.
В нём почудиться может легко
что-то длинное, что-то фруктовое,

необычный, невиданный плод,
у зимы оказавшийся пленником.
И его кто-то точно сорвёт
со значками для стирки и ценником.

* * *

Куда-то подевался кафетерий —
все скатерти и пол, и потолок.
Возможно, он уже не в нашей эре
и ходит в чаше, словно диплодок,

без длинной шеи, но довольно длинный,
для будничных бесед совсем не прост.
Исчезли пироги и запах блинный,
зато на месте пятизначный хвост,

и можно им вилять, забыв жаркое,
котлеты никогда уже не греть,
промчаться по равнине мезозоя
и папоротник в зарослях задеть.

* * *

Вдоль дорожки — снежные редуты.
Нет второй пригодной полосы.
Кто-то на другом конце маршрута
ждёт меня и смотрит на часы,

словно это всё — какой-то вестерн,
где, увы, не разойтись вдвоём.
Линия сюжета неизвестна,
но с неё мы точно не свернём —

встретимся без лошади, без колыта.
Будет только плеер под рукой.
Если это вестерн, то какой-то
очень петербургский, городской,

где сугробы вместо декораций,
будничных сюжетов торжество,
где тебя мечтают лишь дожидаться
поскорей — и больше ничего.

Елена Скульская

Рассказы

Тополь в небе кружит

На веранде протыкают вишнёвый глаз булавкой и выковыривают зрачок.

Пухом лебединым, будто подстрелили, тополь в небе кружит.

Каштаны, изнемогая от базедовой болезни, раскрывают тяжёлые зелёные жабы веки, заглядывают под коротенькие юбочки пробегающих школьников — безо всякого интереса.

Клён стоит на пуантах надорванных бурей корней, пятипалые листья обгрызены до прожилок.

Дождь остановился у рябины: целует, лижет, покусывает её соски. На дождь косится учительница 6-го «А» класса и говорит в телефон по громкой связи:

— Бесстыдство! Нет, это даже не бесстыдство! Это — о-о-о, да, бесстыдство!

И дождь прячется за деревья, будто он эксгибиционист, а не насильник, и вдруг распахивает листву, словно длинный широкий плащ, камуфляж вздрагивает от прикосновений, учительница выбегает к морю, на песке отдыхает узкогрудая лодка — она лежит лицом вниз, рёбра выпирают, учительница садится на мокрый песок, раскинув ноги, спиной она прислоняется к лодке, чтобы почувствовать тяжёлое хриплое скрипучее чахоточное дыхание впалой лодкиной груди, учительница догадывается: она переворачивает лодку, дотаскивает её до воды, волны с побелевшими от напряжения гребешками вцепляются в лодку, лодка хрипит, стонет, учительница ложится на дно, обнимает дерево и целует его, пока никто не видит, небо опускается всё ниже и ниже, словно белые сборчатые шторы правительственных зданий, словно обвисшие паруса, вода вкрадчиво взбирается в лодку сквозь пробоину, и дельфины ждут учительницу, чтобы поиграть с ней на глубине.

После дождя на просохшей веранде протыкают налитые кровью вишни солнечной жёлтой булавкой, зрачки складывают в старую миску, на дне которой чернеет луна.

Женщина засыпает белым сахарным песком тусклые тушки вишен, она похоронила вчера в саду любимую черепаху, она похоронила её живьём, не решившись убить ненаглядное существо, она не могла представить себе без боли черепахово сиротство, когда её, женщины, не станет и некому будет подать черепахе лист салата, женщина работала уборщицей на пляже, находила кольца, браслеты и жемчужные

Елена Скульская — поэт, прозаик, переводчик, автор множества книг, вышедших в России и Эстонии. Лауреат Международной русской премии, финалист «Русского Букера», четырежды лауреат премии «Эстонский капитал культуры». Печаталась в журналах «Знамя», «Звезда» и других.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2014, № 3.

ожерелья: ожиревшие шеи теряли их, загорая, построила дачу — хотела сварить варенье, но тут почувствовала полную безнадежность жизни.

Тополь падал белыми хлопьями пены, каштановые глаза вынимали из жабьих век, жарили и продавали холодными вечерами, пуанты корней уставали, и клён засыпал стоя, несколько листьев оборвались и полетели к морю, там они долго махали вслед тонущей лодке.

И только соски рябины ждали прихода дождя.

В Петербурге летом

В Петербурге летом жить можно, друг ты мой.

Николай Крыжук

Кошачья лапка патефона...

Воробей в заспанных перьях бросился на тебя. Повис на пуговице пиджака, вцепившись. Спасу. Оборву его, пусть лежит, припрятан на чёрный день в ямке в асфальте, там окурочек и монетка ему. И голову его стряхну с разжатым клювом, как большую крошку. Иди теперь.

В летних сортирах укрылись фигурки в Летнем саду. Дошчатые щели желтеют на белом снежке. Только дедушка Крылов сидит открыто, один. Всё ужинает и ужинает, пока не отобедает. Скоро снег растает, и увидишь варежку с задумчивой прорехой. Такая задумчивая, что спит.

Колька, когда вы жили на Ржевке-Пороховых и всё ещё были живы и я приезжала к вам из Таллина, то у нас с тобой там была своя утка. Помнишь, бездомными прачками свешивались ивы к воде и били бельё. Мостик через Оккервиль — маленький деревянный акробат — всё держался и держался, выгнувшись над рекой. А зачем у этой утки зелень в глазах и хвост кисточкой? Зачем, я только хочу спросить, она перебирает под водой кленовыми листиками лапок, короткими листиками перебирает и не может выбрать?

Кошачья лапка патефона. Пробует нарезку пластинки и не решается играть. Стоматолог держит иглу у больного зуба и, наконец, нежно просверливает свой путь.

Летом в Петербурге жить можно, друг ты мой. Вот поедем на Исаакиевскую площадь, я там выбрала собаку на подоконнике. Она сидит среди цветов и не беспокоит их. Мы сделаем ей надрез на шее, по хребту. Она не заметит. Мы будем складывать туда деньги и накопим много-много. А потом мы свернём за угол, пересечём Невский в пуху, пойдём по улице, и там, где трамвайные рельсы, выскочит пивная. Вокруг разбросаны деревянные ящики, и лежит женщина со смазанным лицом. Она видит, как по небу ползут муравьи. Кто-то наклоняется над ней и шепчет: — Танюшка! Милая моя. Ты что же это слегла совсем!

А на одном будут вязаные перчатки. В июне. Серые в коричневых прожилках, как в камешках бывает на берегу. Он осторожничают руками. Он пьёт не из кружки, из стакана. Он одними зубами поднимает его и наклоняет к горлу. Он — карманник. Он держит пальцы в шерстяном тепле, чуткие, как ветерок в жару, как бутон набухает и сжимает лепестки всё сильнее и сильнее перед самым тем, как распахнуться. Он закатывает глаза и почти уже гладит холодный, выпирающий бок, ворсинки сукна больно стесняют кожу, там табачные крошки и наивный леденец во мху; а руки лежат неподвижно, каменно, отдельно.

У самых рельсов купим черешню. Её завернут в клетчатую бумагу по арифметике, с одним фиолетовым упражнением на дроби. Положим кулёк на пень, ягоды покатаются, будем выбирать их из травы. Запивать пивом. А мимо пройдёт скульптор, у него скульптуры в ожогах, они свою муку, свою безнадежность передают одними

складками одеяний, ужимками глины, потому что у них совсем нет головы, только шея с дырочкой, как у вазы, и как им расскажешь об этом? Он загорюет, увидев нас, съест одну черешню, не сотрёт с неё песок, и песок ещё долго будет скрипеть у него на зубах, с крошечными кусочками ракушек, с прелым привкусом грибницы, и совсем уже ненужно, глупо будет отдавать гашёной известью.

Трамвай покачнётся, прижмёт его к нашему пеньку, петербургское солнце будет качаться над чердаками и подвалами, и всё жалкое, низкое и смешное сойдётся в строчку и поцарапает бумагу.

А ты говоришь мне:

— Я, Лилька, стал вдруг похожа Москву — со сквозняками, с неопределённостью. И ещё, знаешь, словно я весь обит войлоком, сквозь войлок ничего не слышно: слова не долетают, не могут преодолеть расстояние хотя бы до одной ушной раковины.

Так ведь и я тебя не слышу. Старость — это когда начинаешь вспоминать. Начинаешь вспоминать, и нет на свете ни одного человека, который мог бы тебе сказать, что всё было совершенно иначе.

Натюрморт с мальчиком

Он очнулся. Он лежал на земле. Без документов, без денег, без вещей, но прижимая к себе камеру. Вокруг стояли кувшины с длинными птичьими шеями. Синезелёно-лиловые пронзительные горы хребтами поддерживали мятые облака, и ущелья сулили участь Икара. Это, — подумал он, — Сурамский перевал. И ещё он подумал, что пил вчера вино и слушал тосты и даже, наверное, курил траву, но это было в Тбилиси, куда его прислали из Москвы сделать фоторепортаж... О чём? И, может быть, он вовсе и не вчера был в Тбилиси — там ведь всегда произносят тосты и пьют вино, и прошлый вечер невозможно отличить от какого-то другого. Он дошёл до крошечной деревушки, где как раз делали кувшины с птичьими шеями и выставляли на продажу — встречали экскурсионные автобусы, а то, что не смогли продать сегодня, оставляли у дороги до завтра. И вот он шёл по этой крошечной деревушке с почему-то сохранившейся камерой, шёл по горячему, песочному, гончарному краю, не решаясь постучаться, попросить еды и питья и чтобы его отправили в Тбилиси. Не решался ещё и потому, что вдруг засомневался в Тбилиси — может быть, он и не был там: не мог вспомнить ни одного лица из тех, что делили с ним застолье. Но ведь он наверняка прилетел из Москвы, правда ведь, тут-то не может быть сомнений? Правда ведь?! Он слышал бесконечное «э-э, э-э, бэ-бэ» баранов, увидел, как одного из них схватили за задние ноги и поволокли, а баран жадно продолжал щипать траву... Целый день он кружил по деревне, разглядывал чёрные блестящие пуговички, оставленные на земле овцами, и вдруг совершенно точно вспомнил, эта очевидная точность обрадовала его безмерно, что когда-то давно, в старину, печи топили овечьим кизяком. И тогда он, наконец, обратился к женщине в чёрном и к стоящему рядом с ней мужчине; они стояли у калитки.

Женщина прикоснулась пальцем к камере, висевшей у него на груди. Мужчина сказал:

— Сфотографируй нашего мальчика!

За калиткой стоял домик, сложенный из булыжников, раскачивались тяжёлые гамаки винограда: пухло, животами, прислонялись к стенам и вяло отодвигались, ворочаясь во сне. Жужжала пчела, поселяя в воздухе ворсинки, мелкие тучи пыльцы и особый покой нагретого чердака.

Вымытые половицы дышали как живое дерево, раскрывая заскорузлые поры. Скатерть свешивалась со стола бахромой, которую в детстве хорошо заплетать в косички долго-долго, пока не прогонят спать.

Мальчик сидел на диване, чуть ссутулившись, лет семи, в синем костюмчике, надвинув на глаза кепку. Он не шевелился, обиженно ожидая фотографической расправы. Руки были сложены на коленях, и просвет между ними походил на тёмное сердечко.

Взгляд мальчика невозможно было поймать, он ускользал от объектива, словно взгляд дикого зверя, который не хочет смотреть в глаза.

Мальчик был мёртв несколько дней; как у всех мёртвых, голова его сделалась меньше и неправильной формы, словно ждала, чтобы напитаться подземными соками и расправиться, и набухнуть от подземной воды.

Мужчина что-то сказал женщине в чёрном, она ушла и сразу вернулась с длинным блестящим ножом.

— Так получилось, — сказала женщина, — ни одного снимка не сделали при жизни, а теперь нечего повесить на стену. Снимай хорошенько.

— Пойдём со мной, — подождав, сказал мужчина. — Никто не осудит меня за то, что я зарезал убийцу своего сына.

Так и осталось на портрете: совершенно непонятно, куда смотрит мальчик, всё мимо и мимо.

Вечером

Они разъехались, но не потерялись. С первого класса сидели за одной партой. Потом как-то незаметно прошло шестьдесят лет. Один в Нью-Йорке, второй в Омске.

— Так хорошо, — говорит один, — как бывает только перед войной. Ты медленно бредёшь вдоль океана по деревянному настилу, слева волны, а справа скамеечки. На скамеечках сидят женщины, некоторые с книжечкой, а большинство просто смотрят на тебя. Они овдовели. Всю жизнь были замужем, а теперь овдовели. И не могут привыкнуть и смотрят на тебя. Тепло. Цапля моет ноги в океане. Те, что помоложе, сидят с собаками. Те, что постарше, держат кошку на руках. Но собак и кошек не так-то и много, а больше всё сидят и просто смотрят на тебя. А бывает, одна снимется со скамейки, легко подлетит к тебе и прямо так спросит: «А вам не одиноко?»

— У меня тоже был случай, — отвечает второй. — Я огурцы засолить собрался. Дал денег Антоше и попросил сходить на рынок. Я говорю: «Антоша, засолю огурцы, купи ты, Антоша, значит, огурцов и набор для засолки: зонтики укропа, листья смородины, вишни и хрена, а семена горчицы, — тут я улыбаюсь с хитринкой, своей запашивости улыбаюсь, — а семена горчицы у меня есть, да ты, Антоша, не забывай, ты просто попроси набор для засолки». Ушёл Антоша и вернулся — с огурцами, а без набора. Я говорю: «Антоша, как же это я огурцы засолю?» А он вдруг закричал на меня, почти плачет: «Зачем вам непременно листьев каких-то и зонтиков укропа?! Вы что, так не можете засолить огурцы?! Вам что, соли мало?! Или вы и тут всё лучше всех знаете, всегда всё лучше всех знаете!» — и хлопнул дверь. Потом сразу вбежал обратно ко мне на кухню, распечатал блок сигарет — обёртка ему не давалась, не мог нащупать, где край, зубами надорвал — схватил пачку и снова хлопнул дверь. Живёт у меня четыре года, книгу толковую написал «Набоков и Кафка» — продолжил тему курсовой, я тогда ему и посоветовал. Он тогда ещё обратил внимание, что у Кафки в «Превращении» Георг Замза просыпается утром и понимает, что он насекомое, которое нельзя, невозможно себе вообразить, в этом весь ужас и смысл, а Набоков из зависти, значит, это насекомое в лекциях конкретизирует, разбирает энтомологически, то есть снимает страх, делает Замзу почти обычным тараканом. И я вот за эту тему ухватился, пиши, говорю, Антоша, я помогу тебе. Нет, я не спорю, конечно, можно засолить огурцы без зонтиков укропа, да и от чего ты укроешься под эдаким-то зонтиком? Но хрустеть не будут уже, не будут!

Девушки

— Есть и хорошие новости, моя дорогая! — она пододвигает подруге кусок торта с жирными маслянистыми кудрями крема и снимает на телефон раскрытый рот подруги с испачканным помадой белоснежным зубом. — Мой знакомый доставлял вино на вечеринку врачей онкологического отделения, я, кстати, всегда езжу туда пить кофе — в онкологическое отделение — там лучший кофе в городе и фонтанчики возле буфетной стойки, Моцарта играют, ну, короче, в коридоре химиотерапии мой знакомый встретил... Сильвестра!

Подруга, униженная кольцами, страдающими базедовой болезнью — выпученные камни вылезают из оправ и показывают напрягшиеся прожилки, — отодвигает тарелочку с куском торта.

Тишина. Они сидят в кафе на берегу моря. Вдали видны белые бутербродики яхт с мачтами вместо палочек, такие палочки втыкают в маленькие бутербродики на фушеттах.

— Я тоже не с пустыми руками пришла, — говорит подруга. — Элеоноре, я знаю совершенно точно, отняли правую грудь.

Та, что ездит в онкологическое отделение пить по утрам кофе, поднимает татуированные брови и задумчиво следит за сплетением волн, за белой молочной пеной на гребешках, море тёмное, пена белая, словно вместе — кофе-латте.

А её подруга думает, что белая пена на гребешках напоминает бабушкины салфеточки, вывязанные крючком. В их маленьком домике на окраине такими салфеточками бабушка накрывала радио, телевизор, подушки на кровати и ещё вязала воротнички на платья внучке, чтобы было посвежее и небедно. И, поразмыслив, она говорит:

— А вдруг Сильвестр приходил не на процедуру, а по какому-нибудь другому делу? Вдруг у него там просто знакомая, роман?

— Не исключено, — вздыхает любительница онкологического кофе, — только почему ты всегда настаиваешь на чёрном сценарии? Это неприятно! Я же не подвергаю сомнению грудь Элеоноры. Отняли, говоришь ты, и я киваю, потому что я ценю нашу дружбу.

— Господи, ты такая вспылчивая! Давай не будем портить себе прекрасный день. Посмотри, как красиво вокруг.

И действительно, возле их ног дети выстроили готический замок из мокрого песка. В этом замке живут совы и летучие мыши; летучие мыши висят вниз головой и улыбаются медленной и нежной улыбкой. Совы ошарашенно вскакивают по ночам, и глаза их показывают вечный жёлтый свет светофора-дальтоника, соскучившегося в своём чёрно-белом мире. По внешней галерее замка прогуливается девушка, ей так хочется броситься вниз и разбиться, но она медлит, смотрит на луну и не замечает крадущейся за ней по стене тени.

Маша

— Ты меня утомляешь, как поезд на Дальний Восток.

— А сурок, он с тобою — твой верный немецкий сурок?

Он повесился, знаю, но вдруг оборвался шнурок?

Или выдержал? Значит, прощай, ненаглядный, свой срок

Ты отбыл и откинулся... Нарам любви невдомёк,

Как устал ты от Людвига ван, Иоганна Вольфганг...

Просто очень смешно — ты анапестом заговорил! Санечка, не сердись, я только хотела спросить, а если вот я приду, а его там не будет? Я могу простоять долго, а он всё равно не придёт!

— Господи, Маша, сколько же можно повторять одно и то же: ты постоишь-постоишь, его нету, но ты тогда увидишь, как набухают почки на деревьях, как они поддаются нетерпению, распахиваются и выплёскивают листки, ты засмотришься на почки и сможешь жить дальше.

— Я не смогу. А ты ездил во Владивосток? Семь суток. И всё трясётся. И стакан с коньяком или водкой подпрыгивает, словно человек, у которого руки связаны за спиной и ноги связаны, а он всё равно подпрыгивает и движется к краю столика и лучает момент, и падает.

— Маша, он разольётся, но не разобьётся — там же коврик в купе всегда есть. Грязненький такой, стёртый... И помыться нельзя. И поезд идёт со всеми остановками.

— И так хорошо телефонится, плачется.

— И проводница в форменном платье.

— У кипяточка с горкой стаканов...

— Чуть загородит ручку стоп-крана. Правда, стало легче. Спасибо. Но он ведь придёт, Санечка?! Нет, ты обещаешь, что он придёт!

Наташа

— Данута, ты не звонила мне пятьдесят лет. Как закончили университет, так и не звонила. Я тебя не узнаю, если увижу, мы даже встретиться не можем — потому что я тебя ни за что не узнаю.

— Нет, Кармелла, ты должна всё бросить и поехать со мной в Копли — это ужасный район, я там никогда не была, там деревянные дома с уборными на лестничных площадках. Помнишь, Наташа рассказывала, что она в эту уборную ходит с семечками, даже иногда с бутербродами, с учебниками, потому что там тихо, там можно готовиться к экзаменам, а больше нигде. А Наташа — подруга нашей юности, если в тебе осталась хоть капелька совести.

— Данута, я и Наташу не узнаю, и домов таких больше нет. Зачем ты мне звонишь?

— Наташа лежит парализованная где-то в Копли, адреса я не знаю, лежит, никого у неё нет, только старая собака скулит у порога — некому подать ей воды!

— Кому?

— Собаке! Некому собаке подать воды. Поедем вместе.

— Ты же даже адреса не знаешь, куда мы поедем?

— Кармелла, ты всё забыла, всё забыла. Помнишь, как Наташу попросили на экзамене привести пример метафоры, а она ответила: «Всё пройдет, как с белых яблонь вишня».

— Помню.

— Ещё бы ты не помнила: ты об этом в своей последней повести написала. Распродаёшь, значит, друзей на мелочном своём аукционе. Креста на тебе нету, вот что я тебе, Кармелла, скажу. А Наташа лежит парализованная. Представляешь, какой там запах: хуже, чем был у нас в общежитии пятьдесят лет назад — в деревянном послевоенном бараке, а я всё равно выучилась и стала знаменитым переводчиком эстонской литературы на литовский язык, а ты смеешь говорить, что не узнаешь меня, меня все знают, поедем в Копли, будем там ходить, искать Наташу. Или ты предпочитаешь за славой гоняться? Слава не приходит к тому, кто за ней гоняется, она приходит к тому, кто живёт в лесу, вдали от суеты, в саду, поросшем крапивой, жгучей

крапивой, как моя обида. Слава пришла не к тебе — международной звезде, как тебя назвали сегодня по радио, присосалась ты там к кормушке — а к Тойво Тамму, вот!

— Так ведь он умер, — тихо произносит Кармелла. — Слава пришла, да не застала его, — и усмехается: — Он с ней разминулся.

— Да, — хихикает Кармелла, — не сверили часы!

Совершенно случайно оказались они в одном доме престарелых — для писателей. Данута только что вселилась и узнала, что и Кармелла тут. И позвонила. Всё-таки родная душа! Только у Кармеллы корпус побогаче, отдельная комната, массаж, бассейн. Данута, впрочем, ещё не добралась до корпуса Кармеллы, у неё тоже была отдельная комната, массаж и бассейн. Но в её корпусе считалось, что прозаики живут лучше переводчиков, и — ничего удивительного, так в жизни всё и устроено!

Творческие вечера проходят в большом общем зале административного корпуса, туда зовут из всех отделений, и всё-таки совершенно очевидно: тех, кто из богатых палат, и хвалят по другим расценкам, и читать отрывки из них, приглашают артистов настоящих театров, а артисты охотно едут в хвойный лес дышать воздухом, всем известно, что артисты — не люди.

— К твоему сведению, — кричит Данута, — двоюродная сестра Тойво Тамма очень тепло отзывалась о моём переводе его романа «Дьявольская епитимья», я чай в их доме пила, в гостях у них была и чай пила, к твоему сведению.

Пункт № 6

Ей был семьдесят один год. Она хорошо разбиралась в людях и стихах, стихах и людях, а жизнь воспринимала смутно: сквозь запотевшее стекло.

Чтобы выжить, раз в году подавала она прошение в министерство культуры, в писательский отдел, куда стекались отчисления из казино. В её маленькой стране для материальной поддержки художественного творчества были разрешены все азартные игры, публичные дома — в витринах сидели шоколадные женщины и ели лапшу быстрого приготовления; они смотрели на приезжих, волочащих с вокзала чемоданы на колёсиках, чемоданы подпрыгивали на булыжной мостовой, чемоданы трясло и иногда так тошнило, что отлетали замки и на мостовую извергались кофты, кремы и нежное бельё — на случай ответственного свидания.

С каждым годом становилось ей всё труднее заполнить формуляр прошения; ей никогда не отказывали в вспомоществовании, но нельзя было допустить ошибки ни в одном пункте, иначе компьютерный робот браковал запрос, и ничего тогда не поправить до будущего года.

Деньги министерство выдавало для написания нового романа. Она писала в год по роману, его издавали маленьким тиражом, привозили ей любезно авторские экземпляры, а остальные сразу везли на заброшенный склад, медленно опускающийся в болото. Где книги прели, набухали, украшали себя напоследок морошкой, и смыкалась над ними, наконец, табачная жижа.

Всю жизнь ей везло, но вот именно сегодня она получила извещение от жалостливого канцлера министерства, что компьютерный робот забраковал её прошение, что самый существенный пункт № 6 заполнен ею недостаточно, даже ошибочно, и что в виде исключения ей разрешается внести поправки до 23 часов 59 минут сего дня.

В момент грозы и беды она умела собираться и действовать решительно и разумно. Она нашла номер телефона канцлера — главного специалиста-консультанта отдела литературных премий и стипендий (она подпадала под раздел стипендий) — и позвонила. Шуршащий, с придыханием осенней листвы голосок ответил:

— Юля.

— Госпожа Юля, — заговорила она, точнее, закричала, потому что так и не научилась говорить по телефону обычным голосом, а всё ждала помех, которые надо будет перекричать, она закричала и почувствовала, как подскакивает давление, ударяет в затылок, — простите, что смею, но умоляю помочь, я уже отстала, я понимаю, но вот пункт номер шесть, а я всё верно написала!

— Я сейчас, признаюсь, не на службе, я сейчас в кабинке, — и Юля перешла на шёпот.

— А-а, вы в кабинке...

— Да, в кабинке, я не в кабинете, в кабинке, тут очередь. Я примеряю платье и немного колеблюсь — очень рискованное и совсем не министерское и, знаете, такого infernalного рокового цвета сливы, знаете, с которой содрали кожицу...

— А рискованно длинное или рискованно короткое? — спросила она.

— Нет, тут дело не в длине. Оно так устроено, что и декольте и, знаете, спина тоже сильно открыта...

— Это красиво!

— Да красиво, но я так волнуюсь!

— И я, я тоже волнуюсь. Вы написали, что исправить прошение можно только сегодня до 23 часов 59 минут, я сама не справлюсь, я умоляю не бросать меня, помочь.

— Боже мой, — ответила Юля, — ну конечно же я помогу, это мне совершенно не трудно, это моя работа... Мне только добраться до компьютера, и я всё сделаю!

— Но вы же, наверное, прямо из кабинки пойдёте на свидание — в таком-то платье...

— Пойду-пойду, уже даже опаздываю, так всё сложилось, я даже не ожидала, и вдруг...

— То есть это первое свидание?

— Первое, первое!

— И вы не знаете ещё, чем оно закончится...

— Как же можно знать, всё так неожиданно... Я даже и не думала уже... То есть я как будто бы ещё надеялась, но как будто бы уже напрасно...

— И может так оказаться, что вы останетесь на ночь и попадёте к компьютеру только утром...

— Вот именно!

Анастасия Атаян

Кто приносит дожди

Рассказ

— Я не поеду. Что если из-за тайфуна отменят паром обратно? Что тогда? Представляешь, какой разнос мне устроят на работе? — Такахиро ходил по комнате. Шаг вперёд — крутой поворот — шаг обратно. Я сидела на полу, сжимая сланцы. Не могла решить: положить их в чемодан или достать из него купальник, шорты и пляжные полотенца, а сам чемодан спрятать в шкаф. Нам с чемоданом очень хотелось на море, а Такахиро — повышения.

— Я так долго планировала отпуск! Знаешь, чего мне стоило урвать билеты на паром? Это тебе не просто путёвку в турагентстве купить или отель на «Экспидии» букнуть! Люди годами не могут взять билеты на паром до Огасавары! Годами! А тебя пугает тайфун!

— Меня пугает не тайфун, а то, что из-за него мы не сможем вернуться в Токио к понедельнику. В понедельник подписание контракта! Забыла? Я этих клиентов обхаживал несколько месяцев! Я их почти переманил! А если паром обратно отменят? Ты понимаешь, что мне за это будет? Сорвать сделку года в самый последний момент?

— Тайфун может и мимо пройти!

— Как же! Пройдёт он мимо! Прямо по Огасаваре и ударит! Уверен в этом!

— Ты будущее умеешь читать? Откуда тебе знать, в какую сторону двинет тайфун, если даже метеорологи понятия не имеют, куда он завернёт?

— Откуда мне знать? — Такахиро резко остановился. — Откуда мне знать?

Мы оба знали, что знать ему было неоткуда, но признать своё незнание Такахиро не позволял характер. Такахиро был уверен, что знает абсолютно всё на свете. Он переминался с пятки на носок, искал ответ на полу, в мусорном ведре, на магнетиках, облепивших холодильник, на потолке, на стенах. Обшарив глазами всё вокруг, Такахиро уставился на меня.

— Откуда мне знать? — он начал тыкать в меня пальцем. — Да оттуда, что ты — женщина, приносящая дожди!

Я пожала плечами. Бросила сланцы в чемодан.

Атаян Анастасия Вячеславовна — японист, политолог-международник, прозаик, родилась в 1989 году в Сергиевом Посаде. Автор романа «Узники Птичьей башни» и повести «Колодец памяти», входивших в длинный список премии «Лицей» (2019 и 2020). Живёт в Токио. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Не поеду! — Такахиро скрестил руки на груди.

Я достала из чемодана сланцы, а за ними — шорты и пляжные полотенца.

— То-то же! Найдём, чем заняться в городе! Всяко лучше, чем ехать на море в тайфун!

Я вытащила из шкафа рюкзак.

— Раз ты не едешь, нет нужды брать чемодан. Поеду налегке!

— Ну и езжай! — буркнул Такахиро, добавив тихо «женщина, приносящая дожди».

Так меня обозвал его начальник. Болтливый старичок Ичимура, как и Такахиро уверенный, что знает всё на свете и даже больше. Год назад Ичимура пригласил Такахиро на барбекю на майские праздники.

— Ты понимаешь, какая это честь! Начальник отдела позвал меня в гости! На барбекю! Он меня заметил! Не зря я весь апрель торчал в офисе до последней электрички! — Такахиро вышагивал по кухне. Он напоминал зомби, которому вкололи ампулу адреналина. Весь предыдущий месяц он приезжал домой ближе к часу ночи, падал на футон прямо в костюме, пропахшем переработками, только чтобы следующим утром встать по вою будильника и в семь тридцать отправиться навстречу новым салариманским свершениям.

— Круто! — я не особо разделяла его раболепного восторга. — То есть мы не поедem в горы на майские праздники?

— Какие горы? Где горы и где барбекю с начальством! Это наш шанс!

— Наш?

— Конечно, наш. Вместе пойдём. Будем производить хорошее впечатление.

Одного Такахиро ненасытной корпорации было мало, и по мою душу пришёл вездесущий Ичимура-сан. Я плюхнулась в кресло, закрыла лицо рукой.

— В горы мы отправимся в другой раз! — Такахиро потряс меня за плечо. — Обещаю! Давай выберем, что ты наденешь! Мы должны выглядеть идеально!

Такахиро лучше знал, что понравится боссу, поэтому выбрал наряд за меня. Заставил стереть красный лак и покрасить ногти нежно-розовым.

— Может, сходишь в салон на укладку? Ещё есть время! — предложил он за час до выхода.

— Мы идём жарить мясо, а не в театр! И я честно не понимаю, почему нельзя надеть кеды!

— Вот увидишь, там не будет никого в кедах! Ты же не хочешь стать единственной женщиной в кедах? Чтобы все на тебя показывали пальцем и шушукались?

Я не стала единственной женщиной в кедах. Я стала «женщиной, приносящей дожди».

Когда мы вышли из дома, ярко светило солнце, но чем дальше уносила нас электричка, тем сильнее хмурилось небо. Небо тоже не понимало, почему жарить мясо нужно на каблуках.

На решётку выложили мраморную говядину. Начал моросить дождь. Пока Такахиро обслуживал босса и его возрастных гостей, болтливый старичок Ичимура успел рассказать мне, что он думает о Путине, Шараповой, пирожках, Загитовой и её собаке, Достоевском (его он понимал гораздо лучше меня, как и Такахиро) и водке — именно в такой последовательности. Только Ичимура начал рассуждать о трагедии русской женщины в исконно мачистских формулировках, как грянул гром. Гости переместились под навес. Такахиро забрал у начальника пустую банку пива и двумя руками, сервильно склонив голову, подал Ичимуре новую. Я ждала, когда он подольёт

мне вина, но Такахиро прислуживал лишь начальнику. Совершенно раскрасневшись, Ичимура выдал:

— Смотри-ка! А она у тебя, выходит, женщина, приносящая дожди!

Такахиро переводил взгляд с меня на начальника. Казалось, впервые в жизни он не знал, что делать.

Небо пронзила яркая вспышка — гром, казалось, раскатился до самых Японских Альп. Такахиро открыл было рот, но Ичимура хлопнул его по плечу, указал пальцем в небо и захохотал.

— Смотри-ка! Дело говорю! Она женщина, приносящая дожди! — писклявый смех Ичимуры передался остальным.

— Точно! Женщина, приносящая дожди! Сразу и не понял! — последним засмеялся Такахиро.

— Но ничего-ничего! — старикан отпил пива, осмотрел меня с головы до ног и снова хлопнул Такахиро по плечу. — Зато кожа у неё белая!

Дождь не переставая лился на тент, Ичимура начал проливать пиво себе под ноги. День перетёк в вечер. Никто больше не обращался ко мне по имени. Теперь меня звали *Амэ-Онна* — «женщина, приносящая дожди».

С тех пор, стоило непогоде порушить планы, Такахиро поджимал губы и выдыхал: «Ничего не поделаешь».

В июне начался сезон дождей. Небо рыдало недели напролёт и никак не могло выплакаться.

— Солнце не выглядывало из-за туч целых двадцать два дня. В этом году сезон дождей бьёт все рекорды, — объявили в новостях.

Я заметила, как Такахиро покосился в мою сторону.

— Может, хватит? — спросил он то ли небо, то ли меня.

Я и сама начала верить, что могу вызывать дожди и грозы. Меня это не сильно беспокоило. Мне это даже льстило. Есть девушки красивые, есть девушки умные, а я вызываю дожди. Я помогаю небу скинуть напряжение. Я проливаю воду на рисовые поля и чайные плантации. Иногда я выходила на балкон и, поднимая руки, пыталась дотянуться до туч: так я чувствовала себя всесильной. «Если я могу повелевать погодой, то и с отчётом квартальным справлюсь, и с горой немытой посуды», — говорила я себе, когда сил ни на что не оставалось, а настроение серело под стать пейзажу за окном.

Как-то в Токио нагрянули школьные друзья Такахиро. Я решила сразу сбросить маски: «Мое хобби? Я вызываю дожди!»

* * *

— Ты уверена? — спросил Такахиро, сдавая билет в кассу. Возле окошка вытянулась очередь — никто не покупал и не перепоккупал билеты, все держали билеты в руках, собираясь их сдать.

Я кивнула. Мы попрощались так, будто паром вот-вот выйдет не в Тихий океан, а в реку забвения и унесёт меня туда, откуда не возвращаются. Я прошла по трапу, помахала Такахиро рукой и скрылась в каюте.

До Огасавары мы плыли сутки. Небо было безоблачным. Небо было таким чистым и таким голубым, что я и думать забыла о прогнозе погоды.

Я не встретила на Огасаваре ни одного туриста — за исключением бледного лица в зеркале заднего вида в единственном автобусе, курсировавшем по острову. Казалось, я одна не отменила поездку. Я всё ждала, когда прольётся дождь. Такахиро убедил меня

на дорожку, что я навлеку на японские Галапагосы тропический ливень. Первый день на островах обошёлся без дождя. Как и второй. Как и третий.

— Вы, оказывается, *Харэ-Онна* — женщина, прогоняющая тучи! — сказал водитель автобуса. Я была единственной пассажиркой и позавчера, и вчера, и сегодня. За пару дней он рассказал мне об острове столько, сколько не рассказал ни один путеводитель. — Обещали тайфун, а он мимо прошёл!

Я не стала говорить водителю, что в зеркале отражается женщина, приносящая дожди. Вдруг тайфун просто опаздывает?

Водитель высадил меня в центре острова. В истерзанном ветрами домике с покосившейся табличкой за поглоданной ржавчиной дверью, по его словам, лепили лучшие на острове суши.

Хозяйка поприветствовала меня, точно долгожданного гостя, суетясь и поправляя передник. Я сидела одна за стойкой, наблюдая, как она мнёт в руках рисовые колобки, как кладёт на них сверху рыбу, как выкладывает суши на плоскую чёрную тарелку. Стены были увешаны фотографиями дельфинов и хозяйки в гидрокостюме.

— Я о вас наслышана. Вы *Харэ-Онна*, женщина, прогоняющая тучи. Спасибо за ясное небо! — улыбаясь так, как умеют лишь островитяне, она поставила тарелку передо мной.

Я не смогла признаться загорелой доброй женщине, водившей дружбу с дельфинами и готовившей самые вкусные на острове суши, что я *Амэ-Онна*. Что если тайфун мнётся у порога? Что если он лишь опаздывает?

Я ждала дождей как неизбежности, но дожди не явились ни на четвёртый, ни на пятый день. Звала ли я их на Огасавару? Подставляла ли я небу плечо, чтобы оно выплакалось? Нет, правда, и в Токио я этого не делала.

Небо было ясным, как на открытках, таким ясным, что ночами, раскачиваясь в гамаке, я видела если и не все звёзды мира, то почти все. Я видела столько звёзд, сколько не видела за всю жизнь. Прямо надо мной пролегал Млечный путь. Я вытягивала ноги вверх и делала вид, что шагаю.

— Удивительно красивое небо на этой неделе! Давненько такого не было. Летом здесь часто льют дожди и не видно звёзд — повезло вам! — на крыльцо вышла хозяйка. Я снимала у неё просторную комнату с видом на океан. — Вернее, это нам повезло, что приехала женщина, разгоняющая тучи!

— Знаете... — я села в гамаке. На следующий день меня ждал паром обратно, напоследок я решила признаться. — На самом деле я *Амэ-Онна*. Я женщина, приносящая дожди.

Хозяйка рассмеялась.

— Так говорит Такахиро, мой парень! И так говорит его начальник! — добавила я.

— Ваш парень? Тот, что остался в Токио?

Я кивнула.

— В Токио, на который обрушился тайфун? Ради вашего парня тайфун изменил маршрут. Это ваш парень накликал на Токио дожди. Это он — человек, приносящий непогоду, пусть он никогда в этом не признается ни вам, ни тем более начальнику. А вы — женщина, прогоняющая тучи. Спасибо за ясное небо! Приезжайте к нам ещё. И поищите себе нового парня.

Сутки спустя я везла в Токио солнце.

Евгений Орлов

И трава и любовь песок

Эпизоды

Бедуин пишет в Абу-Даби. Драма с песнями и танцами

(пишет)

не сусальным мёдом намазана
а ещё не сказать: в долгу
для какого такого праздника
я Тебя берегу?

вот казалось бы связь утрачена
перерезаны стремяна
и пустынная однозначность
между нами проведена

как же в памяти всё устроено
на рефлексе ли по шелчку...
для всемирной какой истории
я Тебя берегу?

(поёт)

всё песок: и трава и любовь песок
запад кончится там где зачат восток
для всего на свете отмерен срок
бедуин всегда одинок

(продолжает писать)

или может быть этот скарб нести
с ощущением воровства —
порождение беспризорности
и непризнанного родства?

Орлов Евгений Фридрихович — поэт, культуртрегер. Родился в 1960 году в Риге в семье актёров. Окончил филфак Латвийского университета. Организатор конкурсов «Кубок Балтии по русской поэзии» и «Чемпионат мира по русской поэзии». Победитель литературного конкурса, проведённого Союзом писателей Латвии и посольством России в Латвии (1998), лауреат конкурса имени Н.Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2004). Автор сборников стихов «Грамматика слуха» (Рига, 2006), «Эйяфьядлайёкюдль» (Рига, 2020). Живёт в Риге. В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

(танцует под «Болеро» Равеля)

пам
па-ра-ра-рам-пам-пам-пам-пам
парарам-парарам...

(снова пишет)

в Абу-Даби Твоём небоскрёбов тьма
от мечети Зайда исходит свет
для кочевника каждый дом тюрьма
но зато в ней есть интернет

(снова поёт)

всё песок: и трава и любовь песок
этот мир не сложен и не жесток
как последний примулы лепесток
бедуин всегда одинок

(пишет)

в Абу-Даби своем — на краю земли
между тем как поёшь и заснёшь
Ты зайдёшь посмотреть не умер ли
а окажется — умер всё ж

(танцует без музыки)

Прогулка с фотокамерой

в городе серо
в городе пахнет серой

чёртики веток сбросили шерсть
стали такими как есть

хочется крикнуть: слушайте! эй!
кто-нибудь жив кроме чертей?

тихо
на перекрёстке жёлтый колор
вклинил в сурьму светофор

дальше — офисных зданий квартал:
мрамор бетон металл
дальше
на тротуаре лужа и следом —
штрих от велосипеда

справа — проезжая часть а с краю
чётко: шёлки сливной решётки
щёлк!
славно...

и тут к тому же —
вспомнился ранний Кушнер:

«...таинственна ли жизнь ещё?
таинственна ещё...»

ритм шагов становится плавен —
выход к реке... камень

набережной фактурно волгл
(в каждом камне живёт глагол)
тихо

меж берегов уходящих вдаль
сонной стеной стоит вода
кадр не прост

каменный мост
прячет в тумане свой каменный хвост

вдруг — всплеск! и
звук оборвавшейся лески

слышу отчётливо: «Вот чёрт...»
значит в тумане — жизнь течёт:
щёлк!

Стоп-кадр

она играет трупы в сериалах
пластичная — но этого не видно
зато её божественные стопы
открыты для любителей земного

такие стопы! что там ваш анапест
к нему не прикоснёшься ты щекою
а здесь — почти младенческая кожа
нежнейшая как бархатный песок

отсюда и желанье режиссёров
снимать её почаще крупным планом
точнее не её а только стопы —
их лебединый профиль и анфас

и пальцы! выразительный арахис
немного узловатые но — в меру
о! эту меру взять бы Леонардо
да Винчи не дожил до наших дней

и вот она свисает с толстой ветки
иль пеною выносится на берег
иль найдена в каком-то скверном месте
сценарии не блещут новизной...

но стопы! изумительные стопы!
не верю прокричал бы станиславский
таких на этом свете быть не может!
а у неё как видите — нашлись!

и вот она в просторном павильоне
под простынёй — как камень неподвижна
исходит от неё античный холод
свисает бутафорский номерок...

* * *

звучит безоговорочное «снято»
помощник подставляет нумератор
под объектива чуткое стекло:
кадр 3-й дубль 11-й... хлоп!

киношный морг теперь пчелиный улей
она ещё лежит но первой пулей
влетает костюмер за простынёй —
он как и все торопится домой

потом гримёр как гонщик аккуратен
освобождает её от трупных пятен
снабдив салфеткой: подотрёшь в паху
а я бегу прости меня бегу...

* * *

она любит просматривать фильмы в которых снималась
садится в огромное кресло
укутывается в плед
из-под которого торчат её розовые пятки
маленькие узкие стопы
сложены книжкой

о чём она?

Наталья Рапопорт

Вакка

Фрагменты будущей книги

Если бы был объявлен конкурс на самое употребляемое слово года, в 2020 году на всех языках мира выиграло бы слово «Ковид», с большим отрывом. В 2021 году акценты сместились, и абсолютным чемпионом стало бы, без сомнения, слово «вакцина» в разнообразных грамматических формах и вариантах, с дополнениями и уточнениями (Ты какой вакциной привился? — Я «Пфайзером», он «Модерной», а эти — «Спутником»)¹...

Слово «вакцина». Как оно родилось и что за ним стоит? В поисках ответа на эти вопросы я наткнулась на серию драматических историй, несколькими из которых хочу поделиться.

Слову вакцина предшествовали во времени слова эпидемия (греческое: болезнь, распространенная в народе) и карантин. Человечество пережило много различных эпидемий: проказа, оспа, чума, холера — чем только Господь не карал свою погрязшую в грехах паству! Некоторые болезни, например, оспа, уходили в прошлое, им на смену приходили новые, более изощренные и охватывающие все большие массы людей и географические регионы.

Предыдущая большая эпидемия — испанка — закончилась всего столетие назад, но у человечества короткая память, и Ковид-19 ошеломил и ударил нас, расслабившихся, словно это была первая в истории эпидемия на планете Земля. К чести нашей надо сказать, опомнились мы сравнительно быстро и начали судорожно искать спасения. Неоценимую помощь в этих поисках оказал опыт предков. Чтобы извлечь из него рациональное зерно, совершим короткую экскурсию в глубь веков.

Наталья Рапопорт — почетный профессор университета штата Юта, работает в области химиотерапии рака. Автор книг на русском языке: «То ли быть, то ли небыль»; «Личное дело»; «Автограф», *Ex Epistolis* (совместно с Марком Копелевым), и на английском: «Stalin and Medicine. Untold Stories» («Сталин и Медицина. Нерассказанные истории»). В 10-м и 12-м номерах «ДН» за 2020 год опубликована повесть Н.Рапопорт «Набережная исцелимых», повествующая о первой волне ковидной пандемии, пережитой автором и ее семьей в Италии, и ставшая частью готовящейся новой книги, фрагменты которой, неизбежно опуская массу интереснейших исторических фактов и захватывающих сюжетов, мы публикуем в этом номере.

¹ Забавное совпадение: я отправила первый вариант этого эссе приятельнице, мнением которой очень дорожу, и почти мгновенно получила от нее сообщение, что на самом деле конкурсе популярных слов и выражений существует в разных странах уже много лет, и как раз сегодня в России обнародован победитель 2021 года. Я угадала, победило слово *вакцина*! Кстати, я угадала и победителя конкурса 2020 года: слово *Ковид*. Впрочем, особого повода для хвастовства и ликования нет: предугадать это было несложно...

Оспа

Оспа — невероятно заразная вирусная болезнь, уносившая в течение веков многие сотни миллионов, если не миллиарды жизней. Только в двадцатом веке, по оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), она унесла жизни трехсот миллионов человек.

Оспа передается только от человека к человеку, обычно воздушно-капельным путем, но заразиться можно и контактным способом, через прикосновение к пораженной коже или к инфицированным предметам.

По-видимому, первые попытки вакцинирования против оспы были предприняты в незапамятные времена в Азии, задолго до изобретения слова «вакцина» и самой вакцинации. Людей заражали небольшой дозой вируса, для чего брали гной из оспенного пузырька больного и вводили его здоровому человеку. Человек заболел оспой, но переносил болезнь легко и больше уже никогда оспой не заразился: возникал стойкий иммунитет. Такой метод называли вариоляцией, в XVIII веке он приобрел популярность в Европе. По слухам, его привезла в пораженный оспой Лондон жена английского посла в Турции. Процедура требовала большого мастерства; при непрофессиональной манипуляции смертность от вариоляции составляла примерно два процента, но это все равно было в десятки раз ниже, чем смертность от самой болезни.

Население Европы относилось к вариоляции прохладно. Нигде, кроме Англии, она не находила большой поддержки: народ пугался этой процедуры. Во Франции она была запрещена, даже при том, что в 1774 году французский король Людовик XV, правивший почти шестьдесят лет, умер от оспы. Российская императрица Екатерина II писала своему многолетнему парижскому корреспонденту, литературному и музыкальному критику Мельхиору Гримму: *«Стыдно французскому королю в XVIII столетии умереть от оспы»*.

По Европе в XVIII столетии от оспы ежегодно умирало примерно четыреста тысяч человек¹; смертность среди детей превышала 80%, среди взрослых — от 20% до 60%. Оспа разила действующих монархов и членов их семей.

В 1767 году страшная эпидемия оспы началась в России. Екатерина II вместе с сыном, великим князем Павлом Петровичем (будущим императором Павлом I) «самоизолировались» в Царском селе. Но эпидемия бушевала, и тогда просвещенная Екатерина решила подать пример своим подданным. Это *«...побудило меня сделать сим опасениям конец и прививанием Себе оспы, избавить Себя, так и государство от небезопасной неизвестности»*, — пишет Екатерина II своему послу в Англии графу И.Г.Чернышёву и просит прислать опытного врача, который привьет ее и сына.

Выбор посла пал на доктора Димсдэйла (Екатерина в переписке называет его Димсдалем), славившегося в Лондоне богатым опытом и мастерством вариоляции. Екатерина полностью осознавала опасность процедуры и подписала бумагу, гарантирующую неприкосновенность Фомы Димсдэйла в случае неумышленного нанесения вреда ей или ее сыну, даже в случае ее смерти.

Процедуру осуществили 12 октября 1768 года. Гной для вариоляции Екатерины II был взят у заболевшего оспой шестилетнего петербургского мальчика Маркова². Он был в ранней стадии болезни и идеально подходил как донор материала. Сын доктора Димсдэйла завернул мальчика в одеяло и через тайный ход привез в Зимний дворец, где их ждала Екатерина. После прививки Екатерина выехала в Царское Село, где постоянно находилась под наблюдением врачей.

¹ По оценке И.К.Юнкера, профессора медицины университета в Галле (Германия).

² Подробности вариоляции Екатерины II почерпнуты мною из источника <https://vaccina.info/kate>; <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1200696/>

Выздоровливавшая императрица стала раздавать собственный «оспенный материал» своему ближайшему окружению, российской аристократии, для дальнейшего прививания. Ее «тело» получило около ста сорока человек. Процедура сделалась настолько модной, что ее хотели получить даже переболевшие натуральной оспой. Екатерина писала Чернышёву в Лондон: «*Вот каков пример. Месяца с три никто о сем слышать не хотел, а ныне на сие смотрят как на спасение*».

Шестилетнему Саше Маркову, донору гноя для прививки, Екатерина пожаловала дворянство, и его фамилию сделали почетной, двойной: Марков-Оспенный. Лейб-медик Димсдэйл получил титул барона и большие деньги.

Но эпидемия оспы (в источниках ее ошибочно называют чумой¹) продолжала распространяться по стране с возвращавшимися с Балканской войны солдатами. Большая вспышка произошла в 1770 году. Народ сопротивлялся изоляции и госпитализации, распространяя заразу. На кладбищах не хватало мест, и трупы погибших зачастую просто выбрасывали на улицу.

Екатерина II издала специальный указ «О неутайке больных и невыбрасывании из домов мертвых», по которому за метание трупов на улицу полагалась каторга. Но одно дело указ и совсем другое — его реализация: из-за малочисленности полиции реализовать указы императрицы было сложно. Вещи умерших по указу полагалось сжигать, но какой дурак станет сжигать оставшиеся от покойного хорошие вещи...

В такой ситуации, как обычно, мгновенно возникли теории заговора. Например, пронесся слух, что Господь прогневался на русский народ из-за редких молебнов у Варварских ворот, в которые наверху была вставлена икона Божьей Матери; внизу стоял сундук для подаяний. Народ начал толпами стекаться туда на стихийные молебны; многие приставляли лестницы и лезли целовать икону. Чтобы ограничить стечение народа во время эпидемии, просвещенный Архиепископ московский Амвросий убрал икону в храм, а сундук с пожертвованиями передал в воспитательный дом, куда свозили детей, осиротевших во время эпидемии. Это вызвало так называемый «чумной бунт» (бубонную чуму часто путали с оспой). Толпа «с дубьем и кольями», около десяти тысяч человек, растерзала Амвросия и разграбила ближайший монастырь. Начались погромы больниц и убийства персонала, которые якобы травили больных и здоровых мышьяком. Народ подозревал, что истинная причина массовых смертей крылась в злодеяниях врачей, а вовсе не в чуме.

Тогда, в XVIII веке, «чумной бунт» в Москве успешно подавил московский губернатор генерал Еропкин; около сотни бунтовщиков погибло, четверых казнили, остальных отправили на каторгу. Сам Еропкин был дважды ранен, поэтому Екатерина II передала московские дела графу Григорию Орлову. Орлов провел серию важных и мудрых мероприятий.

И дело пошло. Уже к ноябрю 1771 года вспышка в Москве практически погасла. Эпидемия кончилась.

Трудно сказать, сколько человек тогда погибло; официальные данные говорят о 57 тысячах. Однако сама Екатерина II считала, что их могло быть около ста тысяч — половина населения тогдашней Москвы.

Эдвард Дженнер, коровья оспа, рождение вакцинирования

В самом конце XVIII века в процессе борьбы с эпидемией оспы произошла настоящая революция в медицине. Ее совершил английский врач Эдвард Дженнер. Он осуществил эксперимент, который впоследствии станет одним из самых известных в истории медицины. Идея Дженнера заключалась в том, что намеренное заражение

¹ См. например: https://naked—science.ru/article/history/koronaviruszagovor?utm_source=inarticle&utm_medium=inarticle&utm_campaign=inarticle.

человека коровьей оспой предотвратит впоследствии заболевание натуральной (человеческой) оспой. Коровья оспа — инфекционное заболевание вирусной природы, которым болеют в основном молодые или только что отелившиеся коровы. На вымени заболевших коров появляются наполненные жидкостью пузырьки. Коровы от этого не очень страдают. **Вирус коровьей оспы может переноситься от коровы к человеку, чаще всего — к доярке, касающейся вымени инфицированных коров.** Было замечено, что доярки, перенесшие коровью оспу, не заболели повторно этой болезнью, а заодно, как мы сказали бы сегодня, получали устойчивый иммунитет к натуральной оспе. Дженнер это знал.

В знаменитом эксперименте Дженнера было двое участников. Первой была крестьянка Сара Нелмс, заболевшая коровьей оспой. У нее на руке выскочило несколько пузырьков, наполненных гноем. Вторым был восьмилетний мальчик Джеймс Фиппс, сын работавшего у Дженнера садовника. У него на руке была царапина. 14 мая 1796 года Дженнер вытянул содержимое из пузырьков на руке Сары и втер его в царапину на руке мальчика. Мальчик ожидаемо заболел коровьей оспой. В июле Дженнер попытался заразить его уже натуральной, человеческой оспой путем вариоляции. Мальчик не заболел и дожил до глубокой старости: его организм выработал устойчивость к натуральной оспе. Так была создана и успешно испытана первая в истории вакцина.

Оставим в стороне этическую сторону этого эксперимента, невысказанного в наши дни. Опыт Дженнера спас сотни миллионов человеческих жизней.

Свой метод Дженнер назвал *vaccination* — *вакцинирование*, от латинского слова *vacca* — *корова* и *vaccinia* — *коровья оспа*.

Как все новое, его открытие встретило ожесточенное сопротивление. Возникли специальные комитеты, призывавшие отказаться от прививок; комитеты выпускали листовки, изображавшие рогатых людей с копытами. Население верило слухам, будто у людей, привитых от оспы по методу Дженнера, вырастают коровьи рога.

Но сомнения в эффективности метода отпали, когда военнотружущих британской армии и флота в приказном порядке привили от оспы, и эпидемия пощадила тех, кому была сделана прививка.

Тогда начались разговоры о том, что Дженнер не сказал ничего нового, что предохранительные прививки против оспы существовали и до него. Все это до боли знакомо нам, живущим два столетия спустя...

Дженнеру повезло. Английский парламент назначил специальную комиссию, которая расставила все по своим местам, признав его вклад в медицинскую науку. Дженнер дожил до того времени, когда его открытие было признано всем мировым научным сообществом.

Поголовная вакцинация радикально снизила вероятность заражения оспой в естественных условиях, в результате чего во второй половине XX века эпидемии оспы на планете практически прекратились.

Но на исходе 1959 года в России произошел инцидент, послуживший уроком всему миру и показавший, что расслабляться рано: в Москве произошла вспышка, казалось бы, побежденной оспы. Ее привез художник-плакатист Алексей Алексеевич Кокорекин, побывавший в двухнедельной туристической поездке в Индии. Кокорекин был привит от оспы в детстве и повторно, но неудачно — за две недели до своей поездки¹.

В Индии Кокорекину довелось присутствовать на церемонии сожжения тела умершего брамина и последующей распродаже вещей покойного, на которой Кокорекин приобрел ковер. 23 декабря 1959 года он возвратился в Москву. Вскоре он почувствовал себя плохо, поднялась температура, начался сильный кашель, все тело

¹ По материалам <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

охватила острая боль. Кокорекин обратился в поликлинику, где терапевт поставил ему диагноз грипп. Состояние продолжало ухудшаться, возникла сыпь по всему телу; 27 декабря он был госпитализирован в Боткинскую больницу с диагнозом грипп и 29 декабря 1959 года скончался. На вторые сутки после смерти Кокорекина в Боткинской больнице заболело несколько человек: принимавшая его сотрудница приемного покоя; его лечащий врач; подросток, койка которого этажом ниже стояла прямо у вентиляционного отверстия, связанного с палатой Кокорекина; и больничные сантехник.

По данным Википедии, посмертный диагноз натуральной оспы поставил 15 января 1960 года академик Морозов в НИИ вакцин и сывороток. К этому моменту оспой заболело 19 человек.

Когда диагноз «оспа» был установлен и о ЧП доложено руководству страны, начались экстренные мероприятия по локализации вспышки. Боткинскую больницу закрыли на карантин вместе со всеми больными и медработниками. Контакты больного были отслежены с момента его появления в аэропорту Дели для посадки на рейс Аэрофлота до его последних дней. Круглосуточно медицинские бригады ездили по адресам выявленных контактов Кокорекина, забирая на карантин в стационары Москвы и Московской области пилотов, стюардесс, пассажиров рейса Дели — Москва, таможенников встречавшей его смены, таксиста, который вез его домой, друзей и знакомых, с которыми он был в контакте.

Правительство распорядилось в экстренном порядке доставить в Москву 10 миллионов доз противооспенной вакцины. Около тридцати тысяч медицинских работников было мобилизовано для вакцинации населения, и к 25 января было провакцинировано пять с половиной миллионов москвичей и более четырех миллионов жителей Подмоскovie¹. Как по масштабам, так и по срокам вакцинирования это была беспрецедентная в мире акция.

Всего за время вспышки заболело оспой 46 человек (включая самого Кокорекина), трое из них скончались.

Поскольку оспа передается только от человека к человеку, она должна была исчезнуть с лица Земли, когда умер последний заболевший оспой человек. Это случилось спустя семнадцать лет после описанных выше московских событий. Осенью 1977 года в сомалийском городе Марка умер последний человек, заразившийся оспой в естественных условиях.

Оставались еще маловероятные сценарии лабораторного заражения и/или терроризма. Но «маловероятное» не значит «невозможное», и летом 1978 года в Англии случилось лабораторное заражение оспой, унесшее жизнь 40-летней Дженет Паркер, медицинского фотографа.

Врачи выявили и вакцинировали примерно пятьсот человек, которые могли контактировать с Дженет Паркер, и вспышки оспы удалось избежать.

Дженет Паркер считается последней в мире жертвой оспы. В мае 1980 года Всемирная организация здравоохранения объявила оспу полностью побежденной. В Советском Союзе противооспенные прививки прекратили в начале 1980-х годов.

Чума (pestis). Рождение слова «карантин»

Как многие страшные эпидемии, чума поражала человечество еще в библейские времена. Древность эпидемий чумы научно подтверждена: фрагменты ДНК возбудителя чумы — чумной палочки — находят в ископаемых человеческих останках. Первая документированная и достоверно подтвержденная ДНК-тестами эпидемия

¹ <https://www.mskagency.ru/materials/3126525>

чумы, так называемая Юстинианова чума, возникла в VI веке нашей эры в Восточно-Римской империи; она свирепствовала тридцать лет, охватила многие территории и унесла, по некоторым источникам, сто миллионов жертв.

Восемь веков спустя, в четырнадцатом веке чума выкосила треть Европы: за четыре года, с 1348 по 1352 годы, погибло двадцать пять миллионов человек. Чтобы остановить эпидемию, в Венеции был введен карантин: корабли, приплывавшие в Венецию из других стран, сорок дней стояли на рейде, а моряков и пассажиров не впускали в город. Сорок — по-итальянски *quaranta* (куаранта), отсюда и наше слово *карантин*.

В XVII веке чума вновь поразила Европу и добралась до России. Жертвами эпидемии 1654—1655 годов в России стали около 700 тысяч человек. Источники чумы нашим предкам были неизвестны.

Наконец, в XIX веке, при изучении эпидемии чумы в Гонконге, одновременно двум ученым — японцу Китасато Сибасабуру и французцу Александру Йерсену — удалось, независимо друг от друга, выделить из трупов умерших людей возбудителя болезни — чумную палочку. Так враг стал видимым. В честь доктора Йерсена чумную палочку назвали Йерсиния пестис.

Хавкин, Жирар и противочумная вакцина

Как только возбудитель чумы был выделен и получена его культура, начались попытки создания противочумной вакцины.

В конце XIX века в Пастеровском институте в Париже работал выходец из России Владимир (Вальдемар) Хавкин. Хавкин родился в Одессе и окончил Одесский университет, где его учителем какое-то время был Илья Мечников.

В 1891 году, используя чувствительность холерного вибриона к нагреванию, Хавкин разработал первую в мире вакцину от холеры. Вакцина хорошо зарекомендовала себя в экспериментах на животных. Прежде чем перейти к испытаниям на людях, Хавкин ввел приготовленную им вакцину самому себе и убедился в ее безопасности.

В тот момент эпидемия холеры свирепствовала в Индии, и Хавкин обратился к британскому послу в Париже с предложением испытать там эффективность его вакцины. Предложение было принято, Хавкин направился в Индию в качестве британского государственного бактериолога. За два года он наладил производство противохолерной вакцины и лично участвовал в вакцинации более сорока тысяч человек. Его вакцина прекрасно себя зарекомендовала. В несколько модифицированном виде она применяется и сегодня.

В 1896 году второй по величине город Индии Бомбей поразила эпидемия чумы. По просьбе британских властей Хавкин отправился в Бомбей и (за три месяца!), трудясь по четырнадцать часов в сутки, разработал и наладил производство противочумной вакцины. Как и с противохолерной вакциной, Хавкин испытал безопасность противочумной вакцины сначала на себе. В той же лаборатории, где он проводил эксперименты на животных, 10 января 1897 года в присутствии двух свидетелей Хавкин ввел себе дозу вакцины, в десять раз превышавшую ожидаемую терапевтическую дозу. Через час у него появились признаки чумы, но он переболел ею в легкой форме, не прекращая работать. После этого сделали себе прививки преподаватели и студенты Бомбейского медицинского колледжа, затем вакцинировали заключенных в тюрьме Бомбея (по настоянию Хавкина, вакцинировали только добровольцев). Противочумная лаборатория Хавкина в Бомбее впоследствии стала крупным мировым исследовательским центром бактериологии и эпидемиологии. С 1925 года этот центр носит его имя.

В 1915 году Хавкин вернулся в Европу и отошел от дел, но разработка эффектив-

ных противочумных вакцин продолжалась. Примерно в это время на Яве и Мадагаскаре работали французские бактериологи Жирар и Оттен, искавшие новый путь создания противочумной вакцины.

В 1926 году на Мадагаскаре умерла от бубонной чумы маленькая девочка. Жирар выделил из ее пораженных органов убившую девочку бактерию, получил ее культуру и назвал этот штамм инициалами погибшей девочки, EV. В течение пяти лет Жирар ежемесячно пересеивал культуру EV, выращивая таким образом новые поколения бактерий. Еще Йерсен заметил, что после многократных пересеиваний бактерии теряют свою вирулентность. И действительно, штамм EV утратил способность заражать чумой экспериментальных животных. Бактерии были живы, но перестали вызывать болезнь, сохранив при этом иммуногенность, то есть способность вызывать иммунный ответ. Животные, получившие инъекции этих бактерий, оказывались защищенными при контакте с активными, вирулентными бактериями чумы, то есть штамм EV стал вакциной. Эта живая вакцина была безвредной и превосходила по своей эффективности вакцину Хавкина, поэтому штамм EV и по сей день используют для приготовления живой противочумной вакцины.

В 1936 году доктор Жирар передал штамм EV в СССР, его использовали советские ученые для создания собственных вакцин.

В Саратовском институте «Микроб» противочумную вакцину разрабатывали на основе подаренного Жираром штамма EV. В конце тридцатых годов полученную там вакцину испытала на себе группа ведущих сотрудников института. Их было трое: заместитель директора по науке, заведующий лабораторией противочумной вакцины профессор Берлин, доктора Коробкова и Туманский. Москва долго не разрешала опасный эксперимент, но в конце концов согласие было получено. Три экспериментатора изолировали себя от мира. Врач Ящук ввел им по 250 миллионов единиц вакцины. Опыт начался. В институте и в Москве напряженно ждали его результатов. Первый день прошел благополучно. На второй день утром у Туманского поднялась температура, состояние ухудшалось с каждым часом. Неужели?! К счастью, это оказался спровоцированный вакциной приступ другой инфекционной болезни, туляремии, которой Туманский болел раньше. На третий день температура у него стала падать, а с ней и огромное напряжение, в котором жили все, посвященные в этот опасный эксперимент. Опыт удался! После первой тройки вакцину EV ввели себе еще пять, а потом восемь добровольцев. Все прошло без осложнений, и результат эксперимента следовало признать положительным.

Возможно, отныне Берлин считал себя защищенным от чумы и утратил осторожность. Он однажды признался жене: «Мне надо уходить от чумы. Я к ней слишком привык...»

С его именем связан один из самых драматических моментов в истории института. В конце декабря 1939 года, в предновогоднюю Москву пришла чума. Она пришла, вернее, приехала с профессором Берлиным: это было лабораторное заражение. Уже слегка недомогая, Берлин выступал с докладом на Коллегии Наркомздрава, общался с коллегами, с персоналом и обитателями гостиницы «Националь», наконец, с врачами. Так его трагическая судьба оказалась переплетенной с судьбами десятков знакомых и незнакомых ему людей. Контактировавшие с Берлиным были срочно помещены в карантин на «Соколиной горе»; их изоляцией занимался НКВД. Опасаясь паники в городе, слово «чума» не произносили, и каждая отдельная изоляция была замаскирована под «банальный арест», который в 1939 году никого не удивлял.

Как развивались события, описал мой отец Яков Львович Рапопорт, принимавший в них участие как патологоанатом.

*Чума в Москве 1939 года. Записки Я.Л.Рапопорта.
Это только чума!*

«Конец тридцатых — начало сороковых годов. Тяжелое, страшное время. Над страной нависли мрачные крылья органов госбезопасности ВЧК-ОГПУ-НКВД, охраняющих страну от преданных ей талантливых деятелей науки, литературы, искусства. Страхом перед невероятным и ужасом ожидаемого и возможного пронизана жизнь советских людей. Кровавая бессмысленность и нелепость происходящего давит сознание, омрачает психику. Но жизнь — могучая сила, и, несмотря на все исторические катаклизмы, живые делают свое дело: трудятся, развлекаются чем могут, влюбляются. <...>

В этой обстановке началась Вторая мировая война, наше вступление в Польшу, присоединение прибалтийских республик, Бессарабии, а вслед за тем — финская война. В этой атмосфере напряжения душевных и физических сил в Москву пришла чума.

Это не была средневековая чума, уносившая тысячи жизней и оставлявшая целые улицы покойников. Она пришла не с тысячами зараженных крыс и мириадами разносчиков заразы — блох. Она пришла в лице ученого, профессора Берлина, заместителя директора по науке Саратовского чумного института (институт существует и сейчас под названием — «Микроб»). Берлин собрался в Москву для доклада на коллегии Наркомздрава. В день отъезда он проводил опыты с противочумной вакциной на животных, зараженных вирулентными живыми чумными микробами. То ли он сам был недостаточно осторожен, то ли его торопили заканчивать опыты и собираться в дорогу — но в Москву он приехал уже больным, с высокой температурой, и в таком состоянии выступал с докладом на Коллегии. По возвращении в гостиницу («Националь») он почувствовал себя совсем плохо, и к нему был вызван врач поликлиники Р., пожилой человек, потерявший недавно сына, тоже врача, нейрохирурга, летавшего на Северный полюс с воздушной экспедицией на поиски пропавшего самолета Леваневского. На обратном пути самолет, на котором летел Р. младший, потерпел аварию в Архангельске, и Р. погиб.

Вызванный к больному Берлину, не оправившийся от удара старик Р. поставил диагноз: крупозное воспаление легких — и направил больного в ближайшую Новоекатерининскую больницу, что у Петровских ворот. Эта больница в ту пору, как и сейчас, была клинической базой ряда клиник 1-го Московского медицинского института, в ней работали видные профессора.

В приемном покое больницы больного осмотрел дежурный врач доктор Горелик и сразу заподозрил не простую крупозную пневмонию, а легочную чуму. Подозрения быстро оправдались. Горелик потребовал немедленной изоляции больного и изоляции самого себя как несомненно зараженного, поскольку легочная чума относится к числу чрезвычайно заразных болезней, инфицирование которой передается через дыхание больного.

Нельзя обойти молчанием стоическую выдержку и подлинный профессиональный героизм доктора Горелика, не нашедший должной оценки ни при его короткой жизни, ни после смерти (он не ошибся в отношении собственной судьбы), хотя многие, принимавшие участие в организации предупредительных мероприятий по распространению эпидемии, получили правительственные награды. Правительственную благодарность за выполнение важного задания получил и автор этих строк. Зная о неизбежном роковом исходе (от легочной чумы спасения не было), с уже наступающими признаками болезни, Горелик до последнего часа оказывал возможную помощь умирающему Берлину, пытаясь облегчить его страдания. Потом, в своей самоизоляции, он писал письма своим родным и товарищу Сталину. Стоя на краю

могилы, Горелик обращался к Сталину с просьбой за арестованного брата, разделившего судьбу многих жертв беззакония сталинского безвременья. Эти письма были сожжены вместе с Гореликом...

В организацию борьбы с распространением возможной эпидемии активно включился НКВД. Как только выяснилось, с какой чудовишной опасностью столкнулась Москва, были приняты чрезвычайные меры по предупреждению развития эпидемии. Благодаря этим мерам — а, может быть, потому что в развитии эпидемий есть свои закономерности, но чума унесла только три жизни: Берлина, Горелика и парикмахера гостиницы.

Новокатерининская больница была немедленно объявлена на военном положении. Сюда прибыло подразделение войск НКВД. У входов и выходов больницы стояли караулы, никого не впускавшие и не выпускавшие. Функции коменданта больницы были возложены на оказавшегося среди задержанных профессора И.Г.Лукомского — заведующего стоматологической клиникой.

Вслед за этим начался поиск тех, кто контактировал с Берлиным. Их ждала принудительная изоляция в карантине, в который была превращена больница на Соколиной Горе. Заключение в карантине подверглась вся присутствовавшая на докладе Берлина коллегия Наркомздрава во главе с наркомом здравоохранения Г.А.Митиревым, все служащие гостиницы, обслуживавшие ближайшие к номеру Берлина помещения, и многие другие люди. Все это проделывалось в величайшей тайне, чтобы не создавать паники. Но в московском мешке шило утаить трудно, и, разумеется, в медицинских кругах чумное шило вылезло наружу. Однако говорить об этом вслух, делиться страшной новостью не рекомендовалось всем опытом предыдущих лет: любое лишнее слово могло навлечь кару «за распространение панических слухов». Поэтому на слово «чума» было наложено самопроизвольное табу, его произносили только шепотом в кругу близких. Вокруг чумы образовался как бы заговор молчания...

По медицинским каналам этот шепот, конечно, дошел и до меня. Поэтому не застал меня врасплох и не вызвал удивления ночной телефонный звонок из Наркомздрава, в котором оставшийся вне карантина замнаркома (кажется, Колесников) просил меня срочно приехать. Телефонну нельзя было доверить суть дела, но догадаться не составляло труда. Было около часа ночи, когда за мной приехала машина и доставила меня в Наркомздрав. Там царил обстановка военного времени: все помещения, несмотря на ночь, освещены, сотрудники суетятся с озабоченными лицами, кто-то спит в углу на раскладушке... Кажется, тот же Колесников познакомил меня с сутью дела и попросил произвести вскрытие тела больного, умершего в Новокатерининской больнице с подозрением на чуму. Разумеется, я дал согласие — при условии, что не буду отправлен в карантин. Условие было принято.

После процедуры переодевания в противоипритный непроницаемый костюм, уже под утро, я был доставлен в больницу. По дороге заехал к себе в лабораторию за инструментами для вскрытия.

Своеобразную картину застал я в Новокатерининской больнице. У входа в здание на часах, одетые в длинные, до пят тулупы, стояли часовые с винтовками (был жестокий мороз зимы 1940 года). Такие же часовые у ворот. В самой больнице — взволнованная тишина. Встретил меня комендант больницы, мой давнишний друг профессор Лукомский. Мы выпили чаю, побеседовали в ожидании специалиста-бактериолога, который должен был присутствовать при вскрытии для взятия материалов с целью бактериологического исследования.

Я не стану описывать саму процедуру вскрытия. Она производилась в необычной обстановке — в изоляторе больницы, у просмоленного гроба, куда был заранее положен санитарями труп — обстановка, прямо сказать, малопривлекательная даже для профессионала. Я не буду также описывать все последующие перипетии, сообщу лишь о том, что показалось мне в этой истории наиболее примечательным. Усталый

после бессонной и волнующей ночи, я поехал на кафедру патологической анатомии в Яузскую больницу и оттуда позвонил жене, чтобы привезла мне чистое белье и другой костюм. Тщательно помывшись под душем и переодевшись, я поехал с женой домой, усталый и взволнованный всеми событиями прошедшей ночи. Но не успел я лечь в постель и уснуть, как раздался телефонный звонок. К телефону подошла жена, и по ее разговору я понял, что сейчас за мной опять придут, на этот раз из Моссовета и из Управления здравоохранения с тем, чтобы везти меня в Первую Градскую больницу (Б. Калужская улица, теперь Ленинский проспект) для производства чрезвычайно важного вскрытия, требующего моей компетенции. Жена, разумеется, догадалась, какого сорта вскрытие мне предстоит, и ответила категорическим отказом, сказав, что я сплю после трудного дня. Тем не менее, через полчаса раздался звонок в передней, и я услышал бурное объяснение жены с посетителями. Они говорили, что в хирургической клинике 1-й Градской больницы умер от чумы больной, что больница уже изолирована от внешнего мира, и нужно путем вскрытия подтвердить диагноз чумы. Жена возражала: «Неужели в Москве нет других опытных патологоанатомов?!», на что один из посетителей привел такой контраргумент: «Не можем же мы заражать чумой всех патологоанатомов!» Аргументация, безусловно, убедительная и корректная, но мою миролюбивую и деликатную жену она привела в исступление. Я понял, что имею дело с дураками, но в больнице, консультантом которой я был, создалась, по-видимому, сложная ситуация, нарушившая всю ее нормальную жизнедеятельность. Я не сомневался, что никакой чумы там нет, что все это — вздор, продиктованный страхом и паникой. Как потом оказалось, в этот день по примолкнувшей Москве поползли слухи о смерти от чумы чуть ли не в каждом районе города. В атмосфере одуряющего страха любая устрашающая версия принималась за достоверную, чему способствовали все предыдущие дни и годы, когда получали подтверждение, казалось бы, самые невероятные события и ситуации. Для обывателей в Москве в эти дни не было другой причины смерти, кроме чумы.

Я решил, что ехать надо, чтобы восстановить нормальную жизнь больницы и снять с медперсонала страх перед чумой, и в сопровождении посланцев Горздрава отправился в клинику. Там стояла удручающе мрачная атмосфера. Гробовая тишина. По опустевшим, притихшим коридорам бродят как тени сестры в глухих марлевых масках, в двойных халатах.

Встретивший нас дежурный врач изложил суть дела. В клинике был больной: молодой человек, оперированный накануне по поводу язвы желудка. Днем у него ухудшилось состояние: высокая температура, боли в животе. <...> Еще до вскрытия я заподозрил, что имею дело с одной особенностью, встречающейся у малоопытных и малодумающих хирургов (а это почти одно и то же): при ухудшении состояния больного после операции такие лекари думают о чем угодно — о гриппе, менингите — только не о послеоперационном осложнении или ухудшении основного хирургического заболевания. Так оказалось и на этот раз: перитонит с общим сепсисом и геморрагической сыпью. Никаких признаков чумы не было и в помине.

После вскрытия все стало на свои места: сняли маски повеселевшие сестры, раскрылись ворота больницы для приема больных, нуждавшихся в экстренной помощи и лишенных ее. Вот что могут сделать страх, паника и один дурак!

«Чумную» эпопею я хочу завершить рассказом, услышанным мною в Новоекатерининской больнице от профессора Лукомского, пока мы, как помнит читатель, перед вскрытием пили чай. Действующим лицом в рассказе Лукомского был доктор Р.-старший, посетивший Берлина в гостинице «Националь». Отправив Берлина в Новоекатерининскую больницу, Р. забыл об этом визите, занятый горькими мыслями о погибшем сыне. Поэтому полной неожиданностью стал для него, спустя сутки, ночной звонок в дверь. В ту пору ночной звонок мог предвещать только одно — ничего другого и в голову прийти не могло. Р. открыл дверь и получил подтверждение этой

версии в лице двух товарищей «из органов». Они предложили следовать за ними, не объяснив, куда и зачем (истинной целью их визита была изоляция Р. в карантине). Возможно, объяснить истинную цель визита мешала присутствовавшая при «аресте» жена доктора — ведь чума была засекречена. Да и само слово «карантин» в ту пору звучало двусмысленно.

О чем мог думать несчастный старик? Когда за вами ночью являлись два сотрудника «органов», выбор для размышлений был крайне ограничен — да, вообще говоря, его не было совсем. Р. пытался утешить жену, говорил, что произошло недоразумение, что он ни в чем не виноват — но ведь так говорили многие, если не все, в подобной ситуации.

Жена поспешно собрала необходимые вещи — «джентльменский набор» того времени. Авгурь сказали, что ничего не нужно брать. Р. возразил: «Я знаю, что “там” нужно». По дороге Р. выискивал в своей жизни поводы для ареста — и не находил (тоже стереотипная ситуация). Он уже начал думать, не связано ли это как-то с гибелью сына — может, того в чем-то посмертно обвинили?

Размышления его были прерваны прибытием в Новоекатерининскую больницу. И тут только встречавший его профессор Лукомский рассказал несчастному, в чем дело и какая болезнь была у больного Берлина, которого Р. направил в эту больницу. Р. пришел в неопишное возбуждение и стал просить у Лукомского разрешения позвонить старушке-жене, которую оставил в полном отчаянии. Лукомский, разумеется, разрешил. Дрожащими руками Р. взял телефонную трубку и ликующим голосом, не скрывая неожиданной радости, сказал жене буквально следующее:

— Не волнуйся, дорогая. Это я. Я звоню из Новоекатерининской больницы. Подозревают, что я мог заразиться чумой от больного. Поэтому не волнуйся, оказывается, ничего страшного, о чем мы с тобой думали — это только чума!»

.....

Саратовский институт «Микроб» продолжает работы по защите от чумы, холеры, других опасных инфекций и возможного бактериологического нападения. Во время Великой Отечественной войны сотрудники института помогали бороться с эпидемией холеры в советской армии во время Сталинградской битвы и с эпидемией сыпного тифа среди немецких военнопленных зимой-весной 1943 года. Из близких к нашему времени эпизодов, в 2014 году сотрудники выезжали в Гвинею на вспышку эболы.

День сегодняшний

Ходить бывает склизко
По камушкам иным.
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

А.К.Толстой

Речь, само собой, пойдет о пандемии Ковида-19. Для упомянутого в эпиграфе умолчания есть серьезные основания: мы не знаем, и, возможно, никогда не узнаем правды о происхождении сегодняшней пандемии. В сокрытии правды заинтересованы такие могущественные лица и организации, и у них была такая уйма времени и возможностей замести следы, что концы наверняка ушли глубоко в воду.

Сейчас не вызывает сомнений, что вирус пришел в Европу из китайского города Ухани, где он был впервые зарегистрирован. В этом городе по совпадению расположен крупный биологический исследовательский центр — Уханьский институт вирусологии (WIV), который много лет изучает коронавирусы летучих мышей. Есть подозрение, что в институте работали над приданием вирусу более трансмиссивных и летальных свойств (это называется «усилением функций»), и в результате какого-то несчастного

для человечества случая произошла утечка искусственно созданного вируса из лаборатории. Альтернативное предположение состоит в том, что заражение произошло естественным путем: вирус перескочил на человека в результате контакта с инфицированным животным, например, летучей мышью или панголином, которых китайцы употребляют в пищу. В этом случае источником инфекции служит не научный институт WIV, а так называемый мокрый рынок морепродуктов Хуанан (Huanan), в сорока минутах езды на машине от Института вирусологии, через реку Янцзы, где в декабре 2019 года была зафиксирована первая вспышка Ковида-19.

Так или иначе, но к февралю 2020 года эпидемия пришла из Китая в Северную Италию. Волею судеб автор этого эссе и члены ее семьи оказались свидетелями, участниками, и спасибо-что-не-жертвами начала страшной итальянской эпидемии. Подробности этих событий были опубликованы в повести «Набережная исцелимых» («Дружба народов», 2020, № 10, 12).

Ковид-19 в Штатах

Не надо быть Нострадамусом, чтобы предсказать, что при нынешнем уровне глобализации эпидемия охватит весь мир. Она и охватила. На сегодняшний день (январь 2022 года) в мире, при населении примерно 7,9 миллиарда человек, переболело Ковидом-19 больше трехсот миллионов (3,8% мировой популяции); пандемия унесла жизни пяти с половиной миллионов человек (то есть средняя смертность 1,8%).

Разные страны были подготовлены к пандемии по-разному. Америка, надо прямо признать, оказалась не на высоте. И дело не только в ошибочных тестах и недостаточном количестве масок, перчаток или аппаратов искусственной вентиляции в начале американской эпидемии. Дело в поступавшей и поступающей сверху противоречивой информации и в менталитете американского народа. Одних беспокоит покушение на их личную свободу в виде мандатов на маски, у других преобладают экономические соображения, для третьих во главе угла стоят психологические моменты.

Мы прилетели из Италии домой в Юту 12 июня 2021 года. Пережив в Венеции страшную первую волну пандемии, я была потрясена тем, что люди в Штатах ходят без масок и перчаток, свободно перемещаются из города в город, из штата в штат, собираются довольно большими группами, и все это разрешено. Меня совершенно поразило, что доктор Фаучи (Antony Fouchi), главный советник президента по вопросам пандемии, с экрана телевизора советовал народу не покупать маски. Все, что я увидела в Штатах, было разительным контрастом к пережитому и ставшему привычным в Италии, которая за два месяца на наших глазах оправилась от чудовищной трагедии.

Результат американского подхода к проблеме не замедлил сказаться. На сегодняшний день в Соединённых Штатах, при численности населения примерно 332 миллиона человек, переболело Ковидом-19 около 66 миллионов человек, то есть каждый пятый. Эпидемия унесла 850 тысяч жизней, или 1,3% населения. Благодарение Богу, что смертность невысокая: при такой заражаемости более высокая смертность была бы полной катастрофой.

Сравним теперь американские цифры с итальянской статистикой. На Италию пришелся главный удар первой волны пандемии, с самой высокой за весь период пандемии смертностью выше 14%. При этом, по данным на 31 декабря 2021 года, процент населения, переболевшего Ковидом-19 в Италии (10%) был вдвое ниже, чем в Соединённых Штатах (20%).

В ходе итальянской борьбы с эпидемией человечество приобрело, мне кажется, бесценный опыт, который может помочь и другим странам посмотреть на ситуацию карантина и массового тестирования другими глазами.

О вакцинах против Ковида-19

С прогрессом биологического хайтека идеи, заложенные в создание вакцин, становятся все более утонченными, а дизайн и производство занимают все меньше времени. В 2020 году мы с вами стали свидетелями беспрецедентной скорости разработки и производства вакцин против Ковид-19. 10 января 2020 года полная генетическая последовательность вируса SARS-CoV-2, вызвавшего настоящую пандемию, была опубликована через глобальный источник генетической информации GISAID, созданный в 2008 году для обеспечения открытого доступа ученых к геномам вирусов и ускорения разработки глобальных ответных мер на пандемию, включая вакцины и диагностические тесты.

К 19 марта 2020 года мировые фармацевтические гиганты и их более скромные по размеру соперники объявили о намерении внести свой вклад в борьбу с COVID-19. Многое было поставлено на кон, и к концу 2020 — началу 2021 года, всего за один год, компании «Пфайзер» (*Pfizer-BioNTec*) и «Модерна» (*Moderna*) объявили о создании двух эффективных вакцин, в кратчайшие сроки одобренных американским контролирующим органом FDA.

Это вакцины, основанные на новом, никогда раньше не использовавшемся принципе синтеза S-белка шипа вируса в организме вакцинированного человека. Мы уже знаем, что белок шипа, «торчащий» с поверхности вируса, — одно из его основных оружий: с его помощью вирус прикрепляется к поверхности инфицируемой клетки, чтобы проникнуть в нее и там размножиться.

Основой вакцин «Пфайзер» и «Модерна» является так называемая *информационная РНК* (по-английски — messenger RNA, or mRNA), которую доставляют в клетки иммунизируемого человека внутри специально сконструированной оболочки. В информационной РНК закодирован синтез S-белка шипа вируса. На основе полученного кода человеческие клетки начинают синтезировать чужеродный человеку S-белок, что вызывает в организме иммунный ответ: образование антител и клеток памяти.

Поэтому, когда настоящий живой вирус, несущий на поверхности шипы с S-белком, попадает в организм вакцинированного человека, клетки иммунной системы его узнают и посылают уничтожающие вирус антитела (нейтрализующие антитела), а если вирусу все-таки удастся проникнуть в какие-то клетки организма, их убьют специальные клетки-киллеры, направленные для этой цели клетками памяти.

В реальной жизни, после введения вакцины в ваше предплечье, информационная РНК попадает в клетки вблизи места инъекции, и они начинают вырабатывать S-белок вируса COVID-19.

Информационная РНК работает вне клеточного ядра; она вообще *не попадает в ядро клетки, не взаимодействует с ДНК и не изменяет ее*. Передав клеткам необходимую информацию и инструкции, информационная РНК разрушается примерно через трое суток после вакцинации и выводится из организма. Разбросанные по сетям предостережения, что вакцина на основе mRNA может как-то блокировать активность генов, подавляющих раковые клетки, и тем самым вызывать побочные эффекты типа рака — миф, не имеющий под собой никакой почвы. Добавлю, что ни ослабленный живой, ни убитый вирус Ковид-19 не вводятся в организм человека с вакцинами «Пфайзер» и «Модерна».

В ускоренных испытаниях на людях вакцины «Пфайзер» и «Модерна» продемонстрировали очень высокую степень защиты. Создание этих вакцин — невероятное научное достижение.

Так называемые векторные вакцины тоже основаны на синтезе S-белка вирусного шипа в организме вакцинированного, но инструкции по синтезу

передаются не в виде информационной РНК, а в виде фрагмента ДНК вируса. Ген, кодирующий производство S-белка, поступает в человеческую клетку в виде конструкции с аденовирусом, лишенным способности размножаться; он действует как средство доставки генетического материала. В этих вакцинах действительно небольшой фрагмент генетического материала коронавируса попадает в человеческую ДНК.

В российской векторной вакцине «Спутник V» центра им. Гамалеи в качестве вектора задействовано два разных типа аденовируса человека; в них встроены фрагменты гена SARS-CoV-2, который кодирует S-белок. Американские Вакцины «Джонсон-и-Джонсон» (Johnson & Johnson) и «АстраЗенека» (AstraZeneca) — аналоги вакцины «Спутник V».

На ином принципе основаны так называемые *белковые вакцины*. В этом случае иммунный ответ, как и в предыдущих вакцинах, вызывается S-белком вирусного шипа, но его синтезируют вне организма путем хорошо разработанной рекомбинантной технологии и вводят вакцинируемому в готовом виде. Преимущество такого метода состоит в том, что вакцина содержит только очищенный антиген вируса и никакого генетического материала, что уменьшает побочные эффекты. Однако из-за того, что антигенные частицы не инфицируют клетки, белковые вакцины обычно запускают только иммунные реакции, основанные на производстве антител, и не вызывают клеточного иммунитета; поэтому они слабее, основанных на РНК и векторных вакцин, и для усиления реакции на прививку в белковую вакцину добавляют активные стимуляторы иммунной системы, так называемые адьюванты, которые, к сожалению, могут сами вызывать серьезные побочные эффекты.

В России используется белковая вакцина «ЭпиВакКорона» центра «Вектор», содержащая искусственно синтезированные фрагменты вирусного S-белка. В начале января 2022 года компания «Нововакс» (Novavax) подала пакет документов в FDA для одобрения разработанной ею белковой вакцины.

Параллельно с разработкой вышеописанных вакцин шли работы по созданию вакцин, основанных на более традиционных принципах. Традиционные вакцины предполагают введение в организм ослабленного или инактивированного возбудителя инфекции или его части. Разработка таких вакцин обычно длилась десятилетиями. Сейчас это происходит гораздо быстрее. В России к этому типу относится вакцина «КовиВак» центра имени Чумакова; она производится на основе цельного «убитого» (инактивированного) коронавируса SARS-CoV-2.

Посмотрим теперь, как наличие эффективных вакцин отразилось на заболеваемости и смертности от пандемии Ковида-19. По данным на начало 2022 года, в Соединённых Штатах переболело Ковидом-19 семьдесят с половиной миллионов человек и примерно восемьсот пятьдесят тысяч (1,1%) погибли от болезни¹. В России переболело более одиннадцати миллионов; умерло триста двадцать четыре тысячи (смертность составила 3%)². На мировой карте пандемии Америка выделена густо синим; за ней идет Индия, третьей — Россия. А что с вакцинацией? В приведенных ниже данных полностью вакцинированными считаются лица, получившие две прививки. В Китае вакцинировано 85% населения; в Италии — 75%; в Израиле — 65%; в США — 62,5%; в России — 47%. Интересные цифры, вы не находите? Смертность в России почти в три раза превосходит смертность в Штатах и превышает даже среднюю смертность в Италии (2,2%), несмотря на ужасающую итальянскую смертность (14,6%) во время первой волны пандемии. Может быть, дело в том, что в Италии вакцинировано почти вдвое больше населения, чем в России? Может быть, все-таки стоит прививаться?!

¹ <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/us/>

² <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/russia/>

Ваксеры и антиваксеры

Вспомним реплику Екатерины Великой относительно смерти от оспы французского короля Людовика XV: стыдно французскому монарху в просвещенном XVIII веке умирать от оспы! Вспомним также комитеты по борьбе с вакцинированием коровьей оспой по методу Дженнера и листовки с изображениями людей, у которых от прививки вырастают рога и копыта.

С тех пор прошло два с половиной века, человек слетал на Луну, управляемые с Земли аппараты путешествуют по далеким планетам, но в отношении к вакцинам мало что изменилось. Сегодня, в эпоху пандемии SARS-CoV-2 (Ковида-19), чуть ли не гражданская война идет между сторонниками и противниками прививок, «ваксерами» и «антиваксерами». Средства массовой дезинформации распространяют бредовые слухи о том, что в вакцины встроены специальные чипы, позволяющие управлять нашими мыслями и действиями; звучат предупреждения, что вакцинированное население поголовно вымрет через два года (теперь уже меньше, чем через два); рассказывают еще много разнообразного абсурда. Необразованные и слабо образованные люди верят этому воинствующему мракобесию. Некоторые антиваксеры для предотвращения заражения Ковидом принимают лошадиное средство от глистов, при этом часто в лошадиных дозах, и медицинским учреждениям приходится спасать их от отравления.

Вакцины «Пфайзер» и «Модерна» были одобрены FDA в рекордные по нынешним временам сроки. Позже были разработаны и одобрены вакцины, основанные на других принципах, в том числе традиционном введении убитого или ослабленного вируса.

Я не случайно написала «сроки, рекордные по нынешним временам». Сейчас каждый новый препарат проходит длительный, жесткий и очень дорогой контроль, прежде чем попадает в руки докторов и фармацевтов, но даже это иногда не спасает от трагических ошибок, в которых немаловажную роль играет человеческий фактор, включая высших чиновников FDA.

Вот один трагический пример. В конце XIX — начале XX века в мире стала набирать силу эпидемия полиомиелита — вирусной болезни, вызывавшей частичный или полный паралич. На старте эпидемии полиомиелит поражал преимущественно детей, позже заболели и взрослые.

К середине XX века американский ученый Джонас Солк создал противополиомиелитную вакцину, основанную на полиовирусе, инактивированном формалином. После трех инъекций вакцины Солка иммунитет к полиовирусу вырабатывался у 99% вакцинированных.

Чтобы убедиться в безопасности вакцины, Солк ввел ее сначала себе, затем жене и трем сыновьям.

Для изготовления необходимого числа доз в производство вакцины включилось пять компаний, среди них — лаборатория «Каттер» (Cutter Laboratories). Образцы изготовленных препаратов отправили на проверку в НИИ. Тестировавшая образцы вакцин сотрудница НИИ Бернис Эдди обнаружила, что препараты лаборатории Cutter содержали живой вирус, который вызывал полиомиелит у лабораторных животных. Она написала Директору национального института аллергии и инфекционных заболеваний (на этой должности сегодня находится Энтони Фаучи), что, если этот препарат не будет немедленно изъят из обращения, грядет ужасная катастрофа. Директор института не посчитал записку Эдди заслуживающей внимания, и вакцину Cutter отправили в медицинские учреждения для использования. Ее получили около 120 тыс. детей (согласно другим данным, опубликованным на сайте НИИ, прививку получили 200 тыс. детей). Вскоре начали поступать сообщения о новой волне

заболевших, и 27 апреля, спустя 15 дней после начала вакцинации, препарат Cutter отозвали, дав двое суток на его возврат на склады, а 6 мая процесс вакцинации прекратили полностью.

Вакцинацию от полиомиелита осенью того же года восстановили, но, как говорится в старом анекдоте, «осадок остался».

Американское правительство пересмотрело алгоритмы проверки новых медицинских препаратов, усилив контроль и регулирование, что существенно удорожило и замедлило их выход на рынок. А ведь ответственным за катастрофу был только один невежда и негодяй, занимавший самый высокий в стране пост в иерархии структур, нацеленных на борьбу с инфекционными заболеваниями.

У народа есть историческая память. Возможно, именно инцидент с компанией Cutter подготовил почву для появления в будущем в Америке армии антипрививочников.

Биологическое оружие

Было бы наивно полагать, что идея занести в стан врага смертоносную эпидемию в надежде спровоцировать там массовый мор не озарит чью-то злодейскую голову — и она, конечно, неоднократно приходила на ум нашим предкам в разное время и в разных вариантах. К сожалению, те же знания, которые необходимы для разработки методов санитарии, лекарств и вакцин, могут быть использованы для разработки биологического оружия. Как показала история, ни одна нация, способная разработать биологическое оружие массового уничтожения, не удержалась от этого искушения.

Хочу привести несколько примеров из прошлого, когда еще не существовало современного биологического хайтека и приходилось пользоваться тем, что находилось под рукой. А под рукой были жертвы эпидемий — они-то и стали начальной, очень еще примитивной формой биологического оружия.

1346 год. Трупы жертв чумы как биологическое оружие

В 1346 году татаро-монголы осадили Каффу (ныне город Феодосия в Крыму, где, замечу в скобках, жил дедушка автора). В те годы это был контролируемый генуэзцами, хорошо укрепленный морской пост (генуэзская крепость сохранилась до наших дней). За пределами осажденного города, в армии нападающих началась эпидемия чумы. Откуда она пришла, существуют разные мнения: называют Китай, Дальний восток и Индию. Скорее всего, так далеко ходить не надо: татаро-монголы, вероятно, просто привезли ее с собой; сегодня мы знаем, что Монголия — постоянный резервуар чумы, вспышки которой там никогда не прекращаются. Нападавшие попытались обратить вспыхнувшую в их рядах эпидемию в свою пользу, перебрасывая трупы умерших в осажденный город, чтобы вызвать эпидемию и там. Их усилия увенчались успехом: в Каффе действительно началась эпидемия чумы, и генуэзцы бежали из города. Эти события по свежим следам описал нотариус Габриэль де Мюсси (Gabriel de Mussis), живший недалеко от Генуи. Итальянцы, бежавшие из зараженной Каффы на кораблях, несли с собой чуму в средиземноморские порты: Константинополь, Геную, Венецию. Возможно, они внесли свой вклад в уже упоминавшуюся ранее европейскую пандемию XIV века, унесшую двадцать пять миллионов жизней.

1864 год. История жёлтой лихорадки. Гражданская война в Америке

Этот злодейский замысел пришел в голову врачу из Кентукки Люку П. Блэкберну (Luke P. Blackburn), практиковавшему в Канаде. Блэкберн сочувствовал конфедератам. В это время (1864 год) на юге Америки бушевала жестокая эпидемия желтой лихорадки (малярии), от которой страдала армия Юга, и Блэкберн задумал распространить эпидемию среди армии северян, продавая им инфицированную одежду. Он покушался и на жизнь самого Авраама Линкольна, который должен был получить в подарок саквояж с зараженной одеждой. Блэкберн не знал, что желтая лихорадка вызывается паразитом, который живет в организме инфицированных комаров, распространяется только через их укусы и не передается через одежду. Но это открыли лишь двадцать пять лет спустя, и открытия эти были удостоены Нобелевских премий.

Ничего этого не знали во время гражданской войны в Америке. Злодей Блэкберн имел богатый опыт лечения больных малярией, но ошибочно полагал, что желтую лихорадку можно получить путем прямого контакта с зараженным человеком или с его одеждой. Приехав из Канады в очаг эпидемии на Бермуды, Блэкберн лечил там больных и попутно собирал их одежду, загрязненную «черной рвотой». Он перемешивал ее с чистой новой одеждой с целью заразить и ее лихорадкой, и планировал продавать эту одежду в районах, занятых войсками Севера. С этой целью он подкупил некоего Годфри Хайемса (Godfrey Huams), пообещав ему сто тысяч долларов (несметные по тем временам деньги), если тот доставит контейнеры с этой одеждой в Вашингтон и другие районы, в которых федеральное правительство разместило свои войска. По замыслу Блэкберна, Хайемс должен был продавать зараженную одежду в городах Севера на аукционах, оставив неприкосновенным саквояж, который предназначался для Линкольна и должен был быть отправлен ему в подарок по почте.

Хайемс отлично справился с заданием, воспользовавшись услугами нанятого им продавца. Большая часть товара была продана на аукционе на следующий же день после его приезда в Вашингтон, остальное отправилось со встреченным сутенером для продажи в Северную Каролину. Довольный Хайемс вернулся в Канаду за обещанным вознаграждением, но Блэкберн начал крутиться, требовать квитанций за проданные товары, и пока Хайемс пытался получить подтверждение продаж, Блэкберн опять отправился на Бермуды. В апреле 1865 года разочарованный и обозленный Хайемс пересек порог американского консульства в Торонто и предложил за деньги и гарантию своей неприкосновенности рассказать о подрывных операциях конфедератов в Канаде. Два дня спустя Авраам Линкольн был убит в Вашингтоне. На последовавшем затем суде Хайемс выступал свидетелем заговора конфедератов против президента.

Ближе к сегодняшнему дню

В XX веке, как и следовало ожидать, использование биологического оружия и фигурально, и буквально перешло на более высокий уровень. В нашу жизнь вошли самолеты, и мгновенно возникла идея сбрасывать с них бомбы, начиненные биологическим оружием. Для этого надо было перевести патогены в аэрозольную форму. Передовые страны — Америка, Россия, Япония — активно включились в соответствующие разработки. Накануне Второй мировой войны в этом особенно преуспела Япония. В ее программе по разработке биологического оружия было занято более пяти тысяч человек в двадцати шести центрах, в которых исследовали 25 разных патогенов. Эксперименты проводили на заключенных; только в одном из центров

в экспериментах по биологическому оружию погибало до шестисот человек в год¹. Во время войны Япония заразила больше тысячи колодцев в китайских деревнях с «научной» целью: для изучения вспышек тифа и холеры. Японские самолеты разбрасывали над китайскими городами зараженных чумой блох, а подкупленные саботажники раскидывали их по рисовым полям и вдоль дорог. Эпидемии, вызванные этими действиями, продолжались много лет спустя после капитуляции Японии; в одном только 1947 году от них погибло больше тридцати тысяч человек... Китай, прямо скажем, не остался в долгу, но об этом позже.

После войны Советский Союз выступил с предложением судить некоторых японских разработчиков биологического оружия как военных преступников, но Америка оставила всех на свободе в обмен на подробную информацию об их экспериментах на людях. Кое-кто из этих японских разработчиков потом основал свои фармацевтические компании.

Между тем Договор о запрещении биологического оружия был подписан в Женеве еще в июне 1925 года представителями 37 государств. Женевский протокол 1925 года поставил юридическую преграду применению химического и бактериологического оружия, но не запретил их разработку. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (BTWC) была принята только в 1972 году. Россия и США ее ратифицировали. Конвенция, однако, не включала механизмов проверки ее исполнения; предложенный тридцать лет спустя протокол проверки провалился в 2002 году. Конвенцию, вероятно, нарушали все основные подписавшие ее страны. В Советском Союзе была развернута интенсивная программа по разработке биологического оружия, долгое время остававшаяся незамеченной.

В ошеломляющей по своим масштабам советской программе «Биопрепарат» было задействовано более 50 000 исполнителей! За годы существования Советы произвели и накопили тонны бацилл сибирской язвы и вируса оспы, некоторые из них — для использования в межконтинентальных баллистических ракетах, и создали бактерии с множественной лекарственной устойчивостью, включая чуму.

Чума и оспа заслуживают особого разговора. После Второй мировой войны многие страны, включая США и Советский Союз, проводили исследования чумы как потенциального биологического оружия. В Советском Союзе особое внимание уделялось возможности распространения чумы в виде аэрозоля, чтобы исключить зависимость от блох-переносчиков. В 1970 году Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) опубликовала подробный отчет о возможных результатах распространения чумы в аэрозольной форме. По данным ВОЗ, при преднамеренном выбросе пятидесяти килограммов чумных палочек над городом с населением в пять миллионов человек легочная чума возникнет у 150 000, из которых 36 000 умрет от болезни. Кроме того, перепуганные люди побегут из города, разнося чуму дальше... Возникновение случаев заболевания в районах, для которых чума не характерна, и отсутствие при этом массовой гибели грызунов укажет на преднамеренное распространение чумы.

Вирус оспы в качестве наступательного биологического оружия разрабатывали в Институте вирусных исследований «Вектор» недалеко от Новосибирска. Подозрение американцев вызвал тот факт, что известный вирусолог, директор института «Вектор» Сандакчиев с 1977 по 1988 год почти перестал публиковать свои исследования. После перестройки публикации возобновились.

С распадом Советского Союза большинство программ по биотерроризму было остановлено, а исследовательские центры переориентированы на работу в гражданских направлениях. Тем не менее никто точно не знает, что случилось

¹ Frischknecht, European Molecular Biology Organization. *The history of biological warfare. Examples of biological warfare during the past millennium*. EMBO Rep. 2003 Jun; 4(Suppl 1) S47-S52

с оружием, которое они успели произвести, и над чем они работают сегодня. Западные эксперты по безопасности опасаются, что некоторые запасы биологического оружия могли попасть к террористам.

После того как человечество покончило с эпидемиями оспы, несколько лабораторий в мире продолжали хранить образцы активного вируса в исследовательских целях — например, для разработки лекарств и вакцин. В 1978 году, после зловещей истории с лабораторным заражением медицинского фотографа Дженет Паркер, стало понятно, насколько это может быть опасно. Это заставило научный мир переосмыслить концепцию хранения активных вирусов. Исследователей разных стран призвали уничтожить все имеющиеся образцы вируса *Variola* или направить их в одно из двух официальных хранилищ: в лабораторию Центра по контролю и профилактике заболеваний США (CDC/ЦКЗ) в Атланте или в тогда еще советский, а ныне российский научный центр «Вектор» (State Research Center of Virology and Biotechnology VECTOR), расположенный в научном городке Кольцово Новосибирской области. И в ЦКЗ, и в российском «Векторе» вирус оспы — один из самых опасных убийц в истории человечества — хранится в соответствии с требованиями четвертого уровня биологической безопасности — максимального из возможных. На данный момент — официально — известные образцы оспы хранятся лишь в двух вышеупомянутых институтах. Тем не менее, в 2014 году в исследовательском центре рядом с Вашингтоном в картонной коробке нашли шесть забытых кем-то пробирок с вирусами оспы! Их, естественно, незамедлительно отправили в ЦКЗ и уничтожили, но кто знает, что еще хранится в холодильниках старых лабораторий?!

Как же убедиться в том, что дополнительные образцы оспы не спрятаны где-нибудь в логове террористов и не валяются в старой пробирке на дне позабытой всеми морозилки? К сожалению, это пока невозможно. Кроме того, существующие технологии позволяют восстановить вирус на основе генома оспы, который известен. Но, к счастью, оспа не самый заразный из болезнетворных вирусов, и у человечества есть надежные вакцины.

День сегодняшний. О происхождении вируса SARS-CoV-2

Решение вопроса, как и где возник вирус Ковида-19, очень важно для предотвращения повторения подобной катастрофы. Расследование, которое в начале 2021 года проводила международная группа из 17 экспертов совместно с 17 специалистами из Китая, ставило целью определить «источник вируса и путь его проникновения в человеческую популяцию, включая возможную роль промежуточных носителей». Как выяснилось, китайские ученые принимали слишком деятельное участие в формировании выводов этой комиссии, и они требуют серьезного пересмотра.

Наиболее вероятной версией комиссия назвала передачу вируса человеку от животного-носителя (например, летучей мыши) через животное-посредника. Прямую передачу вируса человеку от исходного носителя исследователи оценили как менее вероятную.

Китай выдвинул версию передачи вируса человеку через замороженные или охлажденные продукты, которые могли продаваться на Хуананском рынке морепродуктов — месте первой вспышки вируса. Эту версию исследователи сочли возможной, но маловероятной.

Наконец, четвертую версию — о вспышке в Ухани, вызванной утечкой вируса из лаборатории, — эксперты оценили как «крайне маловероятную». В 120-страничном отчетном докладе комиссии этой версии было уделено лишь полторы страницы.

Однако по прошествии двух лет интенсивных исследований ученым так и не удалось найти доказательств циркуляции вируса SARS-CoV-2, вызвавшего пандемию

Ковид-19, ни у летучих мышей, ни среди домашних, ни среди диких животных, которые могли бы играть роль промежуточного звена. Можно представить себе, как заинтересованы китайцы найти животного-носителя, но вот пока не получилось.

С другой стороны, как сообщают вирусологи, определенные генетические черты вируса SARS-CoV-2 указывают на его лабораторное происхождение.

В результате снова возникла гипотеза о лабораторной утечке, которую при президенте Трампе клеймили как конспирационную. Даже генеральный директор ВОЗ доктор Гебрейесус заявил, что вывод о малой вероятности лабораторного заражения был преждевременным, и «все гипотезы остаются открытыми и требуют дальнейшего изучения»; он призвал к новому расследованию.

Никоим образом не претендуя на истину в последней инстанции, я поделюсь здесь своими соображениями о происхождении коронавируса, унесшего на сегодняшний день более трех с половиной миллионов жизней. Мои представления сформировались на основе критического анализа рецензированных научных статей, опубликованных в научных журналах, и чтения журналистских обзоров. Я не вирусолог и не врач, но общее образование в области биологии и медицины позволяет мне высказать соображения и догадки, не имеющие, за отсутствием установленных фактов, незыблемой фактической основы.

Сначала договоримся о терминологии. Для лиц, причастных сегодня к вирусным исследованиям, самое уязвимое словосочетание — *gain of functions research* (исследования, направленные на усиление функций вирусов с целью сделать их более патогенными, то есть болезнетворными). В этих исследованиях встречающийся в природе вирус искусственно модифицируют, чтобы он мог, во-первых, переходить от животного к человеку; во-вторых, стать более трансмиссивным (то есть активнее распространяться); и в-третьих, стать более патогенным (вызывающим более тяжелое заболевание).

Генная инженерия предоставляет огромные возможности для модификации вирусов. С помощью технологии рекомбинации ученые создают новые генетические конструкции. Такие организмы, называемые химерами, могут сочетать черты нескольких вирусов-патогенов: высокую вирулентность, эффективную передачу и резистентность к имеющимся противовирусным препаратам. Работа в этом направлении необходима, потому что технологии модификации вирусов хорошо известны специалистам и могут быть использованы злоумышленниками. Необходимо быть во всеоружии и разработать противоядия на случай, если убийственный вирус попадет к террористам и станет агентом биологической атаки.

Но прежде чем искать противоядие, необходимо ознакомиться с ядом. Поэтому работы по «усилению функций» вирусов велись, при соблюдении высочайших мер предосторожности, в серьезных научных учреждениях, таких, например, как американский Национальный институт здоровья (NIH).

В 2014 году президент Обама наложил на эти исследования мораторий. Отсюда начинается цепь крайне неприятных событий, связанных или не связанных с сегодняшней пандемией, — этого мы не знаем и, возможно, никогда не узнаем. Для нас важно, что в них замешан человек, который уже два года возглавляет борьбу с эпидемией Ковида-19 в Соединённых Штатах Америки и является директором Национального института аллергии и инфекционных заболеваний (NIAID, в русской транскрипции НИАИЗ). Как вы уже догадались, речь идет о докторе Фаучи, ставшем за минувшие два года звездой американского экрана.

В 2020 году доктор Фаучи убеждал нас и американский Конгресс, что пандемия Ковида-19 имеет естественное происхождение, то есть вирус перешел к человеку от животного. Сегодня все больше ученых-вирусологов и молекулярных биологов склонны сомневаться в естественном происхождении вируса, и даже доктор Фаучи вынужден был признать, что не убежден, что вирус возник естественным путем.

В газете *The Wall Street Journal* в мае 2021 года промелькнуло сообщение, что в ноябре 2019 года, то есть за месяц до официального сообщения китайских властей о вспышке в Китае, трое сотрудников Уханьской лаборатории были госпитализированы с симптомами, похожими на Ковид-19; журнал *Science* сообщил недавно, что симптомы Ковид-19 у первого известного пациента были зарегистрированы 11 декабря 2019 года; инфекция началась, вероятно, двумя неделями раньше, в конце ноября¹.

Истина будет установлена — это только вопрос времени, считает канадский молекулярный биолог Алина Чен (Alina Chan)². «На данный момент лабораторное происхождение более вероятно, чем естественное», — сообщила она членам Комитета по науке и технологиям английского парламента, намекнув, что в Уханьской лаборатории знают о происхождении пандемии, но говорить об этом в Китае небезопасно.

Немного науки. Не пугайтесь, все будет просто и понятно. Надо только знать, что основные субстраты жизни — белки — синтезируются в клетке часто в неактивной форме, и клетке приходится белок активировать, чтобы он начал выполнять свои важнейшие функции. Для этого в клетке существует, в частности, специальный фермент — протеаза фурин, который расщепляет белок в нужном месте, тем самым его активируя. Патогены тоже используют фурин для своей активации. Например, белки оболочки вирусов, таких как вирус СПИДа, гриппа, лихорадки Денге, вируса Эбола, а также шиповидный белок SARS-CoV-2 должны быть расщеплены фурином, чтобы стать полностью функциональными³. Наглядным примером этого процесса может служить S-белок шипа коронавируса. Чтобы эффективно инфицировать клетки, он должен сначала «прилипнуть» к поверхности заражаемой клетки, а для этого должно произойти расщепление S-белка фурином, с обнажением концов S1 и S2 в месте расщепления. За этим следует цепочка событий, заканчивающихся внедрением вируса в инфицируемую клетку, где он использует работающие в клетке фабрики, чтобы воспроизводить самого себя и переходить из клетки в клетку. Без расщепления белка шипа на составляющие S1 и S2, инфицирование клеток происходит неэффективно. Так вот, самым подверженным расщеплению фурином местом в молекуле белка является связь между парой аминокислот аргинин-аргинин. Вероятность ее естественного образования очень мала, зато искусственное введение ее в геном вируса для усиления его болезнетворности не составляет труда. На этом основаны подозрения ученых в лабораторном происхождении вируса, вызвавшего сегодняшнюю мировую катастрофу⁴.

«Прошло два года, а мы так и не нашли ни одного зараженного животного, которое могло бы быть прародителем теперешней пандемии; это крайне удивительно», — пишет английский научный журналист лорд Мэтт Ридли (Matt Ridley).

¹ *Science*, November 18, 2021.

² Доктор Алина Чен, специалист в области медицинской генетики, синтетической биологии и векторной инженерии, — в настоящем является совместным постдоком Массачусетского технологического института и Гарварда. Доктор Чен создает векторы нового поколения для генной терапии человека. Во время пандемии COVID-19 доктор Чен возглавила разработку браузера, сделавшего доступным генетический код COVID-19 CoV (covidcg.org) для ученых всего мира для быстрого отслеживания линий и мутации вирусов. Исследует проблемы, связанные с поиском происхождения вируса SARS-CoV-2.

³ Hoffmann M, Kleine-Weber H, Pohlmann S (May 2020). «A Multibasic Cleavage Site in the Spike Protein of SARS-CoV-2 Is Essential for Infection of Human Lung Cells». *Molecular Cell*. 78 (4): 779–784.e5. doi:10.1016/j.molcel.2020.04.022. PMC 7194065. PMID 32362314.

Coutard B, Valle C, de Lamballerie X, Canard B, Seidah NG, Decroly E (April 2020). «The spike glycoprotein of the new coronavirus 2019-nCoV contains a furin-like cleavage site absent in CoV of the same clade». *Antiviral Research*. 176: 104742. doi:10.1016/j.antiviral.2020.104742. PMC 7114094. PMID 32057769.

⁴ <https://www.wsj.com/articles/the-science-suggests-a-wuhan-lab-leak-11622995184>. *The Science Suggests a Wuhan Lab Leak*. The Covid-19 pathogen has a genetic footprint that has never been observed in a natural coronavirus. By Steven Quay and Richard Muller. June 6, 2021.

Это удивительно, но еще более удивительно, что по инициативе доктора Фаучи и в обход существующих правил эксперименты по усилению функций вирусов в уханьском Институте вирусологии спонсировал (через промежуточную английскую компанию) американский Национальный институт аллергии и инфекционных заболеваний, директором которого является Фаучи. Иными словами, *китайские разработки по усилению болезнетворности и летальности вирусов проводились на деньги американских налогоплательщиков.*

Вот краткая история гранта, предоставленного Уханьскому институту вирусологии американским Национальным институтом аллергии и инфекционных заболеваний. Напомню, что в 2014 году Обама запретил в США исследования по «усилению функций» вирусов. Не берусь обсуждать, какие мотивы побудили доктора Фаучи продолжать исследования, на которые федеральное правительство наложило мораторий. Чтобы обойти этот запрет, американский Национальный институт аллергии и инфекционных заболеваний вступил в сотрудничество с английской компанией «ЭкоХэлс» (EcoHealth Alliance) и выдал ей грант в размере трех миллионов семисот тысяч американских долларов на исследования «Понимание риска появления коронавируса летучих мышей» (Understanding the risk of bat coronavirus emergence). Уже само название гранта говорит о том, что предложенное исследование подразумевает эксперименты по усилению функций вируса. Ставшая теперь доступной электронная переписка между доктором Фаучи и президентом «ЭкоХэлс» Питером Дашаком (Daszak) обнажила механизмы, с помощью которых они обошли обычное для такого рода исследований требование рассмотрения и одобрения гранта специальной комиссией Конгресса. Формулировки задач и целей исследования были составлены компанией «ЭкоХэлс» таким образом, чтобы истинный смысл экспериментов, направленных на усиление функций, был завуалирован¹, и в 2014 году этот грант был одобрен американским Национальным институтом здоровья. Но, когда компания «ЭкоХэлс» вступила в третий год исследований по гранту, два пункта программы вызвали озабоченность сотрудников отдела Фаучи: директора программы по исследованию коронавирусов доктора Эрика Стемми (Dr. Erik Stemmy, Human Coronavirus, Rhinovirus Research Program Officer) и менеджера грантов Дженни Грир (Jenny L. Greer, Grants Management Officer; Branch Chief; Grants Management Branch). Они забеспокоились, что предложенные эксперименты с искусственно полученными гибридными вирусами попадают под определение «усиление функций», запрещенные федеральным мораторием. В ответ на их беспокойство сотрудники «ЭкоХэлс» внесли в грант дополнительные формулировки и ограничения, снявшие возражения директора программы. Эти ограничения предусматривали, что в случае, если скорость репликации вируса увеличится в десять раз, ЭкоХэлс должна будет немедленно сообщить об этом Национальному институту здоровья для нового рассмотрения и возможной модификации программы исследований. Забегая вперед, сообщу, что компании «ЭкоХэлс» удалось увеличить скорость репликации вируса не в десять, а в десять тысяч раз! Президент компании Дашак утверждает, что, как только эти результаты были получены, о них немедленно сообщили американским спонсорам в отчете от 18 апреля 2018 года и, не получив от них никакой реакции, продолжили эксперименты. В свою очередь, доктор Фаучи с коллегами утверждают, что никаких сообщений об ускорении репликации от «ЭкоХэлс» не получали.

Пикантная подробность: компания «ЭкоХэлс» сотрудничала в этих исследованиях с Уханьским институтом вирусологии, выделив ему шестьсот тысяч долларов из американского гранта (это, кстати, мизерная сумма для исследований такого рода). О выявленном компанией усилении скорости репликации вируса англичане, как и было договорено, сообщили своим китайским коллегам. Подозреваю, что последних это сообщение не огорчило.

¹ <https://childrenshealthdefense.org/defender/emails-fauci-nih-ecohealth-alliance-gain-of-function-research/>

Эксперименты компании «ЭкоХэлс» в сотрудничестве с китайскими коллегами по гранту от американского Национального института здоровья продолжались до 2019 года.

Финансирование экспериментов Уханьского института вирусологии деньгами американских налогоплательщиков привлекло внимание американского Конгресса. Заместитель директора Национального института здоровья доктор Табак объяснял, что в экспериментах на мышах, проводимых компанией «ЭкоХэлс», *неожиданно* обнаружилось, что созданный искусственно химерный вирус вызывал гораздо более тяжелое заболевание, чем исходный, «родительский» вирус летучей мыши. Иными словами, невинный с виду эксперимент «случайно» превратился в эксперимент по усилению функций, о чем партнер должен был немедленно предупредить Национальный институт здоровья и принять новые меры био-безопасности, но якобы этого не сделал. «ЭкоХэлс», как мы знаем, утверждает обратное.

Читатель вправе спросить, какое отношение к нашему сегодняшнему дню и пандемии Ковид-19, вызванной вирусом SARS-CoV-2, имеет описанная выше ситуация с грантом, выданным американским Национальным институтом здоровья компании «ЭкоХэлс» и через нее — Уханьскому институту вирусологии. Возможно, никакого. Разве что три с лишним миллиона американских долларов, предоставленные компании «ЭкоХэлс» и Уханьскому институту вирусологии на разработки химерных вирусов с усиленными функциями, ускорили получение китайскими вирусологами убийственного вируса, предположительно вызвавшего пандемию Ковид-19. В утечке вируса из уханьской лаборатории — если именно она стала причиной пандемии — никто, кроме Уханьского института вирусологии, не обеспечившего нужного уровня биобезопасности, не виноват.

Эпилог

Хочу закончить это эссе оптимистическими (возможно, чрезвычайно наивными) соображениями.

Как мы теперь знаем, вирусы быстро мутируют. Повышенная частота мутаций в комбинации с естественным отбором позволяет вирусам быстро адаптироваться к изменениям в окружающей среде. Некоторые мутации дают преимущества, которые повышают их приспособленность. Это могут быть, например, изменения, маскирующие вирусы от идентификации и атаки клетками иммунной системы, или изменения, которые повышают их резистентность к противовирусной атаке. Благодаря этим механизмам постоянно появляются новые вирусы, резистентные к имеющимся вакцинам и противовирусным препаратам.

При многократном прохождении вируса от носителя к реципиенту происходит его адаптация к организму хозяина через серию мутаций. Поначалу преимущество приобретает вирус, который лучше преодолевает атаки иммунной системы носителя, то есть более устойчивый и агрессивный. Но не будем забывать, что смерть хозяина есть также и «смерть» обосновавшегося в нем вируса. С течением времени победителем в вирусных междоусобицах должен стать вирус, дольше живущий в организме носителя и активнее передающийся — следовательно, более заразный и менее вирулентный. Такое впечатление, что этой характеристике соответствует нынешний штамм Ковида-19 Омикрон, в кратчайшие сроки заполонивший планету, но менее летальный, чем его предшественники.

Может ли вирус настолько уменьшить свою вирулентность, что станет вакциной? Не в этом ли причина прекращения вирусных пандемий?

Есть ли в этих рассуждениях рациональное зерно и основания надеяться, покажет время.

Солт-Лейк-Сити, 2021—2022 гг.

Моя глубокая признательность Марианне Таймановой за бесценные замечания по тексту.

Дэн Дельтман

«И вновь продолжается бой»... но уже в Америке

I

Что случилось с Америкой? Страна как будто сошла с ума и на потеху авторитарным режимам мира сего занимается самобичеванием: сражается с памятниками, оплевывает свою историю, объявляет, что поражена структурным и институциональным расизмом. Под сомнение берется все, вплоть до начала американской истории. Предлагается считать отправной точкой не Американскую революцию 1776 года, а 1619 год, когда к берегам Виргинии причалил корабль, на котором находилась горстка чернокожих, захваченных в португальско-африканском рейде на территории нынешней Анголы. Прибыли эти двадцать с лишним человек не по своей воле, но оказались не рабами, а контрактными рабочими, как и многие колонисты. Отработав энное число лет, получили свободу. Николь Ханна Джонс, афроамериканская журналистка из «Нью-Йорк Таймс», назначила это событие точкой отсчета американской истории и провозгласила, что 2019 год — это год, ознаменовавший 400-летнюю историю унижений и страданий чернокожих соплеменников. Профессиональные историки нашли много изъянов и проблем в ее описании этого события, но левая американская пресса превознесла зачинщицу. В ответ на ревизионистский почин президент Дональд Трамп организовал Комиссию-1776, куда привлек видных историков и общественных деятелей. Целью комиссии было культивирование патриотического образования и борьба с очернением отцов-основателей Америки. Стоит ли удивляться, что пришедший к власти Байден немедленно комиссию распустил? Нынешняя американская культурная революция, как и все предшествующие ей, пытается построить новый мир, предварительно разрушив старый. Отсюда борьба с памятниками, запрет на книги, новояз, гонения на несогласных вплоть до увольнений с работы и другие признаки нового времени.

Вы, возможно, думали, что существует только два пола: мужской и женский? Отстали от времени! Фейсбук предлагает богатый выбор из пятидесяти восьми вариантов половой принадлежности. Какое богатство!¹

Неудивительно, что у многих американцев, особенно в связи с пандемией, кружится голова от происходящего. Как следствие — конспирологические теории и

Дэн Дельтман — журналист и политический комментатор, живущий в США.

поиски некоей скрытой группировки, управляющей страной. Современную радикальную идеологию некоторые сравнивают с религией — проповеваются утверждения, которые надо принимать на веру и в которых не положено сомневаться: «социальная справедливость» (social justice); «разнообразие, равенство и включенность» (diversity, equity, and inclusion), утверждается, что американцы живут в условиях институционального и структурного расизма и что полицейские — расисты, убивающие чернокожих. По словам одного известного парадоксалиста, «в жизни все не так, как на самом деле». Как писала журналист и юрист Хеза Макдональд², «В 2015 году у полицейского было в 18,5 раз больше шансов быть убитым чернокожим мужчиной, чем у невооруженного чернокожего быть убитым полицейским». Ей вторит афроамериканка Кэндис Оуэнс, популярная консервативная телеведущая, журналистка и активистка. По ее словам, в 2016 году у черных американцев было больше шансов быть убитыми молнией, чем быть убитыми полицейскими, будучи безоружными³.

Жажда власти способна переупрямить факты, особенно вкупе с древнейшим принципом «разделяй и властвуй». С приходом к власти новой администрации во главе с Джо Байденом, критическо-расовая теория (КРТ) стала официальной доктриной не только левых радикалов, но и Демократической партии США, полевевшей до неузнаваемости. Байден тут же отменил запрет Дональда Трампа на преподавание этой теории в федеральных учреждениях. В ряде штатов, где в этом вопросе верх взяли республиканцы, КРТ находится под запретом, но в большинстве американских штатов она победно шествует по образовательным учреждениям, начиная с детского сада и кончая университетами и корпоративными тренингами. Так что же это за теория, и откуда она взялась?

Чтобы это понять, надо углубиться в историю, точнее, в 1940-е годы, когда ряд представителей философской так называемой Франкфуртской школы (Юрген Хабермас, Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Герберт Маркузе, Эрих Фромм и др.) бежали от нацизма и переселились в Америку. В 1937 году Макс Хоркхаймер написал манифест «критической теории». Он утверждал, что люди не могут мыслить об обществе объективно. Общество делится на угнетателей и угнетаемых. Звучит знакомо? Что ж, Франкфуртская школа была пропитана марксистскими взглядами. Далее: те из угнетаемых, которые придерживаются культурных норм и верований, свойственных противоположному клану, то есть угнетателям, мешают революции, стоят на ее пути. Основатель итальянской коммунистической партии Антонио Грамши видел, что нельзя полагаться на пролетарскую революцию на Западе. Во-первых, рабочие разделены по национальной принадлежности, и, во-вторых, путь революционных изменений преграждают такие устои как семья и религия. И что же?

Обосновавшись в Колумбийском университете, «франкфуртцы» прижились и обросли связями и влиянием, главным образом на движение «новых левых», ставшее популярным в конце 1950-х — начале 1970-х годов в американских высших учебных заведениях. Студенческое американское движение тех лет превозносило «трех М»: Маркса, Маркузе и Мао. Маркузе увидел в расовых меньшинствах именно тех «угнетаемых», которые призваны коренным образом преобразовать американское общество и «протащить» марксистскую революцию. Зерна падали на благодатную почву: ученицей Г. Маркузе была не кто иная, как наша давнишняя знакомая Анджела Дэвис, чью свободу горячо отстаивала советская общественность.

Маркузе поощрял революционную активность и объявлял современное капиталистическое общество тоталитарным, в котором «политическая власть утверждает себя через машинный процесс и техническую организацию аппарата»⁴.

Свобода, по мысли Маркузе, обретается через коллективизм и так далее по заезженной дорожке.

Толерантность современного западного общества, по Маркузе, это уловка хитрой буржуазии, призванная одурачить пролетариат. Но угнетенные меньшинства не должны останавливаться ни перед чем, включая насилие, чтобы разрушить существующую систему и создать более справедливое общество.

Современная американская высшая школа глубоко пропитана марксистскими идеями и влияниями. Нынешняя доктрина, внедряемая с молодых ногтей, вызывает не просто к равенству, но к equity, то есть к равенству в результативных проявлениях. Марк Левин задается естественными вопросами: «...действительное равенство в экономическом контексте и неосуществимо, и невозможно. Что в действительности имеется в виду под экономическим равенством? До какой степени его можно навязать населению, состоящему из уникальных и различных индивидов? Как мы определим, когда равенство достигнуто? Как мы уверимся, что оно продлится от одного поколения к следующему? Не является ли экономическое равенство равенством в глазах глядящего? И какой эффект будет иметь экономическое равенство, что бы оно ни значило и как бы его ни внедряли, на экономический рост, возможности и благосостояние всего общества? В каких из 190 стран, включая коммунистические режимы, в реальности существует экономическое равенство?»⁵

Сегодняшняя американская система образования направлена на подрыв самого фундамента Америки: в школах пропагандируется, причем начиная с самых младших классов, что страна основана на несправедливости, что белые люди безмерно и неискупимо виноваты перед черными и цветными, что американцы живут в обществе «системного расизма» и абсолютно все упирается в расовый вопрос.

Как пишет Марк Левин, «промывание мозгов против основ Америки и гражданского общества и индоктринация активизма и протеста — даже насильственного, если необходимо, — постоянно проповедуются в высшей школе. Цель: создать поколение революционеров».

В 2006 г. было проведено опросное исследование преподавателей высшей школы 927 образовательных учреждений. Согласно этим данным, только 9% преподавателей было консервативно настроено, в то время как 80% были устойчиво левыми по своим взглядам. Более того, из этих 80% более половины были крайне левыми, и каждый пятый профессор по социальным дисциплинам относил себя к марксистам⁶.

Что касается демократов в целом, то, согласно опросу Гэллопа за 2018 г., 57% демократов смотрят на социализм позитивно, и только 47% из них позитивно смотрят на капитализм.

Критическо-расовую теорию развивали и совершенствовали, распространяли и пестовали по всей Америке. В 1970—1980 годах эксперты-юристы, такие как Деррик Белл, Кимберле Креншоу, Ричард Дельдаго и другие, посвящали ей свои труды. Многие считают, что основателем Критической расовой теории является Деррик Белл, профессор юриспруденции Гарвардского университета. Д. Белл в своих взглядах расходился с теми, кто стоял во главе движения за гражданские права, включая Мартина Лютера Кинга и его друга и доверенного лица Доктора Уолкера.

Проповедники КРТ утверждают, что расизм внедрен во все американские институты и что отстаивание прав юридическим способом бесплодно. Почему эта теория называется «критической»? Потому что традиционная идеология обслуживает интересы правящего класса, а эта теория заступает за якобы бесправных. Именно поэтому надо подвергнуть критике все общество с его институциональным,

структурным и системным расизмом. У белых слишком много преимуществ во всех сферах жизни, а расовые меньшинства недополучают благ. Для того, чтобы достичь справедливости и равенства, надо склонить чашу весов в другую сторону, отдавая предпочтение расовым меньшинствам во всех сферах жизни. Белым, согласно этой теории, необходимо признать свою причастность и сознаться в тех преимуществах, которые они имеют благодаря системе белого супремасизма (превосходства). Если они не признают свою вину и говорят, что они не расисты, это означает, что они пытаются защититься от обвинений, и выявляет свой грех — white fragility, то есть хрупкость ментальности белого человека, не имеющего смелости глядеть в глаза фактам, изобличающим их в расовых предрассудках. Даже если они не причастны к расистскому поведению и говорят, что для них цвет кожи не имеет значения (что они «слепы к цвету», color blind), это не освобождает их от ответственности за вину белого человека. Именно в этом духе проповедуют широко известные современные авторы Робин ДиАнджело и Ибрам Кенди.

Критически-расовая теория фактически подрывает даже такую модную и укоренившуюся в современном американском сознании концепцию как мультикультурализм, который придает каждой культуре значение, равноценное другим культурам. Она призывает атаковать доминирующую культуру белого человека силами всех недовольных американцев иного цвета кожи.

Книга профессоров Ричарда Дельгадо и Джина Стефаник под знаковым названием Critical Race Theory утверждает, что КРТ призвана отвергнуть теорию равенства, общепринятые принципы юриспруденции, рационализм Просвещения и основы конституционного правопорядка. А что вместо? Расовое чутье?

Не напоминает ли это перекокс в сторону рабочих и крестьян в образовательной и производственной сферах в первые годы советской власти? Методика та же. «Возвращается ветер на круги своя».

Те, кто выражают несогласие со взглядами сторонников критической расовой теории, с её нападениями на США как на страну неискупимо-расистскую, цитадель «белого супремасизма», попадают под обвинение в hate speech (речи ненависти) и подвергаются «отмене», то есть либо цензурируются, либо исключаются всяческими методами из общественного дискурса (запугивание, увольнение, бойкоты, нападения и т.д.). Идет атака на Первую поправку Конституции, то есть право на свободу слова, вкупе с атакой на Вторую поправку, дающую право носить оружие для самозащиты.

Как реализуется эта чудесная теория на практике? В школах детей просят написать о своих «привилегиях» и разделить на «угнетенных» и «угнетателей». Их спрашивают, что они делают, чтобы поддержать пресловутое движение Black Lives Matter. Неудивительно, что основатели движения Патрисса Каллорс, Алисия Гарза и Опал Томети — марксистки. Об этом открыто заявила Патрисса Каллорс в интервью The Real News в 2015 году: «У нас в действительности есть идеологическая основа. Я и Алисия, в особенности, — опытные организаторы. Мы тренированные марксисты».

Так под флагом обучения в духе «разнообразия, равенства и включенности» ведется неприкрытая пропаганда расовой вражды, направленной на всех белых, на западную культуру, на христианство и американских христиан, даже на математику! Да-да, ведь математика принадлежит белой супремасистской культуре, поскольку предполагает, что у задачи может быть только одно правильное решение, а что делать тем, кто ее решает неправильно или у кого неладит с математикой? Вместо того чтобы поднимать уровень знаний таких людей, гораздо проще объявить математику инструментом расизма, как и американский флаг, и стремление к эффективности,

и классы для одаренных детей, и экзамены-тесты, объективно оценивающие знания и способности, и безразличие к признакам расы (color blindness), и многое другое.

История страны пересматривается сквозь призму расового вопроса. Даже Война за независимость видится теперь через цветные очки: якобы британцы были против рабства, а вот повстанцы — за! По всей стране, включая федеральные учреждения, проводятся тренинги, где людям внушаются идеи о «белом супремасизме», причем это понятие трактуется расширительно. Намеренно создается впечатление, будто вся Америка сверху донизу пронизана расизмом, что, конечно же, является полной фальсификацией истинного положения вещей. Детям внушается чувство вины за белый цвет кожи и за «привилегии», которые они якобы получили при рождении. У американцев существует понятие gaslighting — это когда, манипулируя сознанием человека или группы, некто пытается изменить их представление о реальности, выстроить иллюзорную картину (пример — Яго и Отелло).

Вполне предсказуемо, что многие американцы в ужасе от подобных идей. Некая г-жа Стинман, которая живет в штате Теннесси и возглавляет местное отделение организации «Мамаши за свободу» (Moms for Liberty), смотрит на критически-расовую теорию как на попытку посеять вражду среди американцев и повернуть вспять прогресс в расовом вопросе. По ее мнению, это путь к неорасизму и неосегрегации, и это — трагедия⁷.

Все же открыто выступать против модного идейного течения не каждому по силам, ведь даже нынешний президент Джо Байден неоднократно заявлял, что самая большая угроза для Америки — это белый супремасизм. В то же время Майк Пенс, бывший вице-президент США, назвал мнение о существовании системного расизма «мифом левого крыла». Кто из них прав?

II

Америка прошла долгий путь. В Гражданской войне между Севером и Югом 110 тысяч американцев, сражавшихся на стороне северян, погибли в битвах и 250 тысяч — от болезней и других причин. История не знает примера, когда сотни тысяч людей, преимущественно белых, погибли, сражаясь за свободу от рабства людей другой расы. Кстати, свободу от рабства принесла партия республиканцев, партия Авраама Линкольна. Годы спустя, когда северяне одержали победу и многие чернокожие стали преуспевать в бизнесе и образовании, расисты взяли реванш. Президент-демократ Вудро Вильсон ввел расовую сегрегацию в федеральных учреждениях и возродил Ку-клус-клан, устроив в Белом доме просмотр фильма, в котором восхвалялась эта печально известная организация. Именно сегрегационистские законы, принятые во многих штатах, так называемые законы Джима Кроу, взял в качестве примера для подражания Гитлер, когда вводил Нюрнбергские расовые законы.

Вторая мировая война произвела переворот в массовом сознании. Впервые человечество столкнулось со злодеяниями такого масштаба, какой раньше был непредставим. Расизм идеологически был заклеен как безусловное зло. В 1948 году Гарри Трумэн отменил расовую сегрегацию в американской армии, приказав интегрировать войска. В 1954-м Верховный суд в знаменитом деле «Браун против Совета по образованию»⁸ признал, что расовая сегрегация неконституционна. В 1964 году президент-демократ Линдон Джонсон подписал Закон о гражданских правах, положивший конец сегрегации и законам Джима Кроу. Закон 1965 года открыл дорогу расовым меньшинствам для участия в избирательном процессе. Закон 1968 года

отменил дискриминацию, существовавшую при продаже и аренде домов. Не премину заметить, что на войну с бедностью за 50 лет было затрачено 22 триллиона долларов.

Исследование 2018 года, проведенное Институтом экономической политики, попыталось выяснить, как изменилось положение афроамериканцев за 50 лет. Вот несколько выводов.

Афроамериканцы сегодня намного лучше образованы, чем в 1968 году, но в целом все еще отстают от белых в этой области.

В 2,5 раза больше вероятность, что афроамериканцы будут жить в бедности, и средний показатель дохода белой семьи почти в 10 раз превышает уровень черной.

В отношении домовладения, безработицы и тюремных заключений условия для чернокожих американцев либо не улучшились, либо ухудшились.

В 2017 году уровень безработицы среди черных составлял 7,5%, что превышает показатель 1968 года (6,7%), это в два раза выше, чем безработица у белых.

В 2015 году уровень домовладения у черных был выше 50%, это показатель, практически неизменный с 1968 г., он отстает от уровня домовладения среди белых.

Доля афроамериканцев среди заключенных выросла почти в три раза с 1968 по 2016 год и в настоящее время превышает уровень белых в 6 раз.

Прямым результатом войны с бедностью стало разрушение афроамериканской семьи. Были приняты законы, помогающие матерям-одиночкам и ставящие семейных людей в невыгодное положение. Как результат: рост иждивенческих настроений и распад института семьи, ведущий к росту преступности. Ведь, если в доме нет отца, по словам того же Барака Обамы, гораздо больше вероятность, что ребенок не окончит среднюю школу и пойдет по криминальной дорожке.

За прошедшие с тех пор шесть десятков лет страна неузнаваемо изменилась. Сексуальная революция и борьба за гражданские права, студенческие волнения и протесты против войны во Вьетнаме пронесли вихрями, вырвав с корнем многие закоснелые привычки и предрассудки. Выросли поколения американцев, которые не только лишены каких бы то ни было расовых предубеждений, но и горячо отстаивают интересы расовых меньшинств. Межрасовые и межрелигиозные браки стали обыденным явлением. В Америке не только запрещена какая-либо дискриминация на основании религии, цвета кожи, национального происхождения и половой принадлежности, но вот уже 60 лет прилагаются непрерывные усилия со стороны правительства для продвижения расовых меньшинств в области образования и на любые должности. Более того, образовательные учреждения, включая самые престижные университеты, устанавливают более низкие пороги требований для поступления чернокожих, потомков американских индейцев и выходцев из Латинской Америки. Все это делается для того, чтобы обеспечить необходимый уровень расового разнообразия. Смертельно опасаясь любого, зачастую необоснованного, обвинения в расизме, компании и организации постоянно увеличивают число цветных сотрудников. Борьбе с расизмом посвящены тренинги и семинары, а Голливуд внедрил новые правила для Оскара: какой процент расовых меньшинств должен быть представлен в качестве актеров и/или героев фильмов. Неудивительно, что продукция Голливуда теряет в популярности! Вспомним большинство советских фильмов, в которых мудрый руководитель парторганизации спускал ценные указания, как уладить производственные споры. В современных американских фильмах эту роль выполняют чернокожие мужчина или женщина, помогающие белым разобраться в их личных проблемах или решить математическую задачу, которую никто не может решить. Чернокожие, американские индейцы

и представители других меньшинств давно изображаются только в позитивном свете или в виде жертв, в отличие, скажем, от белых американцев и полицейских.

Diversity (под этим словом подразумевается расовое разнообразие), по словам Хезы Макдональд, фактически означает социально сконструированное пропорциональное представительство по расовому признаку⁹. На деле эти усилия приводят к плачевным результатам. Если в наиболее престижные учебные заведения принимают по цвету кожи, а не по знаниям, то чего можно ожидать от будущих инженеров, врачей и учителей? Книга эта вышла в 2018 году, еще до того как по Америке пронеслась безумная волна протестов и погромов, связанная с убиенным Джорджем Флойдом. Но и тогда была очевидна абсурдность линии, которой придерживаются университеты при приеме новичков. К примеру, университет Дьюка, довольно престижное учебное заведение, принимал в свои ряды чернокожих, чьи баллы по стандартному экзамену SAT составляли в среднем 1275, в то время как у белых — 1416, а у азиатов — 1457. Это ли не дискриминация по отношению к китайцам и корейцам, индийцам и вьетнамцам? Десятилетиями этот университет из кожи вон лез, чтобы выглядеть «правильно» в глазах «прогрессивной общественности»: тут вам и студенческий центр для черных (да-да, теперь в колледжах Америки входит в моду новая сегрегация, когда сами афроамериканцы жаждут отдельных общежитий и особых выпускных церемоний), и торжества, посвященные набору чернокожих студентов, и новые должности — результат усилий по пресловутой diversity, дабы набрать побольше учителей и студентов из расовых меньшинств.

Все эти усилия предпринимались, повторю, еще до нынешней волны протестов, под эгидой Программы позитивных действий (Affirmative Action), введенной при Линдоне Джонсоне в 1960-х годах и призванной дать фору афроамериканцам, способствовать их продвижению в образовании, карьере и жилищных условиях. Возможно, и без этого способные афроамериканцы могли бы добиться многого, но довольно посредственный студент Обама вряд ли попал бы в Колумбийский университет, один из самых престижных в США. Забавно было наблюдать, как миллионерша герцогиня Сассекская Меган Маркл жалуется на несправедливое обращение с ее персоной со стороны королевской семьи. И кто же может понять ее лучше, чем еще одна «угнетенная» чернокожая, звезда телеэкрана, миллиардерша Опра Уинфри? Сегодня как никогда выгодно быть жертвой, но надо быть «правильной» жертвой, в соответствии со сложившимся медийным нарративом. Желających представить себя жертвой пруд пруди!

Невозможно даже вкратце охватить всю степень абсурда и лжи, которую льет левая пропаганда. Достаточно сказать, что большинство эпизодов расовой вражды оказываются фальшивками. Бандита и наркомана Флойда хоронили в золотом гробу и поставили ему памятник в центре Манхэттена, в то время как каждый день в Чикаго и Нью-Йорке под бандитскими пулями в разборках гибнут невинные чернокожие дети, в которых случайно попадают шальные пули, но никто и не думает устраивать по этому поводу протесты. Когда чернокожие убивают чернокожих (что составляет большинство насильственных преступлений в Америке), это не слишком волнует прогрессивную общественность. Но «борцы за равенство» высказывают чертиками из табакерок, когда от руки *белого* полицейского гибнет чернокожий. И поднимается «праведная волна народного гнева»...

В предисловии к книге Кэндис Оуэнс ведущий популярной радиопрограммы чернокожий американец Ларри Элдере писал: «В последнее время каждый год совершается около 500 насильственных межрасовых преступлений. Согласно данным

ФБР, около 90% случаев касается черных правонарушителей и белых жертв и только 10% — это белые правонарушители и черные жертвы. Где слушания конгресса по этому поводу?»¹⁰. А закончил свое предисловие Л.Элдере так: «Более тридцати лет назад гарвардский социолог Орландо Паттерсон, чернокожий демократ, сказал: факты социологии подтверждают, что Америка, которая все еще имеет недостатки в расовых отношениях, в сегодняшнем мире — наименее расистское общество, где белые составляют большинство; имеет лучшую историю юридической защиты меньшинств, чем любое другое общество, черное или белое; предлагает большие возможности большему числу чернокожих, чем любое другое общество, включая тех, что живут в Африке».

В качестве необходимого дописка: критическо-расовая теория охватывает также и латиноамериканцев, перед которыми белый человек безмерно виноват и которые беспрестанным потоком перетекают через границу в надежде осесть в несправедливых расистских США.

Но если читатель полагает, что борьба за равенство и справедливость в современной Америке ограничивается только расовым вопросом, то он ошибается. Существует еще и борьба за гендерное равенство, которая сегодня уже не является стремлением к предоставлению равных прав представителям любого пола и любой социальной ориентации (они этими правами и так обладают), но сводится к агрессивному навязыванию обществу новой идеологической доктрины: что пол — это социальный конструкт, что существует такое понятие как *gender fluidity*, то есть «перетекание одного пола в другой», чего при современной медицине можно достичь ценой невосполнимых изменений и большого риска для здоровья, включая и психическое. Детям с самого раннего возраста стали внушать в школах, что менять пол вполне нормально и чуть ли не похвально. В результате все большее число детей стало приходить в замешательство относительно своей половой принадлежности.

В начале XX века возникло движение *de-growth*, которое по сути является утопическим направлением, стремящимся повернуть индустриальную цивилизацию вспять, движение против машин, против урбанизации, против использования углеводородов и за использование «чистой» энергии. В реальности, как пишет Марк Левин в уже цитировавшейся книге, это движение против машин (мобильности), против рекламы (речь), против современного сельского хозяйства (изобилия еды), против углеводородов (обильной энергии) и т.д.

Как тут не вспомнить Жан-Жака Руссо с его идиллией о «благородном дикаре» и Золотом веке? Само собой, сторонники этого движения — против капитализма. Они за перераспределение доходов между богатыми и бедными, будь то люди или страны. Они идут дальше, чем пошел Маркс в своей критике капитализма, они выступают против экономического роста вообще, за всеобщую деградацию и обеднение. Один из лидеров этого движения, Серж Латуш, почетный профессор экономики Университета Пари-Сюд, даже и не скрывает, что его теория — это теория «конкретного утопизма».

Для этого предлагается множество мер: экологические налоги, базовый доход для всех (кто работает и кто не работает), кооперативное производство и потребление, кооперация в жилище, местные валюты, бартерные обмены. Словом, «выход из экономики» (не мой термин!) назад, к природе!

Пока что политика Демократической партии (открытая граница на юге, борьба за зеленую энергию в ущерб ее традиционным видам, разбазаривание казны на перекройку и перестройку страны в удобном им виде) грозит гиперинфляцией и кризисом

невиданного масштаба. Уже сейчас, через год байденского правления, официально признанный уровень инфляции составляет 7% (самый высокий за последние 39 лет), но на самом деле цифры гораздо выше.

Все эти нововведения, конечно же, можно внедрить только сверху, только насильственным путем. Именно по этому пути и идет байденская администрация, в которой значительную роль играют социалисты и марксисты всех мастей.

Известная писательница, одна из апологетов капитализма, Айн Рэнд, писала в своей книге: «Непосредственная цель очевидна — разрушение остатков капитализма в сегодняшней смешанной экономике и установление глобальной диктатуры. <...> Вместо старых обещаний, что коллективизм создаст всеобщее изобилие, и осуждения капитализма за порождение бедности, они теперь *осуждают капитализм за создание изобилия*. Вместо обещания комфорта и безопасности для всех, они теперь осуждают людей за комфорт и безопасность. Им нелегко внушить чувства вины и страха, которые всегда были их психологическими орудиями. Только вместо увещаний почувствовать вину за эксплуатацию бедняков, теперь они убеждают вас испытывать вину за то, что вы эксплуатируете землю, воздух и воду. Вместо того, чтобы угрожать вам кровавым восстанием нищих масс, они теперь стараются свести вас с ума страшными туманными угрозами неизвестного космического катаклизма, угрозами, которые нельзя проверить и подтвердить»¹¹. Эта провидческая книга была опубликована в 1971 году под названием *The New Left* (Новые левые).

Движение экологической справедливости, как и иные идеологические течения, упомянутые выше, созданы и направляются университетскими элитами и не являются чем-то, идущим от народа и меньшинств (расовых, гендерных, сексуальных и т.д.), интересы которых они якобы отстаивают.

В сегодняшней Америке большинство средств массовой информации, похоже, следуют заветам Ильича. Профессионализм и стремление к объективности уступили место политически мотивированным выводам, поддерживающим наиболее радикальные и безумные идеи. *Wokeness*¹² проникла повсюду, от Пентагона до детских садов, и создается впечатление, будто Америка превратилась в корабль дураков, которым рулят обезумевшие элиты.

В разы выросла самоцензура. Еще никогда в американской истории люди так не скрывали своих мыслей. К 2019 году 40% американцев признавались, что не чувствуют себя свободными делиться своими мыслями¹³.

Радикализация идеологии идет нога в ногу с криминализацией. Снижение финансовых затрат на полицию в больших городах, управляемых демократами, и принятие законов, связывающих полицейских руки в борьбе с преступностью, оскорбления и нападения на полицейских принесли свои плоды: полиция сократилась в числе, снизила свою активность, и в 2020 году в США было совершено свыше 20 тысяч убийств — на 4 тысячи больше, чем в 2019-м¹⁴.

После злополучного ареста Джорджа Флойда 25 мая 2020 г. в Миннеаполисе по Америке прокатилась волна поджогов, погромов и грабежей. Протесты распространились на более чем две тысячи больших и малых городов США. Они продолжались несколько месяцев, причинили ущерб в два миллиарда долларов, погибло 25 человек, и огромное число людей было покалечено. СвERGали памятники, поджигали и грабили магазины, нападали на полицейских.

В стране произошла антикультурная культурная революция.

Почему американцы позволили и продолжают позволять это безобразие? Возникает закономерный и пресловутый вопрос: кому это выгодно?

III

Ленин некогда изрек: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» Октябрьская революция началась с переворота и стала революцией по ходу развития и навязывания своей воли активным, «пассионарным» (пользуясь выражением Льва Гумилёва) меньшинством большинству страны. Но не только насилие сыграло свою роль. Как известно, большинство интеллигенции сочувствовало революционерам и левым, а часть народа была бессовестно обманута большевиками сладкими обещаниями «земли и воли». А что же в Америке?

Большинство населения не поддерживает сегодняшние приоритеты, назойливо навязываемые верхушкой: ни критическо-расовую галиматью с идеологическим абсурдным «промыванием мозгов», ни открытые границы, ни то, что трансгендеры губят по сути женский спорт, ни чудовищные по своей нелепости местоимения, придуманные для десятков полов, ни отказ от энергоносителей во имя борьбы с глобальным потеплением, ни остальные выдумки элит.

Но есть группы людей, которые свято верят в подобные благоглупости, как есть и те, кому выгодно их проповедовать.

Несколько поколений американцев, начиная с бейби-бумеров (послевоенного поколения, родившегося между 1946 и 1959 годами), выросло в условиях невиданного в истории человечества материального благополучия. Новое поколение 20—30-летних плохо представляет себе, как живут люди в других странах. Они руководствуются прекраснородушным стремлением улучшить жизнь и менять мир к лучшему. Многие из них — дети обеспеченных родителей, выпускники элитных учебных заведений. Учителя и профессора внушили им, что самую большую угрозу «прекрасному далёку» представляют белые мужчины — носители патриархальной культуры. И вообще белые люди — урожденные расисты и носители привилегий, и чем больше они это отрицают, тем яснее их вина и упорство в ереси. Молодые люди горят желанием бороться за равенство, но так как равенство в правах уже существует, остается бороться за произвольно понимаемую справедливость, компенсацию для прежде ущемленных и обделенных слоев населения. Юноши и девушки хотят бесплатного образования и медицины, стремятся открыть пошире границы Америки и впустить в страну всё страждущее человечество — словом, у них много благих намерений.

Верят ли их профессора в то, что проповедуют? Когда речь идет об интеллектуальной моде, то не столь важно, сколько среди них истинно верующих, а сколько лицемеров, зарабатывающих деньги на модной теме. Поднимается волна и несет всех. Тем, кто пробует плыть против течения, приходится нелегко.

Расизм существовал в Америке, и это в самом деле позорное пятно в истории страны. Сегодня подавляющее большинство белых американцев ведут себя корректно и опасаются обвинений в расизме как чумы, чем пользуются бесчестные демагоги и поджигатели. Выросла целая плеяда лекторов на тему перевоспитания, преодоления расистских установок и вывихов мировоззрения. Бороться с расизмом выгодно, образовалась целая индустрия, на которой греет руки множество консультантов, директоров по equity, diversity, and inclusion, читай — политруков и комиссаров, авторов книг для самых маленьких (как уверяют доверчивых американцев, расистские предрассудки формируются с двухлетнего возраста) и, конечно же, для школьников, студентов и взрослой публики. Именно разжигание расовой ненависти летом 2020 года и поощрение криминальной стихии, запугивающей всех тех, кто был или мог быть не согласен с проводимой демократами линией, помогло привести партию к власти. Коронавирус стал удобным предлогом для того, чтобы нелегально (без участия законодательных собраний штатов) поменять законы о выборах в целом ряде

ключевых штатов и с помощью многочисленных подтасовок и правонарушений добиться своей цели.

Но почему потворствует всему этому корпоративная Америка? Тому есть целый ряд причин. К примеру, Силиконовая долина с ее технарями-миллионерами и миллиардерами пропитана левыми идеями. К тому же крупнейшие американские транснациональные корпорации не патриотичны, а космополитичны. Они чувствуют ответственность не столько перед своими согражданами, сколько перед инвесторами, которыми могут быть и китайцы, и арабы, и кто угодно на свете. А если бы эти компании попытались идти против течения, то на них натравили бы пикетчиков, им бы объявили бойкоты — словом, туго бы пришлось. Поэтому они предпочитают принимать условия игры, каяться, перевоспитываться и мчаться в едином потоке. Когда корпорации сливаются с интересами одной партии, стоящей у власти, когда государственный аппарат становится однопартийным в своем подавляющем большинстве — это опасный курс. История знала подобные режимы, и ни к чему хорошему такое положение не приводило.

В условиях глобального экономического спада, вызванного коронавирусом и драконовскими мерами, связанными с принудительной вакцинацией, обогатились транснациональные корпорации, включая фармацевтические компании, зато пострадало несметное количество малых бизнесов, многие из которых разорились и закрылись. Еще больше выросло экономическое неравенство. Искусственно раздуваемый расовый вопрос выгоден, чтобы отвлекать от роста классового неравенства в современной Америке и сращения корпоративных элит с коррумпированной партийной верхушкой обеих партий. Получив власть, Демократическая партия стремительно расправляется с несогласными, преследуя и отправляя за решетку под любыми предлогами тех, кто открыто стоит на стороне консерваторов. Ясно одно: кто бы ни стоял у руля современной Америки, корабль плывет в сторону Бермудского треугольника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Russell Goldman, February 13, 2014 «Here is a list of 58 Gender Options for Facebook Users» / [Here's a List of 58 Gender Options for Facebook Users — ABC News \(go.com\)](#).

² Heather Mac Donald, “Hard Data, Hollow Protests,” *City Journal*, September 25, 2017, [Hard Data, Hollow Protests | FBI Crime Figures Paint a New Picture \(city-journal.org\)](#).

³ Candace Owens. *Blackout. How Black America Can Make Its Second Escape from the Democrat Plantation*. Threshold Editions. Simon and Shuster: New York, 2020, p. 170.

⁴ Mark R. Levin. *American Marxism*. Threshold Editions: New York, 2021, P. 60.

⁵ Ibid. стр. 69.

⁶ John M. Ellis. *The Breakdown of Higher Education*, New York: Encounter Books, 2020, p. 30, 31.

⁷ “Critical race theory: Who gets to decide what is history?” by Chelsea Sheasley, *Christian Science Monitor*, 6/4/2021.

⁸ Судебный процесс, закончившийся решением Верховного суда США о том, что раздельное обучение чернокожих и белых школьников противоречит конституции.

⁹ *The Diversity Delusion. How Race and Gender Pandering Corrupt the University and Undermine Our Culture* by Heather Mac Donald. St. Martin's Press: New York, 2018, p. 35

¹⁰ Candace Owens. *Blackout. How Black America Can Make Its Second Escape from the Democrat Plantation*. Threshold Editions. Simon and Shuster: New York, 2020.

¹¹ Ayn Rand, *Return of the Primitive — The Anti-Industrial Revolution* /New York: Meridian, 1998/, pp. 280-282.

¹² Wokeness (англ. букв.) — пробужденность. Так называют политические, расовые, социальные, экологические, гендерные и пр. разновидности активизма, ведущегося с ультралевых позиций.

¹³ Robert Henderson, “Tell Only Lies”, *City Journal*, December 27, 2020, <https://www.city-journal.org/self-censorship> (April 11, 2021).

¹⁴ “Less Policing = More Murders,” *Law Enforcement Legal Defense Fund*, http://www.policedefense.org/wp-content/uploads/2021/04/Depolicing_April14.pdf (April 22, 2021).

Евгений Абдуллаев

Полуторакрылая птица

Десять поэтических сборников 2021 года

«Каждый месяц выходит у нас несколько новых сборников стихов. В книжных лавках их даже не считают за книги. Спросите у книжного торговца: “что есть нового?” — он вам покажет два-три последних романа, один или два журнала, еще что-нибудь. Стихов не покажет, не стоит, — их всё равно никто не покупает».

Это Георгий Адамович — в парижских «Последних новостях», 1930 год.

Мы не в Париже, но происходит у нас то же самое, и уже давно.

Вначале мы удивлялись, что сборники современных поэтов кто-то покупает. Потом — что магазины (хотя никто не покупает) всё же берут их на реализацию.

Теперь осталось только одно удивление: поэтические сборники (хотя и магазины уже почти не принимают) еще издают. И немало.

В одной Москве, если судить по числу выдвинутых на премию «Московский счёт», их выходит с каждым годом всё больше.

В 2018 году было номинировано 159, в 2019-м — 213, в 2020 — 251.

В 2020-м, вопреки пандемии и обвалу книготорговли, поэтическое книгоиздание находилось на гребне (см.: «Дружба народов», 2021, № 3). Впрочем, к тому, что оно у нас, как пушкинская чахоточная дева, всё хорошеет, похоже, все привыкли.

В прошлом году дела — вполне ожидаемо — обстояли похуже; в первый ковидный год ещё действовала инерция предыдущего, до-ковидного. Поэтические серии, стартовавшие в 2020-м — вроде «ОГИ-поэзии» или затеянного «Воймегой» «Пироскафа» — приостановились: то ли временно, то ли — увы...

Всё остальное как-то продолжает крутиться-двигаться: и прежние поэтические серии, и книги вне серий. Появилась новая серия — «Действующие лица», совместный проект «Воймеги» с ростовским журналом Prosodia. Много издала московско-питерская «Пальмира», делающая ставку на известные поэтические имена. Сохраняет поистине стахановские темпы «Стеклограф», работающий, в основном, с новыми именами: печатает их десятками.

В этом обзоре, как обычно, об одних книгах будет сказано подробнее, о других — менее, о третьих — просто назывным порядком. Не потому, что третьи — хуже вторых, а вторые — менее заслуживают разговора, чем первые. Да, конечно, и личные предпочтения — но лишь отчасти. О Ерёмине, например, или о Кононове я до этого вообще не писал. Об Аркатовой, о Сен-Сенькове... Разговор этот ведь не столько о книгах, сколько о современной поэзии. Образца «2021».

«Пальмира»: Николай Кононов

О Кононове написано и сказано много.

Писала о нём Лидия Гинзбург. Писали Данила Давыдов и Александр Уланов, Олеся Николаева и Михаил Золотоносов, Валерий Шубинский и Кирилл Корчагин.

Втиснуться в этот ряд и сказать что-то новое сложно. Всё уже отмечено. И сверхдлинная строка — а иногда, точно в пику ей, сверхкраткая. И барочная избыточность и теснота образного ряда. И раблезианское внимание к телесному низу — скорее печально-ироничное, чем весёлое...

Но и не сказать о нынешней — итоговой для поэта¹ — книге было бы несправедливо. Тем более что в неё вошли все его предыдущие сборники — начиная с «Орешника» (1987)².

Золотая наледь в тарелке супа, зимняя ломкая пыль в солонке
Посередине стола. И когда это было? Шумными лёгкими,
Полными весёлого воздуха, дышалось? Истончаются перепонки
Крылышек детского планера, подвязанного к потолку бечёвками.

Это из стихотворения «Планер» 1985 года. Вполне в духе метафорических поисков того времени у более старших московских поэтов: Парщикова, Ерёмко, Жданова. Разве что большая прозаичность — и в более обострённом внимании к бытовой детали, и в более удлинённой, почти прозаической строке.

В последующих книгах Кононова письмо становится всё более вязким, строка то удлиняется, словно пытаясь вытечь за пределы страницы — в «Лепете» (1995), то ужимается до предела — в «Полях» (2004). «Мне, / Нам / Не / Там, // Где / Смерть, / Рдеть / В треть // Тел / Двух. / Е! / Ух!»³.

Меняется от книги к книге и лирический герой. В «Пловце» (1992) ещё просвечивают какие-то биографические детали: работа школьным учителем, репетиторство... Затем это исчезает — как и вообще какая-то событийность; видимо, целиком оттягиваясь прозой Кононова, которая начинает выходить в нулевые.

В стихах из последнего сборника «Пьесы» (2019) тесно от литературных имён: тут и классики — Рильке, Томас Манн, Пушкин, и недавние современники: «Здесь Лена Шварц с метафизической тросточкой ходила...» Само письмо становится предельно литературно насыщенным и изощрённым; всё смешивается со всем. Изысканные метафоры — с матюгами, политические аллюзии — с эротическими подробностями, сниженный прозаизм — с обострённым, до синестезии, лиризмом. И всё вместе — с расщеплением поэтической речи.

...Как счесть их всех, когда, вздохнувши, молча убывают,
Зачатые омовцем-страной, —
Под языком, уздечки возле, скользят себе неумолимо
Росинкою по выхлопу-дуге туда, где улялюм-газопровод...

¹ Кононов Н. Свод. — М.; СПб.: «Г8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2021. — 200 с. (Серия «Пальмира — Поэзия»).

² Который был даже не отдельной книгой, а названием подборки в коллективном сборнике с банальным названием «Дебют» и игривым подзаголовком «Поэтом нужно быть до тридцати...».

³ Последняя линия кажется интересной больше как эксперимент, как вариация на ходасевичевские «Похороны» («Лоб — / Мел. / Бел / Гроб...»). После «Полей» Кононов к этому гиперминимализму уже не возвращается.

Я б запахи в себе таил плацкартного вагона
 Оравы спящих граждан больше, если б не
 Светлана Михайлюк Сергевна с усталой Нурганышью
 Проводниками в смену заступили на самой тёмной станции моей...

После «Пьес» действительно сложно писать куда-то дальше... Пока же поэт собрал все разбросанные им камни-книги и сложил из них «Свод». На обложке — свод готического собора: удачная оформительская находка. Возможно, поэтическое строительство у Кононова пока не завершено — ведь кроме свода для здания должно быть построено еще многое другое.

Пару слов о начатой в 2020-м серии «Пальмира — Поэзия», в которой издан сборник. В ней вышли также Феликс Чечик, Сергей Ташевский, Игорь Караулов, Алексей Пурин, Дмитрий Кузьмин... Состав пёстрый, но этим, может, и интересный. Главное, чтобы этого издательского запала хватило надолго.

«Новое литературное обозрение»: Михаил Ерёмин

Ещё один итоговой сборник — избранное из избранного¹.

Герметичная, требующая напряжённого читательского вслушивания, поэзия. Уже в открывающем книгу стихотворении Ерёмина 1957 года: «Боковитые зёрна премудрости... Болот журавлиная пряность...»

Словно поздний Заболоцкий, но двинувшийся не под горку песенно-лирического опрощения, а в восхождение к хлебниковским, натурфилософским истокам своих ранних стихов.

Да и вся эта книга (= вся поэзия) Ерёмина может быть прочитана как противостояние установке на доступность и массовость, культивируемой в советской лирике. Смысловой однозначности противостояла у Ерёмина заумь, рифмованности — вольный безрифменный стих, ориентации на повседневную речь — книжность и архаика...

Отсюда и многожды отмеченная — и столькожды ложно понятая — филологичность стихов Ерёмина. Не от филологии как науки с её жаждой истолковывать и истолковываться², а от повышенного, напряжённого внимания к отдельному слову, «любословия». Требующего не столько учёного комментария, сколько неторопливого вслушивания.

Быть остановленному цветом,
 Которого, скрывающий его
 Плотнее копоты и пережня,
 Дремучий монастырский парк
 Стволами фиолетовой,
 Ветвями лиловой,
 И слушать пепел галок над
 Усекновенной колокольней.

¹ Ерёмин М. Стихотворения / Предисл. С.Завьялова; послесл. Ю.Валиевой. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 464 с.

² Таковы, похоже, стихи принадлежавшего к следующему поэтическому поколению Драгомошенко, которые уже словно изначально написаны в расчёте (сознательном или неосознанном) на маячащего где-то поблизости филолога-интерпретатора.

В выстраивании поэтики по принципу «от противного» была и своя опасность, ставшая очевидной с крушением советского литературного канона. Исчезал, становясь историческим артефактом, объект отталкивания — устаревали и порожденные этим отталкиванием поэтические системы (разнообразные иронизмы, метаметафоризмы и концептуализмы...).

Поэтика Ерёмина не устарела. Наверное, потому что строилась не впритык к советской поэзии. Не пародируя и не подправляя-улучшая её, а где-то в отдалении. В противостоянии *любой* массовой поэзии вообще. В своём, отдельном пространстве.

В пространстве осени
Срывают красоту, тенистость, свежесть, словом, сень
И устилают оной почву
Не злыдни, каковы хрущи, некрозы и хлорозы,
А доброхоты, как то: проливень, подстёга, град.
Сопутны им зонты, плащи и подзабытые галоши.
А быть чему?
Тому, что видится по-за ненастьем?

Это уже 2020 год. Та же неторопливость, подсвеченная лёгкой архаичностью, то же обострённое внимание к слову.

Если что-то и угрожает этим стихам, то — другое. О чём, увы, всякий раз с печалью думаешь, держа в руках очередную книгу из поэтической серии «Нового литературного обозрения». Как всегда, прекрасно по дизайну и, как всегда, «кунсткамерно» по составлению — любят в этой серии уснащать сборники научными предисловиями... Нет, сами тексты предисловий, если рассматривать их отдельно, не так уж плохи. Но под одной обложкой со стихами выглядят, на мой взгляд, и инородно, и избыточно.

Сборнику Ерёмина не повезло вдвойне. В нём, кроме предисловия, ещё и послесловие.

Правда, предисловие, написанное Сергеем Завьяловым, не слишком научно, и даже где-то полемично в отношении сугубо литературоведческого прочтения стихов Ерёмина... Проблема в том, что здесь вообще, мне представляется, неуместно какое-либо предваряющее многословное «пояснение». Не монтируется с идущими следом стихами Ерёмина, требующими вокруг себя тишины, прерывания любого речевого потока; исихии...

Что же до послесловия (Юлии Валиевой), то тут уже филологическая промышленность пытит на полную мощь.

«Поэзию Ерёмина можно назвать *семиотической*...» «Для М.Ерёмина поэзия — путь познания...» «Михаил Ерёмин переводит гамлетовский вопрос в плоскость современных реалий...» «Благодаря лексическим переключкам и параллельным синтаксическим конструкциям акцентируются внутритекстовые связи по вертикали...»

Опять же — если бы «НЛО» (которое я очень люблю и ценю) издало сборник статей, посвящённый Ерёмину, то и текст Валиевой — специалиста по питерскому андеграунду, доцента СПбГУ — был бы там вполне «в контексте». И выпренные банальности не лезли бы так в глаза, и филологические выкладки не казались бы нудноватыми.

«Стихи Михаила Ерёмина не являются археологическим артефактом», — пишет Сергей Завьялов.

И не нужно их в него превращать. Оставим предисловия-послесловия для сборников давно ушедших поэтов, там это требуется. Пока поэт жив, не стоит топиться делать его «достоянием доцента».

«Воймега» — Prosodia: Ирина Ермакова

Если попытаться обозначить тему этой книги¹ одним словом, то это — *память*.

Память о детстве. Память о семье, роде, друзьях. Неслучайно книга начинается с застолья — на фоне движения природы и истории:

И когда ещё соберемся вот так, вместе?
С ветки антоновка — тук! Прямо на стол.
Плავает запах первой лиственной меди.
Дом заскрипел. Ветер верхами пошёл.

Как я люблю поздние разговоры.
Самые все мои за одним столом.
Реки гремят в округе, движутся горы
и застревают в сумерках перед сном.

И заканчивается тоже застольем:

всех собрать обнять за стол усадить
подливать и слушать и говорить
и следить как плывёт над садом живая
остывающий воздух в речь извивая
паутинки дымчатой медная нить

Застолье у Ермаковой — место встречи тех, кого уже нет, с теми, кто ещё жив — и, значит, призван к трудной и сладостной работе памяти. Не случайно в книге так часто встречается и слово «память», и — в разных вариантах — производные от неё глаголы.

«Припомнишь каждый найдёныш-камень...» «Вспоминаешь / разную ерунду...»
«Помнишь дом с камышовой крышей...» «Помнишь, как сосны по кругу шумят...»

«Вся новая книга — неспешная, философская или, лучше сказать, углубленно-созерцательная», отметила в отклике на неё Елена Семёнова («НГ Ex Libris», 15 декабря 2021 г.). Воспоминания в книге — не самоцельны и не самоценны; он и лишь средство светлого и радостного переживания полноты бытия, которой так богата лирика Ермаковой.

прогибает волны ветер взлётный
может и не ветер дело к ночи
может это дух такой свободный
бесится и правит как захочет

дразнит пальму и она раскрыла
раскатала грузные ветрила
рвётся-машет ворох перьев чёрных
лампочки в гирляндах рассечённых
вспышек перевернутые лица
море злится
в нём кипят чернила

Книга издана в новой московско-ростовской серии «Действующие лица»; в ней вышли также сборники Владимира Гандельсмана и Виталия Пуханова².

¹ Ермакова И. Легче лёгкого. — М.: Воймега; Ростов н/Д: Prosodia, 2021. — 80 с. (Серия «Действующие лица»).

² Не совсем, на мой взгляд, удачен серийный дизайн обложки, с портретом автора в серо-ядовито-синих тонах, ещё и отретушированным. Какой-то «Совпис», семидесятые годы... Ветер, похоже, дует с Ростова (в «Воймеге» с дизайном всегда было всё в порядке): сходным образом — с портретом «автора номера» — выходит Prosodia. Но там — хотя бы без подсинивания и ретуши...

И последнее, вдогонку. Странновато откликнулись на «Легче лёгкого» в «Звезде» (2021, № 12): половина рецензии представляет собой выговор автору за неиспользование знаков препинания¹. Удивительно, конечно, читать это в журнале, публикующем Петра Чейгина или Евгения Степанова, у которых с точками и запятыми тоже плоховато. Но, если кроме как об орфографии и неточных рифмах сказать рецензенту было нечего, что тут поделать.

«Медленные книги»: Дмитрий Строщев

От «Москвы — Питера» передвигаемся западнее, в Белоруссию. А от малой формы — к поэме.

Поэмы сегодня почти невозможны — их не пишут, не публикуют и не читают.

И менее всего можно было ожидать поэму от Дмитрия Строщева² — с его тяготением к малой форме. С немногословной, как бы слегка запинаящейся речью на грани тишины и безмолвия.

Впрочем, десять лет назад в сборнике «Газета» (2012) уже звучал другой Строщев — более публицистичный, жёсткий, «гневопейный». В новой книге всё это — в ещё более концентрированном, сгущённом виде.

От «привычного» Строщева — христианская тема, сопряженная с социальным пафосом. И высокое, гневное косноязычие, заставляющее вспомнить пророческие книги Ветхого Завета.

Вся гневопея поделена на «головы» (вместо привычных «глав»), а те, в свою очередь — на «крики». Уровень децибел в поэме, действительно, высок. Если эпопея есть «словотворение» (*épos* — слово, *poieō* — творю), то гневопея — стало быть, творение гнева, «гневотворение». Герой этого гневотворения и есть монах со странным именем «Вера», взятым им в память об умершей матери.

Поэма писалась более двадцати лет; в конце указаны даты: 1998—2021. Иными словами, начата после первых крупных выступлений оппозиционных сил в Белоруссии («Минской весны» 1997 года), а завершена после последних, завершившихся летом 2021 года.

Но поэма — не репортаж; напрасно искать в ней какие-то политические реалии, имена, даты. Всё переплавлено в потоке эсхатологической речи. Не обличения — но скорее вопрошания. Христианская тема может обернуться гневной иронией, смеховым обличением любой попытки кумиротворения.

Из-за реки,
с востока,
в шахтёрский край —

влетают
райские снаряды!
Забегают
райские отряды!

¹ Рецензия подписана «А.П.»; надеюсь, что это не Алексей Пурин — он, вроде бы, прежде писал без криптонимов да и лучше по стилю. Защитницей точек и запятых в современной поэзии является Елена Невзглядова (об этом мне уже приходилось писать — «Знамя», 2014, № 4). Но и на её стиль непохоже... «Восьмая книга московского поэта, высоко ценимого самыми авторитетными наблюдателями литпроцесса». Какая-то, простите, каша из клише...

² Строщев Д. Монах Вера. Гневопея. — М.: Медленные книги. — 216 с. («Медленные книги» издавали до этого гуманитарный нон-фикшн.)

Наступает Рай.

Сталин, Пушкин и Гагарин,
три великана,
ведут войска.

Три смерча —
от земли до неба!

Пушкин
бронзовым цилиндром
задевает облака!

Слева Сталин —
в каменной фуражке —
глядит из-под руки!

Гагарин справа —
В гермошлеме
Из титанового сплава!

Как
чебурашки,
тикают адские полки!

...

Книга оформлена фотоколлажами Тимофея Яржомбека — яркими, интересными, но, на мой взгляд, несколько здесь избыточными. Стихи должны «работать» сами, без иллюстраций и декораций, — и поэма Строева как раз именно этого «самозвучающего» свойства. Впрочем, графика Яржомбека хотя бы не заслоняет собой стихов — и это уже хорошо.

А теперь о Вере, которая не «монах». О Вере Павловой.

«Эксмо»: Вера Павлова

«Приснилось: папа выпустил книгу “Записки счастливого человека”. Во сне прочитала её всю. Пятьсот страниц. На каждой было только пять слов: “Ушёл на рыбалку. Целую, Толя”. Проснулась счастливой. Подумала: надо её издать».

Это — из предисловия.

Вера Павлова издала свою, пожалуй, наиболее идеально выстроенную книгу¹. В начале — календарь, 2020—2021. И каждый день, по календарю, — одно-два (иногда больше) стихотворения.

Нельзя сказать, чтобы такого у нас вообще не было. Был «Календарь. Книга гаданий» Наталии Азаровой (2014), построенная по тому же принципу: день — стихотворение. Но Павлова и Азарова — очень разные, и книги очень разные. Читая «Календарь...», хочется после двух-трёх стихов отложить его и неспешно помедитировать, а «Записки...» — читать и читать дальше, одно за другим, как рассказы Чехова. Каждое стихотворение — предельно сконцентрированный рассказ. Или — как и сказано в заглавии — *записка*.

¹ Павлова В. Записки счастливого человека. — М.: Эксмо. — 384 с.

Яства на тарелки класть им,
их рассаживать по парам.
С новым годом, с новым счастьем —
хорошо забытым старым!
Бьют куранты — восемь, девять...
Я пишу на клочке бумаги, поджигаю
от свечи, обжигаю пальцы, бросаю
недогоревшую записку в бокал
с шампанским, пью, давлюсь, глотаю
с трудом, как таблетку, под рокот
салюта за окном заветное желанье:
«Снова научиться делать
из мечты воспоминанья».

Это, конечно же, первое января. А первое сентября будет — догадитесь о чём...

Там, в Атлантиде млечной,
украшен фартук мой
звездой пятиконечной
пятикопеечной.
По росту — Юлька, Валька
и, строя во главе,
я — староста, я — альфа
второго класса «В».

Впрочем, есть множество других, непростых дат. В зимних будет белеть зима, в летних — шуметь и истекать зноем лето... И во всех будет то лёгкое, одной Павловой ведомое умение делать вроде бы банальное и затёртое — новым, небанальным, ярким. Лёгкий смысловой сдвиг, хлёсткий афоризм, абсолютно точное наблюдение, неожиданная рифма, ударение — и стих начинает блестеть и лучиться, как отгёртая от патины фамильная ложечка.

Сборник вышел в «Эксмо» — издательстве огромном и к современной поэзии слегка равнодушном. Периодически тоже затевает какие-то серии: «Поэзию XXI» века в 2011-м или «Поэтическую коллекцию» в 2019-м, выходит одна, две, три книги современных поэтов, и тишина. Невыгодно. Поэтому печатает в основном массовую поэзию. Но отдельные «немассовые» сборники продолжает издавать, по одному-два в год. В прошлом году, кроме Павловой, — «Город неба» Кати Капович.

Но хотелось бы больше: издания «Эксмо»/«АСТ» «обречены» попадать в книготорговую сеть — а значит, и к читателю. А читателя — снова возвращаюсь к большой теме — серьёзной современной поэзии не хватает. «Поэзия — однокрылая птица, если нет у неё аудитории» (Ласло Надь). И сегодня — нет, конечно, не однокрылая; какая-то минимальная аудитория есть... Полуторакрылая птица.

«Формаслов»: Борис Кутенков

Если держать в памяти слова Бродского о поэте как инструменте языка, можно сказать, что новая книга Кутенкова написана самим языком¹.

где звонит телефонное облако-сын,
проступая из тьмы меловой,
и в мембране — слова из плетёных корзин,
колыбелька к воде головой,

¹ Кутенков Б. Память so true. — М.: Формаслов, 2021. — 108 с.

травяное ку-ку, шаровое ква-ква,
роза, росчерк, режим, —
— не покинь, — говорю, — за-слова,
наделённые детством большим,

с перспективой из самого синего льда,
с голубым пулемётным огнём,
бологое, будённовск, беслан и беда,
бог, который всегда не при нём;
пролетающий:
— облако, рома, аминь, —
жёлтый лес и струящийся мох,
— как горит, — говорит,
— говорю: — не покинь
пепел, ветер, письмо...

В этой точке языкового безумия, заговоривших вещей и словарей, хочется полностью довериться автору. И идти за этим его — точнее, самого языка, — неусыпным камланием.

— ни слов не надо, — говорит, —
— страны не надо, — говорит, —
что метроном свистящий Твой
что шелестящий сад

я сам Творенья день седьмой
я отдых я иврит
я метроном свистящий Твой
я шелестящий сад

Это — для меня точка притяжения в этой книге; есть и точка отталкивания (что тоже важно при чтении). Это присутствие в стихах литературных реалий. «Память so true» буквально напоена ими. Есть и «аронзонский рай», и «седаковский мелос», и многочисленные упоминания литературных имён: и в посвящениях, и в самих стихах. Кутенков жадно идёт к литературе, дышит ею, наслаждаясь её широтой, многоголосием, многоименностью.

Я определил это как точку своего читательского отталкивания, поскольку для меня литература — это, скорее, нечто внешнее по отношению к поэзии, если не сказать — чуждое. Литература — занятие, поэзия — состояние.

К счастью, «литература» в книге не перерастает в «литературность», не разъедает, как кислота, поэзию, лишая её того самого живого языкового гула, о котором говорил выше. В «Памяти so true» — по сравнению с предыдущими книгами Кутенкова — происходит заметное расширение языковой вселенной, в неё вторгается и политическая лексика, и нецензурная брань... И — на другом полюсе речи — обращение в стихах не только к живым и умершим собеседникам, но и к Собеседнику трансцендентному... («всё Ты слово, Ты речь, всё Ты пепел или огонь...»).

Собственно, вся книга — в этом разрушении речи и одновременно её собирании, в потрясённости и оглушённости картиной онтологического распада и попытке удержать исчезающее хотя бы в памяти.

есть варежки льдистые для собиранья распада
симфония сломанных копий
и память so true

Отсюда и антиномичное название сборника, звучащее на слух как «память сотру», но, по смыслу, «память так верна». В этом сборник неожиданно переключается

с «Легче лёгкого» Ермаковой, с той разницей, что память у Ермаковой — очень лично-биографична, а воспоминания — радостны и целебны; здесь же — память обо всём исчезающем и умирающем, но и сама она — тоже легко может исчезнуть. Со словом «память» (одним из частотных в сборнике) соседствует «беспамятство»...

Книга хорошо оформлена, хотя хотелось бы, конечно, чтобы в «Формаслове» придумали какое-то единое оформление для своих сборников, а то уж очень пёстро смотрятся. А в прошлом году кроме Кутенкова в «Формаслове» вышли ещё Изяслав Винтерман, Михаил Квадратов, Геннадий Кацов...

«Арт Хаус медиа»: Анна Аркатова

Нынешняя книга¹ для Аркатовой — тоже в каком-то смысле итоговая, «толстая»; предыдущие сборники были как минимум раза в два тоньше.

«Затевался как избранное — а собрался томик свеженького», как написала сама Аркатова в ФБ.

Трезво смотрю на шею
вянет и тут и тут
господи всё сумею
дай пятнадцать минут
шарф узелок платочек
бус ледяных драже
господи сосредоточься
налюбовался уже

Анна Аркатова продолжает делать то, что когда-то делала Ахматова. Брать прозу повседневности, добавлять к ней горький самоанализ и лёгким взмахом превращать это в поэзию.

Ловлю себя на том, что что-то близкое писал уже выше о Павловой... Да, Павлова и Аркатова — ровесницы, одно поэтическое поколение. Но сходство поэтик, скорее, внешнее. Там, где Павлова с почти математической смысловой точностью кладёт мазок к мазку — Аркатова пишет размашисто, петлисто, порой словно сама не предполагая, куда заведёт её речь.

Два человека качаются под парашютом:
лодка моторная, сопротивление ветру,
отпуск у них не сезонный пустой промежуток,
сколько прикинь до воды — метров пять, двадцать метров?

Иногда речь заводит слишком далеко, возникает что-то немного необязательное (вроде каких-нибудь «Инсект-стансов», по-своему занятных...). Но это, возможно, и создает ощущение случайности и непредумышленности поэтического говорения, его негарантированных, но от этого более ценимых удач.

Говорил ей веди же себя как жена
вот она и ходила отражена
боковым трюмо полированной створкой
приоткрытой форткой

---

¹ Аркатова А. Сейчас пройдёт. М.: Арт Хаус медиа, 2021. — 128 с.

Книга вышла в «Арт Хаус медиа», издающем современную поэзию давно, но в последние годы — всё меньше, одна-две книги в год... «Арт Хаус Медиа», издательство опытное и неторопливое...» (Наталья Черных, «Волга», 2020, № 5). Хочется всё же чуть большей торопливости.

«всегоничего»: Андрей Сен-Сеньков

Как и обещано в заглавии книги¹ — много астрономии, звёзд, фантастики, и на всё это голографически наложен печальный лик великого композитора. «пётр ильич открывает кольца сатурна...» Или:

вокруг юпитера летает спутник европа
там стоит ледяная эйфелева башня
замерзает голубой дунай
в кратере аушвиц сжигают людей
в алекса́ндро-невской лавре лежит композитор

Скорее цикл стихотворений, чем книга. Впрочем, книжная серия «всегоничего» (на платформе Sng.ma) как раз специализируется на подобном поэтическом минимализме (в прошлом году там еще вышел сборник Даниила Давыдова). И тексты маленькие, и издают мало — где-то три-четыре книжки в год. Но довольно изысканно.

Верлибры Сен-Сенькова стали менее интеллектуально герметичными, чем лет десять-пятнадцать назад, более прозрачными; более обаятельными.

на марсе бывает снег
рождество
подарки
неизбежный алкоголь
и
невыносимое одиночество
которое убивает снег
делая его тише как звук телевизора во время рекламы

Не совсем, правда, понятно, кто кого убивает: снег — одиночество или наоборот. Возможно, это и входило в авторский замысел.

Книга оформлена рисунками Бориса Кочейшвили. Повторюсь, я не сторонник прокладывания стихов «картинками», но тут, пожалуй, графический ряд вполне уместен. Тексты Сен-Сенькова, как хокку, оставляют достаточное количество тишины и пустоты вокруг себя; а графика Кочейшвили, тонкая и аскетичная, ненавязчиво эту пустоту заполняет.

«ЛитГОСТ»: Евгений Морозов

Продолжает нести свою скромную издательскую вахту «ЛитГОСТ». В 2021-м изданы сборники Олега Шатыбелко, Ростислава Ярцева и — Евгения Морозова².

В недавнем обсуждении Морозова на «Полёте разборов» Валерий Шубинский, лестно отозвавшись о его стихах, всё же увидел в них симптом «абсолютной неэкономности слов и чувств»³.

¹ Сен-Сеньков А. Чайковский с каплей Млечного пути. — М.: всегоничего, 2021. — 68 с.

² Морозов Е. Есть только острова. — М.: ЛитГОСТ, 2021. — 144 с. Кроме того, в мемориальной серии «Поэты литературных чтений “Они ушли. Они остались”» «ЛитГОСТа» вышли сборники двух рано ушедших поэтов Алексея Сомова и Гоши Буренина.

³ <https://formasloff.ru/2022/01/15/poljot-razborov-serija-67-chast-2-evgenij-morozov/>

С самой мыслью я согласен — как, наверно, всякий прошедший акмеистическую выучку. Но в случае Морозова это, похоже, как раз не работает. Достоинство его стихов — именно в той неэкономности и щедрости, с какой он рассыпает слова.

Переспелая осень желтела, сжималась и сохла,
прошерстила леса, оказалась дождливой стеной,
и на лицах, готовых к разору, к убогатым стёклам —
ожиданье беды, ожидание казни самой...

Это почти ранне-пастернаковский захлёб; но не срывающийся ни в заумь, ни в песенность (разве что совсем немного). Предметы и явления, набросанные, наваленные вроде бы абы как друг на друга, сохраняют свою матерчатость и плотность.

Ушибленный звоном, вытряхиваешься на балкон —
воздух простужен по швам, и чуден гул,
слышишь у-у между звёзд и тут понимаешь:
ночь с воскресенья на понедельник...

И ещё — подустав от несколько гендерно и поколенчески размытого субъекта современной лирики — начинаешь как-то больше ценить, простите, именно *взрослую мужскую* лирику. Нет, без брутальности. Но с лирическим героем именно взрослым мужчиной — свою мужескость чувствующим и осознающим. Этого у нас не так уж много. Иван Волков, Станислав Ливинский, Владимир Иванов. И — Евгений Морозов...

* * *

В завершение — о других издательствах и сборниках 2021 года. О некоторых уже писал в течение прошлого года, но назвать для полноты картины нужно.

В «Воймеге», кроме сборников новой серии «Действующие лица» вышли Алексей Кубрик, Наталья Черных, Андрей Торопов и составленная Лилией Газизовой антология современного русского верлибра, о которой планирую написать отдельно.

Прочитирую из «Новых оды и элегий» Натальи Черных:

Так вагоны разгружают — так летят на карусели — и только
треть нужна —
всё обозримое нужно — плети берёз — голуби топчутся по подоконнику —
всё и сейчас обязательно нужно купить —
на складе не осталось — закажите — отложим — не продается.

В серии журнала «Воздух»: Вадим Волков, Александр Анашевич, Евгений Арабкин, Алексей Александров и Лариса Йоонас. Некоторое оживление — в слегка забуксовавшей последние года три «дочерней» серии «Воздуха»: «Поколение». В ней изданы сборники Руслана Комадея, Георгия Мартиросяна, Кати Сим и Саши Мороза.

Во «Времени» вышли Глеб Шульпяков и Павел Лукьянов. Из «Белого человека» Глеба Шульпякова:

жук влетел и вылетел в окно —
поплавок остался неподвижен
с облаком и садом заодно,
красными отметинами вишен
— вечный дачник! удочки с утра,
занавес неслышно опустился —
то ли где-то лопнула струна
то ли жук не вылетел, прижился

В «Русском Гулливере»: Богдан Агрис, Галина Илюхина, Алексей Остудин, Вячеслав Шаповалов, Виталий Шатовкин... «Честные папоротники» Шатовкина заслуживают более подробного разговора; жаль, ознакомился с ними, когда этот обзор был уже написан.

Где тень солдата с каждым днём светлей — там красная
распахнута рубаха — обочины, как будто ход конём —
в тебя произрастают тихим прахом: брусникою,
опавшей навзничь, и узкоротым соловьём.

Дремучая — холодная вода — ни дать ни взять в друзья к
себе живого: ты Волга, ты змеиная слюда, кладёшь,
как бритву, под язык кольцо и в парике стыда
порохового у берега купаешь мертвецов.

В екатеринбургской серии «InВерсия» (издательства «Кабинетный учёный»): Илья Кукулин, Елена Михайлик и Арсений Ровинский. Из «27 вымышленных поэтов в переводах автора» Арсения Ровинского:

Всю ночь сражалась с мышами, и вот
наконец-то светает. Все взрослые особи
направили взоры свои на восток,
и местный гуру, швед, проживший 15 лет
на этом чёртовом острове, говорит: не бойтесь
большого змея, бойтесь только
самих себя — и затягивается.

В «СТИХИ» вышли книги Константина Комарова, Алексея Пурина, Ники Батхен... И очень много чего ещё (возможно, интересного). «СТИХИ» трудятся такими же ударными темпами, как «Стеклограф», только сложнее отследить выпущенное — на сайте издательства отражено не всё, к тому же — почему-то без года выпуска.

В «Стеклографе» вышли Владимир Гандельсман, Сергей Арутюнов, Татьяна Вольтская (удостоившаяся в минувшем году ещё и звания иноагента)... и ещё полсотни книг. Из «Фрагменты романа / Король лир / Миф» Гандельсмана (первой части, написанной ранним — и лучшим — Гандельсманом):

Как слово «бытие» заострено
в последнем слогe! Словно бы иголка.
В нём «бы» — ушко, открытое окно,

в него продет жасмин, как нитка шёлка,
или — суровой ниткою — зима
(весна слюнявит пальцы втихомолку),

в него слетает осень — бахрома
с периметра хрустального осколка...

И из вне-серийного — вне-поэтически-издательского. В «ОГИ» вышел сборник Александра Кабанова «На слонах и черепах», в «Волошинском сентябре» — «Калимэра» Андрея Коровина, в «Совпадении» — совместная «Часть жизни» Данилы Файзова и Юрия Цветкова, в «Городце» — Greatest Hits Всеволода Емелина...

Что-то неизбежно упустил, но, надеюсь, общая картина всё же сложилась. Осталось только надеяться, что всё это дойдёт до читателя. И птица взлетит.

Александр Чанцев

Энтузиаст, эмансипе и низвергатель

Трое столь разных персонажей наших книг (если учитывать героев книг и их авторов, то даже больше) не имеют, кажется, ничего общего. Кроме главного их порыва: пересмотреть устоявшиеся и во многом отжившие конвенции, прорваться к радикально новому. Всех троих считали и считают всем кем угодно: сумасшедшими, шарлатанами, агентами. Тот факт, что они до сих пор находятся в центре урагана споров, домыслов и обожаний, говорит все же о многом. И точно приглашает присмотреться к ним поближе, не прогонять с порога.

Тройной поцелуй

Дмитрий СМИРНОВ-САДОВСКИЙ. Уильям Блейк: Биография. — Saint Albans: Meladina, 2017. 376 с.

Не совсем обычно даже появление этой книги в наших книжных пару месяцев назад. На книге значится 2017 год, но от того первого издания книгу отличает обложка. Новая ли эта допечатка с неизменным годом издания или, например, после смерти автора где-то отыскалась еще пара упаковок книг, не совсем ясно.

Но без определенной доли совпадений — Блейк бы увидел здесь божественную волю, автор же в послесловии пишет, как с Блейком его познакомила обычная советская марка, а любовь к Блейку помогла найти в Англии жилье — тут не обошлось. Так, в это же время загадочного появления книги вышел — уже 2021 года издания — перевод «Мильтона» Смирновым-Садовским, даже в Фейсбуке анонсировалась международная конференция, посвященная Блейку.

Автор не пишет об этом — думаю, для него это более чем очевидно, — но Блейк действительно продолжает быть важным персонажем современной мысли, уходить ни в какое забвение не собирается. Он не только дает свое имя (и судьбу, и видения) персонажу «Мертвеца» Джармуша, но и в образе очень странного Бога из крайне маргинального артхаусного фильма «Порождённый» можно узнать страдающего проказой запертого творца миров из запечатленных Блейком видений. Нобелевский — и даже заслуживающий этого — лауреат Ольга Токарчук называет свою книгу по строчке Блейка «Веди свой плуг по костям мертвеца». Еще одна характеристика Бога как Nobodaddy, бессильный Бог, не могущий породить потомства, из сатиры Блейка When Klopstock England defied учитывался, кажется, создателями фильма NO-ONE Владимиром и Львом Прудкиными. Наконец, последний двойной альбом U2 назван по «Песням опыта» и «Песням невинности» Блейка (о таком же заимствовании у Бродского можно и не напоминать).

Музыкальная рецепция, пожалуй, наиболее интересна в данном случае, потому что автор книги Дмитрий Смирнов-Садовский — композитор, среди его учителей в консерватории был Эдисон Денисов, его сочинения исполняли многие известные дирижеры (особенно после его эмиграции в Англию в начале 1990-х). Кроме того, он автор многих сочинений о музыке Антона Веберна, Пьера Булеза, Дьёрдя Лигети, Харрисона Пола Бёртуистла, Брайана Фернейхоу, Игоря Стравинского, Дмитрия Шостаковича, Эдисона Денисова, Альфреда Шнитке, Софии Губайдулиной и других. В этой же книге приводится список в три страницы его сочинений по мотивам Блейка, которого он, как уже было отчасти сказано, еще и активно переводил.

Последнее интересно еще и потому, что дополнительно рифмует жизнь автора с Блейком. Блейк, как известно, сочинял свои стихотворные ли, прозаические ли сочинения, сам их иллюстрируя и издавая, будучи профессиональным гравером (это один из первых случаев модной ныне технологии print-on-demand, и, кажется, рассматриваемая книга была напечатана с помощью сходных технологий Amazon). Менее известно, что Блейк и пел свои стихи, не записывал сам, но создавал музыку — сторонняя запись этих мелодий, увы, не дошла до нас. Так, получается, что оба создавали то, что с подачи Вагнера называется Gesamtkunstwerk — тотальным произведением искусства¹.

Им и был, по сути, сам Уильям Блейк, «поэт, художник, мыслитель, пророк, почти незамеченный при жизни, а теперь ставший в один ряд с величайшими титанами в истории мировой культуры», или, по автохарактеристике, «полный энтузиазма и вскормленный надеждой визионер». Его фигуре подстать и эта книга — да, Gesamtkunstwerk опять же. Потому что рассказ о Блейке тут крайне ограничен, композиционно и ритмически выстроен. Если, скажем, обычные биографии будут действовать поочередно в разных регистрах — вот глава о жизни, вот глава с разбором какого-нибудь романа или концепта — то книга «Уильям Блейк. Биография» даже лишена подобных швов и переходов. Мы не останемся без знаний — тем более сложных, что времена то были отдаленные, всеохватной фиксации происходящего не виднелось даже за горизонтом, — о том, какова была планировка в последнем жилье Блейка, какое пиво он полюбил под конец жизни и из чего и как (залпом) он пил вино. Если в жизни Блейка появлялись меценаты и просто благодетели, автор, насколько возможно, нарисует их портрет, даст на них «объективку». И это будет именно что объективное повествование — каждый штрих он проверяет, как камертоном, по свидетельствам других биографов Блейка.

Из этой глубокой, но при этом стройной книги (376 страниц, на которые приходится еще многие иллюстрации, именной указатель, список литературы, автобиографический очерк о Блейке в жизни автора, переводы из Блейка, благодарности Григорию Кружкову, Евгению Витковскому и другое) можно, пожалуй, вычленив три основополагающие характеристики Блейка.

Первая — это крайняя независимость Блейка. Возможно, отчасти наследственная: он происходил из семьи диссентеров (от лат. *dissentio* — не соглашаюсь), одного из направлений протестантизма, считавшего главным собственное восприятие Бога и догматов, а не их «готовую» трактовку церковью. Уже в более чем юном возрасте Блейк отказался учиться в школе: повезло с отцом, тот не только дал ему домашнее образование, но и, торговец, финансировал весьма дорогое художественное обучение. С профессией Блейку тоже подфартило — книжный гравер мог много зарабатывать и быть независимым (к концу жизни это сыграло отрицательную роль: слишком уж безумными считались иллюстрации Блейка, заказы почти прекратились). Визионер,

---

¹ Тема единства была важна для Блейка: например, в стихотворении «Хрустальный чертог» он даже изображает поцелуй сразу трех дев, вложенных одна в другую, что должно, возможно, символизировать триединство тела, разума и страсти (дух на этот раз отделен).

наблюдающий потусторонние миры, Блейк, кстати, был политически весьма интересующимся человеком: посвящал сочинения независимости Америки, революции во Франции. И, если суммировать, отрицал и государство, и церковь.

Народы, что покорны Богу,
Ни в грош не ставят Тварь двуногу...

И:

О злобный Отец Людей,
Самовлюблённый гордец!
Звон цепей,
Плач детей,
Ужели радость тебе, Творец?

Вкупе с нередким изображением сатаны и такими, например, идеями, как необходимость возрождения ветхозаветного многобрачия, странно даже, как Блейк не закончил свою жизнь на виселице. Впрочем, один раз он был весьма близок к этому — когда вытолкал пьяного английского солдата, посмевшего зайти в его сад и мешать своими криками.

Вектор же, ведший Блейка прочь от традиционной церкви, сближал его с мистикой: Блейк активно читал Сведенборга, сблизился с группой последователей Бёме (близкой, в свою очередь, к масонам). «Блейк, как часто утверждают, с интересом относился к радикальным каббалистическим и тантрическим идеям и возможности приблизиться к Богу через сексуальный транс» (да вот жена совсем не поддержала идею о многоженстве...).

И хотя в мирах Блейка можно найти развития идей Бёме, в чужой мистике Блейку было тесно. Его главная идеологема называется — фантазия, воображение, творческое, созидательное воображение. «В Природе нет Контура, но есть у Воображения. В Природе нет Мелодии, но у Воображения она есть. В Природе нет сверхъестественного, и она погибает: Воображение же — сама вечность». В мире воображения Блейк не только постоянно общался со своим любимым рано умершим братом, находил свои образы, но потенции там заложены воистину божественные:

Поскольку
Бог становится как
Мы, то и мы
Можем стать таким,
Как Он.

Кстати, свобода воображения касалась и формы изложения. Так, в уже довольно раннем произведении «Остров на Луне» «Блейк создал уникальный текст, образец ненаучной фантастики или литературы абсурда, где проза свободно перетекает в стихи, стихи в прозу».

Но наибольшее, тотальная свобода была у Блейка в том, что он строил, создавал собственные миры, повествование о которых вел всю жизнь. Он бы сказал — он просто свидетель. Поклонники назвали бы духовидцем. Другим было тяжелее смириться с такими повествованиями и(или) изображениями: «...иллюстрация, дополняя и развивая эту мысль, изображает Сатану в короне и с мечом, которому молятся целомудренные девы-ангелы. Энитармон требует, чтобы Ринтра привел Элинитрию, вооруженную серебрянным луком, — целомудренную подругу Паламбрана, а также свою ревнивую невесту Окалитрон и всех своих многочисленных братьев и сестер. Затем они погружаются в сон на восемнадцать сотен лет».

Свои боги, свои миры, отношения между ними и с людьми — можно было бы

вспомнить даже Толкина или Лавкрафта с Эверсом¹, но вернее будет аналогия с космогонией «Розы мира» Даниила Андреева. Вестники, оба даже не сочиняли, но свидетельствовали о мире, существование которого было для них несомненно. Отсюда много странных имен, термины и понятия другого мира и — в непереуверенной еще на русский эпической поэме «Вала, или Четыре Зоа» — «космическая история человечества: от первоначального Падения до финального объединения и восстановления Божественного Единства». Изложением истории человечества в соответствии с собственной концепцией, можно возразить, занимались, конечно, многие: от Шпенглера до Дугина с его недавней серией книг «Ноомахия»... Но миры эти были мирские, за небеса смотрели уже единицы.

Был ли Блейк безумен? Многие так считали, судя по его гравюрам и поэмам. Да, Блейк легко мог рассказать любому, как ангелы отверзли крышу его дома и возносились через нее, или замереть, всматриваясь в видение духа за плечом собеседника. Именно в этих случаях мне видится даже такой легкий стеб и игра очень живого гения, которому просто скучновато бывает с людскими обыкновениями и порядками, вроде устраивавшего даже в тюрьме хеппенинги Параджанова. Дмитрий Смирнов-Садовский же приводит свидетельства не каких-то пытавшихся надурить Блейка заказчиков, но близко знавших его друзей — те признавали в нем крепкий и трезвый ум. Да и жилось Блейку в целом неплохо: добрейшая жена считала его гением и всячески поддерживала (некоторые заказы она выполняла вместо него), всю жизнь Блейк занимался исключительно любимым делом, под конец жизни купил квартиру в таком доме с садом, от которого не отказался бы и небольшой олигарх в нынешнем Лондоне, очень любил свое загородное жильё². Да и в прогнозах о том, что жить в этом и том мирах он будет еще очень долго, он не ошибся.

Элвис находит в глазах Сфинкса квантовый мистицизм

Сильвия КРЭНСТОН. Е.П.Блаватская. История удивительной жизни / Пер. с англ. Е.Голубовский. — М.: Эксмо, 2021. 720 с.

На вопрос: чем вообще сейчас может быть интересна основательница теософского течения и автор сочинений вроде «Разоблачённая Изиды»? — я бы сам не ответил с уверенностью. Хотя бы потому, что очень многие элементы учения Е.П.Блаватской были инкорпорированы другими мистиками — и далеко не только ими — и не могут произвести уже столь ошеломляющего впечатления, как при их обнаружении. А книги ее, кажется, в последний раз активно издавались в те наши 1990-е годы³, когда

¹ «Затем Уризен обрастает чешуей и превращается в ужасного Дракона. Уртона обретает огромную волокнистую форму. Тармас становится подобием гигантской песчаной Колонны, дико кружащейся в вихре. Лос, почувствовав каменное оцепенение в голове и корчась от боли, бросается в Бездну. Энитармон, побледнев и похолодев, покрывавшись млечным соком, стала похожа на трепещущий от страха корневидный отросток».

² При чтении про пейзажные радости Блейка вспоминается песня Вана Моррисона *Summertime in England* из альбома 1980 года *Common One: Did you ever hear about / William Blake / T.S.Eliot / In the summer / In the countryside / They were smokin' / Summertime in England*.

³ Что другой Моррисон, Джим, взял название своей группы *Doors* — через Хаксли — у того же Блейка, уже давно существует в общественном сознании. *If the doors of perception were cleansed, every thing would appear to man as it is: infinite* — нужно отдать дань обоим, цитата для Блейка весьма репрезентативная. Аллен Гинзберг в своем сборнике эссе «Сознательная проза», где он цитирует Блейка множество раз, писал, что «Песни невинности и опыта» очень напоминают рок-музыку, и сам в итоге переложил их на музыку и записал альбом. Кроме того, Блейк являлся Гинзбергу в видениях и читывал ему стихи.

³ За последние годы мне вспоминается — кроме каких-нибудь специализированных сайтов и изданий — лишь одна публикация о Блаватской. Да и то в новомодном жанре «Уроки жизни от...» и на сайте, вообще любящем всякие вызовы и прочий кликбейт (автор же публикации, деятель феминистского движения, явно не избежал увлечения именно женской фигурой): *Нестеренко М. «Мы живём в атмосфере мрака и отчаяния»: уроки жизни от Елены Блаватской // Горький. 2019. 4 сентября (<https://gorky.media/context/my-zhivem-v-atmosferemraka-i-otchayaniya-uroki-zhizni-ot-eleny-blavatskoj/>).*

на прилавках «Союзпечати» наравне с «Розой мира» и Лимоновым можно было купить де Сада, «Поваренную книгу анархиста» и «Протоколы сионских мудрецов»... Но в мире, настолько сложном, как нынешний, все давно не так, как кажется, за одной правдой есть другая, на нее возражение, и матрешка эта длится до бесконечности.

И вот всего лишь несколько неожиданных доводов в пользу того, что дело Блаватской оказывается весьма актуальным, аukaется по многим пунктам. И про эти самые элементы. Вот, например, самая первая из списка целей Теософского общества: «Сформировать ядро всеобщего братства человечества, без различий по признаку расы, вероисповедания, пола, касты или цвета кожи», — это не только входит сейчас в устав ООН, но и активно дискутируется (в терминах *respect for diversity*, уважения к разнообразию) на всех буквально уровнях. Или более развернуто и красиво: «Доброта, отсутствие дурных чувств или себялюбия, милосердие, доброжелательность ко всем существам и совершенная справедливость к себе и другим людям является ее основными чертами (теософии. — А.Ч.). Тот, кто учит теософии, проповедует евангельскую доброту, и столь же верно обратное — тот, кто проповедует доброту, учит теософии». Здесь, трудно сомневаться, подпишутся представители всех вероисповеданий: от христианства до буддистов-индуистов (на основании верований которых во многом составила свое учение Блаватская), со всеми оговорками. И у этого есть и фактическое подтверждение: такое движение, как Парламент мировых религий, было создано под непосредственным влиянием теософов и продолжается до сих пор.

Есть и более локальные — или масштабные, как знать, — следствия вроде того, что, например, «Ключ к теософии» Блаватской стал для Ганди тем сочинением, что «пробудило во мне желание читать книги об индуизме и вывело меня из заблуждения, навязанного миссионерами, якобы индуизм полон предрассудков». Еще один член Теософского общества Джавахарлал Неру, а также Индира Ганди отдавали дань теософам и Блаватской, подчеркивая их роль в возрождении нации — как в собственных глазах индийцев, так и на Западе. В конце концов, слова *реинкарнация* и *карма* появились в западном лексиконе во многом благодаря именно Блаватской, как и увлечение восточными религиями. Говоря о той же Индии, Блаватская была первой, кто затронул вопросы экологии — констатируя, что «в Америке мы имели возможность наблюдать варварское уничтожение лесов», она призывает не повторить этих ошибок в ее любимой стране и в мире: «природа создала условия для развития человека; ее законы нельзя нарушать, не вызвав этим катастрофу». Она шла и дальше, говоря, убеждая в том, что душой наделены абсолютно все живые существа, и конкретно выступая против вивисекции, мучительных опытов над животными, использования их на потеху. Буквально в прошлом месяце по новостям прошли сообщения об отказе отдельных домов моды и целой страны (Израиль) от использования натурального меха в одежде — через сто с лишним лет люди услышали призыв, уже успев глубоко забыть, от кого он исходил.

Можно было бы не прибегать к таким абстракциям, а бросить более яркие фактоиды вроде того, что Блаватская предсказала деление атомного ядра, Первую мировую войну или бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. Но это и легко (если человек много пишет, а Блаватская даже тяжело больной проводила за письменным столом по 12+ часов в сутки, в его сочинениях можно найти *pro et contra* по множеству вопросов), и не столь даже важно. Важнее — современность ее тона. Вот, опять же по довольно частному случаю системы экзаменов при обучении, она говорит о том, что характеризует современное общество «равных возможностей» и «здоровой конкуренции»: «Эта система, предназначенная не для того, чтобы поощрять здоровое соревнование, а для того, чтобы порождать и воспитывать в молодых людях ревность, зависть, почти ненависть друг к другу, готовя их таким образом к жизни, полной самого

беззащитного эгоизма, борьбы за почести и награды, а не добрых чувств». Да, только сейчас эпитеты скорректировали: на «здоровый эгоизм».

Так кем же была эта женщина (что, кстати, уже очень круто само по себе, если вспомнить патриархальную эпоху и годы ее жизни, 1831—1891), бескорыстным пророком и учителем или же умелой шарлатанкой и авантюристкой? К сожалению, ее «феномены» вроде материализованной чайной чашечки на пикнике в Индии, падающих на головы сомневающихся роз или же странных постукиваний, видений, отгадывания запечатанных писем и прочего полтергейста вряд ли могут рассматриваться как достоверные. И если я брался за эту книгу с известной долей скепсиса (разделяемого не только мной — в буквально недавно изданной биографии Пессоа мне попался абзац про его первоначальное увлечение Блаватской и постепенное охлаждение), то книга Сильвии Крэнстон¹ о Е.П. ее не развеяла. И виноваты в этом — Е.П. и автор прежде всего. Очень многие сомневались, что еще юной и в одиночестве (!) Блаватская объездила все мистические центры мира от Египта до Индии, посещала Тибет. И, когда существуют более поздние свидетельства, как те же англичане, опасаясь российской якобы шпионки, ее не пускали в Лхасу, Е.П. не только не предоставляла свидетельств обратного, но и отделялась весьма сомнительными фразами, что ее учителя (Махатмы) должны остаться скрытыми, от истинного знания нужно беречь неподготовленных и т.п. «Даже самым близким друзьям я никогда не рассказывала ничего, кроме самых отрывочных и общих сведений о моих странствиях, и впредь не собираюсь потакать любопытству других, меньше всего — моих врагов». Да, ее тщательное сокрытие подобных биографических вещей можно объяснить и личной скромностью, и нежеланием отвлекать от ее учения ради всякой мистики и авантюрных подробностей, и даже концептом «сокрытия личной истории» за авторством Кастанеды. Но, здесь опять же можно возразить, восстанови она истину, это послужило бы лучшей репутации ее учения, не отвратило бы многих. Она же не подавала и в суд на авторов самого подробного разоблачения от бывших членов Теософского общества и ее приближенных (да, ей отсоветовал по определенным причинам синклит ТО, да, на то были причины, но...). К сожалению, автор, ее большой поклонник и, судя по ремаркам о каком-то приглашенном в ее американский дом ламе, участии в конгрессах а-ля New Age и т.д., сама участница подобных течений, выступает в книге в роли плохого адвоката. Она упоминает все крупные обвинения Блаватской в шарлатанстве и потом многостранично разрушает их, не оставляет от них камня на камне. Но — не дает и полстранички на то, чтобы познакомить нас хотя бы с сутью этих обвинений. А это, согласитесь, только подкармливает червячка сомнения...

Так странствовала ли она по Египту и Лхасе в мужском наряде? Сражалась ли за Гарибальди и была почти убита, откопали среди трупов? Правда ли, что два раза корабли, на которых она плыла, тонули, а болела ли она, была ли на грани смерти и потом чудесным образом исцелялась вообще бесчисленное количество раз? «В истории моей жизни есть несколько страниц, о которых я никогда не говорю. Я скорее умру, чем раскрою их тайну, но не потому, что я их стыжусь, а потому что для меня они слишком священны». ОК.

Лучшими адвокатами тут будут, пожалуй, люди, которые одобряли, интересовались и поддерживали Блаватскую. Далай-лама и Оскар Уайльд, например. Да, но первому могло импонировать то, как Е.П. защищала духовность и народы Востока, была просто-таки, как сейчас говорят, послом и амбассадором их интересов на Западе, второй же был падок на все модное, слегка декадентное и сомнительное. Да, до правды, кажется, мы не докапаемся уже никогда...

Может быть, поможет психологический портрет Блаватской? Ее ученики и просто близкие любят вспоминать о ее полнейшей бескорыстности и альтруизме

¹ Самая, как утверждается, подробная биография Блаватской на сегодняшний день, к тому же использующая некоторые недавно открытые документы и даже лично раздобытые автором.

(отдала первой встречной билет в первый класс и в результате пересекала Атлантику в зловонии и антисанитарии третьего, другой просящей вместо денег уступила свой бизнес, которым иногда занималась, как тот же Гурджиев), наивности, заразительном смехе. Еще, кстати, все вспоминают, как, настоящая эмансипе, постоянно курила. И свою огромную, буквально усыпанную цитатами и ссылками «Тайную доктрину» писала почти без книг, не писала даже, а записывала, а нужные источники материализовывала в астральном теле (источники потом проверили даже по библиотеке Ватикана, все вроде бы было процитировано потрясающе точно и корректно). Но, смотря со стороны, больше всего сходства находишь у нее — с безумным и безумно свободным Блейком (плюс это или минус к правдивости ее образа и учений, судить можно опять же двояко¹). Знатнейшего рода, отдаленный потомок Рюриковичей (как западный автор это описывает, конечно, немного забавно и клюквенно), родственница Витте, она имела в своей и некоторую долю крови гугенотов — как и диссентеры Блейка, те «всегда были против», по заветам Егора Летова. Воспитанная более чем в христианской традиции и от христианства как бы не отрекавшаяся, Е.П. имела с ним, как опять же Блейк, довольно сложные отношения (это, конечно, понятно — оба уже в раннем детстве начали наблюдать видения (Е.П. некоего защитника, он даже уберег ее от пары могущих быть фатальными детских падений, мальчика Блейка сёк отец за вранье, что тот видел ангелов в кронах деревьев). Блейк отказался пойти в школу, Е.П., еще совсем юницей, отказывалась выходить замуж. Когда выдали, то несколько раз сбежала, пока, наконец, не вырвалась на свободу в свои бесконечные странствия по Европе, Ближнему Востоку и АТР. Сначала даже не писала родным, но, скорее всего, просто достигла некоего компромисса и договоренности — деньги-то отец ей высылал, переписка возобновилась, после Индии и обеих Америк в Россию она один раз возвратилась. Есть, конечно, пересечения и в учениях, как не быть — например, в «Тайной доктрине» она излагает свою историю мира и человечества, а в «Изиде» вторит тройному поцелую Блейка:

«1. Чудес нет. Все, что происходит, есть результат закона — вечного, нерушимого, всегда действующего.

2. Природа триедина: существует видимая, объективная природа; невидимая, заключенная внутри, сообщающая энергию природа, точная модель первой и ее жизненный принцип; и над этими двумя — дух, источник всех сил, один только вечный и неразрушимый. Две низшие силы постоянно изменяются; третья, высшая, не изменяется.

3. Человек тоже триедин: он имеет объективное, физическое тело; оживляющее астральное тело (или душу), действительный человек; и над этими двумя витает и озаряет их третий — повелитель, бессмертный дух. Когда действительному человеку удается слиться с последним — он становится бессмертной сущностью.

4. Магия, как наука, представляет собою знание этих принципов и способа, посредством которого всезнание и всемогущество духа и его власть над силами природы могут быть приобретены человеком, пока он все еще находится в теле. Магия, как искусство, есть применение этого знания на практике».

Про озарения человека и науку, сиречь про рецепцию отдельных идей Блаватской и теософии в целом — самый густой и интересный раздел книги, даже по сравнению

---

¹ Существует и увязанная на Блейке характеристика Е.П. — от американской суфражистки, феминистки и аболиционистки Мэри Эштон Ливермор: «Я периодически слышу о том, что кто-то “не любит ее” или ей завидует. С тем же успехом можно не любить Мраморы Элгина или завидовать Сфинксу. У нее был светлый, легкий дух, как у Уильяма Блейка, который в глубокой старости, после стольких лет лишений и неблагодарности сказал маленькой девочке: “Моя дорогая, я могу лишь надеяться, что твоя жизнь будет такой же прекрасной и счастливой, как моя”». Сфинксом Блаватскую называли еще и за позу на самом известном ее фотоизображении.

с полуголодной жизнью в США, культурами индейцев Южной Америки и прорывами в Лхасу из Индии. Так, кто бы мог подумать и ждать, что цитатам из Е.П. найдется соответствие той или иной степени совпадения в теории ДНК, атомной физике (Эйнштейн, кстати, как и Эдисон, был ее верным читателем¹), астрофизике и даже палеонейрологии? Опять же, при желании, совпадения можно обнаружить везде. Но личность Блаватской и теория теософии, кроме сиюминутного эффекта взрыва, аукнулась, кажется, действительно много где. Например, теософия способствовала литературному возрождению в Ирландии — не только потому, что общество теософов было буквально единственным более или менее свободным объединением в весьма религиозной и довольно ригидной по тем временам стране, но и потому, в частности, что Джойс, по свидетельству его главного биографа Элмана, приходил к Джорджу Расселу и пытал его о теософии, а убежденным теософом был и Йейтс. Отсылки к теософским теориям автор находит у Элиота и Джека Лондона, Клее и Гогена, а Мондриан², в каком бы городе ни оборудовал свою мастерскую, вешал в ней на видном месте огромный портрет Блаватской. Если эти имена относятся к тому же *Zeitgeist*'у, то стоит, возможно, вспомнить, что уже в нашем эоне книги Блаватской ревностно штудировал и даже зачитывал со сцены Элвис Пресли.

Что же касается первоначального вопроса, тайным визионером была Е.П. Блаватская или очень умелой авантюристкой, — возможно, она была просто третьим, другой, *out of step*, как сказали бы в стране ее второго гражданства США и стране ее смерти Англии (прах же ее развеян на трех континентах, включая Индию³), не вписывающимся в свою эпоху, опережающим ее персонажем. «Ее отличали не знания, она сама была другой. Иностранка в чужой стране — русская аристократка свободных взглядов среди скованных, закоснелых представителей среднего класса в викторианской Англии и Америке, которые не чувствовали разницы между обличием и сущностью. <...> Даже когда эти люди отвернулись от нее, называя мошенницей, шарлатанкой, плагиатором, бессовестной женщиной, — даже тогда они втайне знали, что она отдала им свою жизнь, силы, вдохновение, воображение и намерение. Даже враги, сами того не желая, признавали ее величие и могущество»⁴.

¹ В книге «Квантовые вопросы: мистические сочинения великих физиков мира» (под редакцией Кена Уилберта, 1984) представлен с заявленной точки зрения анализ трудов Гейзенберга, Шредингера, Эйнштейна, Бройля, Джинса, Планка, Паули и Эддингтона — «в каждом из которых выражается глубокое убеждение в том, что физика и мистика — близнецы». Появилось и такое понятие, как квантовый мистицизм.

² Мондриану принадлежит также фраза, что он почерпнул все, что ему было необходимо, из «Тайной доктрины». О роли Блаватской в его творчестве и творчестве Кандинского см.: *Ross A. Wagnerism: Art and Politics in the Shadow of Music*. London: 4-th Estate, 2021. С. 369—370.

³ Об истории его захоронения см.: <http://www.delphis.ru/journal/article/istoriya-prakha-epblavatskoi>

⁴ Или, как написал мне один очень умный человек в частной переписке в ответ на мои сомнения в моральных, учительских и прочих качествах Блаватской: «А вы знаете, она действительно была мошенницей! Она сразу и ясно видела, кто идет вверх или имеет на то шанс, и с ним она говорила метаязыком (языком символов — ужас, совсем засаленное слово, имею в виду, что слова-то обычные, только в них вложен совсем другой невербализуемый смысл), и тот понимал, что не эти слова что-то значат, а то невысказываемое и совершенно другое — то, что упрятано за этими словами. Другие, и очень умные, и очень знаменитые, и очень образованные, воспринимали эти слова так, как будто Елена действительно имеет в виду то, что она говорит — махатмы, шамбалы, расы... — и разоблачали это, не подозревая, что разоблачают свой перстный разум. Генон особенно ярко её разоблачал, — что поделаешь, ревность... А когда Елене надо было зарабатывать деньги для продолжения работы по постижению, она не моргнув глазом дурачила дураков медиумизмом, пророчеством и прочим мошенничеством. Пусть платят — раз самим им нет нужды взбираться вверх, то пусть финансируют работу тех, кого сверху зовут вверх. Она, кстати, даже фамилию смело, нахально и по-наглому стасила у мужа, от которого смылась через три месяца после свадьбы вместе с фамилией, — она, восемнадцатилетняя, чужая, что для будущего Блаватская подойдет лучше, чем фон Ган. Скончалась от гриппа или от covid-19... выполнила всё и вернулась домой. Когда-то кто-то напишет книгу Глаза Блаватской, у землян-то таких глаз не бывает».

Главная же заслуга Блаватской, уже на мой взгляд, была в том, что она приоткрыла те «двери восприятия», о которых писал Блейк, хотя бы заставив западных людей с любопытством рассматривать в щелочку достижения восточной неэциентической, внерациональной (как посмотреть, просто эта наука — другая) мысли¹. Словами Уолта Андерсона, на Западе «космос в основном исследуют с помощью циклотронов, лазеров и телескопов», в то время как восточная наука «по большей части является нетехнологической и полагается на аппарат дисциплинированного человеческого тела и ума»². Достижения же Востока в итоге сейчас мало кто будет оспаривать не только в трудно верифицируемой духовности, но и на практике³.

Русский дазайн в помощь

Александр ДУГИН. Мартин Хайдеггер: возможности русской философии. — М.: Академический проект, 2021. 380 с.

Книга о русской философии, центрированная на мысли Хайдеггера⁴, это весьма неожиданно, хотя вписывается в компаративистику и неожиданные повороты мышления А. Дугина. Дальше посыл еще более неожиданный — «русской философии не существует и возможность ее возникновения блокирована дисгармоничным сочетанием европейского модерна с архаическими пластами русского народного мировоззрения». Опять же может и шокировать, если не вспомнить о существовании некоторых стран и целых регионов «без философии» — если тот же Запад давно и прочно захватил мировую философию, то что мы знаем о современной японской философии? Киотская школа и буддизм. Про Китай, Корею и весь регион ЮВА и АТР — ничего, за весь глобальный Юг один Реза Негарестани с «Циклопедией» отдувается. Так как в последнее время Дугин занят своим проектом «Ноомахия» про цивилизационные особенности различных регионов, то как раз такие перекосы и попадают в центр его внимания. Как, кстати, и цитирует Дугин очень географически широкий круг имен: латиноамериканских, ливанских и японских философов. Но можно ли сравнить их по общей степени известности/цитируемости/переводимости с той же французской философской школой? И это возвращает нас к теме книги.

Так что же случилось с отечественной философией — продуктом далеко не «экспортным», это признают даже самые убежденные патриоты, но на полках точно имеющимся: славянофилы и западники, серебряновечная религиозная философия,

---

¹ Особенно в контексте того времени призыв этот можно было бы в пределе объединить с идеей Третьего Завета Мережковского.

² Александр Дугин в книге, о которой мы сейчас поговорим, приводит любопытную нюансировку от французского социолога Луи Дюмона, доказывавшего, что «индийская культура и философия основаны на индивидуализме и негативной оценке имманентной социальности не в меньшей, если не в большей степени, нежели современная западная либеральная буржуазная культура или западно-христианская религия, но делает она это совершенно иным способом и приходит к совершенно иным формам — аскеза, отрешенность, созерцательность, погружение в себя, йога и т.д.»

³ Две из трех ведущих экономик мира — восточные (Китай и Япония), Китай занимает второе место в мире по количеству зарегистрированных патентов, Индия лидирует в области IT и фармы, оказавшихся наиболее востребованными в последние пандемийные годы, и так далее, примеры можно множить.

⁴ В этом смысле книга является продолжением его труда «Мартин Хайдеггер: философия другого Начала» (2010).

космисты, коммунистическая философия и (их автор вообще не упоминает, непонятно, почему) тот потрясающий расцвет философии в позднесоветские времена, феномен которого еще нужно изучать (Бибихин¹, Хоружий, Аверинцев, Гачев, Налимов, Горичева, Гиренок, Мартынов, Джемаль, Мамардашвили, Пятигорский, Семёнова и другие).

Российская философия, утверждает автор, была «всю дорогу» занята или развитием каких-то совсем уж локальных, местечковых идей, или же, в гораздо большей степени, слепо и даже раболепно следовала за западной мыслью, вообще возникла как реакция на нее. Посему «вопрос о возможности русской философии вполне легитимен. <...> Если русская философия как таковая есть, то она существенно повреждена исторически и требует реанимации. Если вместо нее мы имеем дело с бледным изначальным мерцанием, с наброском, то тем более необходимо обратиться к ее предпосылкам, к области ее возможности».

Делает это Дугин через отрицание — для начала не оставляя камня на камне от всей отечественной философской мысли. Похоже на стеб, на самом деле — деконструкция. Так, скажем, психопатические черты находятся у таких непохожих авторов, как Владимир Соловьёв и Николай Фёдоров, а уравниваются они — как бастарды с чертами смердяковщины — «Соловьёв проделал путь “из грязи в князи” (изначально из крестьянского сословия), а Фёдоров, «наоборот, рухнул “из князей в грязь”». И если у Соловьёва² с его экуменистическими призывами к объединению церковью и якобы принятием католичества тлетворное влияние Запада найти не столь уж сложно, то обнаруживает его Дугин и у такого уж совсем русского, архирусского философа как Фёдоров: «Н.Фёдоров незаметно для себя самого соскальзывает в дискурс западного модерна, начинает рассуждать о прогрессе, о ценности музея³ и развитии техники, о возможности управлять погодой и строить совершенные автоматы».

Разбирая так — и с массой любопытных, хотя и едких, наблюдений — наших философов от Данилевского до Розанова, Дугин находит главную беду, которую называет — археомодерн: «ситуацию, когда социальная модернизация осуществляется не естественно и органично, накапливая предпосылки в глубине общественных процессов, но навязывается сверху волевым образом, причем за модель модернизации берутся социо-культурные и социо-политические образцы, скопированные с обществ с совершенно иными историей, типом, находящимися в других фазах своего развития». Здесь можно было бы возразить, что модернизация никогда, «снизу» и «изнутри» в том числе, не бывает процессом совсем уж безболезненным. Можно было бы также не изобретать новый термин, а, уже коли Восток находится в сфере внимания автора, привлечь термин «ускоренная модернизация» — как описывалось схожее явление в восточных странах, позже и опять же под влиянием Запада, ставших на путь реформ.

¹ Отсутствие этого имени в книге особенно странно, если принять во внимание перевод «Бытия и времени» и философствование Другого начала. Возможно, сказался личный разлад между ними.

² По касательной от Соловьёва достается и Блаватской: «Экзальтированность и наивность этих поисков подчас заходила так далеко, что философ одно время был готов принять за “воплощение Софии” авантюристическую оккультистку и шарлатанку Елену Петровну Блаватскую, являющуюся одновременно агентом влияния российских спецслужб». Сыну генерала ГРУ виднее.

³ Роль музея в «деле воскрешения отцов» у Фёдорова все же другая, см. мою рецензию на книгу Б.Гройса «Русский космизм»: Чанцев А. Принцип всеединого музея // Новый мир. 2016. № 2 (https://magazines.gorky.media/novyj_mi/2016/2/princzip-vseedinogo-muzeya-boris-grojs-russkij-kosmizm.html).

Общая концепция в целом понятна, когда на сцену выходит его величество Хайдеггер. Почему именно он? Как утверждает Дугин, «никто кроме него». Хайдеггер не только написал более или менее масштабную историю всей предыдущей философской мысли, но и создал цельную философию конца времен и грядущего Другого начала. Главное же, его наработки вроде Dasein и остальных можно применить в процессе выпочкивания философии русской. «Хайдеггер уверен, что Западу надо начинать сначала: по-новому и совершенно иначе, нежели в первый раз. Нам, русским, надо просто начинать: не по-новому и не по-старому, а впервые. Это фундаментальная и качественная разница. Нам надо начинать по-русски и на основе русского дазайна».

Посвятив условно вторую часть книги разговору о Хайдеггере, Дугин — обычное дело в риторике, но не столь частое в сюжетах книг — возвращается к разобранным в первой части философам и находит в них уже положительные черты, то, что говорится ими оригинального и на благо дела. В дело может пойти многое — от наработок Гуссерля до религиозной философии Флоренского и Булгакова и даже исихазма¹. И даже у «либерала» Чаадаева, которому влетело по первое число на первых страницах, находится довольно толковых наблюдений. Дугин — возможно, в следующей книге? — не пишет манифест, он лишь говорит о возможностях и путях развития оригинальной философской мысли так, как ему это видится. «В то же время, для того чтобы достичь ядра русского начала (русского ноэзиса, русского жизненного мира), требуется лишь преодолеть брезгливость и увернуться от гипноза археомодерна. В остальном же это ядро лежит на поверхности: чтобы его увидеть, надо просто вывезти за пределы русской культуры западнический хлам, “токсичные отходы” западноевропейской культуры, которыми три столетия засорили Россию».

Звучит полемично, но это лишь отдельная цитата. По большей части, Дугин находится именно глубоко в философских вопросах. А они опять же взывают к отказу от следования в фарватере западной мысли, по истоптанным чужими маршрутами лесным дорожкам. Тем более что и философия эта — во многом философия конца: «...Ницше не только не является альтернативой, но представляет собой подлинный и состоявшийся Конец — Конец западноевропейской философии и, соответственно, конец философии как таковой. Так, вместе с Гегелем и Ницше западноевропейская философия проходит полный цикл от первого (великого) Начала через средний (средневековый, в широком смысле) период до Начала Конца у Декарта и к полному и необратимому Концу у Гегеля, и особенно у Ницше. <...> Но в этом, по Хайдеггеру, и состоит судьба Запада как “страны Вечера” (Abendland). Убывание бытия есть удел Запада и смысл истории философии как сугубо западного явления. Дезонтологизация, сокрытие бытия и наступление нигилистической ночи не случайность и не катастрофа, и даже не следствие ошибки — это высказывание философской географии. Свет гаснет там и тогда, когда это нужно».

Несмотря на пафос констатации, но не призыва, намеки на него есть. Они находятся опять же в довольно неожиданных местах. У Клюева и Розанова. Действительно, последний звучит крайне манифестарно, особенно в контексте состоявшегося разговора: «Россия — страна, где все соскочило со своей оси. И пытаются вскочить на чужую ось, иногда — на несколько чужих осей. И расквашивают нос, и делают нашу бедную Россию безобразной и несчастной. <...> Вот что, русский человек: вращайся около своей оси».

---

¹ Еще раз удивимся отсутствию имен Библихина и Хоружего, посвятивших Паламе, нетварному свету и прочим концептам исихазма многие страницы.

Ради только этого призыва не стоило бы городить целую книгу — или стоило. В любом случае, разговор у Дугина получается крайне широкий, с глубоким и оригинальным обсуждением массы вещей, от, по сути, всей истории философии, до леших, каббалы и неоплатоников. Широк и интонационный регистр, как у настоящих философов, он варьируется от крайне научного разговора до афоризмов («русское начало не началось», «авось — доверие к бытию», Хайдеггер — «грядущий смысл прошедшего», «история философии есть история катастроф» и т.п.) и поэзии в прозе, почти летовского камлания («они и есть дым; они суть дух. Русские люди пусты. Как люди. А как русские прозрачны»).

Ольга Балла

Человек прояснённый

Глеб ШУЛЬПЯКОВ. Белый человек: избранные стихотворения. — М.: Время, 2021. — 160 с. — (Поэтическая библиотека)

Выбрав для нового сборника стихи из всех своих предыдущих книг, от «Щелчка» 2001 года до «Самети» 2017-го, от каждой понемногу (из них же каждая, как помнит внимательный читатель, — самостоятельное интонационное целое), да присовокупив несколько стихотворений за 2017—2020-й, ни в какие интонационные единства пока не вошедших, — Глеб Шутьпяков представил собственную поэтическую эволюцию за два десятилетия. Сам ли, руками ли составителя — в качестве составителя сборника указан Дмитрий Тонконогов, — в любом случае перед нами в той или иной степени авторский выбор, а значит, и автопортрет, и самоанализ. Выбранное же призвано демонстрировать существенные точки пройденной траектории и её направление.

Скажем сразу, что существенных переломов эта траектория не претерпела; тут следовало бы, скорее, говорить о постепенном, неуклонном движении и накоплении качеств.

Одной из очевидных сторон этого развития надо признать набиравание автором самостоятельности, свободы не только от явно воспроизводимых влияний, но и от потребностей в иных видах опор вроде аллюзий, цитирований разной степени полноты, диалогов и споров с традицией(-ями), да хоть упоминания имён предшественников; выработку собственного голоса и манеры этим голосом говорить.

В тексте, открывающем сборник (из «Щелчка» — «...с чёрного хода в литературу»), состоящем в значительной степени из чужих коротких, квазидialogических реплик, выданных из родимых контекстов, гула и бормота массового анонимного сознания, невозможно не усмотреть отсылку к (классическому уже тогда) «Представлению» Бродского.

...«Взял себе в жёны какую-то дуру». —
«Да, но с глазами любовницы Кафки».

Выучил русский только за то, что
«драли буксиры басы у причала».
«Где-то читал, но не помню, где точно».
Вспомнил под утро, покуда светало.

(Читатель немедленно вспоминает:

«А почём та радиола?»
«Кто такой Савонарола?»
«Вероятно, сокращенье».
«Где сортир, прошу прощенья?».)

Тот же приём, осложнённый аллюзиями на классические тексты, повторяется во втором стихотворении книги:

Вот и всё. «Эй, в ушанке» — «Вы мне?» —
 «Передай за проезд!»
 «Остановка “Аптека”». — «Фонарь...» — «А ещё в очулярах...»

<...>

Квартет Шостаковича, № 13. Поставить на «тах».
 «В такую погоду...» — «Да что вы опять о погоде!»
 Я предлагаю за женщин, за дружбу, за нас!
 «И за гражданские астры в родном переходе».

В более поздних книгах Шульпякова многоголосость уступает место почти исключительному монологизму (хотя ситуации *недодialogичности* будут ещё иногда повторяться, — например, в поэме «Мураново»).

Следов усвоенных влияний у молодого Шульпякова не так много (кроме упомянутого Бродского — кто ещё? Немного Гандлевского, совсем чуть-чуть Арсения Тарковского...) и преодолеваются они, вместе с самой потребностью в них, довольно скоро. Что же до аллюзий и цитирований, они, в самом начале книги подчёркнуто-обильные, вскоре быстро сходят практически на нет.

Тут хочется вспомнить известное противопоставление «поэзии» и «литературы», практикуемое, например, Юрием Казариным; вряд ли эта оппозиция из шульпяковского лексикона, но она тут напрашивается. Если начальные тексты книги отчётливо погружены в гущу и толщу литературы и литературности, её внутренних связей и перекличек, то чем дальше и позже — тем всё более поэзия, чистое, жёсткое её вещество. Освобождение от земных сует. Очистка и возгонка.

«Ранний» Шульпяков соблазняется многословностью. «Зрелый» — начиная с «Писем Якубу» (2012), — сдержан до скуповатости, до аскетичности. На самых первых страницах — живопись, размашистой лохматой кистью, с вниманием к краскам, к бытовому и вообще чувственным подробностям:

Между тем стемнело, стало больше горящих окон,
 абажуры на кухнях: красные, зелёные, голубые.
 Разливая чай, женщина придерживает локон
 и беззвучно шевелит губами: пироги остыли.

<...>

...За коробкой пустырь, его долго обходят с фланга,
 словно красс-антоний-алкивиад-перикл,
 гаражи, бытовки, ангары, и торчат как флаги
 голубятни, продолжая обход, а точнее — цикл.

Всего десятилетие спустя — чёрно-белая графика, почти чертежи. Ничего лишнего, — настолько, что кажется нарочитым упрощением. Даже без заглавных букв — чтобы не повышать тон и на графическом уровне тоже.

ворона прыгает с одной
 тяжёлой ветки на другую —
 здесь что-то кончилось со мной,
 а я живу и в ус не дую,
 небытия сухой снежок
 ещё сдувая вместо пыли —
 так по ночам стучит движок,
 который вырубить забыли

Никаких преувеличений — и суждения притом безутешно жёсткие. И никакого надрыва по поводу этой безутешности — прямой взгляд ей в лицо, трезвая ясность.

Всего-навсего за десять лет автор проделал путь от (во многом внешней) сложности, литературности, умышленности и витиеватости — к сложности внутренней. От густой кудрявой бороды культурных ассоциаций — к (обескураживающей, дезориентирующей — «сложное понятней им») прямоте высказывания. Многоречивый вначале, он становится поэтом чистого одиночества и тишины.

Что остаётся на протяжении всех этих почти двадцати лет неизменным? Прежде всего (и это не случайно и не поверхностно), то, что Шульпяков неизменно педантично внимателен к форме, к выстраиванию текстов, — и это относится не только к регулярной силлабо-тонике, заметно преобладающей над верлибрами, но и к более сложным, неочевидным ритмическим построениям, какова, например, поэма «Мураново» — на полпути между регулярным стихом и верлибром, у каждой строки которой — свой размер). Вследствие того стихи его могут производить — вне всяких сомнений, намеренно — впечатление холодноватых и рассудочных. Холодноватость, конечно, принципиальна, да и рассудочность тоже («есть что сдерживать», как по другому поводу сказал другой поэт), всё это — инструменты. Видимая бесстрастность Шульпякова-поэта никоим образом не означает равнодушия, свидетельство чему — высокое напряжение практически каждой строки.

Тем более что Шульпяков все эти годы неизменно остается хроникёром-аналитиком; он, несомненно, поэт-наблюдатель и поэт-мыслитель одновременно. Эти две позиции неразделимы до (почти?) тождества; последняя же, особенно из-за плавно, но неуклонно нарастающей с годами сдержанности, в глаза как будто не бросается. Впрочем, он, кажется, всё более нарочно так устраивает, чтобы в глаза не бросалось вообще ничего: имеющий намерение и готовность увидеть — увидит. Свои тексты Шульпяков конструирует как приборы — измерительные ли, регистрирующие, оптические, — настраивая каждый на, казалось бы, конкретную, выбранную для наблюдения ситуацию — и поднимая каждую из таких ситуаций до формулы. Холодноватость при этом совершенно необходима — чтобы приборы не перегревались и позволяли всё видеть ясно (предпочитаемые поэтом регулярные размеры как раз способствуют точности настройки). Он создаёт и выдерживает дистанцию — важнейшее условие наблюдения.

Только если в начале своей поэтической работы Шульпяков был наблюдателем, скорее, социальным, то чем далее, тем больше его поэтическое зрение концентрируется на самих структурах существования, на метафизике его, которую человек способен только угадывать и по отношению к которой всякая физика вторична, условна, а по некоторому большому счёту — необязательна. Она нужна только для того, чтобы сквозь неё чувствовалось неназываемое, раз уж (пока?) не получается иначе.

человек остаётся с самим собой —
постепенно дымок над его трубой
поднимается ровным, густым столбом,
но — перед тем как выйти с пустым ведром,
чтобы элементарно набрать воды,
человек зажигает в деревне свет,
развешивает облака, расставляет лес,
а потом устраивает метель или гром
(в зависимости от времени года) —
в сущности, этот человек с ведром
просто переходит из одного дома в другой —
и остаётся собой

«В каждом поэте, — гласит аннотация к сборнику, наверняка писанная рукою самого автора, — живут “чёрный человек” и “белый человек”, и только один из них

пишет стихи». Скорее всего, они пишут их попеременно, передавая перо друг другу. В случае Шульпякова «белый» человек (человек ясного понимания, трезвого видения, — аполлонический) всё чаще перенимал перо у «чёрного» (человека темноты), пока не завладел им окончательно. (Но кстати: очень похоже на то, что ни с одним из этих — химически чистых — персонажей автор не отождествляется; существенное условие его собственной поэтической речи — непринадлежность, внеположность точки наблюдения чему бы то ни было:

— а я ни с этим и ни с тем
по коридору между стен
среди пробелов и длиннот
туда, где чёрный выход, ход

Во всяком случае, «белый» человек — это человек прояснённый. Автор и его тоже наблюдает извне.)

В случае Шульпякова прояснённость не устраняет ни таинственности мира, ни принципиально неполной постижимости его для человека — она, скорее, подчёркивает их. Особенность Шульпякова-поэта — в том, что он, не теряя ни рациональности, ни отчётливости видения, сохраняет понимание таинственности мира, удерживает чувство этой таинственности. Он постоянно чувствует то, что стоит за наблюдаемыми декорациями повседневных обстоятельств, — не дерзая претендовать на понимание или хоть угадывание его природы. Ему, метафизику-апофатику, достаточно указать на это.

гуляет синий огонёк
в аллее дачного квартала —
не близок он и не далёк,
горит неярко, вполнекала
как маячок среди стропил
того, кто прошлой ночью эти
на землю сосны опустил
и звёзды по небу разметил —
стучит его больной мелок,
летит в небесное корыто;
он — это маленький глазок
за дверь, которая закрыта

Его рациональность знает свой шесток, за пределы которого не высовывается — потому что прекрасно чувствует то, неизмеримо её превосходящее, что простирается за этими пределами.

Борис Минаев

И вечная «оттепель»

Я шел на спектакль в «Современник», испытывая смешанные чувства: жгучее любопытство, с одной стороны, и некоторую грусть, с другой. Что там теперь, в этом родном здании на бульваре?

...Ну невозможно же, например, представить себе, что какой-нибудь известный писатель N вдруг умрет, а новые книги будут под его фамилией писать совсем другие люди?

Чем в этом смысле отличается театр? Понятно, что это дело коллективное, общее, национальное, так сказать, достояние, и это был вовсе не «Театр Галины Волчек на Чистых прудах», а театр «Современник», и все же, все же...

И все же есть в этом что-то неправильное, знаете, и вот я шел по заснеженному бульвару и думал. На мой взгляд, из всей знаменитой триады 1960-х: «Ленком — Современник — Таганка» — театр Волчек держался дольше всего. Если Таганка взорвалась и раскололась практически сразу после возвращения Любимова, если из «Ленкома» главные лица уходили медленно и мучительно, по одному, то здесь... Здесь удивительным образом те, кто выходил на сцену и в 1960-е, и в 1970-е годы, не просто оставались в строю — на них многое держалось. Я прекрасно помню в спектаклях 2000-х годов и Гафта, и Квашу, и Неёлову, и Ахеджакову, и многих других, и это были вовсе не тени прошлого, это были гиганты, дававшие странное ощущение связи времен, на них-то многие и ходили.

И дело не только в «зрительском успехе», да, в любые годы сюда было сложно попасть, и не только в количестве разнообразных премьер, и не в разнообразном — от восторга до язвительности — внимании критики. Я прекрасно понимал, что «Современник» двадцати последних лет (который мне, собственно, достался как бы «по наследству») — лишь послесловие к чему-то большему, к какой-то эпической истории, но и послесловие казалось мощным.

Из черного, как бы уходящего в темную пропасть зрительного зала, со сцены всегда исподволь — этой тайной прежних лет «Современника» — театра «вопреки всему», театра вечного протеста, театра внутреннего сопротивления. Сопротивления — и вопросов, сильно связанных с этим сопротивлением. Так было здесь всегда, хотя Борис Ельцин после отставки ходил практически на все премьеры, а Владимир Путин пришел на «Горе от ума» Римаса Туминаса и спросил, почему Чацкий все время плачет. Театр по-прежнему сохранял заряд того исторического «Современника». Эта трещина в человеке, который сопротивляется судьбе, этот надлом могучей воли, эта страсть — никуда не делись и в наши дни.

Словом, я ждал «трибьюта» (посвящения) тому, старому «Современнику», а увидел спектакль-концерт студентов Школы-студии МХАТ. Ждал страстных монологов «о времени и о себе», а получил плейлист классических песен советского радио: «Тополя, тополя, в город мой влюблённые, на пути деревца, деревца зелёные», «Не слышны в саду даже шорохи, всё здесь замерло до утра», «За рекой, за лесом солнышко садится, что-то мне, подружки, дома не сидится» и «А я иду, шагаю по Москве» — отсылают нас, конечно, скорее к Эдуарду Хилю, а не к Геннадию Шпаликову и не к Никите Михалкову. И таких песен не менее десятка, советское радио, официозная эстрада, Людмила Зыкина, Владимир Трошин, ансамбль «Орэра», Ольга Воронец... И звучало это «радио» 24 часа в сутки из всех радиоточек, от Бреста до Кушки и Владивостока, в любом колхозе, на любом рыболовецком траулере. И это всё?

Одна песня из репертуара «Битлз» и одна из репертуара сестер Бэрри положения как-то не спасают. Сюрприз грозил оказаться неприятным. И при чем же тут «Рифмы, меняющие мир»?

На сцене участники спектакля, несколько ребят в темных костюмах и белых рубашках, за их спинами большой экран, на котором очень приглушенно мелькают кадры того времени: люди идут по улице, едут в общественном транспорте, ждут друг друга у метро, — дежурные «перебивки» документального экрана тех советских лет, когда за кадром диктор говорит какие-то правильные слова. Москва шестидесятых, обычные улицы и обычные лица, но порой на экране возникают и знаковые моменты: великая встреча Гагарина, Хрущёв кулаком грозит мировому империализму и гнилой интеллигенции...

Ну и самое главное — в эту же «хронику» вставлены кадры раннего, молодого «Современника»: первое помещение на площади Маяковского, Кваша, Табаков, Ефремов, Евстигнеев на читке или худсовете.

Ребята — замечательные. Поют — отлично, раскладывая каждую мелодию на красивое многоголосие.

Но какой образ времени они пытаются создать, что пытаются сказать: это было время бесконечной советской романтики, наивной прекрасной веры в будущее, в то, что «мы живем в самой прекрасной стране мира», что она и есть — это будущее? Тогда при чем тут «Современник»? И при чем тут «оттепель»?

Листаю воспоминания Олега Табакова «Моя настоящая жизнь» и натываюсь на такие строки: «В “Матросской тишине” я играл две маленькие роли...

Я помню всеобщее ощущение беды, беспомощности, когда запретили этот спектакль. Состоялись две генеральные репетиции. Они не были общественными просмотрами, потому что публичное исполнение *этой* пьесы считалось невозможным. В зале были странные островки людей, близких театру, друзей. И две растерянные женщины — Соловьёва из горкома партии и Соколова из отдела культуры ЦК. Спектакль-то рождался талантливый. Евстигнеев играл Абрама Шварца замечательно. А они плакали и не знали, что делать со своими слезами. Ну нельзя им было допустить такое количество евреев на один квадратный метр сцены. Формулировку, которой можно было остановить этот крейсер “Аврора”, надвигавшийся на чиновников и готовый вот-вот дать залп, подсказал, как ни странно, один весьма знаменитый режиссер из Ленинграда. Мысль его была такова: пьеса так хороша, так совершенна, а ребята так молоды, так неопытны... Пройдет два-три года, они наберутся опыта, поднатворят и сыграют все то же самое наилучшим образом... Вот под этим “железком” и был закрыт спектакль. Были всякие разговоры, но все больше в пользу бедных».

С этого, напомним, начинался «Современник», это самые первые его шаги (тем знаменитым режиссером из Ленинграда, кстати, был Георгий Товстоногов).

«Ко времени постановки “Голого короля” в шестидесятом году “Современник” подошел к возможному закрытию театра». Дальше Табаков пишет о том, в чем могла быть причина этого закрытия: «Игорь Кваша очень смешно играл Первого министра. Зрители изнемогали от того, что близких, дорогих нашему сердцу и ненавистных нам идиотов-начальников так секут публично. Просто было ощущение, что с каждого начальника, который приходил на этот спектакль, снимались штаны — и розгами, розгами... И все это было звонко, и смешно, и попы у них краснели под ликование народа, глядевшего на эту “казнь”».

«Оттепель» театра «Современник» — это, мягко говоря, совсем не «Подмосковные вечера», не ласковый нежный романтический флер, не вера в то, что люди были цельные, хорошие, творили добро и верили в мечту.

Я совершенно не претендую на то, чтобы учить режиссеров спектакля, как им следует понимать конец 50-х и начало 60-х, эпоху, когда рождался «Современник»: возможно, что они правы и общее, разлитое в воздухе ощущение счастья, праздника, веры в будущее, — это и есть главный лейтмотив. Пусть так.

Но я точно знаю, что спектакли «Современника» были совсем про другое и что для артистов, режиссеров театра главным сюжетом была их бесконечная борьба — за свое понимание искусства, свободы, правды. Борьба с чиновниками, с глобальным «цензурным комитетом», который по-разному назывался и который постоянно стоял у них на пути.

...Бывает так, что ты идешь после спектакля и долго мучительно разговариваешь сам с собой. Пытаешься уловить смысл, который от тебя ускользнул. Вглядываешься в себя, в свое сегодняшнее настроение — почему оно не совпало с общим настроением зрительного зала? Анализируешь смыслы, оставшиеся для тебя скрытыми. Это тоже ценные моменты, и не стоит от них отмахиваться.

Во время исполнения одной из песен в спектакле двое молодых актеров выходят в зал, скользят глазами по рядам, выхватывают немолодых женщин, приглашают их танцевать. Сажу рядом с проходом, слышу разговор танцующих: мол, вы такие молодые, откуда у вас такая любовь к этим старым советским песням? — ответ: да, мы эти песни знаем и сами слушаем, сами поем.

На финальной песне ребята показывают, что надо включить фонарик на телефоне и, раскачиваясь, «зажигать» вместе с нами. Зал старательно качает фонариками. Опять красиво.

Но... Но, думаю я, у зрителей старого «Современника» эти самые «фонарики» были внутри, когда они вскакивали со своих мест, аплодировали и в них горел этот внутренний свет.

Опять другая культура.

Но я продолжаю разговор с самим собой и продолжаю разматывать скрытые смыслы. Этот спектакль, конечно, никакая не новинка. Первую «Оттепель» сыграли молодые актеры школы-студии МХАТ еще несколько лет назад, на мхатовской сцене. Там были немного другие песни и немного другие стихи. В московском губернском театре (то есть бывшем областном) идет сейчас спектакль «Кафе “Луч”» — тоже песни и стихи шестидесятников, имитация «оттепели», имитация тех поэтических кафе и сейшенов. Это — практически театральный жанр, родившийся после известного сериала.

И понятно ведь, почему он родился: хоть так, хоть слабым намеком, пусть даже утопленным в советской ностальгии, дать понять, что оттепель лучше заморозков, что весна сменяет политическую зиму, что надежда всегда есть.

Виктор Рыжаков, новый худрук «Современника», на прежнем своем месте работы — в театральном Центре имени Вс.Мейерхольда — открывал двери театру экспериментальному, радикальному, острому, чего стоит «Конармия» Бабея, пластическая и поэтическая фантазмагория режиссера Диденко, разыгранная брусникинцами, или поэтические перфомансы Андрея Родионова. Казалось, что тут, на Новослободской, в Центре Мейерхольда, возможно, буквально все, театр буквально взрывался от новаций, и так происходило год за годом.

И вот — «Подмосковные вечера».

И тут я понимаю, почему студенческий спектакль, показанный в «Современнике», такой. Почему здесь нет тех противоречий и углов эпохи, страстей и борьбы, из которых и состояла реальная «оттепель». Почему здесь нет ни сатиры, ни юмора. Ни Окуджавы, ни Галича, ни Кима. Почему здесь нет даже действительно знаковых песен, визитных карточек того времени: песен про целину, например, или песни Войновича про космос: «У нас ещё до старта четырнадцать минут». Почему из всего Высоцкого выбраны две не самые главные песни: «Я поля влюблённым постелю» из кинофильма «Стрелы Робин Гуда» и «Корабли постоят» с пластинки фирмы «Мелодия» (то есть разрешенный, «залитованный» Высоцкий). Почему, в конце концов, кадры рождения «Современника» погружены в такой контекст — сугубо романтический, ностальгически-возвышенный, почему эта ностальгия о каком-то другом, сказочном времени, о другой жизни (неважно даже, как она понимается, главное, что «другая») — здесь становится главной нотой. Здесь, в этом спектакле.

Охотно верю, что ребята сами находили, выбирали эти песни, сами их изучали, находили ключ к исполнению — это их выбор, это их представление о советской жизни.

Но важно другое: в чем основная идея Рыжакова. А она состоит в том, что это — окончательное прощание со старым «Современником». И не просто с «Современником», а со всеми комплексами старого шестидесятничества. Со всеми этими зудящими целыми десятилетиями вопросами: можно или нельзя было вступать в партию? хороший или плохой Хрущёв (Горбачёв, Ельцин)? нужно ли было стоять у Белого дома в 1991-м? Сахаров или Солженицын? Бродский или Евтушенко? почему победили большевики и избавится ли когда-нибудь наш бедный народ от вечного страха перед начальством?.. Ну сколько, сколько же можно, невозможно же бесконечно множить эти сущности, отвечать на эти вопросы, вгрызаться в эти фамилии...

Художественный руководитель нового «Современника» предлагает обратиться к главному уроку «оттепели»: его делали совсем молодые люди, по сегодняшним меркам — дети практически. Именно поэтому они разорвали пуповину, которая связывала их с тогдашней культурой, тогдашним театром. Будучи благодарны своим учителям, они сделали нечто невообразимое. Невозможное.

Именно такое поколение нужно выпустить на сцену и сейчас — и дать им возможность сделать что-то совсем другое.

Именно поэтому мы погружаем «Оттепель» театра «Современник» — в такой абстрактный, нейтральный, абсолютно приглушенный флер времени. Это венки, ленточки на могиле, простите уж мне эти слова. Прежде чем создавать новый театр, нужно создать музей старого. Бережно создать, нежно создать. Всех вспомнить, всех отметить. Но. Той «оттепели» больше нет, невозможно о ней дальше спорить,

невозможно ею дальше жить. Невозможно поднимать старые темы и отвечать на старые вопросы. Нужно идти дальше.

Ну, что ж...

Я с удовольствием принимаю эту версию. Да, может быть, и так. Возможно, единственное спасение сегодняшней культуры, да и в целом окружающей нас реальности — эти ребята, которые ничего не знают и помнят только то, что была когда-то «какая-то другая жизнь». Пусть начнут с чистого листа. Пусть сделают первый шаг. Пусть пойдут.

Вот только куда?

Bolot SHIRIBAZAROV. Precious

Everybody in this novel is dreaming of happiness but everybody has his own idea of it. Alexei is a half-blood, neither Russian nor Buryat, alien everywhere, cared by nobody, in search of his way he comes to a datsan where not only Buddhist practices but also the working life of the obedient and their complicated relations with the mentors open to him. A strange boy Sayan tells him about the Land of Happiness with the Lake in its very heart that gives immortality. He got it known from the only person who came back from that Land. It was not an ordinary man, it was he whom the gods named Precious.

Poetry

Family sagas, family relationships – these are exciting and popular topics of both prose and poetry.

Katya KAPOVICH is meditating on the woman's importance in the family. Alexei KOMAREVTSEV from St. Petersburg is dipping into the subject of the family everyday life. Grigorij KNYAZEV'S query is — his ancestors, “the poem of his family”. For Nataliya ELIZAROVA Russia in the whole is her family and her sweet home.

Dan DALTMAN. Fighting Again Now in America

“As if the country has gone crazy and for the amusement of all authoritarian regimes of the world is beating itself up, fighting with the monuments, covering its history with spittle, announcing that it is infected with the structural and institutional racism” — thus is the observation of the author, journalist and political commentator living in the USA, over some tendencies in today's social life of the country.

Evgenij ABDULLAEV. One-and-a-Half-Winged Bird

“First we were surprised that somebody still buys the books of modern poetry. Then — that the bookshops still take them for sale. Now only one astonishment is left: that poetical collections are still being published. And quite a lot of them”. For his annual review the author has chosen nine collections issued in 2021 and convincingly proves to unbelievers that poetry is alive and thus alive is the hope that the books will find their readers and the bird Poetry by name will soar.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно купить на <http://дружбанародов.com>

Журнал продается в московских магазинах:

«Фаланстер» (Москва, ул. Тверская, 17, вход с Малого Гнездниковского переуллка)

«Бункер» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

Также журнал можно приобрести через интернет-магазин Лабиринт.ру в любом городе страны.

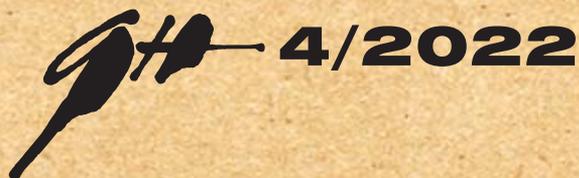
Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ,
СВЯЗИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

Читайте:

**Александр Васькин.
«Возможно, мне дадут Госпремию»:
Советские писатели в очереди за наградами**

«Абрамов в письме к одному из адресатов назвал премиальную компанию "омерзительной", написав: "Надежд на получение премии у меня мало (увы, ее далеко не всегда дают за литературу)". Предчувствие не обмануло. Десятого ноября 1969 года он отметил: "Премии не дали. Это надо было ожидать. Макогоненко по этому поводу прочитал мне целую лекцию. С чего дадут очернителю, автору «Нового мира»? Да ведь это — признать правильность линии журнала, оправдать его. А кроме того, не забывай: премии — это бизнес... Я сказал Макогоненко: дескать, речь не обо мне. А вот почему старику Ч. не дали? Почему его обошли? Да и разве дело это — не заметить русской литературы за год? Макогоненко засмеялся и посоветовал родиться чукчей или киргизом. Только не русским...»